XXV.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

(1882 — 1907 г.г.)

Историческая записка,

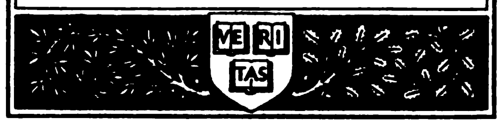
составленная, по порученію Совѣта Общества,

ПРОФЕССОРОМЪ

А. А. Дмитріевскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1907.

VE
RI
TAS

ИМПЕРАТОРСКОЕ
ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО

и его дѣятельность за истекшую четверть вѣка

(1882—1907).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА,

составленная по порученію Совѣта Общества

профессоромъ

А. А. Дмитріевскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1907.

ИМПЕРАТОРСКОЕ

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ

ОБЩЕСТВО

и его дѣятельность за истекшую четверть вѣка.

Выпускъ I.

Русскія учрежденія въ Св. Землѣ до 1889 г.

Оглавленіе.

Предлагаемая вниманію читателей историческая записка обнимаетъ сравнительно небольшой періодъ времени въ жизни Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества—всего четверть вѣка со дня открытія его дѣйствій (1882 — 1907 гг.). Разсматриваемый періодъ слѣдуетъ однакоже признать весьма важнымъ для всей послѣдующей исторіи Общества. За это время оно уже получило свою прочную организацію, завоевало себѣ въ ряду однородныхъ съ нимъ иностранныхъ Обществъ почетное мѣсто и привлекло къ себѣ симпатіи и довѣріе среди лицъ, имѣющихъ къ нему такое или иное отношеніе.

Начальная исторія Общества полна живого и, можно сказать, захватывающаго интереса по тѣмъ сложнымъ перипетіямъ, какія Общество переживало съ перваго момента своего возникновенія, когда, сейчасъ же послѣ оффиціальнаго признанія, ему пришлось горячо и съ большимъ напряженіемъ моральныхъ и матеріальныхъ силъ отстаивать даже самое право на существованіе. Не теряетъ интереса

исторія Общества и потомъ, когда намѣченныя имъ задачи оно энергично рѣшилось проводить въ жизнь, имѣя въ виду славу святой православной Церкви, честь дорогой родины, благо и пользу русскаго православнаго народа.

Едва ли и слѣдуетъ говорить здѣсь, что разсматриваемый нами періодъ жизни Общества, незначительный по объему, весьма близокъ и къ нашему времени. Составителю записки, поэтому, весьма трудно сохранить объективность и полное безпристрастіе, необходимыя для всякаго историческаго труда, такъ какъ иниціаторы, создатели, первые руководители и главные дѣятели Общества или только что отошли въ вѣчность, и бренные останки этихъ незабвенныхъ тружениковъ едва прикрыты землею, насыпанной дружественными благодарными руками, или еще благополучно здравствуютъ и живутъ среди насъ. При такихъ обстоятельствахъ, правдивый судъ историка—дѣло отдаленнаго будущаго, и наклоненіе симпатій составителя настоящей записки въ сторону того или другого изъ дѣятелей Общества естественно, вполнѣ понятно и, надѣемся, извинительно. Но все это ни мало не мѣшаетъ и нынѣ здравствующимъ дѣятелямъ Общества имѣть историческую записку за истекшую первую четверть вѣка его существованія. Со стороны этихъ дѣятелей, какъ самовидцевъ и живыхъ непосредственныхъ свидѣтелей неустанной и энергичной работы приснопамят-

ныхъ для Общества дѣятелей, закончившихъ уже свой жизненный путь, вполнѣ естественно выразить благоговѣйную дань признательности и глубокаго уваженія къ ихъ трудамъ и въ изложенномъ, хотя бы и въ общихъ чертахъ обзорѣ ихъ дѣятельности за прошлую четверть вѣка, почерпнуть для себя ободрительные, утѣшительно-назидательные и даже руководящіе уроки въ будущемъ.

Помянуть дни древніе Общества и поучиться въ нихъ — полезно нынѣшнимъ дѣятелямъ и потому, что изъ этого обзора ясно можно будетъ видѣть горячую вѣру дѣятелей перваго часа въ величіе и святость принятой на себя Обществомъ задачи, естественныя колебанія, нерѣшительность и даже невѣрные шаги на пути ихъ благихъ порывовъ и идеальныхъ стремленій, а вмѣстѣ съ этимъ и ихъ увлеченія, погрѣшности и односторонность въ дѣятельности, съ одной стороны, и съ другой—жизнеспособность и продуктивность Общества при самыхъ, повидимому, даже неблагопріятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствахъ.

Помянуть дни древніе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества весьма назидательно и для всякаго православнаго русскаго человѣка, горячо любящаго свою родину и искренно дорожащаго интересами православной Церкви. Въ протекшей жизни Общества можно находить до глубины души трогательные и умилительно-чарующіе

примѣры того, какъ у драгоцѣннаго тридневнаго ложа Жизнодавца Христа встрѣчаются и объединяются въ чувствахъ глубокой вѣры и горячей любви православные русскіе люди отъ Царя до послѣдняго вѣрноподаннаго. Вѣнценосные благочестивые Монархи русскіе, члены Императорской фамиліи, славные іерархи русской Церкви, вѣрные слуги престола царскаго—князья и бояре, родовитые дворяне, духовенство, именитое купечество, граждане и земледѣльцы—всѣ они одушевляются однимъ желаніемъ почтить усердіемъ своимъ св. Гробъ и послужить къ его благолѣпію и благоукрашенію. Съ полною готовностью и удивительнымъ единодушіемъ всѣ эти лица стремятся оказать матеріальную помощь тѣмъ избранникамъ—соотечественникамъ, на долю которыхъ выпадаетъ величайшее счастье лицезрѣть св. Гробъ и прославленныя святыя мѣста Палестины, а равно и туземцамъ—христіанамъ съ цѣлью поддержанія православія среди нихъ, жертвуя на это богоугодное святое дѣло одни сотни и десятки тысячъ рублей, а другіе послѣднюю трудовую копѣйку.

Слѣдовательно, историческая записка о дѣятельности Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за истекшія 25 лѣтъ составитъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи святой православной Руси и ея мирнаго крестоноснаго шествія ко Гробу Господню.

Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія и даже не безъ восхищенія мы можемъ засвидѣтельствовать.

что дѣло, которому призвано служить Императорское Православное Палестинское Общество съ самыхъ первыхъ дней своей гуманной дѣятельности встрѣтило полное и горячее сочувствіе незабвеннаго въ лѣтописи русской исторіи Монарха-Освободителя Александра II. Поручая завѣдываніе дѣлами Палестинскаго Комитета, создателя многихъ и по нынѣ существующихъ въ Іерусалимѣ сооруженій, переданныхъ по наслѣдству Обществу, великодушный Монархъ изволилъ произнести его первому предсѣдателю статсъ-секретарю князю Оболенскому слѣдующія знаменательныя слова: „C'est une question de coeur pour Moi."—**Это для Меня вопросъ сердца**. И этимъ сердечнымъ словамъ великодушный Монархъ-Освободитель оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни въ своихъ отношеніяхъ къ Св. Землѣ и ко всему, что такъ или иначе связано съ нею, и завѣщалъ ихъ своимъ вѣнценоснымъ преемникамъ—Царю-Миротворцу Александру III и нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю II, въ царственныхъ тяжелыхъ трудахъ ни на минуту не забывающихъ и о Св. Землѣ.

Императорская фамилія дала изъ среды своей весьма многихъ паломниковъ ко Гробу Господню: великихъ князей Константина и Николая Николаевичей, Константина Константиновича, Сергія и Павла Александровичей, Александра Михаиловича, великихъ княгинь Але-

ксандру Іосифовну и Августѣйшаго Предсѣдателя Общества Елисавету Ѳеодоровну.

Вѣнценосная супруга Императора Александра II, приснопамятная царственная Бабка нашего обожаемаго Государя, сама лично хотя и не удостоилась быть паломницею ко Св. Гробу, но, нося имя одной изъ первыхъ его поклонницъ Маріи Магдалины, всю жизнь свою мысленно тяготѣла къ нему, и считалась по всей справедливости „Благодѣтельницею“ и первою мощною покровительницею Св. Земли, и сдѣлала для поддержанія православія въ ней такъ много, что по всей справедливости заслужила себѣ до скончанія вѣка молитвенную память жителей Палестины и Сиріи въ чудномъ Геѳсиманскомъ храмѣ на склонѣ Елеона, созданномъ на иждивеніе Ея Августѣйшихъ Дѣтей. Свои царственныя попеченія о Св. Землѣ Она какъ бы съ рукъ на руки передала своему возлюбленному царственному Сыну, приснопамятному и незабвенному основателю и первому Предсѣдателю нашего Общества, Его Императорскому Высочеству великому князю Сергію Александровичу, а вмѣстѣ съ нимъ и Его вѣрной спутницѣ въ жизни и къ Живоносному Гробу, Августѣйшему Предсѣдателю великой княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ, всегда горячо „сочувствовавшей цѣлямъ Общества“ и „близко къ сердцу“ принимавшей его интересы.

Православное Палестинское Общество съ указанными гуманными цѣлями явленіе не новое въ жизни

русскаго народа. Оно имѣло у себя предшественниковъ: русскую православную Духовную Миссію, Палестинскій Комитетъ и Палестинскую Коммиссію. Эти предшественники выступали въ Палестинѣ почти съ однородными задачами, преслѣдовали одинаковыя цѣли и даже пользовались одними и тѣми же матеріальными средствами. Палестинское Общество создалось, организовалось и начало свою дѣятельность подъ прямымъ вліяніемъ одного изъ нихъ—Палестинской Коммиссіи, жило и дѣйствовало нѣсколько лѣтъ рядомъ съ послѣднею, пока не взяло все русское дѣло въ Св. Землѣ въ свои окрѣпшія руки. Поэтому мы едва ли были бы справедливы, если бы въ своей запискѣ умолчали и объ этихъ предшественникахъ, оставившихъ въ наслѣдство Палестинскому Обществу къ тому же и довольно цѣнное имущественное достояніе.

При составленіи настоящей записки мы пользовались архивами бывшей Палестинской Коммиссіи и Палестинскаго Общества, а также личною перепискою В. Н. Хитрово съ архимандритами Антониномъ Капустинымъ и Леонидомъ Кавелинымъ, съ генеральнымъ консуломъ въ Бейрутѣ К. Д. Петковичемъ, графомъ Е. В. Путятинымъ, графинею О. Е. Путятиной, М. П. Степановымъ, Д. Д. Смышляевымъ, С. Д. Лермонтовымъ и др. Такъ какъ архивы Коммиссіи и Общества доселѣ еще не описаны, то въ цитаціи документовъ мы или не дѣлаемъ никакихъ

ссылокъ, или же ограничиваемся точнымъ указаніемъ датъ документа или письма въ самомъ текстѣ. Годичные отчеты Общества и докладная записка В. Н. Хитрово: „Православіе въ Св. Землѣ"—1889 г., предназначавшаяся для Наслѣдника Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя Императора) — единственныя почти печатныя пособія, которыя были у насъ подъ руками.

8 Мая 1907 г.
С.-Петербургъ.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица Александра Θеодоровна.

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица Марія Θеодоровна.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ Александръ III.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ Александръ II.

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица Марія Александровна.

Его Императорское Высочество
Великій Князь Сергій Александровичъ
Основатель и первый Предсѣдатель Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.
1882—1905 г.

Ея Императорское Высочество
Великая Княгиня Елизавета Өеодоровна

Предсѣдатель Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Его Императорское Высочество
Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Ея Императорское Высочество
Великая Княгиня Александра Іосифовна.

Его Императорское Высочество
Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Его Императорское Высочество
Великій Князь Павелъ Александровичъ.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Его Императорское Высочество
Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Его Императорское Высочество
Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ

Его Высочество
Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

Глава I.

Русскія учрежденія въ Палестинѣ для поддержанія православія и улучшенія быта русскихъ паломниковъ до 1889 года.

Паломничество въ Св. Землю православныхъ русскихъ людей началось съ принятія христіанства. Тяжелый подвигъ этотъ, являвшійся удѣломъ нѣкоторыхъ избранниковъ русскаго народа, какъ плодъ ихъ личной инициативы и высокой религіозной настроенности, всею своею тяжестью ложился на плечи паломника. И на пути въ Св. Землю и на мѣстѣ въ св. градѣ Іерусалимѣ русскій паломникъ былъ предоставленъ самому себѣ и отъ его природной изворотливости и находчивости зависѣло создать для себя болѣе или менѣе благопріятную обстановку. Греческое православное духовенство, іерусалимская патріархія—главные обладатели и всегдашніе распорядители у драгоцѣнной для христіанина святыни — Святогробскаго храма — и являлись единственными попечителями и опекунами русскаго паломника, и брали на себя какъ-бы изъ состраданія и по чувству христіанскаго братолюбія заботу о матеріальныхъ и духовныхъ потребностяхъ его въ далекой невѣдомой ему странѣ, среди чуждыхъ ему людей. Русское правительство, духовныя высшія власти, а тѣмъ болѣе русскій народъ мало интересовались бытомъ нашего паломника на Святыхъ мѣстахъ. Что же касается поддер-

1

жанія православія среди туземцевъ и заботъ о святыняхъ православнаго Востока, ихъ благоукрашеніи и неприкосновенности со стороны невѣрныхъ агарянъ, то и русскій народъ и русское правительство признавали для себя единственно возможнымъ одинъ способъ — передачу милостыни денежной или матеріальной — иконами и богослужебными принадлежностями, или черезъ пріѣзжихъ съ Востока и въ частности Іерусалима посланниковъ — архимандритовъ и игуменовъ, или же черезъ наши спеціальныя посольства на Востокъ.

Но такъ дѣло обстояло лишь до конца первой половины истекшаго XIX вѣка. Усиленіе пропагандъ католической и протестантской въ Іерусалимѣ неожиданно пробуждаетъ живой интересъ къ Св. Землѣ и состоянію православія на Востокѣ у нашего правительства. „Бѣдствія христіанской церкви (на Востокѣ), писалъ нашъ вице-канцлеръ графъ К. В. Нессельроде въ іюнѣ мѣсяцѣ 1842 года во всеподданнѣйшемъ докладѣ, зависятъ не отъ одного лишь мусульманскаго владычества, они также имѣютъ причиною: 1) стремленіе католиковъ и протестантскихъ миссіонеровъ къ распространенію своихъ вѣроисповѣданій; 2) недостаточность нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ греческаго духовенства для предупрежденія пагубнаго ихъ прозелетизма“. „Наше правительство признавало полезнымъ“ для блага православной церкви въ это время „присутствіе въ Іерусалимѣ благонадежной образованной особы изъ россійскаго духовенства“ — „іеромонаха или архимандрита, но никакъ не выше этого сана“, но, по „разнымъ политическимъ соображеніямъ“, находило болѣе цѣлесообразнымъ отправить „эту образованную особу изъ россійскаго духовен-

ства“, въ видѣ „испытательной мѣры“, однако же, „не гласно“, лишь въ „качествѣ поклонника“. Весьма счастливо выборъ нашего правительства остановился на приснопамятномъ нашемъ востоковѣдѣ архимандритѣ Порфиріѣ Успенскомъ. 26 апрѣля 1843 г. онъ и очутился въ роли невольнаго „поклонника“ Св. Гроба и особы „благонадежной и образованной изъ россійскаго духовенства“, получивъ на свое путешествіе въ Іерусалимъ 1,500 р. „изъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ, *ассигнуемыхъ на азіятскія дѣла*“ [1]). Хотя арх. Порфирію прямо въ задачу не ставилась забота о нашихъ паломникахъ и объ улучшеніи ихъ быта въ Іерусалимѣ, а все его вниманіе направлялось на то, чтобы „сообразить на мѣстѣ, какія всего удобнѣе было бы принять мѣры *къ поддержанію православія*“, которое, къ слову сказать, понималось тогда нашимъ правительствомъ узко и односторонне лишь „въ поддержаніи *греческой церкви*“, но, какъ образованный и наблюдательный пастырь, онъ не могъ не обратить вниманія и на печальное положеніе нашихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ. Въ своихъ обстоятельныхъ отчетахъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ высказалъ не мало горячихъ и вѣскихъ замѣчаній въ защиту ихъ, настойчиво рекомендуя нашему правительству, въ интересахъ нашихъ паломниковъ, учредить въ Іерусалимѣ *русскую духовную миссію*. Мысль эта была принята весьма сочувственно въ Петербургѣ. 11 февраля 1847 года государственный канцлеръ повергнулъ на благовоззрѣніе Государя Императора Николая Павловича записку объ учрежденіи россійской духовной миссіи, которая и была вполнѣ одобрена Государемъ. На должность *перваго*

[1]) Книга бытія моего, т. I, стр. 128. Спб. 1894 г.

начальника миссіи въ Іерусалимѣ весьма естественно избрали иниціатора ея арх. Порфирія, который получилъ это назначеніе 31 іюля 1847 г.

Начальнику миссіи хотя и вмѣнялось инструкціею въ обязанность—и показать передъ греками „образецъ нашего благолѣпнаго служенія", и „даже мало-помалу преобразовать греческое духовенство, возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ", и „привлечь къ православію и утвердить въ ономъ тѣ мѣстные элементы, которые постоянно колеблются въ своей вѣрѣ подъ вліяніемъ агентовъ разныхъ исповѣданій", но самъ онъ, къ глубокому сожалѣнію, ставился въ Іерусалимѣ снова въ положеніе скромнаго „поклонника" Св. Гроба. Для выполненія поставленныхъ ему правительствомъ серьезныхъ задачъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ себя и своей свиты, по оффиціальной терминологіи, тоже „поклонниковъ", арх. Порфирій получалъ всего на всего по *семи тысячъ* рублей въ годъ и единовременно на обзаведеніе и путешествіе въ Іерусалимъ 4,578 р. 35 к.

Сохранить *инкогнито* нашей первой миссіи, конечно, не удалось, и она была принята въ Іерусалимѣ весьма торжественно. На нашего перваго начальника миссіи стали смотрѣть тамъ правильно, какъ на „дипломатическаго агента россійской державы". Для жительства нашей миссіи патріархія отвела Архангельскій монастырь, временно передавъ его въ завѣдываніе начальнику ея. Ученый и достаточно уже хорошо знакомый съ Востокомъ начальникъ миссіи, вполнѣ понимая, что выполнить трудную задачу, рекомендованную ему въ Петербургѣ,—„преобразовать греческое духовенство" не только ему не по силамъ, но и положительно для него невозможно, рѣшился съ гре-

ческимъ духовенствомъ ладить, смотря на многіе некрасивые его пороки сквозь пальцы, а весь свой досугъ, все свободное время посвятить ученымъ кабинетнымъ занятіямъ, привлекши къ этому и всѣхъ членовъ первой миссіи, смотря по талантамъ ихъ и склонностямъ. Въ этомъ отношеніи успѣхъ первой нашей миссіи внѣ всякаго сомнѣнія. На сколько позволяли наличныя силы миссіи и денежныя средства, арх. Порфирій Успенскій въ Архангельскомъ монастырѣ старался совершать торжественныя богослуженія, на которыя собирались не только русскіе богомольцы, но даже и туземцы. По отношенію къ послѣднимъ, дѣйствуя въ духѣ полученной имъ инструкціи, архимандритъ Порфирій горячо отдался мысли возродить этотъ нравственно приниженный господствующимъ греческимъ духовенствомъ народъ. Съ этой цѣлью въ греческую богословскую школу, открытую патріархіею по его настоянію, были опредѣлены имъ 12 молодыхъ туземцевъ для приготовленія изъ нихъ образованныхъ сельскихъ пастырей; въ школѣ этой катихизисъ и арабская словесность преподавались на арабскомъ языкѣ нарочито приглашеннымъ изъ Бейрута арабомъ о. Спиридоніемъ; въ приходскихъ школахъ Іерусалима назначены были учителя изъ арабовъ для обученія дѣтей чтенію и письму арабскому; внѣ Іерусалима открыты имъ подобныя же школы въ Лиддѣ, Рамлэ и Яффѣ и школа для дѣвочекъ-арабокъ въ самомъ Іерусалимѣ; въ заведенной патріархіею типографіи въ Никольскомъ монастырѣ, по его настоянію, начали печатать книги на арабскомъ языкѣ (Катихизисъ и Апостолъ) и т. д.

Въ инструкцію архимандрита Порфирія, какъ мы сказали, не былъ включенъ параграфъ, прямо трак-

тующій о необходимости начальнику миссіи обратить вниманіе на улучшеніе быта нашихъ паломниковъ, но арх. Порфирій, по собственному почину, изъ человѣколюбія и врожденной гуманности, не остался безучастнымъ и равнодушнымъ и въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что тяжелыя условія быта русскаго паломника въ Іерусалимѣ приковывали его вниманіе даже и въ первую еще его поѣздку сюда. Съ цѣлью подчинить нашихъ паломниковъ бдительному надзору миссіи и уничтожить въ средѣ ихъ нѣкоторые постыдные пороки, арх. Порфирій переселилъ русскихъ паломницъ изъ Екатерининскаго монастыря въ Ѳеодоровскій, а паломниковъ помѣстилъ у себя въ Архангельскомъ монастырѣ, возбудилъ предъ нашимъ правительствомъ вопросъ объ открытіи русской больницы, взамѣнъ тѣсной греческой, и о назначеніи при ней русскаго врача и духовника іеромонаха изъ русскихъ, доказывалъ необходимость учрежденія *самостоятельнаго* консульства въ Іерусалимѣ, отдѣльно отъ генеральнаго бейрутскаго консульства, которому былъ подчиненъ и Іерусалимъ, чтобы въ его лицѣ наши паломники имѣли близкаго сильнаго защитника ихъ интересовъ, побуждалъ патріархію устроить для русской духовной миссіи болѣе удобный домъ въ саду патріархіи и т. д.

Уничтоженіе соблазнительнаго для русскихъ богомольцевъ харема Абдаллы на кровлѣ храма Гроба Господня, починка купола надъ Гробомъ Господнимъ, энергичныя противодѣйствія пропагандѣ католической съ Валергою, извѣстнымъ латинскимъ патріархомъ и дѣятелемъ въ Сиріи и Палестинѣ, во главѣ, дружественныя связи съ армянскою патріархіею и коптскимъ патріархомъ, покровительство абиссинцамъ

и сиро-яковитамъ—все это прямые результаты дѣятельности нашей первой „негласной“ миссіи подъ начальствомъ архимандрита Порфирія Успенскаго.

Наконецъ, самая мысль объ образованіи частнаго общества для поддержанія православія и улучшенія быта нашихъ паломниковъ на Ближнемъ Востокѣ, предносившаяся сравнительно уже давно сознанію просвѣщенныхъ людей въ нашемъ отечествѣ, лично на опытѣ узнавшихъ всѣ неприглядныя стороны того и другого, какъ напр. А. Н. Муравьева и А. С. Норова, вылилась у архимандрита Порфирія въ живой бесѣдѣ и подъ его сильнымъ перомъ потомъ въ пресловутой „Книгѣ бытія моего“ въ опредѣленныя формы и почти въ томъ самомъ объемѣ, какой ей предначертанъ былъ нѣсколько позднѣе Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ.

Крымская война прервала плодотворную и весьма разностороннюю дѣятельность нашей первой миссіи [1]). Ея начальникъ арх. Порфирій съ членами миссіи былъ отозванъ въ Россію. По окончаніи этой неудачной для насъ кампаніи, рѣшено было немедленно же снарядить *вторую* духовную миссію, но начальникомъ ея былъ назначенъ 16 августа 1857 года уже не архимандритъ Порфирій, а молодой инспекторъ петербургской духовной Академіи, докторъ богословія Кириллъ Наумовъ, съ возведеніемъ въ санъ епископа мелитопольскаго. Въ докладѣ Государю Императору по этому

---

[1]) Подробное изложеніе дѣятельности арх. Порфирія въ Палестинѣ см. въ нашемъ очеркѣ подъ заглавіемъ: „Епископъ Порфирій Успенскій, какъ иниціаторъ и организаторъ первой русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, и его заслуги на пользу православія и въ дѣлѣ изученія христіанскаго Востока“ (По поводу столѣтія со дня его рожденія). Спб. 1906 г. Издан. Имп. Прав. Палест. Общества.

поводу даются весьма подробныя и крайне любопытныя объясненія этого назначенія. „Роль смиренныхъ наблюдателей нынѣ уже не возможна для нашей миссіи, говорится въ всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору по дѣлу объ учрежденіи второй духовной миссіи. Намъ необходима *представительность* на Востокѣ, разумѣется, не политическая, а церковная, въ которой намъ не могутъ отказать ни турки, ни франки, имѣющіе своихъ патріарховъ и епископовъ въ Святомъ Градѣ. Пока наше вліяніе было сильно, мы еще могли *таить* его (sic), чтобы не возбудить зависти, а теперь, когда оно ослабѣло на Востокѣ, мы, напротивъ того, должны стараться хотя наружно выказать его, чтобы не упасть во мнѣніи православнаго населенія, которое еще вѣритъ намъ по старой памяти. Министерство находитъ необходимымъ поставить во главѣ іерусалимской миссіи *епископа* вмѣсто архимандрита. Это, по мнѣнію министерства, произвело бы сильное благодѣтельное впечатлѣніе не только въ Іерусалимѣ, но и въ Царьградѣ, потому что тамъ еще никогда не видали архіерея русскаго, ни великолѣпныхъ обрядовъ нашего богослуженія".

Опредѣляя цѣль второй нашей іерусалимской миссіи, министерство иностранныхъ дѣлъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на поддержаніи православія среди туземцевъ. „Доселѣ мы, говорится въ цитированномъ уже нами всеподданнѣйшемъ докладѣ, смотрѣли на церковь въ Сиріи и Палестинѣ черезъ призму греческую, потому что вся ея высшая іерархія состоитъ изъ грековъ, хотя весь народный элементъ есть чисто арабскій въ двухъ патріархатахъ: іерусалимскомъ и антіохійскомъ, и даже отчасти въ александрійскомъ, ибо внѣ обителей и главныхъ го-

родовъ богослуженіе совершается тамъ только на языкѣ арабскомъ. Греки, подобно тому, какъ между славянами Турціи, не терпимы здѣсь не только народомъ, но и священниками, а между тѣмъ, вся наша милостыня сыплется большею частію на іерархію греческую. Наша цѣль, наше стремленіе должны состоять въ примиреніи враждующихъ племенъ Востока, ибо русскихъ здѣсь равно любятъ и грекъ и арабъ, ему единовѣрный, не говоря уже о славянахъ, и даже иновѣрные латины и армяне, копты, сирійцы и халдеи охотно сближаются съ нами, чуждаясь грековъ, какъ закоснѣлыхъ своихъ враговъ. Это уже само собою должно указывать намъ, на что преимущественно слѣдуетъ обращать вниманіе наше на Востокѣ, именно: *мы должны примирять враждующихъ и поддерживать арабовъ*, чтобы ихъ не завлекли въ унію *благодѣянія латиновъ*"... „Учрежденіе при нашей духовной миссіи больницы и безвозмездная раздача врачебныхъ пособій — необходимы", но „во всякомъ случаѣ, едва ли не полезнѣе будетъ поручить этотъ предметъ нашей духовной миссіи, по прибытіи ея въ Іерусалимъ" [1]).

Цѣли и задачи нашей миссіи были весьма подробно изложены въ 16 пунктахъ спеціальной инструкціи, выработанной министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и Св. Синодомъ для руководства начальнику миссіи. „Главное вниманіе миссіи" обращалось и здѣсь на „убогое духовенство арабское". „Весьма малыми пособіями можно многое сдѣлать, говорится въ 4 пунктѣ этой инструкціи, ибо церкви арабскія по-

---

[1]) Архивъ Св. Синода по канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1857 г. № 373.

мѣщаются въ хижинахъ и почти не имѣютъ утвари. Немного болѣе благолѣпія привязало бы и самихъ арабовъ къ своему богослуженію, особенно нынѣ, когда мы дали возможность образованія священниковъ арабскихъ въ Россіи. Еслибы изъ шести епископовъ титулярныхъ, проживающихъ въ Іерусалимѣ, хотя бы *одинъ избирался изъ арабовъ*, и можно было бы склонить къ тому патріарха, то уже это было бы важнымъ шагомъ къ возстановленію достоинствъ сего племени и обновленія въ немъ православія". Въ инструкціи совѣтуется начальнику миссіи „усовершенствовать училища греческое и арабское въ Іерусалимѣ", „устроить арабскую типографію", „печатать богослужебныя и догматическія книги", „распространять свои дѣйствія" на патріархатъ антіохійскій возстановленіемъ школъ, „находящихся въ совершенномъ упадкѣ", раздачею книгъ и милостыни, наблюденіемъ „за дѣйствіями греческаго патріарха, не всегда благопріятнаго арабамъ", для чего рекомендуются ему поѣздки „въ Дамаскъ, Горнюю Хасбею и на поморье Сидонское", поддержаніе школъ и богадѣленъ „денежными пособіями" въ александрійскомъ патріархатѣ, забота даже о мнимомъ „возстановленіи (sic) Синайской обители и о заведеніи тамъ совершенно ненужнаго училища для образованія „такъ называемыхъ рабовъ монастырскихъ", или кочующихъ бедуиновъ. По той же инструкціи, начальникъ миссіи поддерживаетъ „дружественныя сношенія" съ греческимъ духовенствомъ въ Іерусалимѣ, „самыя лучшія отношенія" съ иновѣрными духовными властями, „хорошія отношенія" съ патріархомъ армянскимъ и устанавливаетъ сношенія съ яковитами и халдеями въ Сиріи и коптами въ Египтѣ. Вотъ какъ много возло-

жено на начальника миссіи заботъ посторонних, а поэтому, естественно, у него не могло быть достаточно времени на другія болѣе близкія ему обязанности. О нашихъ паломникахъ въ инструкціи замѣчено лишь, что „наблюденіе *нравственное* за поклонниками должно преимущественно лежать на начальникѣ миссіи, чтобы онъ не возбуждалъ соблазновъ своимъ поведеніемъ". Если упомянуть еще о проектируемой русской больницѣ—богадѣльнѣ въ Крестномъ монастырѣ, „гдѣ чистый воздухъ будетъ помогать лѣкарствамъ", о больницѣ, которая, при существованіи „человѣколюбивыхъ заведеній латинскихъ", поручалась „особой заботливости начальника миссіи", впрочемъ, не безъ намѣреній показать, что „и съ нашей стороны было сдѣлано что-либо подобное", то мы исчерпаемъ всѣ попечительныя заботы нашего правительства, направляемыя въ эту сторону дѣятельности второй миссіи. На всѣ эти грандіозныя и трудно исчислимыя задачи ассигновано было второй миссіи, однако же, всего на всего лишь 14,650 р. въ годъ содержанія [1]).

По пріѣздѣ въ Іерусалимъ, епископъ Кириллъ весьма энергично принялся за выполненіе задачъ, возложенныхъ на него, и сразу же убѣдился, что ему не легко выполнить даже и одну треть ихъ. „На первый разъ, писалъ онъ въ 1858 году въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ своемъ отчетѣ, что можно было сдѣлать—сдѣлали, пригрозивъ грекамъ временнымъ присутствіемъ князя Оболенскаго и генерала Исакова, какъ свидѣтелей *всѣхъ неудобствъ для нашихъ* паломниковъ, я успѣлъ, наконецъ, убѣдить патріарха *не мѣшать мнѣ устроить* больницу хотя маленькую... Мы рас-

[1]) Тамъ же.

порядились устройствомъ рамъ въ окнахъ, купили необходимыя вещи, нашли добрыхъ людей, которые приняли на себя хозяйство, пріискали прислугу и перенесли больныхъ, изъ которыхъ двое какъ будто дожидались утѣшенія умереть въ сухой и свѣтлой комнатѣ, пожить нѣсколько дней, благословляя Бога за скудный покой и приготовляясь къ смерти. До сихъ поръ мы еще находимся въ состояніи раздумья, греки—взять ли съ насъ деньги за наемную квартиру, я—возьмутъ-ли они, чего непремѣнно желаю. *Но я забралъ больницу въ свое исключительное завѣдываніе*, и, что бы ни было, не допущу, чтобы это начало осталось безъ послѣдствій. *Теперешніе больные обезпечиваются въ своихъ нуждахъ пособіями изъ тѣхъ средствъ, какими миссія располагаетъ по милости Ея Величества*"... „Въ вещественномъ отношеніи да будетъ благословенно имя *Августѣйшихъ благотворителей*"! восклицаетъ епископъ Кириллъ въ другомъ мѣстѣ своего отчета за тотъ-же 1858 годъ.

„Одно изъ важнѣйшихъ первоначальныхъ дѣлъ нашихъ здѣсь, продолжаетъ развивать свои планы еп. Кириллъ въ томъ же отчетѣ, состоитъ въ освобожденіи миссіи и поклонниковъ (*можетъ быть, поклонниковъ прежде,* а потомъ миссіи) нашихъ изъ подъ власти грековъ. Патріарху очень хочется прижать миссію какъ можно ближе къ своей груди, чтобы усыпить насъ въ своихъ объятіяхъ: отсюда готовность не только отдать занимаемый теперь миссіею домъ подъ наши квартиры, но и построить домъ для помѣщенія консула, о чемъ уже идетъ рѣчь въ патріархіи". Для улучшенія быта нашихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ епископъ Кириллъ признаетъ: 1) „безусловно необходимо имѣть въ Іерусалимѣ *свой госпи-*

таль и страннопріимный домъ, если пока и не особое помѣщеніе для миссіи, чтобы высвободиться изъ подъ опеки грековъ", и 2) *„необходимо намъ имѣть въ Іерусалимѣ консула*, о чемъ, по своимъ побужденіямъ, хлопочетъ и патріархъ іерусалимскій. Онъ можетъ быть думаетъ, что, при столкновеніи двухъ оффиціальныхъ лицъ въ Іерусалимѣ, ему удобно будетъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Я, съ своей стороны, надѣюсь, что дѣла наши, какъ въ отношеніи патріархіи, такъ и по отношенію къ паломникамъ пойдутъ наилучшимъ образомъ, когда найдутся у насъ средства къ прямому воздѣйствію и со стороны политической, и со стороны нравственной, *не довольно удобно связывающихся въ одномъ лицѣ, особенно въ лицѣ духовнаго сана*, обязанномъ прокладывать путь къ сближенію съ восточнымъ духовенствомъ и восточными христіанами" [1]).

Не лишне здѣсь отмѣтить, что тѣ же самыя мѣры: 1) устройство въ Іерусалимѣ страннопріимнаго дома и госпиталя, 2) устройство консульствъ въ важнѣйшихъ пунктахъ Востока изъ лицъ русскихъ и непремѣнно православнаго исповѣданія и 3) неоффиціальнаго училища епископъ Кириллъ считаетъ важными факторами „скромнаго противодѣйствія" со стороны Россіи и вліянію иновѣрцевъ съ цѣлью поддержанія православія среди мѣстнаго туземнаго народонаселенія. „Что касается до возстановленія арабскаго духовенства, до устройства или улучшенія духовныхъ училищъ, то въ настоящее время, кромѣ пріятнаго свѣдѣнія о любознательности и даровитости здѣшнихъ молодыхъ людей, могу представить вашему сіятель-

---

[1]) Отчетъ миссіи за 1858 г. Дѣло по канц. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1858 г. № 389.

ству, пишетъ въ своемъ отчетѣ 1858 г. князю А. М. Горчакову весьма справедливо и поразительно мѣтко епископъ Кириллъ, одно свое убѣжденіе, что *разсадникомъ будущихъ національныхъ пастырей и архипастырей Востока можетъ быть пока одна патріархія антіохійская или, можетъ быть, александрійская, а іерусалимская—ни въ какомъ случаѣ,* по причинѣ какого-то выдуманнаго патріархіею заклятія на арабовъ" [1]). Выходя изъ этого своего основного взгляда на задачи нашего правительства и нашей миссіи въ Св. Землѣ и Сиріи по отношенію къ одному изъ существенныхъ вопросовъ—поддержанію православія, епископъ Кириллъ отказывается отъ поддержанія народныхъ школъ въ Палестинѣ, какъ отъ безполезнаго дѣла, рекомендуетъ „обратить вниманіе и средства" „на заготовленіе учителей, и, если можно, учительницъ или созданіе литературы православно-арабской для будущаго времени", ограничившись пока „поддержкою школъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ уже есть или *предпринимаются школы иновѣрія*", чтобы „противопоставлять свои" и, по указанію опыта, мѣшать „предпріятіямъ" враговъ православія. Совершенно иначе онъ смотритъ на антіохійскій патріархатъ, въ которомъ, по его мнѣнію. „есть что дѣлать и *многое можно сдѣлать*". „Самъ онъ, при своихъ скудныхъ средствахъ, даетъ „незначительныя пожертвованія" на церкви въ Даръ-Псалинѣ, въ Каффаринѣ, въ Захле, въ Джубъ-Дженитѣ, въ Селимѣ и другихъ мѣстахъ, на школы въ Ирбинѣ, Рашеѣ и пр., „поддерживаетъ постройку церкви православной въ Сурѣ", устрояетъ помѣщеніе для селевкійскаго митрополита

---

[1]) Тамъ же.

въ Захле, крайне, по его мнѣнію, необходимое, созидаетъ школу въ Триполи, беретъ на свое содержаніе учителя катихизиса въ Бейрутской школѣ, пріобрѣтаетъ участокъ земли въ селеніи близъ Бейрута съ цѣлью со временемъ устроить „центральную русско-арабскую школу, составляющую насущную потребность края“, ведетъ переговоры съ патріархомъ и попечителями школъ въ Дамаскѣ объ устройствѣ, управленіи и способахъ содержанія тамошнихъ школъ, „въ видахъ будущихъ человѣколюбивыхъ предпріятій“, въ Дамаскѣ выгодно по случаю пріобрѣтаетъ домъ, отправляетъ пособіе въ мужской Белементскій монастырь и въ женскій Седнайскій и мечтаетъ даже создать центральную русско-арабскую школу на Ливанѣ. „Учениковъ найдется всегда больше, заключаетъ епископъ Кириллъ, чѣмъ сколько намъ будетъ надобно, и учителей на первый разъ станетъ съ нужду, *а послѣ сама школа будетъ поставлять ихъ намъ*“ [1]).

Кромѣ заботъ о госпиталѣ для русскихъ паломниковъ, епископъ Кириллъ на двѣ пасхи нанималъ въ Іерусалимѣ для поклонницъ, нуждавшихся въ особомъ „попеченіи“, два частныхъ дома и имѣлъ „удобное помѣщеніе“ въ 1858 г. для „поклонниковъ болѣе требовательныхъ“, не мирившихся съ неудобствами греческихъ іерусалимскихъ монастырей.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что первые два приснопамятные наши дѣятеля на Ближнемъ Востокѣ — преосвященные епископы Порфирій Успенскій и Кириллъ Наумовъ хорошо понимали принятыя на себя задачи—поддерживать православіе и послужить на благо своихъ соотечественниковъ — паломниковъ,

---

[1]) Отчетъ миссіи за 1859 г. Дѣло по канц. Оберъ-Прокурора Св. Синода.

энергично, настойчиво и небезуспѣшно боролись съ окружающими неблагопріятными обстоятельствами, и если не достигли тѣхъ положительныхъ и осязательныхъ богатыхъ результатовъ, какіе отъ нихъ въ правѣ было ожидать наше отечество, имѣя въ виду ихъ таланты и характеры, то все же благодарные преемники ихъ на томъ же пути, мы увѣрены, всегда помянутъ ихъ добрымъ словомъ признательности и ни на минуту не забудутъ того, что эти дѣятели сошли со сцены не по своей винѣ. Архимандритъ Порфирій прервалъ свою дѣятельность по случаю крымской войны и не былъ назначенъ снова на прежнее мѣсто въ силу иныхъ воззрѣній на нашего представителя на Востокѣ канцлера князя А. М. Горчакова и оберъ-прокурора св. Синода А. П. Ахматова. Дѣятельность епископа Кирилла встрѣтила неожиданныя препятствія со стороны, повидимому, случайнаго дѣятеля на Востокѣ, но имѣвшаго сильную поддержку вовнѣ и выставившаго борцовъ недюжиннаго ума, рѣдкой силы воли и замѣчательнаго самолюбія.

Третьяго августа 1856 года въ Петербургѣ возникло и по нынѣ дѣйствующее „Русское Общество пароходства и торговли“ [1]), поставившее себѣ цѣлью

---

[1]) Общество это, по примѣру Россійско-Американской компаніи, поставлено было подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство. Нѣкоторые параграфы устава этого Общества, просуществовавшаго уже 50 лѣтъ, довольно любопытны:

§ 16. „Въ видахъ поощренія и поддержанія способовъ столь обширнаго предпріятія, *до сихъ поръ еще перваго въ отечествѣ* нашемъ, правительство производитъ Обществу, со дня открытія его дѣйствій, *въ теченіе 20 лѣтъ*, помильную плату въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ первыя десять лѣтъ за каждую пройденную пароходными судами Общества милю по нижеозначеннымъ линіямъ сообщеній: *между Одессою, Константинополемъ, Аѳономъ, Смирной, Родосомъ, Александретой, Бейрутомъ, Яффою и Александріею—по 5 р. 22 к...* Въ те-

вытѣснить на Черномъ морѣ существовавшую дотолѣ „Новороссійскую пароходную экспедицію", которая поддерживала постоянное сообщеніе между нашими портами Чернаго и Азовскаго морей, а также Константинополемъ и Галацемъ, и создать конкурренцію въ Средиземномъ морѣ богатымъ пароходнымъ компаніямъ Société maritime de Messageries impériales и Австрійскаго Ллойда. Такъ какъ упомянутыя пароходныя компаніи перевозили въ Іерусалимъ, между прочимъ, ежегодно и „по нѣскольку тысячъ поклонниковъ почти все православнаго вѣроисповѣданія", приносившихъ имъ „большія выгоды", то учредители названнаго Общества опытный морякъ, флигель-адъютантъ, капитанъ I ранга Н. А. Аркасъ и пріобрѣтшій извѣстность своими обширными предпріятіями для развитія пароходства на Волгѣ Н. А. Новосельскій вмѣстѣ со своими титулованными союзниками — акціонерами, въ виду „особенной важности въ разсчетахъ пароходной компаніи", рѣшились установить прямыя сообщенія Россіи съ Палестиной, и чрезъ то „поклонническія стран-

---

ченіе вторыхъ десяти лѣтъ плата эта уменьшается ежегодно на 5% съ означенныхъ цифръ, такъ что въ послѣдній, т. е. 20-й годъ будетъ составлять только 50% первоначальной суммы. По истеченіи 20-лѣтняго срока предоставляется Обществу просить Правительство о продолженіи существованія онаго на тѣхъ же или другихъ основаніяхъ..." § 18. „Сверхъ вышеупомянутой помильной платы, правительство выдаетъ на необходимыя ремонтныя исправленія пароходовъ *по 64 тысячи рублей* въ теченіе 20 лѣтъ со дня открытія дѣйствія Общества... § 23. Основной капиталъ Общества 6.000,000 р., раздѣленныхъ на 20,000 акцій по 300 руб. каждая. § 24. „Для поощренія Общества и скорѣйшаго открытія его дѣйствій правительство беретъ 6,670 акцій всего на 2.000,100 серебр., изъ коихъ одну половину вноситъ *немедленно* по утвержденіи сего устава, а другую чрезъ годъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ для предоставленія Обществу большихъ выгодъ, правительство уступаетъ въ пользу оного *весь дивидендъ*, который будетъ причитаться на означенныя акціи въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ съ основанія Общества". (Морск. Сборн. 1856 г., № 12, окт., стр. 60—65).

ствованія русскихъ къ св. мѣстамъ значительно участить и сдѣлать явленіемъ постояннымъ", признавъ, впрочемъ, необходимымъ предварительно „изучить условія жизни богомольцевъ" и создать по возможности обезпеченныя условія жизни для нихъ „въ столь отдаленномъ краѣ" [1]). По указанію покойнаго великаго князя генералъ-адмирала Константина Николаевича, близко стоявшаго къ дѣламъ Общества пароходства и торговли, былъ командированъ, „подъ видомъ частнаго путешественника", „для собиранія нужныхъ практическихъ матеріаловъ" въ концѣ 1857 года чиновникъ особыхъ порученій морского министерства, нынѣ здравствующій членъ Государственнаго Совѣта статсъ-секретарь Б. П. Мансуровъ, какъ характеризуетъ его современникъ, покойный паломникъ В. Каминскій, „человѣкъ молодой, исполненный ума, быстрыхъ соображеній и осторожности" [2]). Возвратившись въ Петербургъ послѣ поѣздки по Іудеѣ и Галилеѣ въ 1857 г., онъ представилъ великому князю весьма любопытный обстоятельный отчетъ, отпечатанный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ 24 декабря 1857 г. [3]) и передѣланный потомъ съ

---

[1]) Б. П. Мансуровъ. Православные поклонники въ Палестинѣ, стр. 2—3. Спб. 1858 г.

[2]) Воспоминанія поклонника Св. Гроба. Ркп. библ. Импер. Прав. Пал. Общества, ч. II, л. 37—38.

[3]) Великій князь этотъ отчетъ прислалъ на просмотръ арх. Порфирію Успенскому съ просьбою „прочесть и сообщить ему съ полною откровенностію свои мысли по всѣмъ заключающимся въ немъ предметамъ, также указанія тѣхъ мѣръ, которыя наше правительство должно бы принять нынѣ, дабы, *сколько возможно, облегчить православнымъ русскимъ исполненіе благочестиваго подвига и дабы возбудить въ большемъ числѣ народа желаніе поклониться святынямъ Господнимъ*". Арх. Порфирій желаніе великаго князя выполнилъ и свой „отвѣтъ на недавнія извѣстія съ Сіона" препроводилъ великому князю черезъ Мансурова 6 января 1858 г. (Книга бытія моего, ч. VII, стр. 144—145. Спб., 1901 г.).

большими сокращеніями въ книжку подъ заглавіемъ: „Православные паломники въ Палестинѣ", которая, очевидно, предназначалась служить путеводителемъ для нашихъ паломниковъ въ Палестину. Вотъ главныя положенія этого отчета:

„Интересы нашего правительства на Востокѣ совпадаютъ съ выгодами Русскаго общества пароходства и торговли, и *что сіе послѣднее можетъ служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ орудіемъ для исполненія того, что требуютъ достоинство и польза русской церкви*". Для этой цѣли Обществу прежде всего необходимо „создать новые источники для пріобрѣтенія денежныхъ средствъ на обезпеченіе нашихъ церковныхъ дѣлъ въ Палестинѣ", а затѣмъ, вопреки планамъ нашего канцлера графа Нессельроде, „привести наше вмѣшательство на Востокѣ въ такую *неполитическую форму*, которая обезоружила бы нашихъ противниковъ", и „отбросить пока помышленія о политической и религіозной пропагандѣ по отношенію къ чужимъ".

Не особенно расчитывая на государственную казну и Св. Синодъ, которые могли бы „участвовать денежно въ снабженіи будущихъ русскихъ учрежденій въ Палестинѣ необходимыми для нихъ средствами", и посуливъ отъ Общества пароходства и торговли всего лишь „около 20,000 р. въ годъ", Б. П. Мансуровъ быстро и *легко* находитъ и необходимыя средства въ неисчерпаемомъ источникѣ—въ „массѣ доброхотныхъ подаяній", въ „сочувствіи частныхъ лицъ къ дѣлу благотворительному и религіозному", которое не можетъ не „заслужить покровительства русскаго Государя". Такъ „не трудно" пріобрѣтенныя денежныя средства поступаютъ, по этому отчету, въ распоряженіе людей, отличающихся „личною ловкостью", съ

неизбѣжной долей „личнаго произвола“, и пользующихся „полнымъ неограниченнымъ довѣріемъ во всѣхъ подробностяхъ финансоваго дѣла“. Въ распоряженіе „большими суммами изъ источниковъ частныхъ“, по словамъ Б. П. Мансурова, „гораздо лучше не вводить оныхъ въ оффиціальную отчетность министерства иностранныхъ дѣлъ, а распоряженіе оными предоставить конторѣ пароходства общества, отчетность коей проще и правильнѣе“ [1]).

„Наше вмѣшательство на Востокѣ“ можетъ быть приведено „въ неполитическую форму“, и весь вопросъ, по словамъ отчета, даже „упростится“, если придать ему „*спекулятивный*“ коммерческій характеръ. Возьмемъ для примѣра заботы нашего правительства о поклонникахъ. Общество пароходства и торговли во всѣхъ деталяхъ рѣшаетъ его просто и съ явною выгодою для себя. „Общество на первыхъ шагахъ встрѣчается съ вопросами поклонничества, извлекаетъ изъ оныхъ *денежную выгоду*, пишетъ въ отчетѣ Б. П. Мансуровъ, и принуждено не пренебрегать оными, потому что, поступая иначе, оно *вредитъ своимъ дѣламъ* и уступаетъ побѣду опаснымъ соперничествующимъ предпріятіямъ. Такимъ образомъ, Общество вполнѣ *вводится во всѣ интересы поклонничества* и силою вещей принуждается *для своихъ выгодъ* отыскивать тѣхъ же результатовъ, которыхъ правительство наше должно отыскивать для цѣлей государственныхъ; отъ такого единомышленнаго стремленія выиграютъ и то и другое, но правительство еще болѣе Общества, потому что послѣднее должно непремѣнно *сѣять* для собранія жатвы и дѣлать пожертвованія, въ которыхъ первое

[1]) Тамъ же, стр. 95—98.

можетъ *затрудняться* (sic). Однимъ словомъ, посредствомъ Общества правительство *почти даромъ* можетъ пріобрѣсти то, что стоило оному жертвъ". Вотъ для сего нелишенныя, на нашъ взглядъ, странностей основанія.

Въ Іерусалимѣ, напр., давно сознается настоятельная потребность въ самостоятельномъ консульствѣ для защиты интересовъ нашихъ паломниковъ. Общество пароходства и торговли готово охотно на себя „принять часть необходимыхъ на то расходовъ", но съ однимъ условіемъ, чтобы консулъ іерусалимскій соединилъ въ своемъ лицѣ „званіе консула съ званіемъ главнаго агента" Общества, съ цѣлью „покровительство дипломаціи сдѣлать дѣйствительнѣе" для себя. Общество обѣщаетъ обезпечить его за это „большимъ содержаніемъ" и готово даже не считать его „явнымъ агентомъ Общества и участникомъ спекулятивнаго предпріятія". Для консула—агента, далѣе, необходимъ въ Іерусалимѣ приличный домъ, Общество не прочь его построить, впрочемъ, на пожертвованныя русскимъ народомъ деньги, а если этого нельзя ему сдѣлать, то оно готово раздѣлить расходы на этотъ домъ съ правительствомъ. „Необходимо и гораздо выгоднѣе теперь пріобрѣсть въ Іерусалимѣ зданіе *для консульства и вмѣстѣ для пароходной конторы*, говорится въ отчетѣ. Для общества это необходимо, доказательствомъ чего служитъ существованіе въ Іерусалимѣ конторъ Австрійскаго Ллойда и французскихъ Messageries. *Такимъ образомъ расходы на пріобрѣтеніе зданія для консульства и конторы могутъ быть раздѣлены между правительствомъ и Обществомъ, если, впрочемъ, нельзя обратить оные на сборы* (sic) *въ пользу поклонническихъ учрежденій по тому уваженію, что все*

вышеозначенное устраивается для нашихъ поклонниковъ, а съ поименованными заведеніями можно соединить и богоугодныя"...

„Пріютъ для русскихъ поклонниковъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ свой уголъ, если не свою отдѣльную комнату, чтобы семейства могли быть помѣщены вмѣстѣ, и чтобы въ немъ были особыя квартиры для путешественниковъ высшаго класса... Необходимо образовать въ пріютѣ домовую церковь въ особенности для госпиталя, который тамъ будетъ помѣщенъ. Все страннопріимное заведеніе должно быть поручено завѣдыванію духовнаго настоятеля подъ главнымъ руководствомъ начальника миссіи и русскаго консула; затѣмъ въ дѣлѣ управленія онымъ должно *участвовать и пароходное общество*, какъ для приданія пріюту *менѣе политическаго и болѣе коммерческаго характера*, такъ и потому, что Общество будетъ участвовать въ значительной мѣрѣ въ содержаніи и построеніи зданія". „Чтобы разные дѣятели на этомъ поприщѣ помогали въ достиженіи общей цѣли и не могли спорить между собою о преимуществѣ правъ и власти", Б. П. Мансуровъ проектируетъ разграничить между ними дѣло завѣдыванія пріютами. „Политическое покровительство и помощь въ дѣлахъ гражданской общественной жизни, по его словамъ, будетъ относиться къ обязанности консула, попеченіе о нравственности и религіозной дѣятельности поклонниковъ должно лежать на прямой отвѣтственности духовной миссіи, наконецъ, заботливость о матеріальныхъ нуждахъ и благосостояніи поклонниковъ возложится *на духовную миссію совмѣстно съ агенціею пароходнаго общества*, ибо въ этой сторонѣ дѣла заключается его *собственная вы-*

года и болѣе доступная для него обязанность". „Главное руководство дѣлами Общества" въ Іерусалимѣ, „отвѣтственность предъ симъ послѣднимъ" возлагается на консула, который, слѣдовательно, и дѣлится своими правами и властью съ однимъ лишь начальникомъ миссіи.

Изъ „коммерческихъ разсчетовъ" Общество пароходства и торговли устрояетъ помѣщенія агенцій въ Константинополѣ, Смирнѣ, Бейрутѣ, Александріи и Кайфѣ, а вмѣстѣ съ этимъ какъ бы за-одно въ этихъ помѣщеніяхъ отводитъ мѣста для гостинницъ поклонниковъ, для русскихъ храмовъ, квартиръ для консуловъ и вице-консуловъ — агентовъ Общества и т. п. Въ Бейрутѣ, напр., „этимъ средствомъ просто и легко достигнется" одно изъ желаній нашего правительства, чтобы „духовная миссія распространяла свое вліяніе на антіохійскій патріархатъ".

Стараясь дѣйствіямъ нашего правительства придать всюду „неполитическую форму", Б. П. Мансуровъ не только совершенно закрываетъ его на Востокѣ только что народившимся Обществомъ пароходства и торговли, но совершенно для насъ непонятно пытается почему-то „и въ Петербургѣ *маскировать*, по возможности, роль правительства въ новой дѣятельности", „облечь все дѣло и въ Петербургѣ въ форму *частнаго благотворительнаго предпріятія, образовавшагося по указанію коммерческихъ выгодъ пароходнаго Общества*, но покровительствуемаго правительствомъ ради богоугодной цѣли и ради сочувствія его къ успѣхамъ Общества".

Такимъ образомъ, новый факторъ нашей русской дѣятельности на православномъ Востокѣ — Русское Общество пароходства и торговли становится въ раз-

рѣзъ съ воззрѣніями нашего правительства и посланной имъ въ качествѣ своего агента духовной миссіи. Этотъ новый факторъ вмѣсто того, чтобы придать силу и значеніе нашему правительству на Востокѣ, „выказать его хотя бы и наружно“, старается его „маскировать“, привести въ „неполитическій видъ“, затушевывая его и прикрывая не всегда благовидными коммерческими или „спекулятивнаго характера“ видами. Высокій апостольскій подвигъ служенія миссіи съ цѣлью поддержанія упадающаго православія среди забитаго и находящагося въ неблагопріятныхъ условіяхъ быта населенія туземцевъ-арабовъ и проникнутое духомъ евангельской любви служеніе своимъ соотечественникамъ съ цѣлью улучшенія ихъ жизни въ Іерусалимѣ, при исполненіи своего крестоноснаго паломническаго подвига, опять, непонятнымъ для насъ образомъ, искусственно переплетаются и перепутываются съ матеріальными разсчетами, денежными выгодами, съ спекуляціею. Не удивительно, поэтому, что между старыми дѣятелями на Востокѣ и новыми съ самыхъ первыхъ шаговъ не только не могли установиться „въ достиженіи общей цѣли“ согласіе и желательное единодушіе, но возгорѣлась тяжелая и даже компрометирующая русскихъ дѣятелей вражда, къ глубокому сожалѣнію, не прекращающаяся даже и въ наши дни...

Отчетъ Б. П. Мансурова о поѣздкѣ въ Палестину съ вышеизложенными взглядами на дѣятельность Общества пароходства и торговли получилъ полное одобреніе въ Петербургѣ, и взгляды его съ рѣшительною настойчивостью стали осуществляться на дѣлѣ. Въ началѣ 1858 г. былъ учрежденъ, по Высочайшему повелѣнію „Палестинскій Комитетъ“, во главѣ кото-

раго былъ поставленъ родной братъ Государя великій князь генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ, а исполнителемъ предначертаній и плановъ Комитета и энергичнымъ проводникомъ ихъ въ жизнь явился Б. П. Мансуровъ, снискавшій полное, неограниченное довѣріе великаго князя и считавшійся въ Комитетѣ безаппеляціоннымъ вершителемъ и знатокомъ дѣлъ Палестины. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, близко принимая къ сердцу интересы Святой Земли и судьбы православія въ ней, входилъ лично во всѣ подробности плановъ и намѣреній Палестинскаго Комитета и освящалъ всѣ детали ихъ своимъ Монаршимъ утвержденіемъ.

Первая и главная задача „Палестинскаго Комитета“ заключалась, весьма естественно, въ изысканіи „*новыхъ* и *особыхъ* денежныхъ источниковъ, которые могли бы быть обращены на улучшеніе нашего матеріальнаго положенія на Востокѣ и всей обстановки, опредѣляющей тамъ наше значеніе предъ свидѣтелями нашей дѣятельности“. Такими „новыми особыми“ источниками оказались, какъ писалъ великій князь въ рескриптѣ оберъ-прокурору Св. Синода и митрополиту петербургскому въ 1859 г., „простое и вѣрное“, испытанное уже неоднократно, средство — „призывы, дѣлаемые церковью къ народу“, для возбужденія „сердечнаго религіознаго и естественнаго сочувствія массы народа“. „Готовность русскаго народа широко отвѣтствовать на сердечные призывы правительства для святого дѣла,—разсуждали совершенно справедливо дѣятели Комитета,—слишкомъ часто была доказана, чтобы можно было сомнѣваться въ успѣхѣ, когда дѣло идетъ о Іерусалимѣ, обаяющемъ имени, находящемъ теплый отголосокъ въ душѣ каждаго хри-

стіанина. Но для успѣшнаго дѣйствія на массы, отъ которыхъ и слѣдуетъ ожидать желаемыхъ приношеній, нужно одно непремѣнное условіе: сердечность и теплота самаго призыва и выраженіе самими призывающими любви къ предпринятому дѣлу. Холодный и формальный призывъ, конечно, остался бы безплоднымъ".

И дѣйствительно, призывъ къ благотворительности частныхъ лицъ превзошелъ всѣ предполагаемые разсчеты членовъ Комитета и увѣнчался, по ихъ оффиціальному признанію, „замѣчательнымъ успѣхомъ". Изъ обнародованныхъ въ академическомъ „Мѣсяцесловѣ" за 1863 и 1864 годы отчетовъ Комитета мы видимъ, что съ марта 1858 г. по 15 октября 1863 г. „собрано частныхъ пожертвованій" на улучшеніе быта православныхъ паломниковъ въ Палестинѣ и изъ другихъ источниковъ 1.003,259 р. 34 к.

Не лишне будетъ здѣсь отмѣтить, что отъ щедротъ Государя Императора Александра Николаевича пожертвовано въ Комитетъ 500,000 р. [1]), откупщи-

---

[1]) Въ Мѣсяцесловѣ 1864 г. значится отъ Государя пожертвованіе лишь въ 100,000 р., но въ журналѣ или вѣрнѣе въ приложеніи къ журналу Палестинской Коммиссіи отъ 8 мая 1884 года, писанномъ рукою Б. П. Мансурова, называется вышеуказанная крупная цифра Высочайшаго дара. Пожертвованіе это вызвано было обращеніемъ со стороны великаго князя Константина Николаевича чрезъ особое письмо изъ Палермо 24 февр. (8 марта) 1859 г. къ А. М. Княжевичу. „Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно нынѣшнее затруднительное положеніе Государственнаго Казначейства, говорится въ этомъ письмѣ— слѣдовательно, мое намѣреніе не можетъ быть утруждать Государя Императора такимъ ходатайствомъ, удовлетвореніе котораго было бы бременемъ для казны, но *предпринятое на Востокѣ дѣло можетъ принести столь обильные и благіе результаты для нашей церкви и для нашего политическаго вліянія, что безъ всякаго сомнѣнія правительству болѣе чѣмъ выгодно было бы не отказаться для сего отъ нѣкотораго, незначительнаго пожертвованія, коимъ все дѣло богоугодное обезпечилось бы однимъ разомъ къ славѣ и пользѣ нашего отечества*".

ками разныхъ губерній 75,000 р., камергеромъ Яковлевымъ 30,000 р. и Обществомъ пароходства и торговли, „вызвавшимся помогать означенному дѣлу", 30,000 р., но не *ежегодно*, какъ говорится въ отчетѣ Б. П. Мансурова, а единовременно, и притомъ „со взносомъ всей суммы въ теченіе трехъ лѣтъ". Вотъ та „жертва", которою русское правительство, по словамъ г. Мансурова, „якобы могло затрудняться" для палестинскаго дѣла, и которую великодушно теперь несло Общество, ожидая „обильной жатвы" для себя въ будущемъ...

Но случайныя единовременныя пожертвованія благочестивыхъ людей членамъ Комитета казались недостаточно прочною гарантіею для успѣха предпринимаемаго ими обширнаго дѣла въ Палестинѣ: для покупки земельныхъ участковъ, для постройки богоугодныхъ заведеній для паломниковъ, русскихъ храмовъ, больницы и содержанія ихъ въ будущемъ въ подобающемъ приличномъ видѣ, а потому они обратились къ изысканіямъ новыхъ уже „постоянныхъ источниковъ". Такими источниками явились, съ Высочайшаго соизволенія, по распоряженію Св. Синода, учрежденныя въ концѣ 1858 г. особыя кружки во всѣхъ церквахъ Имперіи для сбора подаяній на улучшеніе быта православныхъ паломниковъ. „Эти сборы, по плану Комитета, должны были служить какъ пособіемъ на пополненіе капитала, собраннаго для производства всѣхъ построекъ, такъ и *постояннымъ источникомъ на будущее время для содержанія и развитія русскихъ*

Заключеніемъ письма служитъ просьба „обратить на этотъ предметъ теплое и сердечное вниманіе" и „помочь въ исполненіи христіанскаго желанія Его Императорскаго Величества".

страннопріимныхъ заведеній, безъ обращенія на этотъ предметъ средствъ государственной казны". И въ этомъ отношеніи Комитетомъ относительно ожидаемой суммы ежегодныхъ сборовъ, по скромному разсчету, предполагалось получать ежегодно не менѣе 54,000 р. Но въ дѣйствительности эти „предположительные разсчеты" не только оправдались, но даже превзошли ожиданія, особенно если принять во вниманіе, что первые годы существованія Комитета совпадали съ эпохою, когда „оффиціально подготовлялась и совершалась великая крестьянская реформа, и вслѣдствіе того экономическое состояніе всей массы крестьянства подвергалось трудному кризису". Отъ упомянутыхъ кружечныхъ сборовъ за пять первыхъ лѣтъ съ 1859 — 1863 г. поступило въ Комитетъ 295,550 р. 68 к. и еще 9,079 р. 55½ к. за три послѣдніе мѣсяца 1858 г., когда были открыты эти сборы. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ *пяти* лѣтъ сумма кружечныхъ сборовъ составляла въ среднемъ итогѣ 59,110 р. въ годъ [1]).

Обезпечивъ себя, такимъ образомъ, „твердыми и надежными источниками" денежныхъ средствъ, Палестинскій Комитетъ немедленно же открылъ свою дѣятельность въ Палестинѣ. „Такъ какъ стѣснительное положеніе русскихъ богомольцевъ, по словамъ отчета 1860 г., требуетъ безотлагательныхъ мѣръ улучшенія, а тѣ же трудныя условія встрѣчаются не только въ самомъ Іерусалимѣ, но и въ Рамлэ, Яффѣ, Назаретѣ и Кайфѣ, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, между коими постоянно обращаются поклонническія странствованія по святымъ мѣстамъ, то, 1) не теряя времени и для пріа-

---

[1] Дѣла Палестинской Коммиссіи 1884 г. № 44.

обрѣтенія указанія опыта на будущее время рѣшено заняться устройствомъ въ означенныхъ пяти мѣстностяхъ *временныхъ страннопріимныхъ заведеній* въ наемныхъ помѣщеніяхъ, снабдивъ эти дома необходимою мебелью и утварью, которая перенесется въ постоянные пріюты", и 2) съ упомянутыми цѣлями, а равно для пріобрѣтенія поблизости и въ самомъ Іерусалимѣ „достаточно обширной земли для возведенія всѣхъ потребныхъ для помѣщенія поклонниковъ и духовной миссіи строеній" и для составленія на мѣстѣ подробныхъ плановъ и проектовъ рѣшено было, послѣ того, какъ побывали лично въ Палестинѣ завѣдующій дѣлами Палестинскаго Комитета князь Оболенскій и генералъ Исаковъ, послать туда же нарочитую экспедицію съ Б. П. Мансуровымъ во главѣ, какъ уже хорошо ознакомившимся съ нуждами и потребностями нашихъ паломниковъ. Въ составъ этой экспедиціи должны были войти архитекторъ академикъ М. И. Эппингеръ, „три года изучавшій древнія православныя сооруженія на Востокѣ и въ особенности на Св. горѣ Аѳонской", его помощникъ академикъ В. А. Дорогулинъ, архимандритъ Порфирій Успенскій, отдѣлившійся, впрочемъ, отъ экспедиціи для ученыхъ изысканій на Аѳонской горѣ въ тамошнихъ библіотекахъ, и др. Экспедиція эта пополнилась въ августѣ 1858 года новымъ дѣятельнымъ членомъ, чиновникомъ морского министерства, никогда „не занимавшимся ни Палестиною, ни церковными, ни восточными дѣлами" [1]) В. И. Дорогобужиновымъ, присланнымъ въ Іерусалимъ въ качествѣ агента Общества пароходства и торговли съ правами русскаго консула и вступившимъ въ отправленіе

[1]) В. Н. Хитрово. Недѣля въ Палестинѣ, СПБ. 1876, стр. 62.

своихъ обязанностей лишь съ 20 сентября слѣдующаго 1859 года [1]).

Такъ какъ ожидался пріѣздъ въ Іерусалимъ великаго князя Константина Николаевича съ супругою великою княгинею Александрою Іосифовною, то на посланныхъ возложена была Комитетомъ непремѣнная обязанность приготовить все необходимое къ пріѣзду Ихъ Высочествъ и по возможности улучшить бытъ нашихъ паломниковъ. Прежде всего такъ называемый *коптскій ханъ* противъ женскаго монастыря Большая Панагія былъ приспособленъ для помѣщенія 220—270 женщинъ, дома *Мнемара* и *Муфти* на страстномъ пути, первый для 60 мужчинъ, а второй для поклонниковъ „высшихъ сословій", домъ Гасана близъ монастыря св. Харлампія — для 30 мужчинъ, домъ *армянскій* близъ австрійскаго консульства тоже для 30 мужчинъ, домъ *Мегметъ-али-эффенди* — для русскихъ, прибывшихъ для сооруженія построекъ [2]). Затѣмъ устроены были странноприимные дома въ Яффѣ, въ Рамлэ съ продовольствіемъ, Назаретѣ и Кайфѣ съ продовольствіемъ. Исполнивъ это, Б. П. Мансуровъ

---

[1]) „День *20 сентября* мы, пишетъ консулъ Дорогобужиновъ въ донесеніи отъ 29 сентября 1858 г. на имя посла въ Константинополѣ, тайнаго совѣтника Бутенева, назначили для подъема невиданнаго еще въ Палестинѣ флага русскаго консульства. Послѣ обѣдни, отслуженной на Голгоѳѣ преосв. Кирилломъ, епископомъ мелитопольскимъ, въ 10½ ч. утра, нѣсколько соотечественниковъ, находящихся здѣсь, собрались у меня, и его преосвященство началъ совершать молебенъ, по окончаніи котораго въ 11 ч. *флагъ взвился при радостныхъ кликахъ* народа, наполнявшаго улицу и террасы моего дома. Въ одно мгновеніе иностранныя консульства расцвѣтились своими флагами, и 21 выстрѣлъ съ турецкой крѣпости сочувственно отозвался въ сердцахъ нашихъ. Французскій консулъ снова явился въ полной формѣ заявить поздравленіемъ своимъ искренность отношеній между обоими нашими правительствами".

[2]) Отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ улучшенію быта прав. поклонниковъ въ Палестинѣ, стр. 57—65. Спб. 1860 г.

съ своими спутниками принялся за отысканіе какъ внутри города, такъ и въ прилегающихъ къ нему окрестностяхъ подходящихъ, вполнѣ удобныхъ, земельныхъ участковъ для сооруженія проектируемыхъ обширныхъ богоугодныхъ русскихъ заведеній съ соборомъ во имя Св. Троицы въ центрѣ ихъ. Переговоры велись, по словамъ Б. П. Мансурова, начиная съ 1857 года, „въ теченіе всего 1858 года и большей половины 1859 года“, и съ большими затрудненіями и препятствіями со стороны турецкаго правительства [1]), но окончательный выборъ и покупку облюбованнаго мѣста для русскихъ сооруженій рѣшено было предоставить благоусмотрѣнію великаго князя Константина Николаевича.

Б. П. Мансуровъ и его сотрудники застали въ Іерусалимѣ, какъ извѣстно, представителя русской правительственной власти въ Іерусалимѣ въ лицѣ начальника второй духовной миссіи епископа Кирилла, который, какъ это видно изъ его отчета 1858 года, на первыхъ порахъ встрѣтилъ новыхъ дѣятелей въ Палестинѣ весьма радушно. Съ Б. П. Мансуровымъ онъ „съ перваго раза вступилъ въ довѣрительныя и добрыя отношенія“ и въ простотѣ сердечной даже считалъ ихъ „взаимныя личныя чувства хорошими“, съ агентомъ Общества пароходства и торговли и консуломъ В. И. Дорогобужиновымъ „сошелся“ и, судя по началу его дѣйствій и по первымъ впечатлѣніямъ, исполненнымъ „симпатіи“ къ его личности, въ виду „предупредительной любезности“ и кажущихся „уступокъ“ и согласія съ его мнѣніями со стороны послѣдняго, началъ было уже мечтать, что они „будутъ дѣйство-

[1]) Б. П. Мансуровъ. Базилика имп. Константина во Св. градѣ Іерусалимѣ. М. 1885, стр. 2—29.

вать дружно". Впрочемъ, еп. Кириллъ „не скрывалъ отъ себя возможности нѣкоторыхъ поводовъ къ недоразумѣніямъ" „въ двуличномъ его характерѣ дѣятельности" [1]). Но и изъ сказаннаго выше уже ясно видно, что эти новые дѣятели въ Палестинѣ не пожелали имѣть никакого серьезнаго дѣлового общенія съ „аккредитованнымъ", такъ сказать, русскимъ правительствомъ посланникомъ въ Іерусалимѣ. Они рѣшительно и намѣренно не пустили его въ свою среду, стараясь всѣ дѣла вершить безъ него и даже иногда какъ бы наперекоръ его планамъ и намѣреніямъ. Отсюда вполнѣ естественно возникаетъ между нашими русскими дѣятелями въ Іерусалимѣ полный антагонизмъ и непримиримая, соблазнительная для своихъ и для иностранцевъ, продолжительная вражда. „Не знаю, пишетъ въ отчетѣ за 1858 г. епископъ Кириллъ, до чего мы дойдемъ дальше, но теперь дѣла наши въ Іерусалимѣ идутъ весьма не хорошо". „Оказалось, вопросъ былъ о самомъ принципѣ, о представительствѣ въ Іерусалимѣ, *о значеніи консула въ связи съ архіереемъ, начальникомъ миссіи*". „Какъ агентъ Общества, г. Дорогобужиновъ идетъ со мною уже не по одной дорогѣ, не подъ однимъ начальствомъ состоимъ мы, не одно дѣло дѣлаемъ, а если и одно, то *совершенно съ различными видами*, что еще хуже". „Сліяніе званій въ одномъ лицѣ г. Дорогобужинова не уничтожило въ немъ различія стремленій по службѣ въ двухъ вѣдомствахъ: *начало дѣйствительнаго нашего раздѣленія здѣсь, и раздѣленіе это не кончится ни съ перемѣною лицъ, ни съ теченіемъ времени*"... [2]). „Аген-

---

[1]) Прот. Ѳ. И. Титовъ, пр. Кириллъ Наумовъ, епископъ мелитопольскій, стр. 400—402, Кіевъ, 1902 г.

[2]) Дѣло по канц. Оберъ-Прокурора Св. Синода 1858 г. № 389.

ція Общества пароходства и торговли въ Іерусалимѣ, городѣ ни приморскомъ, ни торговомъ, такъ аномальна, что сама не можетъ не чувствовать себя въ довольно неловкомъ положеніи—безъ товарищей, безъ дѣла. Единственное дѣло, которое она можетъ усвоить себѣ, это *хлопоты по будущимъ постройкамъ русскимъ для миссіи и поклонниковъ*: она и ухватилась за это дѣло ревниво *„усиливаясь выгородить его себѣ въ исключительное достояніе“* [1]). На это смѣшеніе началъ обратилъ вниманіе въ свое время и приснопамятный митрополитъ московскій Филаретъ и нашелъ, что сосредоточеніе денежныхъ средствъ, „собираемыхъ на богоугодныя заведенія“, и построеніе *церкви*, помѣщеній и больницъ „больше принадлежитъ духовной миссіи, нежели Обществу пароходства и торговли“. Но отъ этого, впрочемъ, положеніе вещей въ Іерусалимѣ не подвинулось впередъ ни на шагъ и не сдѣлалось нисколько лучше.

Епископъ Кириллъ къ упомянутому отчету за 1858 годъ приложилъ частное письмо отъ 10 февр. 1859 г., написанное „съ безграничною довѣренностію и съ полнѣйшею откровенностію“ къ министру иностранныхъ дѣлъ князю А. М. Горчакову. Въ письмѣ этомъ онъ съ излишнею подробностію и напрасною откровенностію изложилъ всѣ перипетіи своихъ личныхъ столкновеній съ г. Дорогобужиновымъ, не подозрѣвая, что письмо будетъ передано его недоброжелателями въ собственныя руки Государя Императора, который изволилъ положить на немъ слѣдующую помѣту: „Буду ждать, что Братъ мнѣ напишетъ“.

---

[1]) Арх. Савва. Собр. мнѣній и отзывовъ митр. Филарета по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ, стр. 378. Спб. 1886.

28 апрѣля великій князь Константинъ Николаевичъ съ августѣйшими супругою и сыномъ Николаемъ Константиновичемъ высадились на берегъ Палестины въ Яффѣ, а на другой день торжественно были встрѣчены въ святогробскомъ храмѣ, при громадномъ стеченіи народа, патріархомъ Кирилломъ [1]). Августѣйшіе поклонники поселились на временное пребываніе въ патріархіи въ такъ называемомъ „Порфиріевскомъ" домѣ или миссійскомъ. Великій князь, пробывшій въ Іерусалимѣ цѣлыхъ десять дней, посвящая время благочестивому паломничеству по святымъ мѣстамъ, въ то же время, во исполненіе Высочайшей воли, входилъ *лично* во всѣ подробности вопроса о покупкѣ участка земли для постройки нашихъ богоугодныхъ заведеній, *осматривалъ* намѣченный къ пріобрѣтенію участокъ на Мейдамской площади, и одобрилъ выборъ и утвердилъ какъ покупку этого мѣста, такъ и проектированныя на немъ сооруженія.

Къ концу декабря мѣсяца 1859 г. была окончена покупка земель и въ рукахъ Палестинскаго Комитета [2])

---

[1]) Спб. Вѣдомости, 1859 г., № 180. Здѣсь подробно день за днемъ описывается пребываніе въ Іерусалимѣ великаго князя Константина Николаевича и его супруги.

[2]) Пріобрѣтенныя Палестинскимъ Комитетомъ въ Іерусалимѣ земли распадаются на нѣсколько участковъ:

1) *Старое подворье*, состоящее: 1) изъ участка земли, проданнаго 16 іюня 1857 г. Антониномъ Ланцо графу Н. А. Кушелеву-Безбородко; 2) изъ участка, проданнаго 31 марта 1859 г. Ермете Пьеротти Императорскому консулу Владиміру Дорогобужинову; 3) изъ участка, проданнаго 4 сентября 1859 г. хаджи-мусою Танусомъ Императорскому правительству; 4) изъ участка, проданнаго 29 декабря 1859 г. банкиромъ Бергхеймомъ Императорскому консулу Владиміру Дорогобужинову, и 5) изъ участка, проданнаго ему же 3 октября 1860 г. монахомъ Никифоромъ. Къ этимъ участкамъ присоединенъ и участокъ, подаренный Императорскому правительству турецкимъ правительствомъ.

оказались слѣдующіе участки: 1) *Мейдамская* [1]) площадь въ 15,709 кв. саженъ, расположенная на высокомъ гребнѣ полосы, раздѣляющей двѣ небольшія караванныя дороги — яффскую и наблузскую; 2) *Мамилла* (или св. Вавилы) въ 3,000 кв. саж. (15,614 кв. метр., цѣною 140,000 фр.), находящійся противъ *Мейдама*, чрезъ долину, по ту сторону яффской дороги; 3) два участка у Дамасскихъ воротъ *Энгеми*

2) *Въ сѣверо-восточномъ углу Іерусалима* участокъ, купленный въ сентябрѣ 1857 г. у Сеида-Магомеда бенъ-Аси черезъ греческаго монаха Виссаріона консуломъ В. Дорогобужиновымъ.

3) *У новыхъ воротъ Іерусалима* два участка, купленныхъ у Джебралъ-Гаргура бывшимъ драгоманомъ консульства М. Шехашири.

4) *У Дамасскихъ воротъ*: 1) участокъ, купленный въ мартѣ 1859 г. у Джебралъ-Гаргура на имя б. драгомана М. Шехашири и 2) у Юсеява Гайнема 4 декабря 1859 г. консуломъ В. Дорогобужиновымъ.

5) *На горѣ, именуемой „Малая Галилея"*, участокъ, проданный Егоромъ Халеби начальнику миссіи епископу мелитопольскому Кириллу.

6) *У пруда Мамиллы* участокъ, проданный 31 іюня 1857 г. Кабланъ-Дахдеемъ графу Н. А. Кушелеву-Безбородко.

7) *Въ Аннъ-Каримѣ* участокъ, проданный 3 сентября 1859 г. Джебралъ-Гаргуромъ драгоману консульства М. Шехашири.

8) *Въ Назаретѣ* куплены: 1) большой участокъ на имя консульскаго агента С. Хури и 2) меньшій участокъ у Халиль-Хакима на имя бывшаго консульскаго агента въ Кайфѣ К. Аверино.

9) *Въ Кайфѣ* участокъ земли, пріобрѣтенный 4 іюня 1864 г. у Ильи Абуда и Одэ Хамара черезъ г. Аверино на имя Императорскаго консула.

10) *Въ Туранѣ* участокъ земли, пріобрѣтенный на имя С. Хури.

[1]) По описямъ генеральнаго консула въ Іерусалимѣ А. Г. Яковлева, отъ 7 іюня 1897 г., весь участокъ земли, занимаемый нашими богоугодными заведеніями нынѣ и носящій названіе *Москобіе*, по плану заключаетъ въ себѣ 71,687 кв. метровъ и приблизительно стоитъ 3.953,000 фр. Постройки, находящіяся на этомъ участкѣ, принадлежатъ министерству иностранныхъ дѣлъ, Св. Синоду и Императорскому Правосл. Палестинскому Обществу. Мѣсто „Хамси" или „Мерес-уль-Асали" въ 3,436 кв. метровъ, цѣнностію въ 176,000 фр., занято домомъ для помѣщенія секретаря, штатнаго и нештатныхъ драгомановъ генеральнаго консульства. Мѣсто находится въ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ.

*

или Биражіе (12,809 кв. метр., цѣною въ 230,000 фр.) и *Комси* [1]) для разведенія садовъ и огородовъ и 4) довольно большой участокъ земли въ Горней (5.918,092 кв. м. или точнѣе 6,204 кв. с., цѣною въ 2,000 фр.), находящійся близъ развалинъ дома свв. пророка Захаріи и Елисаветы. На покупку всѣхъ земель въ Палестинѣ, по оффиціальнымъ отчетамъ Палестинскаго Комитета, за годы съ 1858 по 1863 истрачено 54,813 р. 63 к. [2]). По вычисленію Б. П. Мансурова, квадратная сажень земли въ Іерусалимѣ обошлась намъ въ 2 р. 25 к., каковая цѣна признается имъ все же „прискорбно великою, какъ результатъ явнаго вымогательства“ [3]).

„Турецкое правительство—говорится въ отчетѣ,—узнавъ о желаніи русскаго Государя Императора явить новую заботливость о благѣ своихъ подданныхъ и дорожа, послѣ недавней войны, поддержаніемъ добраго согласія между обѣими державами, нетолько *немедленно* дало необходимое дозволеніе (фирманъ) на пріобрѣтеніе нужныхъ земель и построеніе всѣхъ желаемыхъ зданій, но и принесло въ даръ для упомянутой цѣли *участокъ казенной пустопорожней земли, примыкающій къ той площади, которая пріобрѣтена нами покупкою*“ [4]).

По отношенію къ начальнику духовной миссіи

---

[1]) Отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ улучшенію быта русск. правосл. поклонниковъ въ Палестинѣ, стр. 53—57; Мѣсяцесловъ Акад. изд. на 1863 г., стр. 53.

[2]) Мѣсяцесловъ Акад. изд. на 1863 г., стр. 64—65; на 1864 г. стр. 3 (прилож.).

[3]) Б. П. Мансуровъ. Базилика имп. Константина во св. градѣ Іерусалимѣ, стр. 29.

[4]) Отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ улучшенію быта русскихъ православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ, стр. 50—51.

епископу Кириллу великій князь былъ во все время своего пребыванія въ Іерусалимѣ въ высшей степени любезенъ и внимателенъ, передавъ ему двѣ Высочайше пожалованныя награды — драгоцѣнную панагію и орденъ св. Анны 1-й степени. О размолвкахъ между начальникомъ миссіи и г. Дорогобужиновымъ не велось въ присутствіи великаго князя никакой рѣчи. При отъѣздѣ своемъ изъ Іерусалима великій князь Константинъ Николаевичъ даже порекомендовалъ „ничего не дѣлать безъ соглашенія" съ начальникомъ миссіи. Очевидно, подъ вліяніемъ этихъ знаковъ высокаго вниманія и Высочайше пожалованныхъ наградъ епископъ Кириллъ воспрянулъ духомъ и писалъ восторженно своимъ роднымъ въ Петербургъ отъ 7 августа 1859 г. слѣдующее: „хочу взять впередъ за правило—пользоваться *удобствами своего теперешняго положенія* и время отъ времени дѣлать вылазки и прогулки. Поле широкое для этого здѣсь: посмотрю на Египетъ, просятъ побывать на Кипрѣ, зовутъ не дозовутся на Ливанскія горы, гдѣ многіе почали многое, но и на нашу долю оставили еще многое, лишь бы рукъ не вязали". „Доколѣ свѣтитъ впереди возможность послужить церкви, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 24 сентября того же года, ни на какую, ничью каѳедру не промѣняю я своего святого дѣла. *Непріятности*? Да вѣдь въ томъ-то и сладость жизни — въ борьбѣ; въ томъ то и признакъ святости дѣла—во враждѣ діавола" [1]).

Но впечатлѣнія пріятныя, вынесенныя отъ пребыванія царственныхъ гостей въ Іерусалимѣ, начали

[1]) Собственноручныя письма еп. Кирилла къ роднымъ доставлены намъ проф. протоіереемъ Ѳ. И. Титовымъ, которому мы и приносимъ глубокую благодарность за нихъ.

мало-по-малу улетучиваться, и въ свои права стала вступать печальная дѣйствительность со всѣми мелочными треволненіями. Совѣтъ великаго князя—„ничего не дѣлать безъ соглашенія“ съ начальникомъ миссіи не только не возъимѣлъ желаннаго и, можно полагать, благодѣтельнаго для успѣха дѣла нашего въ Іерусалимѣ практическаго результата, но оказался одною простою вѣжливостію, которую исполнители его воли совершенно игнорировали. Такъ Б. П. Мансуровъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Іерусалима, распорядился, какъ писалъ отъ 16 августа 1859 г. директору Азіатскаго Департамента Е. П. Ковалевскому епископъ Кириллъ, чтобы „г. Дорогобужиновъ взялъ отъ меня устроенный мною на деньги Государыни Императрицы госпиталь“. Сдѣлано это было просто, безъ всякихъ оповѣщеній и предувѣдомленій. „Г. Дорогобужиновъ вошелъ въ госпиталь, описалъ вещи, приказалъ служащимъ обращаться къ нему, и—дѣлу конецъ“. Смотрительницею госпиталя онъ назначилъ женщину, не лишенную капризовъ и нѣкоторыхъ своеобразностей, даже по словамъ и Б. П. Мансурова, А. А. Голикову. Когда преосв. Кириллъ попросилъ доставить ему опись вещей госпиталя и прислать ему ящикъ съ хирургическими инструментами, „адресованный на имя духовной миссіи“ изъ канцеляріи Ея Величества, то г. Дорогобужиновъ послалъ ему опись и ящикъ съ инструментами, но ключи отъ ящика „благоразумно удержалъ у себя“. „Теперь,—заявляетъ въ своемъ отношеніи пр. Кириллъ, даже не знаю, куда и обращаться съ вопросами по дѣламъ: г. Мансуровъ объявилъ мнѣ, что я могу заявлять свои мнѣнія по поклонническому дѣлу только чрезъ его превосходительство и г. Дорогобужинова, *но Мансуровъ—не на-*

чальство мнѣ, и голословныя его требованія не кажутся мнѣ закономъ. Дорогобужиновъ, въ свою очередь, указываетъ мнѣ Палестинскій Комитетъ, о которомъ *ни я, ни самъ онъ не имѣемъ еще письменныхъ увѣдомленій*. Что станешь дѣлать?" [1]).

Являлась, такимъ образомъ, настоятельная необходимость точно и ясно разграничить въ Палестинѣ сферы дѣятельности начальника миссіи и консула и взаимныя ихъ отношенія другъ къ другу. Журнальнымъ опредѣленіемъ Палестинскаго Комитета отъ 11 декабря 1859 г., утвержденнымъ Государемъ Императоромъ, эти отношенія и установлены были особыми правилами, которыя въ теоріи признавались руководящими началами нашихъ дѣятелей въ Палестинѣ, но на практикѣ потомъ вызывали цѣлый рядъ недоразумѣній и столкновеній, приводившихъ иногда къ необходимости прибѣгать даже и къ силѣ консульскаго каваса. Вотъ эти правила:

„На обязанность русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ возложить нравственное и духовное назиданіе всей русской паствы, церковное представительство, производство богослуженія, управленіе дѣлами миссіи, *пастырское наблюденіе за нашими поклонниками и всѣми нравственными условіями ихъ жизни, участіе совѣтами и указаніями въ дѣлѣ призрѣнія нашихъ богомольцевъ*, передачу консулу своихъ замѣчаній по сему предмету и содѣйствіе ему въ улучшеніи быта поклонниковъ.

„Подчинить всѣ русскія страннопріимныя заведенія въ Палестинѣ *завѣдыванію власти гражданской*,

[1]) Прот. Титовъ. Пр. Кириллъ Наумовъ, епископъ мелитопольскій, бывшій настоятель русской дух. миссіи въ Іерусалимѣ, стр. 416—418.

т. е. русскаго Императорскаго консульства, къ обязанности котораго относится все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управленіе, всѣ пріобрѣтенія земель и домовъ, *все хозяйственное завѣдываніе пріютами, госпиталемъ* и строеніями на основаніи инструкціи министерства иностранныхъ дѣлъ" [1]).

Кромѣ этихъ разграничительныхъ правилъ въ сферахъ дѣйствій начальника миссіи и консула, какъ прямыя послѣдствія пребыванія великаго князя въ Іерусалимѣ, и бывшихъ недоразумѣній между двумя представителями русской власти на Востокѣ, слѣдуетъ признать и удаленіе въ половинѣ 1860 года В. И. Дорогобужинова изъ Іерусалима и замѣну его настоящимъ консуломъ К. А. Соколовымъ изъ дипломатическихъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. За смертію, вскорѣ воспослѣдовавшею, Соколовъ былъ замѣненъ А. Н. Карцевымъ, бывшимъ консуломъ въ Румыніи.

За всѣмъ тѣмъ, епископъ Кириллъ не былъ допущенъ Б. П. Мансуровымъ и его сотрудниками къ участію въ обсужденіи проектовъ по созданію русскихъ богоугодныхъ заведеній и въ наблюденіи за ихъ постройкою, и вся его роль въ этомъ отношеніи ограничилась лишь присутствіемъ 30 августа, въ день тезоименитства Государя Императора, на закладкѣ соборнаго храма въ честь Св. Троицы, и то лишь въ качествѣ ассистента, такъ какъ предстоящимъ на церковномъ торжествѣ былъ намѣстникъ патріаршій Мелетій, митрополитъ Петры-аравійской. Само собою

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1884 г. № 44 л. 74. Сн. Дѣло арх. Св. Синода 1859 г. № 4214.

разумѣется, обойденному и обиженному начальнику миссіи оставалось одно лишь утѣшеніе — подвергать суровой критикѣ дѣйствія строительной коммиссіи и ея главныхъ дѣятелей и тѣмъ невольно создавать около себя въ Іерусалимѣ атмосферу всякихъ сплетенъ и праздныхъ разговоровъ среди нашихъ паломниковъ и святогробскаго духовенства, всегда стремившагося поддерживать шероховатыя отношенія между русскими представителями власти.

Задуманныя Палестинскимъ Комитетомъ богоугодныя заведенія въ Іерусалимѣ и начатыя постройкою на участкѣ земли въ 900 квадр. саженъ, обнесенномъ каменною оградою, за городомъ, въ центрѣ должны были имѣть соборъ во имя св. Живоначальной Троицы. Съ правой стороны его домъ для русской духовной миссіи и приходящихъ на поклоненіе русскихъ иноковъ. Въ верхнемъ этажѣ дома, кромѣ корридоровъ, лѣстницъ и террасъ, устроены были, по проекту, квартира архіерея, начальника миссіи, его намѣстника, три квартиры для іеромонаховъ, три для іеродіаконовъ, квартира для драгомана, три комнаты для пѣвчихъ и комната для прислуги. Въ нижнемъ этажѣ домовая церковь во имя св. царицы Александры на 350 человѣкъ, комната для кавасовъ, библіотека, магазинъ для священныхъ издѣлій, 12 комнатъ для пѣвчихъ и пріѣзжихъ иноковъ, трапезная, буфетъ, кухня, пекарня, кладовая и комната для прислуги.

Съ лѣвой стороны собора—странноприимный домъ на 300 поклонниковъ, заключающій въ себѣ, по первоначальному проекту, *въ верхнемъ этажѣ* квартиру старшаго смотрителя, 16 комнатъ—каждая на 5 человѣкъ, 5 комнатъ—каждая на 11 человѣкъ, четыре

комнаты—каждая на 12 человѣкъ, залъ для чтенія, террасу и умывальню. Въ нижнемъ этажѣ—квартира младшаго смотрителя, 8 комнатъ—каждая для 2 человѣкъ, 17 комнатъ—каждая для 5 человѣкъ, одна комната для 12 человѣкъ, трапезная, общая кухня, буфетъ, общая пекарня для поклонниковъ и кладовая для провіанта, комната для прислуги, кладовая для провизіи, кладовая для вещей поклонниковъ и умывальни.

На восточной сторонѣ площади, за алтаремъ собора, черезъ садъ, женскій пріютъ на 500 поклонницъ, въ *верхнемъ этажѣ* имѣющій 8 комнатъ—каждая для 3 человѣкъ, 4 комнаты—для 4 человѣкъ, 8 комнатъ—для 5 человѣкъ, 2 комнаты—для 8 человѣкъ, 16 комнатъ—для 12 человѣкъ, залъ для чтенія, террасу и умывальни, а въ нижнемъ этажѣ: сѣни, корридоры, помѣщенія для старшей и младшей смотрительницъ, 9 комнатъ—для 3 человѣкъ, 2 комнаты—для 4 человѣкъ, 8 комнатъ—для 5 человѣкъ, 2 комнаты для 8 человѣкъ, 12 комнатъ—для 12 человѣкъ, залъ для чтенія, трапезная, кухня, буфетъ, комната для прислуги, кладовая для провизіи, кладовая для вещей поклонницъ и умывальни.

Съ правой стороны женскаго пріюта—баня, прачешная, сараи и конюшня.

По той же линіи ближе къ воротамъ домъ для сторожей.

Противъ помѣщенія для службъ предположенъ двухъ-этажный домъ для пріѣзжающихъ лицъ благороднаго сословія. Въ верхнемъ этажѣ 4 номера въ одну комнату, 4 номера—въ четыре комнаты, комната для прислуги, ванная и кладовая; въ нижнемъ этажѣ: 9 номеровъ—въ одну комнату, два номера—

въ три комнаты, комната для прислуги, кухня, ванная, кладовая и наружныя крыльца.

Предъ паломническими пріютами предположено развести сады, устроить водоемы и выкопать въ разныхъ мѣстахъ Мейдамской площади 6 новыхъ цистернъ. На воротахъ, выходящихъ на яффскую дорогу, должны быть начертаны слова: „Страненъ бѣхъ и введосте мене“ (Матѳ. XXV, 35).

За домомъ миссіи, параллельно, устроенъ госпиталь на 60 кроватей. „Особенность постройки, по словамъ оффиціальнаго отчета, заключается въ образованіи посреди дома двухъ большихъ продольныхъ залъ или галлерей, которыя избавляютъ отъ надобности открывать окна въ палатахъ, но даютъ больнымъ возможность всегда дышать свѣжимъ воздухомъ, ходить и прогуливаться подъ защитою отъ солнечнаго жара. Въ этихъ же залахъ можетъ быть, по временамъ, отправляемо для больныхъ домашнее богослуженіе, а которые въ силахъ, могутъ ежедневно собираться на общую молитву, для слушанія душеполезнаго чтенія, для ручной работы и т. п.“. Въ верхнемъ этажѣ госпиталя, кромѣ зала, имѣются 8 палатъ для больныхъ, двѣ комнаты для больныхъ благороднаго сословія, комнаты для сестеръ милосердія, ванная; въ нижнемъ этажѣ: сѣни, лѣстницы, общій залъ, квартира доктора, комната для сестры милосердія, квартира аптекаря, аптека, лабораторія, матеріальная, операціонная, двѣ палаты для больныхъ, кладовая для бѣлья и корридоры, при госпиталѣ имѣется и особый садъ и цистерна [1]).

---

[1]) Отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ улучшенію быта прав. русск. паломниковъ въ Палестинѣ, стр. 67—68 и объясненія къ детальнымъ планамъ богоугодныхъ зданій въ приложеніи.

Таковъ первоначальный проектъ нашихъ богоугодныхъ заведеній въ Іерусалимѣ, но, при сооруженіи ихъ, пришлось сдѣлать въ немъ весьма существенныя сокращенія и урѣзки. Такъ, по 1 сентября 1862 года, съ марта 1858 года, по оффиціальнымъ даннымъ, были совершенно отстроены лишь каменная оградная стѣна въ 900 саженъ, домъ для сторожей, домъ для службъ, въ жилыхъ комнатахъ коего помѣстились строители русскихъ построекъ, большой водный бассейнъ и 6 цистернъ [1]), а къ 15 октября 1863 года, по отчетамъ, „совершенно отстроенными“ уже значатся зданіе для миссіи съ церковью св. великомученицы царицы Александры, госпиталь въ два этажа на 60 человѣкъ и мужской пріютъ, но уже въ одинъ этажъ, на 300 человѣкъ близился къ окончанію, и къ веснѣ 1864 г. долженъ быть оконченъ женскій пріютъ тоже въ одинъ этажъ, но по прежнему на 500 человѣкъ, и вчернѣ былъ оконченъ соборъ во имя Живоначальной Троицы. „Этимъ дѣломъ, т. е. окончаніемъ построекъ, по словамъ отчета, нужно спѣшить для того, чтобы къ Пасхѣ 1864 г. могло быть начато русское богослуженіе въ готовомъ уже домѣ духовной миссіи“ [2]).

По оффиціальному отчету, напечатанному въ академическомъ Мѣсяцесловѣ на 1864 годъ, расходы Палестинскаго Комитета по сооруженію русскихъ богоугодныхъ заведеній и по содержанію временныхъ наемныхъ пріютовъ и госпиталя въ періодъ времени съ осени 1858 года по 15 октября 1863 года, т. е. за пять лѣтъ, выразились въ такихъ цифрахъ:

---

[1]) Мѣсяцесловъ на 1863 г., изд. Акад. Наукъ, стр. 62—63 прилож.

[1]) Тамъ же, на 1864 г., стр. 2 прилож.

На покупку земель въ Палестинѣ . . .	54,813 р. 63 к.
На обзаведеніе и содержаніе временныхъ пріютовъ въ Іерусалимѣ, Яффѣ, Рамлэ, Кайфѣ и Назаретѣ	61,714 » 60 »
На устройство и содержаніе госпиталя	23,960 » 68 »
На строительныя работы	733,910 » 64 »
На банкирскіе расходы по переводамъ суммъ въ Іерусалимъ по курсу	49,586 » 43 »
За изготовленіе въ Петербургѣ разныхъ предметовъ для русскихъ сооруженій въ Іерусалимѣ изъ суммы, назначенной на это, 24,860 р.	12,060 » 85 »
За доставку ихъ въ Іерусалимъ и страховку ихъ изъ суммы въ 5,324 р. 3 к. . . .	2,864 » 82 »
За художественные труды для церкви св. царицы Александры	1,275 » — »
На переписку и почтовые расходы.	135 » 34 »
Итого .	940,321 р. 99 к.

Остатокъ къ 15 октября въ наличныхъ суммахъ выразился въ 63,737 р. 35 к.

Въ періодъ времени съ 1862 года по весну 1863 г. произведены были работы по украшенію и подготовкѣ къ освященію храма во имя св. царицы Александры и выразились въ такихъ цифрахъ:

За иконостасъ изъ дуба	1,720 р. — к.
За устройство престола, жертвенника, аналоевъ, рѣшетокъ, рамокъ для иконъ, различныхъ шкафовъ и другихъ церковныхъ принадлежностей	2,525 » — »
За иконы въ иконостасъ	500 » — »
Мебель для алтаря	700 » — »
Люстра, паникадила и бронзовыя лампады	7,337 » 20 »
3 бронзовыхъ золоченыхъ креста на куполъ собора	4,611 » 80 »
Чугунныя рѣшетки для собора, домовой церкви и дома миссіи	7,416 » — »

Всѣ принадлежности церковныя дѣлались въ византійскомъ стилѣ, по рисункамъ М. И. Эппингера, и получали одобреніе Государя Императора. Иконы писаны академиками Васильевымъ и Ксенофонтовымъ и извѣстнымъ иконописцемъ В. П. Пошехоновымъ, причемъ художники Васильевъ и Пошехоновъ, „движимые сердечнымъ участіемъ къ начатому въ Іерусалимѣ дѣлу, принесли написанныя ими иконы въ даръ воздвигаемой церкви". Отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, поступили въ даръ изящная серебряно-позлащенная церковная утварь—евангеліе, ковчегъ, крестъ, лжица, блюдо, чаша и проч.

За доставку и пересылку названныхъ предметовъ для Іерусалимскаго храма св. царицы Александры изъ Петербурга черезъ Лондонъ, Гибралтаръ въ Константинополь на англійскомъ пароходѣ „Эра" и оттуда въ Іерусалимъ на новомъ пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли уплочено 4,259 р. 91 к., за страховку въ 30,000 р. всѣхъ 138 ящиковъ—1,064 р. 82 к., за исправленіе этихъ предметовъ, попорченныхъ въ дорогѣ, за установку ихъ на мѣстѣ 3 мастерами, нарочито командированными въ Іерусалимъ,—842 р.44 к. [1]).

Избравъ мѣстомъ устроенія русскихъ богоугодныхъ заведеній загородный участокъ земли по яффской дорогѣ, строители и дѣятели Палестинскаго Комитета встрѣтились на первыхъ же порахъ съ рядомъ возраженій со стороны русскихъ людей относительно цѣлесообразности и пригодности устройства этихъ построекъ внѣ городской черты и, какъ въ ту пору казалось, и въ мѣстѣ, удаленномъ отъ главныхъ святынь

---

[1]) Акад. Мѣсяцесловъ на 1864 г., стр. 3—5. Прилож.

Св. Града. Многіе, пишетъ главный строитель этихъ построекъ Б. П. Мансуровъ, „не вѣрили въ возможность привлеченія русскихъ богомольцевъ въ пріюты, *расположенные внѣ города*. Опасаясь, что эти толки могутъ уменьшить сочувствіе къ задуманному въ Палестинѣ дѣлу“ и „для успокоенія всѣхъ тѣхъ, которые въ то время сильно осуждали за рѣшимость выстроить всѣ русскія заведенія внѣ городской черты“. „исполнители Высочайшей воли и предначертаній государя великаго князя Константина Николаевича должны были искать пріобрѣтенія какого либо *хорошаго участка* въ Св. Градѣ *не для* непремѣнной постройки на немъ дома консульства“, а съ цѣлью „обезпечить возможность, въ случаѣ необходимости, устроить въ возможной близости къ храму Гроба Господня такое *подворье*, въ которомъ и русская духовная миссія, и наши поклонники могли бы находить *временный пріютъ*, въ теченіе тѣхъ часовъ вечера съ ранняго утра, когда городскія ворота еще не были отперты, а храмъ Гроба Господня уже затворялся. Такой временный пріютъ былъ необходимъ только въ виду строго соблюдавшагося тогда порядка запиранія городскихъ воротъ съ заката до восхода солнца. Когда этотъ порядокъ самъ собою упразднился, а это послѣдовало скорѣе, чѣмъ думали, *помянутый пріютъ и подворье сдѣлались ненужными*“ [1]).

Съ упомянутою цѣлью, по указанію архитектора Пьероти, пріобрѣтенъ былъ небольшой участокъ земли по близости отъ главной іерусалимской святыни, т. е. храма Гроба Господня, принадлежавшій коптскому священнику Георгію, въ 140 кв. саженъ.

---

[1]) Б. П. Мансуровъ. Базилика Имп. Константина во Св. Градѣ Іерусалимѣ, стр. 22—23.

Къ этому участку для округленія впослѣдствіи прикуплено было въ разное время еще до 271 кв. сажени [1]). На покупку этого замѣчательнаго участка земли, заключавшаго въ себѣ цѣнные остатки знаменитой базилики императора Константина на мѣстѣ Обрѣтенія Креста Христова, а въ 1883 году, какъ оказалось, послѣ тщательныхъ научныхъ раскопокъ, произведенныхъ на средства покойнаго предсѣдателя нашего Общества великаго князя Сергія Александровича и при содѣйствіи Общества и обнаружившихъ скрывавшійся дотолѣ подъ слоемъ мусора и знаменательный порогъ, чрезъ который прослѣдовалъ Господь І. Христосъ на страданія, и древнія ворота, затрачено было въ разное время 30,691 р. 47 к. Въ эту сумму входятъ и 6,641 р., употребленные Комитетомъ на расчистку мѣста, раскопки и на устройство стѣны „недавней кладки" и „на древнемъ помостѣ" другой стѣны, для огражденія русскаго участка отъ сосѣдней земли Авраамієвскаго монастыря и воротъ для вывозки мусора на базарную улицу [2]). На мѣстѣ русскомъ близъ храма Воскресенія производились научныя раскопки въ 1864 г. извѣстнымъ французскимъ археологомъ графомъ Вогюэ, а въ 1865 г.—не менѣе извѣстнымъ

---

[1]) Наше мѣсто близъ храма Воскресенія состоитъ: 1) изъ участка земли, пріобрѣтеннаго консуломъ В. И. Дорогобужиновымъ 3 сентября 1859 г. у коптскаго священника Георгія и брата его Ризка, сыновей Ѳомы; 2) изъ участка, пріобрѣтеннаго консуломъ В. И. Дорогобужиновымъ 26 сентября 1859 г. у Магометъ-али-Хажди, 3) изъ участка, пріобрѣтеннаго у митрополита Петры - аравійской Мелетія 5 іюня 1861 г. императорскимъ консуломъ К. А. Соколовымъ и начальникомъ миссіи епископомъ мелитопольскимъ Кирилломъ, и 4) изъ участка, проданнаго 1 декабря 1861 г. тѣмъ же митрополитомъ епископу Кириллу.

[2]) Б. Мансуровъ: Базилика Импер. Константина въ Св. градѣ Іерусалимѣ, стр. 25, 26, 29, 33.

англійскимъ палестиновѣдомъ и археологомъ Вильсономъ, причемъ первый открылъ византійскую арку, а второй даже и проходъ подъ этою аркою. „Очистка подземелій, по словамъ оффиціальнаго отчета, потребовала долгихъ работъ и большихъ расходовъ, ибо здѣсь оказалась насыпь развалинъ и вѣкового мусора, вышиною болѣе пяти саженъ“. Поэтому начатыя раскопки въ 1859 г. были временно пріостановлены съ надеждою „производить по мѣрѣ средствъ“, которыя явились на лицо не скоро, лишь благодаря щедротамъ перваго Августѣйшаго предсѣдателя Палестинскаго Общества въ 1883 г.

Строители русскихъ богоугодныхъ заведеній въ Іерусалимѣ напрягали всѣ усилія, чтобы къ веснѣ 1864 года не только окончить ихъ и сдѣлать обитаемыми, но къ Пасхѣ этого года даже и „начать русское богослуженіе въ готовомъ уже домѣ духовной миссіи“. Правда, на дѣлѣ это имъ не вполнѣ удалось, но Б. П. Мансуровъ торжественно въ оффиціальныхъ документахъ заявлялъ, что „къ 1864 году было окончено въ Іерусалимѣ *все начатое дѣло;* въ результатѣ оказалось, что *все совершено раньше предположеннаго срока и дешевле противъ утвержденныхъ смѣтъ*“. Дѣло въ томъ, что въ исполненіи строители значительно уклонились отъ первоначальнаго плана. Такъ, оба пріюта мужской и женскій оказались безъ вторыхъ этажей, которыхъ они не имѣютъ и до настоящаго времени, хотя число поклонниковъ, какое предполагалось помѣстить въ нихъ, оставалось прежнее; не былъ, осуществленъ на практикѣ двухъ-этажный „страннопріимный домъ для пріѣзжающихъ лицъ благороднаго сословія“, вмѣсто котораго явился довольно неуклюжій домъ, отданный подъ помѣщеніе лицъ,

завѣдующихъ постройками, а въ декабрѣ 1863 года, когда рѣшено было перевести консульство изъ города въ центръ русской колоніи, этотъ домъ обреченъ былъ на радикальную передѣлку подъ квартиру консула и на надстройку надъ нимъ башни для часовъ и для вывѣшиванія консульскаго флага. „Просторная русская баня, недостатокъ которой, по словамъ отчета, столь часто ощущался всѣми нашими богомольцами“ [1]), осталась на бумагѣ лишь pium desiderium и получила осуществленіе, къ истинному удовольствію русскихъ людей, спустя почти 25 лѣтъ, уже когда вступило въ силу Императорское Православное Палестинское Общество. Причина этихъ урѣзокъ первоначальнаго плана нашихъ построекъ заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, которыя необходимы были на сооруженіе грандіознаго русскаго собора во имя Живоначальныя Троицы. Что же касается успѣшности построекъ, то она внѣ сомнѣнія, ибо главный строитель русскихъ богоугодныхъ зданій М. И. Эппингеръ считалъ ихъ настолько уже оконченными, что 1 мая 1864 года покинулъ Іерусалимъ, передавъ незначительныя додѣлки въ руки своего помощника архитектора В. А. Дорогулина.

Приближалось, такимъ образомъ, въ Іерусалимѣ всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемое открытіе русскихъ богоугодныхъ заведеній, переселеніе духовной миссіи въ предназначенный для нея домъ и торжественное освященіе домоваго храма во имя св. царицы Александры, а вмѣстѣ съ нимъ и самыхъ зданій. Но дѣятели Палестинскаго Комитета не

---

[1]) Отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ улучшенію быта русск. прав. паломниковъ въ Палестинѣ, стр. 69.

спѣшили ускореніемъ этихъ событій и протянули время до конца іюля мѣсяца. Все время, со дня назначенія въ Іерусалимъ новаго консула А. Н. Карцева до конца 1863 года, было употреблено палестинскими дѣятелями и главнымъ; преданнѣйшимъ ихъ агентомъ іерусалимскимъ консуломъ на то, чтобы всѣми мѣрами удалить изъ Іерусалима независимаго и энергично-настойчиваго начальника миссіи епископа Кирилла и лишить его возможности поселиться на новыхъ русскихъ постройкахъ, гдѣ онъ, опираясь на оффиціальныя инструкціи, данныя ему изъ Петербурга, и обѣщаніе и заявленія Комитета, несомнѣнно потребовалъ бы для себя активнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь нашихъ паломниковъ, чего боялись эти дѣятели, какъ огня. Получивъ весьма обстоятельныя инструкціи и совѣты въ Петербургѣ и заручившись сильною поддержкою нашего посла въ Константинополѣ Н. П. Игнатьева, А. Н. Карцевъ, подстрекаемый новыми своими друзьями въ Іерусалимѣ, строителями нашихъ зданій, повелъ противъ епископа Кирилла ожесточенную полемику, для которой могучую поддержку оказали инсинуація, злостная клевета, нелѣпыя іерусалимскія сплетни и невѣроятные слухи. Цѣлымъ рядомъ своихъ оффиціальныхъ донесеній въ Петербургъ и частныхъ писемъ въ Константинополь къ послу, въ которыхъ „умнаго, осторожнаго, способнаго обворожить архипастырскими добродѣтелями начальника миссіи“, Карцевъ не стѣснялся называть „человѣкомъ съ актерскими способностями“, алкоголикомъ „до припадковъ бѣлой горячки“, „скоморохомъ“, окружающимъ себя „арабскими комедіантами и женщинами“, онъ успѣлъ дискредитировать епископа Кирилла на

столько, что на донесеніи его отъ 19 мая 1863 г. въ Азіатскій Департаментъ Государь Императоръ, близко принимавшій къ сердцу наши дѣла въ Палестинѣ, положилъ такую резолюцію: „Крайне грустно, если все это правда. Но и слуховъ было бы достаточно, чтобы не оставить его на мѣстѣ“.

Участь злополучнаго епископа Кирилла такимъ образомъ была рѣшена. Ни защита нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, „по политическимъ соображеніямъ“ и на основаніи донесеній своихъ агентовъ „не находившаго присутствіе епископа мелитопольскаго въ Іерусалимѣ во главѣ миссіи излишнимъ, а тѣмъ менѣе вреднымъ“ [1]), ни самые лестные отзывы о немъ греческой патріархіи и жителей города Іерусалима, съ кадіемъ во главѣ, не могли удержать на мѣстѣ этого замѣчательнаго и много обѣщавшаго дѣятеля на православномъ Востокѣ. Указомъ 22 іюня 1863 года онъ былъ отозванъ изъ Іерусалима въ Россію и поселенъ на жительство въ казанскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ подъ впечатлѣніемъ перенесенныхъ нравственныхъ потрясеній и незаслуженныхъ огорченій мирно, хотя и весьма преждевременно, окончилъ жизнь, которая такъ много обѣщала и которая, кромѣ страданій, ничего не дала ему...

Достойно полнаго вниманія съ нашей стороны, что въ донесеніи отъ 19 мая 1863 г. въ Азіатскій Департаментъ консулъ А. Н. Карцевъ какъ бы мимоходомъ, безъ всякаго прямого отношенія къ существу дѣла, позволяетъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе относительно нравственныхъ качествъ *будущаго* желательнаго начальника нашей миссіи въ Іерусалимѣ.

---

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1857 г. № 4214.

„Я считалъ бы, пишетъ онъ, болѣе полезнымъ для единства нашихъ дѣйствій и русскихъ интересовъ въ Палестинѣ, новымъ начальникомъ духовной миссіи назначить не епископа, а *архимандрита*, извѣстнаго не однѣми только умственными способностями, но и добрымъ, честнымъ поведеніемъ и строгою примѣрною жизнію“ [1]). Несомнѣнно, эта завѣтная мысль Комитета подсказана была А. Н. Карцеву, и онъ въ ней искалъ выхода изъ предполагаемыхъ и ожидавшихся столкновеній съ начальникомъ миссіи—епископомъ и отсюда проистекающихъ большихъ непріятностей лично для себя и для своей будущей дипломатической карьеры. Мысль консула іерусалимскаго нашла себѣ сочувствіе въ Св. Синодѣ и серьезно въ немъ обсуждалась. Въ запискѣ съ проектомъ управленія богоугодными заведеніями въ Палестинѣ, препровожденной при указѣ Св. Синода отъ 12 марта 1863 года на заключеніе митрополита московскаго Филарета, начальникъ миссіи обрисовывается уже весьма скромными чертами. „Главныя качества, которыя будутъ требовать отъ настоятеля странноприимныя лавры въ Іерусалимѣ, должны быть, читаемъ мы въ этой запискѣ, *строгое благочестіе, твердость характера, умѣнье обращаться съ русскимъ простымъ народомъ и опытность въ дѣлѣ монастырскаго хозяйства*. Отъ такого духовнаго лица *не нужно вовсе требовать ни выспренней учености, ни умѣнья вынести условія общительности съ иностранцами, ни даже познанія греческаго и арабскаго языковъ*. Настоятель будетъ имѣть дѣло исключительно съ русскими поклонниками въ предѣлахъ русской обители. Слѣдовательно, главное

[1]) Архивъ Св. Синода по канцеляріи Оберъ-Прокурора 1863 г. № 160.

условіе заключается въ умѣніи управлять поклонниками и хозяйствомъ на томъ же основаніи, какъ это дѣлается въ монастыряхъ въ Россіи. Всѣ мѣстныя сношенія съ греческимъ духовенствомъ и іерусалимскими властями останутся удѣломъ дипломатическаго представителя, т. е. консула, *и отчасти начальника духовной миссіи*" [1]). Митрополитъ Филаретъ хотя и представилъ въ Св. Синодъ „особое мнѣніе" по поводу указанныхъ правилъ, но въ требованіяхъ относительно достоинствъ будущаго начальника миссіи, очевидно, не желалъ расходиться съ главными дѣятелями Палестинскаго Комитета, которыхъ смущалъ „слишкомъ высокій іерархическій санъ начальника іерусалимской миссіи". Поэтому, когда спросили его мнѣніе о будущемъ преемникѣ епископа Кирилла, то онъ рекомендовалъ оптинскаго іеромонаха Леонида (Кавелина, изъ дворянъ Калужской губерніи, бывшаго гвардейскаго капитана), „съ несомнѣннымъ достоинствомъ проходившаго монастырскую жизнь въ обители, преимущественно извѣстной духовнымъ благоустройствомъ" (т. е. Оптиной), и уже служившаго нѣкоторое время (съ 1 сентября 1857 г. по 20 мая 1859 г.) въ іерусалимской миссіи подъ начальствомъ епископа Кирилла. Указомъ отъ 29 ноября 1863 г. о. Леонидъ Кавелинъ былъ назначенъ начальникомъ миссіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, но отправился въ Іерусалимъ лишь весною слѣдующаго 1864 года [2]),

---

[1]) Арх. Савва. Собран. мнѣній и отзывовъ м. Филарета по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ, стр. 401.

[2]) Подробный біографическій очеркъ жизни и дѣятельности арх. Леонида Кавелина на православномъ Востокѣ—въ Іерусалимѣ и Константинополѣ, составленный нами на основаніи неизданныхъ документальныхъ данныхъ, имѣетъ быть напечатанъ особо въ недалекомъ будущемъ.

причемъ какъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ и отъ Св. Синода онъ былъ снабженъ (27 февраля 1864 года отъ министра и 23 марта отъ Синода) самыми обстоятельными инструкціями. Такъ какъ важнѣйшія положенія этихъ инструкцій служили руководящими правилами для нашей духовной миссіи въ теченіе всего времени ея существованія въ Іерусалимѣ, и даже въ послѣднее время, когда (въ 1891 году) поднялся вопросъ объ исправленіи инструкціи для начальника миссіи, Св. Синодъ не призналъ возможнымъ радикально измѣнять ее, а лишь слегка дополнилъ нѣкоторыми новыми правилами, вызываемыми къ жизни обстоятельствами даннаго времени,—то поэтому намъ, хотя бы и въ общихъ чертахъ, необходимо ближе познакомиться съ содержаніемъ этихъ инструкцій [1]).

„По распоряженію правительства, забота о новыхъ постройкахъ для обезпеченія пріютовъ нашимъ богомольцамъ, надзоръ за всѣми возведенными для этой цѣли зданіями, а также и попеченіе о матеріальныхъ нуждахъ богомольцевъ, говорится въ министерской инструкціи, возложены на особыхъ лицъ, по усмотрѣнію Палестинскаго Комитета. Императорское консульство, по самому существу своихъ обязанностей, сносится съ мѣстными властями, заботится о безопасности и интересахъ нашихъ подданныхъ, разрѣшаетъ возникающіе между ними споры и т. п. Затѣмъ кругъ дѣйствій духовной миссіи заключается, кромѣ отправленія богослуженій и удовлетворенія

---

[1]) Подлинныя инструкціи хранятся въ дѣлахъ Св. Синода и нашей миссіи въ Іерусалимѣ. Копіи ихъ имѣются въ бумагахъ канцеляріи Импер. Прав. Палест. Общества въ дѣлѣ объ арх. Леонидѣ Кавелинѣ.

духовныхъ нуждъ нашихъ подданныхъ, равно какъ и тѣхъ православныхъ всѣхъ народностей, которые обратились бы для сего къ начальнику или членамъ миссіи, въ поддержаніи дружественныхъ сношеній съ мѣстнымъ духовенствомъ, въ передачѣ по принадлежности присылаемыхъ изъ Россіи пожертвованій, а также и въ содѣйствіи нашему консульству въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обратится къ посредству миссіи“.

Св. Синодъ, повторяя во многомъ требованія министерства иностранныхъ дѣлъ, а иногда чрезмѣрно раздвигая кругъ дѣйствій и вліянія начальника нашей духовной миссіи далеко за предѣлы іерусалимскаго патріархата, останавливается между прочимъ на уясненіи вопроса, какъ начальникъ миссіи обязанъ раздѣлять съ консуломъ заботы о поклонникахъ. „Раздѣляя заботы о русскихъ поклонникахъ съ состоящими въ вѣдѣніи Вашемъ членами миссіи, Вы, читаемъ мы въ инструкціи Св. Синода, должны стараться *духовными назиданіями, совѣтами, внушеніями и примѣрами собственной жизни располагать ихъ къ благоговѣйному образу поведенія*. Въ случаѣ же, если кто изъ поклонниковъ, дозволивъ себѣ явно соблазнительную жизнь, презритъ совершенно Ваши пастырскія предостереженія, Вамъ остается тогда предупредить о томъ довѣрительно консула“. Въ порядкѣ внутренняго управленія миссіею „Вамъ, *какъ начальнику миссіи, поручается наблюденіе за поведеніемъ состоящихъ при оной лицъ*, распредѣленіе между ними обязанностей и занятій и вообще руководство ихъ, почему на Вашей обязанности лежитъ устранять возникающія между ними неудовольствія, если бы таковыя случились, разбирать ихъ жалобы и производить безпристрастное законное удовлетвореніе“.

Хорошо усвоивъ эти и другіе основные принципы, которыми долженъ былъ руководиться новый начальникъ миссіи, арх. Леонидъ постарался побесѣдовать съ извѣстнымъ уже ему по первоначальной службѣ въ Іерусалимѣ Б. П. Мансуровымъ, державшимъ въ это время въ своихъ рукахъ всѣ русскія палестинскія дѣла, чтобы получить и отъ него, такъ сказать, неписанныя инструкціи. Здѣсь онъ, однако же, долженъ былъ убѣдиться, что его назначеніе въ Іерусалимъ нашими дѣятелями Палестинскаго Комитета встрѣчено не вполнѣ благосклонно.

Казалось бы, что въ лицѣ арх. Леонида удивительно сочетались и „строгое благочестіе“, и „твердость характера“, и „умѣнье обращаться съ русскимъ простымъ народомъ“, и „опытность въ дѣлѣ монастырскаго хозяйства“, о чемъ хлопотали дѣятели Палестинскаго Комитета, и „ученость“, или правильнѣе, любовь къ наукѣ и, благодаря хорошему знанію языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, отчасти греческаго и латинскаго, южно-славянскихъ нарѣчій и польскаго языка, даже „умѣнье вынести условія общительности съ иностранцами“, что поставлялось на видъ его предшественникамъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Слѣдовательно, арх. Леонидъ долженъ бы считаться вполнѣ желаннымъ и искомымъ кандидатомъ на трудный постъ начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ, но въ данное время, очевидно, не того желали и не такого человѣка подыскивали въ Іерусалимъ дѣятели Палестинскаго Комитета. Послѣ оживленной бесѣды, Б. П. Мансуровъ прямо заявилъ о. архимандриту Леониду, что онъ знаетъ, что нужно въ Іерусалимѣ, и что тамъ, по его мнѣнію, водворятся миръ и тишина лишь тогда,

когда начальникомъ миссіи будетъ *попъ съ 12 человѣками дѣтей* [1]). Не лучше у арх. Леонида была встрѣча проѣздомъ черезъ Константинополь и съ патріархомъ іерусалимскимъ Кирилломъ, котораго онъ, по порученію Св. Синода, обязанъ былъ пригласить на предстоящее освященіе домовой церкви во имя св. царицы Александры или, въ крайнемъ случаѣ, просить его приказать намѣстнику митрополиту Мелетію замѣнить патріарха на этихъ торжествахъ. Патріархъ Кириллъ, оказавшій арх. Леониду на пріемѣ полное вниманіе, а въ граматѣ Св. Синоду по поводу его назначенія выразившій даже радость, въ частной бесѣдѣ съ настоятелемъ нашей миссіи въ Константинополѣ архимандритомъ Антониномъ, занесшимъ этотъ отзывъ патріарха потомъ и въ оффиціальную бумагу, выразился, что отъ этого назначенія „добра не будетъ“ въ Іерусалимѣ [2]). При такихъ-то неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ 12 мая 1864 года арх. Леонидъ прибылъ въ Іерусалимъ, имѣя съ собою 2 іеромонаховъ и одного іеродіакона и 6 человѣкъ пѣвчихъ, для которыхъ вызванъ былъ потомъ и регентъ изъ Россіи, и поселился уже прямо на русскихъ постройкахъ въ совершенно приготовленномъ домѣ миссіи.

Ко времени водворенія въ Іерусалимѣ третьей миссіи, такъ какъ Высочайше утвержденный Пале-

---

[1]) Изъ письма арх. Леонида къ В. Н. Хитрово отъ 9 апрѣля 1879 г. Въ донесеніи въ Св. Синодъ въ 1865 г. „о происшествіяхъ, случившихся въ Іерусалимской духовной миссіи со времени возвращенія консула“ и въ письмѣ къ митрополиту Филарету отъ 20 августа 1866 г. разговоръ съ Б. П. Мансуровымъ передается такъ: „я вижу, что въ Іерусалимѣ тогда только пойдетъ хорошо дѣло, когда на вашемъ мѣстѣ будетъ *пѣшка*“. (Дѣло арх. Св. Синода 1865 г. № 3156; Христ. Чтен. 1900 г. ч. I, стр. 226).

[2]) Дѣло арх. Св. Синода 1865 г. № 3156.

стинскій Комитетъ уже выполнилъ свою задачу, т. е. построилъ предположенныя богоугодныя заведенія въ Іерусалимѣ, и такъ какъ августѣйшій предсѣдатель его, за выбытіемъ въ Варшаву на постъ намѣстника, прекратилъ свою связь съ Комитетомъ, предсѣдательство въ которомъ потомъ переходило и къ министру народнаго просвѣщенія Головнину и даже нѣкоторое время, съ 23 марта 1863 г., къ Б. П. Мансурову, существованіе его въ дальнѣйшемъ было признано безцѣльнымъ. Въ апрѣлѣ 1864 года появилась на смѣну его Высочайше утвержденная Палестинская Коммиссія, *состоящая при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ*. Членами Коммиссіи, по Высочайшему указанію, были назначены, какъ представитель отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, директоръ Азіатскаго Департамента, какъ представитель отъ духовнаго вѣдомства,—оберъ-прокуроръ Св. Синода или его товарищъ и лично бывшій членъ Комитета, хорошо освѣдомленный въ нашихъ іерусалимскихъ дѣлахъ, Б. П. Мансуровъ.

Въ наслѣдство отъ Комитета вновь учрежденная Палестинская Коммиссія получила вмѣстѣ съ документами капиталъ въ 56,532 р. 14½ к., изъ коихъ 20,700 р. въ 5% государственныхъ билетахъ и деньгами 35,832 р. 14¼ к.

Такъ какъ составъ Коммиссіи былъ крайне ограниченный и главнѣйшіе члены ея—директоръ Азіатскаго Департамента и оберъ-прокуроръ Св. Синода, кромѣ того, имѣли у себя на рукахъ множество дѣлъ, непосредственно отъ нихъ зависящихъ, то Б. П. Мансуровъ дѣлается теперь фактически, почти на 25 лѣтъ, единственнымъ мощнымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ, касающихся Палестины. Превосходное знакомство

съ условіями жизни и быта на Востокѣ, личныя частыя общенія съ выдающимися тамъ дѣятелями, изумительная энергія, упорная настойчивость въ отстаиваніи своихъ взглядовъ и убѣжденій, дипломатическая изворотливость и умѣнье при желаніи обворожить и привязать къ себѣ нужнаго ему человѣка— все это сдѣлало изъ Б. П. Мансурова настойчиво энергичнаго, независимаго и почти безаппеляціоннаго распорядителя въ Іерусалимѣ въ нашихъ богоугодныхъ заведеніяхъ и авторитетно незамѣнимаго члена въ Коммиссіи въ Петербургѣ, гдѣ къ его обширнымъ резолюціямъ, замѣчаніямъ, предположеніямъ и т. п. другіе члены ея, никогда не видѣвшіе Востока, внимательно прислушивались, стереотипно повторяя: „Съ мнѣніемъ Б. П. Мансурова согласенъ такой-то“. Іерусалимскій консулъ, строители, рабочіе, смотрители и служащіе въ пріютахъ и больницѣ всецѣло зависили отъ Б. П. Мансурова, считались съ его волею, его мнѣніями и распоряженіями и искали его одобренія и поддержки. Для жителей Палестины, привыкшихъ такія преимущества власти и чести относить лишь къ пашѣ, Б. П. Мансуровъ былъ по истинѣ „Мансуръ-паша“, какъ величали его туземцы. Въ его распоряженіи все время существованія Палестинской Коммиссіи находилась весьма ограниченная канцелярія, состоявшая изъ дѣлопроизводителя, получавшаго жалованье сначала 25 р., а потомъ до конца закрытія Коммиссіи 50 р., и письмоводителя съ жалованьемъ въ 25 р.

Первымъ дѣломъ Палестинской Коммиссіи въ Іерусалимѣ было освятить церковь во имя св. царицы Александры и съ осени открыть богоугодныя заведенія для пріема русскихъ поклонниковъ. Обязан-

ность подготовить церковь къ освященію была возложена на новаго начальника миссіи арх. Леонида, который, сейчасъ же по пріѣздѣ, перевелъ миссію изъ Архангельскаго монастыря, гдѣ она смиренно ютилась дотолѣ, въ новое, построенное для нея, обширное зданіе, а на 28 іюля назначилъ освященіе храма. За отказомъ патріарха быть на этомъ знаменательномъ торжествѣ въ жизни русской колоніи въ Іерусалимѣ, приглашенъ былъ его намѣстникъ Мелетій, митрополитъ Петры-аравійской, который и совершилъ освященіе храма при громадномъ стеченіи народа, не только православныхъ, но даже иновѣрцевъ. Торжество закончилось обильнымъ обѣдомъ какъ для почетныхъ гостей, такъ и для рабочихъ и богомольцевъ. На эти торжества распорядители истратили, вмѣстѣ съ подготовленіемъ къ освященію храма, всего 664 р. 56¼ к. или 13,291¼ піастровъ, что Б. П. Мансуровымъ справедливо признано „замѣчательною бережливостью“ [1]).

Главные строители архитекторы Эппингеръ и Дорогулинъ получили при этомъ слѣдующіе чины и ордена, младшіе архитекторы Поздняковъ и Грановскій, смотритель Левитовъ и вице-консулъ Марабути — ордена, прочіе служащіе на постройкахъ, по личному усмотрѣнію Б. П. Мансурова, денежныя награды изъ 3,000 р., назначенныхъ на это Коммиссіею, а рабочіе—медали. Самъ главный распорядитель Б. П. Мансуровъ былъ на верху блаженства и не скупился на

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1864 г. № 80 (исход.). Достойно вниманія, что на справку въ 1872 году, при освященіи собора во имя Св. Живоначальной Троицы, показанъ былъ расходъ 1864 г. въ 14,630 піастровъ или 731½ р. (Дѣла Палестин. Коммиссіи 1872 г. № 23 л. 213—216).

похвалы ближайшимъ своимъ сотрудникамъ. По поводу отчета г. Эппингера за первую треть 1864 года, онъ писалъ дѣлопроизводителю Коммиссіи Мельникову слѣдующее: „Я просматривалъ сей отчетъ и остался имъ *очень доволенъ*, ибо тутъ цифра расхода менѣе той, которую я исчислилъ по 1 мая. Дѣло, слѣдовательно, *очень благополучно*". При разсмотрѣніи отчетовъ консульскихъ за майскую и сентябрьскую трети того же 1864 г., Б. П. Мансуровъ, обращаясь къ директору Азіатскаго Департамента П. Н. Стремоухову, замѣчаетъ: „Отчетность г. консула такъ *блистательно хороша*, что не представляется ни малѣйшаго, по моему мнѣнію, повода къ какому либо замѣчанію, напротивъ того, нельзя не отдать полной справедливости *замѣчательной бережливости и рѣдкому благоразумію*, съ какимъ А. Н. Карцевъ велъ сложное хозяйственное дѣло, при невыгодныхъ и экстренныхъ обстоятельствахъ". „Я съ намѣреніемъ придаю настоящему моему сообщенію оффиціальную форму, потому что желаю и считаю обязанностью оставить въ дѣлахъ Коммиссіи свидѣтельство полнаго уваженія *къ драгоцѣнной и полезной для ней заботливости г. консула*".

Главный хозяинъ русскихъ богоугодныхъ построекъ консулъ А. Н. Карцевъ отсутствовалъ изъ Іерусалима до декабря 1864 года, и на торжествахъ освященія этихъ зданій его роль исполнялъ секретарь консульства Т. П. Юзефовичъ. Съ прибытіемъ паломниковъ въ Іерусалимъ къ началу паломническаго сезона, на нашихъ постройкахъ двери обоихъ пріютовъ гостепріимно открылись для нихъ, и суетливая паломническая жизнь приняла свой обычный порядокъ. Новый начальникъ миссіи о. архимандритъ Леонидъ, по свойству своего настойчиваго рѣшитель-

наго характера и по своимъ ригористическимъ монашескимъ воззрѣніямъ, опираясь на данныя ему инструкціи изъ Петербурга и пользуясь, за отсутствіемъ консула, правами единовластнаго хозяина, рѣшился паломническую жизнь въ нашихъ пріютахъ и особенно въ женскомъ пріютѣ урегулировать соотвѣтственно святости мѣста и важности добровольно принятаго каждымъ паломникомъ на себя подвига, подчинить „своему постоянному и бдительному надзору". Полную готовность не допускать во ввѣренномъ ея управленію *(какъ начальницы)* мѣстѣ ничего противнаго христіанскому долгу и совѣсти выразила его духовная дочь, мать Магдалина, назначенная смотрительницею женскаго пріюта. Но эти намѣренія ригориста начальника миссіи не пришлись по душѣ русскимъ строителямъ богоугодныхъ заведеній.

„Господа, служащіе здѣсь, по словамъ арх. Леонида, высказываютъ твердое намѣреніе не терпѣть среди себя ни одного, мало-мальски не безгласнаго свидѣтеля ихъ дѣйствій". Партія недовольныхъ о. арх. Леонидомъ усилилась довольно сильными и важными сторонниками — супругами Мазараки, изъ мѣстныхъ обывателей. Докторъ Мазараки, домашній врачъ и близкій человѣкъ патріарха, занималъ мѣсто при нашей больницѣ съ жалованьемъ въ 2,250 р. (послѣдующіе доктора изъ русскихъ пользовались содержаніемъ лишь въ 1,500 р.), при готовой квартирѣ и отопленіи. Съ пріѣздомъ новаго начальника миссіи, имѣвшаго при себѣ, въ качествѣ драгомана, араба Сарруфа, окончившаго курсъ нашей медико-хирургической академіи, благодаря іерусалимскимъ празднымъ разговорамъ, г. Мазараки началъ побаиваться конкурренціи въ лицѣ упомянутаго Сарруфа и пе-

решелъ охотно на сторону недоброжелателей новаго начальника, оказавъ, благодаря своей близости къ патріарху, громадное вліяніе на холодность отношеній патріархіи къ нашей миссіи въ это время. Роль секретаря и корреспондента въ этой партіи съ незамѣнимымъ успѣхомъ въ дѣлѣ составленія доносовъ и жалобъ сыгралъ В. Н. Каминскій, авторъ „Воспоминаній поклонника Св. Гроба“, человѣкъ крайне болѣзненный, желчно раздражительный и мелочно самолюбивый. Находясь не у дѣлъ, В. Н. Каминскій проживалъ въ Іерусалимѣ и успѣлъ втереться въ довѣріе Б. П. Мансурова и А. Н. Карцева на столько, что они дозволили ему поселиться на русскихъ постройкахъ *даромъ*, далеко еще до полнаго окончанія построекъ русскихъ богоугодныхъ заведеній. Теперь въ благодарность онъ платилъ имъ за это своимъ легко подвижнымъ перомъ.

Всѣ указанныя нами лица, проживавшія на русскихъ постройкахъ и такъ или иначе недовольныя по разнымъ причинамъ начальникомъ миссіи, постарались привлечь на свою сторону и нѣкоторыхъ членовъ миссіи и пѣвчихъ, которые имѣли свои основанія быть также недовольными арх. Леонидомъ. Новые члены миссіи, набранные арх. Леонидомъ случайно и безъ должной осмотрительности съ его стороны, на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Іерусалимѣ вступили съ нимъ въ пререканія, — одинъ (іеромонахъ Іоаннъ), по молодости лѣтъ не допущенный къ исполненію обязанности духовника, изъ-за ограниченія своихъ правъ, а другой (іеродіаконъ Арсеній), воспитанникъ петербургской духовной академіи, изъ ложнаго самолюбія, не желавшій подчиниться авторитету начальника, никакой богословской степени не

имѣвшаго. Пѣвчіе миссіи не мирились съ его властнымъ и нѣсколько суровымъ тономъ, требовавшимъ отъ подчиненныхъ во всемъ безпрекословной монашеской покорности. Архитекторы В. А. Дорогулинъ и М. Ѳ. Грановскій съ товарищами, чтобы сплотить и объединить недовольныхъ установившимися порядками, нерѣдко устраивали на постройкахъ по вечерамъ сборища пѣвчихъ миссіи „съ пѣніемъ пѣсенъ и романсовъ“ и „обильными попойками“, на которыхъ имъ безъ особыхъ затрудненій удалось выработать даже планъ совмѣстныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ начальника миссіи. Оставалось лишь выждать удобный моментъ для начала дѣйствій. Такимъ моментомъ и было признано возвращеніе консула А. Н. Карцева изъ Петербурга въ Іерусалимъ, получившаго несомнѣнно указанія, какъ держать себя по отношенію къ новому начальнику миссіи, и всѣмъ сердцемъ желавшаго удалить и замѣнить его „простымъ іеромонахомъ“. Взбудораженный со стороны своихъ единомысленниковъ и друзей наговорами, что новый начальникъ миссіи подвергаетъ строгому осужденію и на самомъ дѣлѣ его не вполнѣ безупречное нравственное поведеніе, а равно и поведеніе его секретаря, А. Н. Карцевъ, съ свойственною ему горячностію, ухватился за ложную мысль досадить арх. Леониду, а потомъ и удалить его совершенно изъ Іерусалима, точно такимъ же образомъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ епископомъ Кирилломъ, а поэтому онъ неосмотрительно принялъ изъ рукъ членовъ миссіи жалобу на своего начальника и даже сталъ руководить ими въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Такъ начались злополучные безпорядки въ русской духовной миссіи, во время которыхъ наличные члены миссіи

отказали въ повиновеніи своему начальнику, отобрали отъ него церковные ключи, безконтрольно стали распоряжаться церковнымъ имуществомъ и даже не допускали къ служенію своего настоятеля... Со стороны консула послѣдовалъ доносъ въ Константинополь и въ Петербургъ „о предосудительныхъ поступкахъ“ архимандрита Леонида. Но дѣло этимъ, такъ сказать, домашнимъ скандаломъ, не ограничивается, а въ эту печальную исторію втягивается и патріархъ.

Во время отсутствія арх. Леонида изъ Іерусалима, по случаю его путешествія для исповѣди и духовнаго утѣшенія у знаменитаго въ свое время старца сербина Іоасафа, инока обители св. Саввы Освященнаго, изъ квартиры его съ подобраннымъ ключемъ были выкрадены секретныя донесенія о. Леонида въ Петербургъ, касавшіяся нѣкоторыхъ нравственныхъ нестроеній патріархіи, и переданы патріарху. И дотолѣ, благодаря вліянію доктора Мазараки и своему раньше составленному предубѣжденію противъ архимандрита Леонида, не особенно благосклонно къ нему относившійся патріархъ теперь, съ полученіемъ документальныхъ данныхъ въ руки, сталъ прямо во враждебныя къ нему отношенія. По возвращеніи изъ лавры, архимандритъ Леонидъ не только былъ принятъ патріархомъ весьма холодно, но послѣдній ему порекомендовалъ воздерживаться отъ священнослуженій и, вопреки издавна установившемуся въ Іерусалимѣ обычаю, не приглашалъ опальнаго архимандрита къ участію въ торжественныхъ литаніяхъ и богослуженіяхъ въ святогробскомъ храмѣ и въ теченіе всего великаго поста, и даже и въ первый день Пасхи... Въ

народѣ, среди многочисленныхъ русскихъ паломниковъ, этотъ фактъ не остался незамѣченнымъ, и всѣ открыто заговорили о формальномъ запрещеніи архимандрита Леонида въ священнослуженіи іерусалимскимъ патріархомъ... О своихъ некорректныхъ отношеніяхъ къ начальнику миссіи патріархъ не счелъ возможнымъ скрывать и написалъ 13 апрѣля 1865 г. особое посланіе въ Петербургъ въ Св. Синодъ. Обвиняя совершенно несправедливо арх. Леонида въ „безпорядочномъ" и даже въ „безчинномъ поведеніи" и доводя, „съ смертельною скорбію" въ своемъ „отеческомъ сердцѣ", до свѣдѣнія Св. Синода даже о томъ, что онъ „*воспретилъ* его высокопреподобію принимать участіе въ священнодѣйствіяхъ, совершаемыхъ на всесвятыхъ мѣстахъ", патріархъ Кириллъ просилъ Св. Синодъ, „по благоразумію и благоразсудительности своей", „положить конецъ такому худому положенію дѣлъ, замѣнивъ сказаннаго архимандрита Леонида какимъ-либо другимъ лицомъ", при чемъ не забылъ порекомендовать „отеческой любви" Св. Синода и своихъ доброжелателей, членовъ духовной миссіи, якобы, „незаслуженно страдающихъ", — іеромонаха Іоанна и іеродіакона Арсенія.

Вся эта крайне прискорбная исторія и особенно „немилостивое" патріаршее посланіе произвели въ Св. Синодѣ весьма „непріятное" впечатлѣніе, и съ патріархомъ по этому поводу началась продолжительная, тянувшаяся до 1868 года переписка, въ которой долженъ былъ принять живое участіе и нашъ посолъ въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевъ. Въ частности по отношенію къ арх. Леониду и къ улаженію дѣлъ вообще въ нашей миссіи въ іюнѣ 1865 года, по предложенію посла Н. П. Игнатьева, Св. Синодъ рѣшилъ отправить въ Іерусалимъ настоятеля на-

шей миссіи въ Константинополѣ арх. Антонина (Капустина).

Архимандритъ Антонинъ, „служащій съ признаками достоинства и съ надеждою болѣе значительнаго и болѣе полезнаго служенія“, какъ выразился о немъ митрополитъ Филаретъ, прибылъ въ Іерусалимъ 11 сентября 1865 г., имѣя порученіе высшей духовной власти тщательно разслѣдовать печальную исторію въ духовной миссіи, переговорить съ іерусалимскимъ патріархомъ и *временно* замѣнить о. архимандрита Леонида, переведеннаго, по распоряженію Св. Синода, въ Константинополь тоже для *временнаго* исполненія обязанностей настоятеля церкви при нашемъ посольствѣ, пока слѣдствіе о немъ окончится и найдена будетъ возможность создать удовлетворительный для чести русской церкви выходъ изъ этого инцидента. Это неопредѣленное тяжелое положеніе для обоихъ нашихъ дѣятелей на Востокѣ, архимандритовъ Антонина и Леонида, длилось довольно долго и окончилось лишь въ 1869 году, когда о. арх. Леонидъ былъ назначенъ настоятелемъ первокласснаго монастыря Россіи, именуемаго „Новый Іерусалимъ“, а архимандритъ Антонинъ утвержденъ, наконецъ, начальникомъ миссіи въ Іерусалимѣ [1]). Въ рѣшеніи этого щекотливаго вопроса сыграла не послѣднюю роль и кончина въ 1868 г. митрополита московскаго Филарета, который не желалъ сдѣлать никакихъ уступокъ іерусалимскому патріарху и всячески оберегалъ престижъ русской Церкви въ глазахъ восточнаго духовенства. Немало-

[1]) Подробнѣе см. въ моемъ очеркѣ „Начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ арх. Антонинъ (Капустинъ), какъ дѣятель на пользу православія на Востокѣ и въ частности въ Палестинѣ“. Спб. 1904.

важнымъ тормазомъ къ медленному рѣшенію этого вопроса послужило и то, что донесеніе въ Св. Синодъ „о неустройствахъ въ іерусалимской духовной миссіи“ арх. Антонина не лишено было колебаній и даже нѣкотораго пристрастія. „Дѣйствуя скромно и мирно, писалъ предусмотрительный митрополитъ Филаретъ еще о предполагавшейся посылкѣ въ Іерусалимъ съ упомянутою цѣлью арх. Антонина, рѣшится ли онъ при томъ сказать нѣкоторыя твердыя слова патріарху, чтобы разрѣшить его предубѣжденія противъ арх. Леонида и консулу, чтобы изъяснить ему неправильность принятія доносовъ, переданныхъ отъ него и слѣдствія“ [1]). И на самомъ дѣлѣ, архимандритъ Антонинъ, выѣхавшій въ Іерусалимъ съ опредѣленнымъ планомъ слiянія іерусалимской духовной миссіи съ константинопольскою и соглашавшійся быть настоятелемъ миссіи [2]), но жить въ Константинополѣ, въ качествѣ апокрисіарія при вселенскомъ патріархѣ, старался вести слѣдствіе въ примирительномъ духѣ, щадя всячески каждую изъ враждующихъ сторонъ. Благодаря, конечно, этому, онъ и достигъ того, что когда возникъ вопросъ о преемникѣ о. арх. Леонида, то арх. Антонинъ, въ качествѣ таковаго, „не имѣлъ для себя затрудненій *ни со стороны консула, ни со стороны патріарха*“ [3]).

Оставшись въ Палестинѣ и утвердившись окончательно на новомъ мѣстѣ, имѣя за собою опытъ прежней службы и поддержку константинопольскаго посла Н. П. Игнатьева, искренно къ нему расположеннаго

---

[1]) Арх. Савва. Собр. мнѣній и отзыв. м. Филарета по дѣламъ пр. ц. на Востокѣ, стр. 440.

[2]) Тамъ же, стр. 456.

[3]) Тамъ же, стр. 465.

и высоко его цѣнившаго, арх. Антонинъ принялся за изученіе церковныхъ дѣлъ въ Іерусалимѣ: онъ сблизился до интимной дружбы „съ великимъ простецомъ во Христѣ Іисусѣ“ патріархомъ Кирилломъ, зорко слѣдилъ за успѣхами пропаганды католической и протестантской, обращалъ серьезное вниманіе на приниженное туземное арабское духовенство, всячески покровительствуя ему, изучалъ памятники византійской письменности, хранящіеся въ книгохранилищахъ Палестины, и живо интересовался бытомъ и положеніемъ нашихъ паломниковъ у Св. Гроба.

По отношенію къ русскимъ паломникамъ арх. Антонинъ сначала горячо принялся за ихъ руководство на далекой чужбинѣ, печатая для нихъ „Наставленіе поклонникамъ Св. Гроба, по прочтеніи великаго канона“, „Наставленіе русскимъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ передъ исповѣдью“ и т. п., но потомъ, когда сближенія его съ нашими паломниками навлекли подозрѣнія главнаго хозяина русскихъ построекъ, консула, который внушалъ или даже „приказывалъ смотрительницѣ женскаго пріюта доносить всякій разъ ему, когда кто-нибудь изъ членовъ миссіи придетъ въ пріютъ“ [1]), и когда главные распорядители Палестинской Коммиссіи прямо ему указали, что онъ можетъ лишь „содѣйствовать Императорскому консульству“, а распоряжаться въ паломническихъ пріютахъ не долженъ, то для мирнаго modus vivendi онъ попытался усвоить принципъ полнаго невмѣшательства во внутреннюю жизнь нашихъ богоугодныхъ заведеній. „Миссіи, писалъ въ одной корреспонденціи о. арх. Антонинъ, никто не поста-

[1]) Гражданинъ 1874 г. № 51, стр. 1291.

вилъ ни въ право, ни въ обязанность руководить поклонниковъ, посѣщающихъ Св. мѣста... Заикнись теперь духовная миссія о своей пригодности къ пасенію словеснаго стада нашего на лугахъ Св. Земли, ее и *свои* и чужіе приравняютъ несомнѣнно къ волку“ [1]).

Но не въ характерѣ о. Антонина была и полная пассивность. Отказавшись служить своимъ соотечественникамъ на постройкахъ въ Іерусалимѣ, онъ принялся усиленно скупать участки земли, имѣющіе въ какомъ-нибудь отношеніи важное для поклонниковъ значеніе, и устраивать пріюты для нихъ. Такъ, въ концѣ 1868 года имъ пріобрѣтенъ былъ такъ называемый Дубъ Мамврійскій, близъ котораго онъ на участкѣ земли, купленномъ позже, развелъ прекрасный виноградникъ и устроилъ на вершинѣ горы превосходный двухэтажный паломническій пріютъ, почти комфортабельно обставленный, даже и для избалованныхъ жизнію паломниковъ. Въ 1870 г., близъ мѣста вознесенія Господня, купленъ имъ обширный участокъ земли на Елеонской горѣ, на которомъ сначала насаженъ былъ садъ изъ масличныхъ и смоковничныхъ деревьевъ, а потомъ и сооруженъ прекрасный храмъ съ величественною колокольнею, въ которомъ нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе строитель его. „Съ высоты ея наблюдатель видитъ, какъ на ладони, по словамъ о. арх. Антонина, Мертвое море, и Заіорданье, а при помощи бинокля въ ясную погоду даже синеву Средиземнаго моря“ [2]). Двухъэтажный домъ съ музеемъ тѣхъ предметовъ, которые

---

[1]) Церковный Вѣстн. 1885 г. № 4, стр. 239.
[2]) Церк. Вѣстн. 1881 г. № 9, стр. 6.

найдены на Елеонѣ при раскопкахъ, обширные паломническіе пріюты и множество другихъ сооруженій, съ тѣнистымъ садомъ и цвѣтниками, составляютъ дополненіе къ указаннымъ русскимъ сооруженіямъ на Елеонѣ. Въ 1880 году на мѣстѣ, принадлежащемъ русскому правительству въ Горней, о. Антониномъ былъ устроенъ пріютъ для паломниковъ, при немъ открыта русская школа, начата постройкою церковь во имя Казанской Божіей Матери, близъ которой нѣсколько позже создалась русская женская община, разселенная по домикамъ, утопающимъ въ лѣсу масличныхъ деревъ и въ многочисленныхъ виноградникахъ. Начатый постройкою въ 1875 г. пріютъ въ Іерихонѣ въ одинъ этажъ, въ 1885 году былъ увеличенъ на средства (въ 10,000 франковъ) великихъ князей Сергія и Павла Александровичей надстройкою второго этажа, и такимъ образомъ явился роскошный пріютъ для нашихъ паломниковъ, посѣщающихъ Іорданъ и достопримѣчательныя мѣста, лежащія въ окрестностяхъ этой священной рѣки. При домѣ нашемъ, находящемся въ сосѣдствѣ съ древней башней Закхея, имѣются нынѣ обширный пальмовый садъ и виноградникъ. На участкѣ земли, именуемомъ „Московія“, въ Яффѣ о. Антониномъ разведенъ прекрасный садъ, выстроенъ домъ для лѣтняго пребыванія начальника миссіи, создана церковь во имя апостола Петра, освященная въ 1893 г., за годъ до смерти строителя. Съ высокой колокольни ея открывается прелестный видъ на всю яффскую долину, утопающую въ пальмовыхъ и лимонныхъ садахъ, и открытъ и расчищенъ некрополь св. Тавиѳы, которую воскресилъ апостолъ Петръ. Въ 1866 г. арх. Антонинъ, въ противовѣсъ успѣхамъ католической миссіи и усердной дѣятельности на пользу образованія

мѣстнаго арабскаго православнаго населенія латинскаго патріарха Валерги, рѣшился создать православную школу, и для этого на средства покойной Государыни Маріи Александровны, до своей блаженной кончины не прекращавшей отпускать на содержаніе этой школы солидную денежную субсидію [1]), пріобрѣлъ довольно значительный участокъ земли въ сосѣднемъ съ Іерусалимомъ селѣ Бетъ-Джала. Туда сначала онъ поселилъ г-жу Бодрову, которая по собственной иниціативѣ занималась обученіемъ іерусалимскихъ дѣвицъ и не безъ успѣха: дѣти, къ удивленію о. арх. Антонина, посѣтившаго ея пріютъ, недурно по-русски читали и пѣли молитвы. Цѣль этого перевода выражена имъ въ дневникѣ его подъ 17 ноября 1865 г. въ слѣдующемъ нѣсколько горделивомъ восклицаніи: „Вотъ подведемъ мину подъ Sua eminenza"! Здѣсь позже возникъ небольшой пансіонъ, а когда въ 1888 г. графъ Орловъ-Давыдовъ подарилъ 5 тысячъ рублей, арх. Антонинъ расширилъ свой пансіонъ и образовалъ изъ него воспитательное закрытое учебное заведеніе, разсадникъ учительницъ для другихъ православныхъ школъ Палестины и Сиріи. Въ этомъ дѣлѣ ему незамѣнимую услугу оказывало и Палестинское Общество, принявшее потомъ въ свое вѣдѣніе этотъ пансіонъ, такъ какъ письмомъ отъ 5 августа 1886 г. всѣ участки земли въ Бетъ-Джалѣ были принесены арх. Антониномъ въ даръ Его Императорскому Высочеству великому князю Сергію Александровичу. На

---

[1]) Послѣднее пожертвованіе „несравненной Государыни", какъ величаетъ въ своихъ письмахъ о. архимандритъ Императрицу Марію Александровну, состояло въ 1881 году изъ 161 фунта стерлинговъ, 5 шиллинговъ и 10 пенсовъ (письмо арх. Антонина къ В. Н. Хитрово отъ 26 марта 1881 г.).

средства графини М. В. Орловой-Давыдовой имъ пріобрѣтенъ былъ земельный участокъ въ Виѳлеемѣ.

Кромѣ всего названнаго, арх. Антониномъ пріобрѣтены были одинъ участокъ въ Кафр-Кеннѣ, захваченный нынѣ латинянами по судебному рѣшенію, два въ Тиверіадѣ, носящіе названія: мѣсто съ колоннами и мѣсто съ банями, купленные по подложнымъ документамъ, а потому почти безнадежно нами нынѣ потерянные, тамъ же мѣсто со сводами, участокъ ад-Дабби въ с. Силоамѣ у сѣвернаго конца селенія и тамъ же другой участокъ Карм-ал-Бадъ, въ Айн-Каримѣ участки Вара-ал-Хосъ и ал-Вара, переданные, по духовному завѣщанію о. арх. Антонина, въ пожизненное владѣніе г-жи Апостолидисъ, съ правомъ передачи ихъ послѣ смерти какому-либо лицу женскаго пола и, лишь послѣ смерти этого лица, поступающіе въ собственность русской церкви въ Айн-Каримѣ, участокъ земли Керм-уль-Харабъ или Кабуръ-уль-Энбія, на юго-западномъ склонѣ Масличной горы, съ „пещерами пророковъ", купленный въ 1882 г., и др. Общая стоимость всего недвижимаго имущества арх. Антонина, отказаннаго имъ по духовному завѣщанію Св. Синоду, по приблизительному вычисленію, простирается до *милліона рублей.*

Всѣ эти земельныя пріобрѣтенія о. арх. Антонина въ Палестинѣ вытекали изъ его горячаго желанія быть хозяиномъ и собственникомъ въ Св. Землѣ, съ одной стороны, а съ другой—не упустить благопріятнаго случая встать поперекъ дороги миссіямъ католической и протестантской, задавшимся цѣлью скупить все замѣчательное въ какомъ-нибудь отношеніи въ Палестинѣ. „Я, писалъ арх. Антонинъ В. Н. Хитрово въ 1879 г., не въ примѣръ можетъ быть мно-

жеству изъ своихъ братій по духовному ремеслу, оставилъ всякую высоту и широту жизненной карьеры и прилѣпился всѣмъ существомъ своимъ къ одной цѣли — *утвердить и закрѣпить имя русское въ Св. Землѣ Обѣтованной* такъ, чтобы мы не были въ ней только гостями, а въ извѣстной долѣ хозяевами, на утѣшеніе своимъ и на страхъ чужимъ по вѣрѣ и духу“ [1]). То же самое онъ выразилъ и въ своемъ дневникѣ, когда писалъ о намѣреніи создать школу въ Бетъ-Джалѣ. Было и еще одно побужденіе у о. арх. Антонина къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ и къ устроенію на нихъ паломническихъ пріютовъ. Палестинская Коммиссія, принявшая на себя обязательство всячески заботиться объ улучшеніи быта нашихъ паломниковъ въ Св. Землѣ, все свое вниманіе сосредоточила на Іерусалимѣ, ограничившись устройствомъ пріютовъ въ Рамлэ, Назаретѣ и Кайфѣ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на потребности нашихъ паломниковъ, „заявлявшія о себѣ неумолкаемо“, къ числу коихъ безспорно слѣдуетъ отнести и долгое отсутствіе пріютовъ въ Іерихонѣ и въ Хевронѣ, гдѣ наши паломники вынуждались искать себѣ ночлега или у враждебно къ нимъ настроенныхъ мусульманъ, или спать подъ открытымъ небомъ. Достойно примѣчанія, что сама Коммиссія Палестинская не только хорошо понимала эти насущныя нужды, но и признавалась открыто, что она „не обратила своей дѣятельности на развитіе русскихъ учрежденій въ Палестинѣ и *на заблаговременное удовлетвореніе потребностей, заявлявшихъ о себѣ неумолкаемо*“. Оправда-

---

[1]) Изъ письма арх. Антонина къ В. Н. Хитрово отъ 23 января 1879 г.

ніемъ для нея служила необходимость все вниманіе и всѣ средства направить на окончаніе Троицкаго собора. „Приступивъ къ исполненію своей задачи въ апрѣлѣ 1864 г., говорятъ дѣятели Коммиссіи, съ свободнымъ капиталомъ въ 64,000 р. (вѣрнѣе даже съ 56,532 р. 14½ к.), Коммиссія должна была употреблять всѣ свои средства въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ исключительно на внутреннюю отдѣлку собора св. Живоначальной Троицы и на снабженіе его всѣми нужными предметами для богослуженія“ [1]). Къ этому побуждалъ Коммиссію и ея Августѣйшій предсѣдатель великій князь Константинъ Николаевичъ, находя, что „несовмѣстимо съ достоинствомъ Россіи и не согласно съ волею Государя Императора оставлять недоконченнымъ храмъ, построенный русскимъ правительствомъ на пожертвованія всего православнаго русскаго народа“. И дѣйствительно, изъ дѣлъ бывшей Коммиссіи видно, что заказанныя литейному заведенію Генке и Плеске еще въ 1863 году бронзовыя золоченыя царскія двери на средства, пожертвованныя (въ количествѣ 6,000 р.) на этотъ предметъ семьею Августѣйшаго Предсѣдателя, были закончены, но прежде чѣмъ попасть на мѣсто въ Іерусалимѣ, побывали на всемірной парижской выставкѣ 1867 года и на международной выставкѣ въ Петербургѣ 1870 г. [2]). Иконы для царскихъ дверей за 300 р. исполнилъ извѣстный художникъ Н. А. Кошелевъ. Дубовый иконостасъ, *заказанный сначала г. Пороховщикову*, былъ выполненъ *мастеромъ Охтенскаго пригорода* Н. Леонтьевымъ, по рисункамъ архитектора Дмитріева, за 4,350 р., шел-

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи, 1884 г., л. 81-ый.

[2]) Тамъ же 1865 г. № 4, л. 181—182.

ковая завѣса къ царскимъ дверямъ голубого цвѣта, въ 42¼ аршина, выписана изъ Ліона и обошлась въ 274 р. 62 к., къ запрестольному седмисвѣчнику, пожертвованному Лукьяновымъ, сдѣлано 8 лампадъ цѣною въ 25 р. 60 к., разноцвѣтныя стекла по рисунку Эппингера—изъ Петербурга въ 320 р., круглое окно въ алтарѣ съ изображеніемъ Св. Духа въ 175 р., бронзовыя лампады къ иконамъ—2.450 р., за внутреннюю окраску храма клеевыми и масляными красками съ приспособленіями и матеріалами заплачено 4,410 р. 60 к., покрытіе пяти соборныхъ куполовъ свинцомъ—4,106 р. 86 к., за мраморный полъ внутри храма (бѣлаго и сѣраго цвѣтовъ и краснаго для рамокъ)—3,902 р. 56⅞ к., за каменные престолъ и жертвенникъ 189 р. 34⅜ к., за стекла простыя и матовыя и за столярныя работы 639 р., за ризницу 2,328 р. 50 к., за мебель для собора 1,876 р. 89½ к., за иконы запрестольныя Вознесенія Господня и Преображенія, написанныя художникомъ академикомъ Васильевымъ, 800 р. и за рамы для нихъ 500 р., за обдѣлку ковровъ, пожертвованныхъ дамскимъ кружкомъ съ супругою Б. П. Мансурова во главѣ, 200 р., за смазку подъ цвѣтъ свинца шести каменныхъ сводовъ, за устройство водосточныхъ каналовъ и скатовъ на террасѣ храма съ повтореніемъ работы, въ силу порчи первоначальной смазки, 502 р., за настилку тротуара каменнаго 70 р. 15 к. [1]), за очагъ съ желѣзнымъ каминомъ 81 р. 10 к., за трубу для стока воды изъ рукомойника 14 р. 65 к., за мраморный пьедесталъ 67 р. 86½ к., за переносъ патріаршаго

[1]) Счетъ денегъ идетъ большею частію на турецкіе піастры или чюрюки, считая въ нашемъ рублѣ по 20 піастровъ. (См. Дѣла П-ской К-сіи 1871 г. № 15, л. 207—218).

мѣста изъ домовой церкви св. царицы Александры и за новую каменную площадку для него 85 р. 37 к., за исправленіе трехъ дверей собора 162 р. 32 к., за входный закрытый нарѳиксъ 893 р. 85 к. и за стекла для него 95 р., за рѣшетку на каменномъ крыльцѣ 151 р. 47½ к., за передѣлки на колокольнѣ съ цѣлью правильно размѣстить пожертвованные и пріобрѣтенные колокола, 591 р. 10 к., за хоросъ 4,000 р., за его доставку 429 р. 55 к. и за дополнительныя работы по его повѣшенію 268 р. 1½ к. и за желѣзныя рѣшетки въ окнѣ алтаря 100 р.

Прибытіе въ Палестину 25 сентября 1872 года великаго князя Николая Николаевича Старшаго побудило Палестинскую Коммиссію ускорить окончаніе собора отдѣлкою и назначить днемъ торжественнаго его освященія 28 октября. Торжество освященія храма, какъ и обѣщано было при его закладкѣ, совершилъ патріархъ Кириллъ въ сослуженіи владыкъ газскаго, назаретскаго, лидскаго и тиверіадскаго и многочисленнаго духовенства, въ присутствіи великаго князя Николая Николаевича, герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, принцевъ Александра и Константина Петровичей Ольденбургскихъ, генерала Д. И. Скобелева и другихъ почетныхъ гостей. Торжество освященія завершилось обѣдомъ въ консульствѣ для великаго князя, его спутниковъ и свиты, для патріарха и высшаго духовенства, въ миссіи для низшаго духовенства и въ пріютахъ для поклонниковъ. Замѣчательно, что, несмотря на столь значительный наплывъ высокихъ гостей ко дню освященія собора, Палестинская Коммиссія на торжество освященія ассигновала лишь 875 рублей, но по отчету

консула за октябрь мѣсяцъ, значится даже, что, по случаю освященія храма Св. Троицы, имъ израсходовано всего на всего 12,709½ піастр. или 635 р. 47½ к. Обѣдъ для низшаго духовенства и паломниковъ обошелся въ 805 п., а обѣдъ для высшаго духовенства и свиты великаго князя, очевидно, устроенъ былъ на средства послѣдняго [1]).

Обращаясь теперь къ судьбѣ палестинскихъ богоугодныхъ заведеній, мы должны констатировать, что и въ этомъ отношеніи, по откровенному признанію самой Палестинской Коммиссіи, мы видимъ почти за все время существованія этого учрежденія полную неподвижность. Причинами ея слѣдуетъ считать ея излишнюю осторожность и отсутствіе вѣры въ то дѣло, которому была призвана служить Коммиссія, и во всегдашнюю горячую любовь русскаго народа къ Св. Землѣ. Забыты были совершенно знаменательныя и вполнѣ вѣрныя слова бывшаго предсѣдателя Коммиссіи великаго князя Константина Николаевича, высказанныя имъ въ письмѣ А. М. Княжевичу отъ 14 марта 1859 г., что „самое надежное и твердое богоугодное дѣло есть то, которое основывается на сердечномъ и естественномъ сочувствіи самаго богатаго изъ всѣхъ капиталистовъ — массы народа“. У главныхъ дѣятелей Коммиссіи развилась „мнительная осторожность“ и чрезмѣрная забота о „будущемъ черномъ днѣ“, который, благодареніе Богу, такъ и не наступилъ для Коммиссіи. Но все это вмѣстѣ взятое создало крайне печальное для развитія добраго дѣла долгое сохраненіе status quo 1864 г. въ положеніи нашихъ богоугодныхъ заведеній въ Пале-

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1872 г., № 23, л. 213—216.

стинѣ, хотя и послужило въ то же время, правда, „къ образованію въ ея рукахъ запаснаго капитала около 130,000 руб.“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ самый годъ окончанія построекъ странноприимныхъ заведеній у Св. Града Іерусалима, по признанію Коммиссіи, „количество приходящихъ въ Св. Землю русскихъ богомольцевъ *уже превышало число мѣстъ*, коими наши пріюты могли располагать“ [2]). Конечно, слѣдовало бы въ виду этого прежде всего окончить вторые этажи надъ пріютами мужскимъ и женскимъ, какъ предположено было въ проектѣ, и достроить пріютъ для богомольцевъ высшихъ классовъ, но въ дѣйствительности происходитъ нѣчто просто невѣроятное. Корпусъ „для благороднаго сословія“ отдается подъ квартиру хозяина зданій—консула, а поклонникамъ этого сословія мужчинамъ отдается помѣщеніе въ мужскомъ пріютѣ и женщинамъ—въ женскомъ пріютѣ съ наименованіемъ ихъ „пріютами перваго разряда“. На этомъ дѣло ломки нашихъ пріютовъ и стѣсненія поклонниковъ, однакоже, не остановилось. Въ 186⁴/₅ г., безвыходное и безпомощное положеніе консульства удовлетворить этому справедливому желанію громаднаго большинства своихъ соотечественниковъ, при всей съ его стороны готовности, еще болѣе увеличивается. „Странноприимные наши пріюты устроены на 876 поклонниковъ обоего пола: въ мужскомъ находится помѣщеніе на 408 человѣкъ и въ женскомъ на 468 лицъ. Между тѣмъ, „въ видахъ экономіи“, „чтобы выгадать помѣщеніе на 50 или 60 поклонницъ“, признано было необходимымъ „закрыть женскій пріютъ 1 разряда“ [3]).

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1884 г. № 44, л. 81—82.
[2]) Тамъ же, л. 79.
[3]) Тамъ же 1869 г. № 67 (исход.).

Въ 1866 году, къ еще большему изумленію, въ томъ же женскомъ пріютѣ устроена была *квартира секретаря консульства*, хотя это посягательство на женскій пріютъ и встрѣтило въ свое время сильный отпоръ со стороны Б. П. Мансурова, отстоявшаго неприкосновенность этого пріюта [1]). „Большой недостатокъ мѣста“ для поклонниковъ мужчинъ въ 1866 и 1867 годахъ вынуждалъ консула размѣщать ихъ въ *корридорахъ*. Кромѣ того, въ 1866 году, по случаю „чрезмѣрной для Палестины суровости зимы“, „для сбереженія мѣста“, признано было выгоднымъ замѣнить выписанныя изъ Марсели желѣзныя кровати деревянными нарами, которыя потомъ въ теченіе 1867—1869 г.г. окончательно вытѣснили дотолѣ употреблявшіяся желѣзныя кровати, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ пріютахъ. Расходы эти, благодаря даровому лѣсу, перевезенному на постройку послѣ окончанія купола на Святогробскомъ храмѣ, обошлись лишь въ 242 р. 47 к. Несмотря, однакоже, на указанную тѣсноту въ мужскомъ пріютѣ, по случаю женитьбы драгомана духовной миссіи Сарруфа, „отведена почти половина одного фаса мужского пріюта“ подъ квартиру послѣдняго, съ устройствомъ „особаго подъѣзда съ тамбуромъ“. Въ 1867 году Б. П. Мансуровъ постарался и здѣсь возстановить „нарушенныя условія удобства, раціонально соображенныя для большого числа поклонниковъ“ [2]).

Но всѣ указанныя мѣры слѣдуетъ признать палліативами и не устраняющими существующаго зла. Количество поклонниковъ годъ отъ года росло

[1]) Тамъ же № 18 (исход).

[2]) Тамъ же.

въ Палестинѣ, а помѣщенія продолжали сохранять свой убійственный status quo. Отсюда вытекало, можно сказать, невыносимо тяжелое положеніе нашихъ паломниковъ въ Палестинѣ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ имѣть пріютъ въ русскихъ постройкахъ. Число поклонниковъ къ празднику Св. Пасхи въ 1883 году было, по словамъ консула В. А. Максимова, *не менѣе 2,500 человѣкъ.* „Избѣгнуть скученности при этихъ условіяхъ нѣтъ возможности, особенно если принять во вниманіе, что *не менѣе 20 комнатъ (sic), предназначенныхъ вначалѣ для пилигримовъ, съ давняго времени заняты служащими при пріютахъ, духовной миссіи и консульствѣ.* Впрочемъ, послѣднее поселило въ немъ одного почталіона, занимающаго два номера“ „Въ комнатахъ на 18 человѣкъ нынѣ, по словамъ того же донесенія, находится отъ 25 до 37 человѣкъ; въ одной комнатѣ, назначенной на 20 человѣкъ, находится 35, въ комнатѣ на 8 помѣщено до 14 человѣкъ. Кухни обращены въ жилье для поклонниковъ“ [1]). Являлась, такимъ образомъ, настоятельная необходимость выйти изъ этого крайне тяжелаго и, какъ показалъ опытъ 1883 года, когда смертность на нашихъ постройкахъ отъ перемежающихся лихорадокъ и тифа достигла 14%, а заболѣваемость—до 9 человѣкъ въ день [2]), опаснаго положенія размѣщеніемъ нашихъ паломниковъ внѣ русскихъ построекъ на частныхъ квартирахъ, нанятыхъ на средства Коммиссіи. Снова греческіе монастыри, сурово осужденные Палестинскимъ Комитетомъ въ 1859 году, какъ непригодные для жительства на-

---

[1]) Дѣла П-ской Коммиссіи, 1884, № 12.
[2]) Тамъ же, 1883, № 17, л. 20—22.

шихъ паломниковъ, дѣлаются почти единственнымъ убѣжищемъ для многихъ изъ нихъ, при чемъ наши паломники вынуждены были къ тому же платить здѣсь довольно дорого. „Недостатокъ мѣста въ нашихъ страннопріимныхъ домахъ ставитъ консульство, говорится въ донесеніи 1870 года, въ непріятную необходимость отсылать пріѣзжающихъ нынѣ поклонницъ *въ греческіе монастыри, гдѣ онѣ вынуждены бываютъ платить весьма дорого за дурное и тѣсное помѣщеніе*", и гдѣ „явственно обнаруживаются злоупотребленія греческихъ монаховъ или игуменовъ этихъ монастырей" [1]). Позднѣе консульство пришло къ мысли въ разгаръ паломническаго сезона на средства Палестинской Коммиссіи нанимать для нашихъ поклонниковъ монастырскія келліи и платило за нихъ патріархіи въ 1886 году, напр., 400 р., въ 1888 году, за 468 поклонниковъ 936 р., а въ 1889 году уже за *967 поклонниковъ* 1934 р., т. е. по 2 рубля съ человѣка.

Но и въ греческихъ монастыряхъ не всегда могли наши поклонники находить себѣ желанный пріютъ. Заѣзжіе дома или ханы и подвалы городскихъ домовъ нерѣдко также служили убѣжищемъ для нихъ. Консулъ В. А. Максимовъ находилъ „цѣлесообразнымъ нанимать для излишка поклонниковъ *заблаговременно* помѣщеніе въ заѣзжихъ домахъ (ханахъ)". Въ 1883 г. на одинъ мѣсяцъ были наняты консуломъ двѣ комнаты и два *подвала* для 100—120 поклонниковъ за 22 наполеондора, а къ 1884 году для паломническаго сезона подготовлялось имъ помѣщеніе уже для 250 человѣкъ [2]). Но и при этихъ исключительныхъ мѣрахъ все же бывали случаи, когда, напр., въ 1883 г.,

[1]) Тамъ же, 1870, № 16.
[2]) Тамъ же, 1883 г., № 43, л. 1—3.

до 200 человѣкъ „положительно не имѣли пристанища“ и были размѣщены консуломъ „съ большимъ трудомъ“ въ частныхъ домахъ [1]). Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ устроялись бараки, ставились на дворѣ русскихъ построекъ палатки, а въ 1885 г., по предложенію В. Н. Хитрово, пожертвованныя Палестинскимъ Обществомъ войлочныя киргизскія кибитки. Слѣдуетъ, однако же, согласиться, что въ эти случайныя временныя убѣжища, при непрерывныхъ продолжительныхъ дождяхъ и сильныхъ порывистыхъ вѣтрахъ, за исключеніемъ войлочныхъ кибитокъ, наши паломники отказывались идти на ночлегъ, и „палатки стояли пустыми“ [2]). Назрѣвала, такимъ образомъ, настоятельная, неотложная нужда серьезно подумать о расширеніи нашихъ пріютовъ въ Іерусалимѣ. И въ 1884 г. 26 февраля консуломъ Кожевниковымъ въ Коммиссію былъ отправленъ проектъ *надстройки второго этажа надъ женскимъ пріютомъ* [3]). Хотя этотъ проектъ поступилъ на разсмотрѣніе Коммиссіи не безъ вѣдома директора Азіатскаго Департамента И. А. Зиновьева и Б. П. Мансурова, но онъ, однако же, не получилъ осуществленія на дѣлѣ, и въ Коммиссіи рѣшено было избѣжать затрудненій способомъ, на который не осмѣливались доселѣ, т. е. сдѣлать покушеніе на неприкосновенность зданія духовной миссіи. Находя зданіе это „роскошнымъ“ и чрезвычайно великимъ для миссіи, Коммиссія рѣшила, послѣ 20-лѣтняго неприкосновеннаго существованія, наибольшую половину верхняго этажа и часть нижняго, за исключеніемъ юго-западнаго угла, превратить

[1]) Тамъ же, 1883 г., № 17, л. 20—22.
[2]) Тамъ же, № 43, 3.
[3]) Тамъ же, № 17, л. 1—2.

въ *дворянскій пріютъ*, съ 24 номерами вверху и внизу, и устроить здѣсь же квартиру для секретаря консульства. Планъ этотъ, послѣ нѣкоторыхъ возраженій со стороны о. архимандрита Антонина, былъ приведенъ въ исполненіе 11 марта 1885 г., а съ ноября мѣсяца во вновь открытый дворянскій пріютъ начали стучаться не только дворяне, но и всѣ изъ русскихъ паломниковъ, кто могъ платить по 1 р. въ сутки за номеръ [1]).

Разсчетливая Коммиссія и на сей разъ осталась вѣрна себѣ: на приспособленіе помѣщенія миссіи подъ дворянскій пріютъ она не сдѣлала экстренной ассигновки и ограничилась однѣми незначительными подѣлками и передѣлками, а не капитальнымъ ремонтомъ уже достаточно стараго зданія. Получился, какъ и слѣдовало ожидать, довольно мизерный, чтобы не сказать болѣе, дворянскій пріютъ, недостойный своего наименованія. „Съ переводомъ въ текущемъ году пріюта перваго разряда въ новое помѣщеніе, занимаемое прежде духовной миссіей, пишетъ въ своемъ донесеніи въ Коммиссію Д. Н. Бухаровъ, консулъ іерусалимскій, какъ *внутренній видъ онаго съ обветшавшею штукатуркою и полинявшею краскою, такъ въ особенности и меблировка комнатъ, въ большинствѣ коихъ не имѣется даже печей, представляетъ отсутствіе самаго необходимаго комфорта. Весь инвентарь пришелъ въ совершенную ветхость, частью въ полную негодность;* въ нижнемъ этажѣ, вслѣдствіе увеличенія помѣщенія, нѣтъ кроватей, бѣлья, матрацовъ, подушекъ, нѣтъ цыновокъ для прикрытія каменныхъ сырыхъ половъ; не хватаетъ умывальниковъ и другихъ самыхъ необходимыхъ предметовъ. Многія комнаты настолько сыры,

[1]) Тамъ же, 1885, № 42.

что пребываніе въ нихъ во время дождей оказывается положительно вреднымъ для паломниковъ... и вызывало вполнѣ справедливыя жалобы, помочь коимъ я оказывался безсильнымъ. На ассигнованную по статьѣ ремонта сумму я буду въ состояніи сдѣлать лишь самыя неотложныя наружныя исправленія, какъ-то: установку новыхъ рамъ въ *замѣнъ истлѣвшихъ въ труху*, исправленіе по возможности зловонныхъ отхожихъ мѣстъ, замазку протекающихъ крышъ, скрѣпленіе водосточныхъ трубъ“ [1]), и т. д.

И правдивости этой безотрадно тяжелой характеристики внутренняго и внѣшняго состоянія такъ называемаго дворянскаго пріюта, а слѣдовательно и всѣхъ построекъ нашего страннопріимнаго зданія, можно вполнѣ вѣрить, особенно если мы сдѣлаемъ хотя бы и бѣглый обзоръ всего, что предпринималось Коммиссіею по улучшенію нашихъ богоугодныхъ зданій на пространствѣ съ лишнимъ 20 лѣтъ, со времени ихъ постройки въ Іерусалимѣ. Палестинская Коммиссія въ 1884 году, любуясь не безъ благоговѣйнаго умиленія на наши іерусалимскія сооруженія и отдавая „великую долю уваженія и благодарности академику Эппингеру“, строителю зданій, съ восхищеніемъ громко свидѣтельствовала, что „въ теченіе 20 лѣтъ не потребовалось *большого капитальнаго ремонта*“ [2]). И дѣйствительно, если не упоминать объ исправленіи террасъ на всѣхъ зданіяхъ въ 1867 г. на сумму въ 4000 р. [3]), объ окраскѣ масляною краскою дверей, оконъ и желѣза во всѣхъ домахъ и о

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1886 г., № 42.

[2]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1884 г., л. 80.

[3]) Тамъ же, 1867 г. № 11, л. 353—355, 361; 1868 г. № 12, л. 121—124.

желѣзныхъ трубахъ къ печамъ на сумму въ 1969 р. 84½, въ томъ же году [1]), о сооруженіи каменной стѣны, отдѣляющей дворъ женскаго пріюта отъ прочихъ заведеній, „съ цѣлью облегчить смотрительницѣ пріюта надзоръ за порядкомъ въ ономъ и за соблюденіемъ правила, по которому поклонники мужчины не должны имѣть входа въ пріютъ безъ вѣдома смотрительницы и особаго ея позволенія", на сумму въ 93 р. 92 к. въ 1869 г. [2]), о передѣлкахъ въ женскомъ пріютѣ, въ прачешной, въ томъ же году [3]), о смазкѣ террасъ, объ окраскѣ деревянныхъ частей зданій вторично и объ исправленіи цистернъ въ 1871 году на сумму 447 р. [4]), о передѣлкѣ большихъ, обитыхъ желѣзомъ, восточныхъ воротъ нашей оградной стѣны въ 1884 г. на сумму 72 р. 18¾ к. [5]), объ устройствѣ рамъ въ дворянскомъ пріютѣ и о пріобрѣтеніи мебели для пополненія инвентаря для этого пріюта въ 1888 г. на сумму въ 163 р. 88 к. [6]), — то въ оффиціальныхъ данныхъ Палестинской Коммиссіи до самаго прекращенія ея существованія мы не встрѣчаемъ никакихъ другихъ крупныхъ издержекъ на содержаніе и ремонтъ зданій нашихъ богоугодныхъ заведеній, всѣ же прочія ничтожныя подѣлки въ пріютѣ, дѣйствительно, не заслуживаютъ и упоминанія.

Въ излишней бережливости и заботѣ о будущемъ „черномъ днѣ" слѣдуетъ искать объясненія и дру-

---

[1]) Тамъ же 1867 № 11, л. 361.
[2]) Тамъ же 1870 г.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, № 30 (исход.).
[6]) Тамъ же, 1888, л. 71.

гого крайне печальнаго явленія нашихъ богоугодныхъ построекъ въ Іерусалимѣ—это ихъ невыносимое антисанитарное состояніе, приводившее въ отчаяніе не только случайныхъ обитателей и хозяевъ, но даже и ни въ чемъ неповинныхъ сосѣднихъ обывателей и мѣстную турецкую власть. „Вслѣдствіе возникновенія вокругъ нашихъ владѣній цѣлаго квартала европейскаго характера, мы, говорилъ Б. П. Мансуровъ въ 1884 г. въ донесеніи Св. Синоду, потеряли возможность свободно выбрасывать и вывозить на разсѣлины окружавшей насъ пустой плоскости всѣ нечистоты, накопившіяся въ нашихъ пріютахъ. И наши сосѣди, и мѣстное правительство уже стали требовать отъ насъ радикальнаго удаленія нечистотъ, такъ чтобы не былъ зараженъ воздухъ въ нашемъ сосѣдствѣ“ [1]). Но въ словахъ Б. П. Мансурова истинное положеніе нашихъ построекъ въ санитарномъ отношеніи смягчено. По имѣющимся въ дѣлахъ Коммиссіи донесеніямъ доктора г. Рѣшетилло отъ 19 октября 1883 г. консулу Кожевникову, а сего послѣдняго 8 ноября того же года Коммиссіи, это антисанитарное состояніе рисуется прямо въ ужасающихъ краскахъ. Въ прежнее время, „не имѣя сосѣдей, вопросъ объ очищеніи помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ не представлялъ для насъ, по словамъ г. Кожевникова, никакихъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ нечистоты извергались посредствомъ небольшихъ каналовъ съ площади нашихъ зданій прямо въ окружавшее насъ поле. Вмѣстѣ съ симъ *вырывались ямы на нашей же землѣ, внутри ограды, и напол-*

---

[1]) Дѣла П-ской К-ссіи 1884 г. № 44, л. 80. Сн. А. В. Елисѣева. Съ русскими паломниками на Св. Землѣ весною 1884 г., стр. 158—159.

нялись также нечистотами изъ отхожихъ мѣстъ, послѣ чего, разумѣется, ямы эти засыпались негашеною известью и заливались купоросомъ". „Въ настоящее же время условія нашего быта и положенія совершенно измѣнились: русскіе пріюты окружены со всѣхъ сторонъ жилыми строеніями и проведенными улицами и дорогами, число же поклонниковъ, возрастая ежегодно, доходитъ уже во время великаго поста, къ празднику Пасхи, до двухъ тысячъ человѣкъ и даже больше. Поставленные такимъ образомъ въ невозможность извергать нечистоты въ пустопорожнія поля, какъ это дѣлалось прежде, мы также *не можемъ выкапывать новыя ямы въ оградѣ нашихъ пріютовъ, ибо сумма нечистотъ увеличилась въ значительной пропорціи*... Вывозить нечистоты въ мѣшкахъ на осликахъ, какъ это мы *вынуждены дѣлать* нынѣ, представляетъ множество неудобствъ, а порою становится даже невозможнымъ". Консулъ Кожевниковъ поэтому „единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія" рекомендовалъ Палестинской Коммиссіи „прорытіе канала и соединеніе онаго съ городскимъ клоакомъ", проектъ котораго, составленный инженеромъ-архитекторомъ турецкой службы грекомъ *Франгіа* (Franghias), и представилъ на ея усмотрѣніе. Коммиссія, „въ виду ограниченности средствъ", не нашла возможнымъ согласиться на постройку [1]). Прошло затѣмъ еще пять лѣтъ и антигигіеническое состояніе нашихъ богоугодныхъ заведеній еще болѣе „ухудшилось". 12 марта 1888 г. консулъ Д. Н. Бухаровъ, рисуя предъ Коммиссіею общее антисанитарное состояніе нашихъ зданій, о

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1883—1889 г. № 17, л. 3—6, 31—33.

женскомъ пріютѣ въ частности пишетъ слѣдующее: „нечистоты изъ этого пріюта просачиваются чрезъ стѣну, угрожая ей *падежемъ* и, вытекая на улицу, *заражаютъ воздухъ,* что возбуждаетъ справедливыя жалобы сосѣднихъ жителей и *вызвало заявленіе мѣстнаго губернатора* и главнаго доктора англійской колоніи“. Снова признается „настоятельно и *при томъ въ самомъ непродолжительномъ времени* необходимымъ“ устройство „раціональной канализаціи“, по проекту 1883 г. инженера Франгіа, съ тою, впрочемъ, разницею, что „въ виду увеличенія съ 1883 г. цѣнности матеріала и рабочихъ рукъ, составленная имъ первоначальная смѣта *въ 175 тысячъ піастровъ* должна быть приблизительно увеличена на 15%, что образуетъ сумму въ 200 тысячъ піастровъ, т. е. двѣ тысячи наполеондоровъ или 40 тысячъ франковъ“ [1]). Черезъ годъ послѣ этого новый консулъ В. А. Максимовъ, повторяя почти дословно донесеніе своего предшественника и имѣя въ рукахъ жалобы сосѣдей: англійскаго епископа Блейса (Blyth), главнаго финансоваго турецкаго чиновника и турецкаго губернатора, умоляетъ Палестинскую Коммиссію „поспѣшить, насколько возможно, обсужденіемъ“ проекта устройства канализаціи г. Франгіа и „выслать необходимый кредитъ для начала работъ безъ потери времени“, чтобы такимъ образомъ разрѣшить „уже давно назрѣвшій“ вопросъ и „съ давнихъ поръ возбуждающій съ разныхъ сторонъ жалобы“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „уменьшить зло хотя бы для сохраненія жизни дѣтей нашихъ сосѣдей“ [2]). Инженеръ Франгіа соглашался устроить главный проводъ и потребныя зданія на постройкахъ

[1]) Тамъ же, л. 32—33.
[2]) Тамъ же, л. 30—38.

за 36,867 франковъ или 14,744 кредитныхъ рубля, считая въ каждомъ наполеондорѣ по 8 р. кредитныхъ. Но „спѣшить“ уже было поздно: дни Палестинской Коммиссіи были сочтены, и въ августѣ 1889 года она, прекративъ свое существованіе, передала Императорскому Палестинскому Обществу свои зданія и капиталъ въ 223,705 р. въ билетахъ и наличными 30,908 р. 68 к., а равно и выполненіе на дѣлѣ „уже давно назрѣвшаго“ вопроса для устраненія тяжелаго зла.

Status quo въ русскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ отразился весьма тяжело и на обезпеченіи ихъ водою въ достаточномъ количествѣ. И бывали случаи, когда водяной вопросъ грозилъ даже опасностью „сдѣлаться бѣдствіемъ“. Устроенныя цистерны, при сооруженіи зданій, на первыхъ порахъ не только въ достаточномъ количествѣ снабжали водою русскихъ паломниковъ и удовлетворяли всѣмъ необходимымъ потребностямъ зданій, но чувствовался даже избытокъ воды, который и продавался мѣстнымъ жителямъ до 1866 г., когда іерусалимскій губернаторъ Иззетъ-паша устроилъ городской водопроводъ изъ Соломоновыхъ прудовъ [1]). Въ первые годы существованія нашихъ страннопріимныхъ заведеній за продажу воды выручались довольно значительныя суммы, причислявшіяся обыкновенно къ „мѣстному доходу“, а именно: въ 1865 г.—493 р. 81¼ к.; въ 1866 г.—238 р. 77½ к. и въ 1867 г. 156 р. Но потомъ, когда число нашихъ палом-

[1]) Тамъ-же 1869 № 13, л. 231—233, Сн. Сообщ. Импер. Прав. Палест. Общ. т. XI, стр. 320—324. Водопроводъ городской, однако же, дѣйствовалъ недолго и испортился. Въ 1874 г. его исправляли, но черезъ 11 лѣтъ онъ вновь пришелъ въ негодность и съ тѣхъ поръ уже не дѣлалось попытокъ къ его возобновленію.

никовъ въ Іерусалимѣ значительно возрасло, и когда нѣкоторыя зимы іерусалимскія оказывались безъ дождей, какъ напр., въ 1870 и 1888 годахъ, то водяной вопросъ на русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ сильно безпокоилъ завѣдующихъ ими и „внушалъ серьезныя опасенія“. Въ 1870 году консулъ Кожевниковъ рекомендовалъ Палестинской Коммиссіи „предоставить нашимъ поклонникамъ и поклонницамъ, а равно и прочимъ живущимъ въ нашихъ заведеніяхъ пріобрѣтать себѣ воду на ихъ собственныя средства покупкою отъ феллаховъ, занимающихся продажею приносимой изъ разныхъ дальнихъ источниковъ воды“, но Коммиссія, чтобы не было „вражды и неудовольствій“ со стороны паломниковъ, ассигновала на покупку воды 500 р. золотомъ, которыми, однакоже, не пришлось воспользоваться, благодаря „неожиданнымъ сильнымъ дождямъ, начавшимся въ февралѣ настоящаго года“ [1]). Въ 1888 г. консулъ Бухаровъ для устраненія водяного „бѣдствія“ рекомендовалъ ограничить наплывъ богомольцевъ, но министерство иностранныхъ дѣлъ и великій князь Сергій Александровичъ, какъ предсѣдатель Коммиссіи, признали наиболѣе „цѣлесообразнымъ“ высылать паломниковъ изъ Іерусалима, покупать воду на базарахъ „всѣмъ болѣе состоятельнымъ“ паломникамъ и безплатно выдавать имѣющуюся въ цистернахъ воду „возможно бережливо“ лишь бѣднѣйшимъ изъ нихъ. Но и на сей разъ „проливной“ дождь, выпавшій также неожиданно 16 апрѣля, предотвратилъ надвигавшееся „бѣдствіе“. Настоятельная необходимость и „дѣйствительно важная потребность“—„расширеніе нашихъ водоемовъ

---

[1]) Дѣла Палестин. Коммиссіи 1870 г., № 16.

и *устройство новыхъ*, въ виду удвоенія числа русскихъ богомольцевъ и ожиданія еще дальнѣйшей ихъ прибыли“ [1]), сознавалась весьма хорошо Палестинскою Коммиссіею еще въ 1884 г., но не было предпринято новыхъ работъ въ этомъ направленіи, очевидно, опять въ силу присущей ей „мнительной осторожности“.

Единственная сторона жизни нашихъ богоугодныхъ заведеній въ Іерусалимѣ обращала на себя особенное вниманіе и вызывала настойчивыя заботы со стороны Коммиссіи — это разведеніе садовъ при нашихъ постройкахъ. „Какъ важная статья для будущности колоній“, сады при постройкахъ, „для оживленія“ ихъ, рекомендовались особому вниманію завѣдующихъ постройками, и на разведеніе и содержаніе садовъ „экономія“ не только не поощрялась, но вызывала прямо *сожалѣніе* [2]). „Расходъ навѣрное окупится впослѣдствіи, писалъ Б. П. Мансуровъ въ 1870 году. *Въ началѣ могутъ быть трудности и неудачи, но нельзя этимъ затрудняться въ виду будущей пользы*“ [3]). Но оптимистическія надежды и значительные расходы по этой статьѣ смѣты, какъ напр., въ 1865 г. на сады ассигновано 1,000 р., а садовнику и его рабочимъ 600 р. и въ 1877—78 годахъ, когда шла русско-турецкая война, и когда наши пріюты въ Іерусалимѣ пустовали, находясь подъ флагомъ Германіи, при садахъ содержались грекъ-садовникъ и четыре человѣка рабочихъ [4]),—не оправдались вполнѣ. Особеннаго „оживленія“ въ этомъ отношеніи наши по-

---

[1]) Тамъ же 1884 г., № 44, л. 85.
[2]) Тамъ же 1856 г., № 49.
[3]) Тамъ же 1869 г., № 58 (исход.).
[4]) Тамъ же 1878 г.

стройки, занимающія обширную площадь, не достигли, если не имѣть въ виду довольно приличныхъ садиковъ при консульскомъ домѣ и при больницѣ. И неудача въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе странна, что находящіеся вблизи нашихъ построекъ городской садъ и садъ „Сергіевскаго подворья“ весьма обильны желанною зеленью, столь необходимою въ знойномъ и пыльномъ Іерусалимѣ.

И во внутренней жизни нашихъ страннопріимныхъ заведеній въ Іерусалимѣ фатальную роль сыгралъ, кажется, все тотъ же пресловутый status quo. Иначе трудно объяснить себѣ, почему, напр., надзирательницы нашихъ пріютовъ, оказывающія громадное вліяніе на бытъ нашихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ, при всей ихъ несостоятельности и вопіющихъ злоупотребленіяхъ съ ихъ стороны, не только сохраняютъ за собою эти теплыя мѣста, но, на виду у всѣхъ и подъ покровомъ власть имѣющихъ, совершаютъ самыя вопіющія обирательства простецовъ-паломниковъ. Въ дѣлахъ бывшей Палестинской Коммиссіи съ особенною рельефностью изображается дѣятельность двухъ родныхъ сестеръ, петербургскихъ мѣщанокъ Маріи и Надежды Тихоновыхъ, оставившихъ по себѣ надолго въ Іерусалимѣ печальную память. Марія Тихонова была смотрительницею женскаго пріюта, а ея сестра Надежда Тихонова завѣдывала пріютомъ перваго разряда на пространствѣ почти десяти лѣтъ съ 1875—1884 г. „Городъ Іерусалимъ, по словамъ временно управлявшаго іерусалимскимъ консульствомъ В. А. Максимова, переполненъ разсказами о злоупотребленіяхъ сестеръ Тихоновыхъ. Всѣ они объясняются наклонностію сестеръ Тихоновыхъ къ стяжанію, „пріобрѣтенію“, сказалъ бы Гоголь“. Подъ

предлогомъ: „надо же имѣть вознагражденіе за трудъ" сестры Тихоновы „выманивали" и даже вымогали у нашихъ паломниковъ въ подарокъ себѣ „платки, полотенца съ русскимъ шитьемъ, грибы и другіе продукты, привозимые этими поклонниками", „навязывали" имъ почти силою „дорогую сравнительно и безтолковую книгу бывшей русской игуменьи Смарагды", высланной изъ Іерусалима въ 1879 г., по распоряженію Св. Синода, подъ названіемъ: „Размышленія о Св. Землѣ"; именемъ консула перемѣщали прижимистыхъ на карманъ поклонницъ изъ хорошихъ сухихъ номеровъ въ худшіе сырые и т. п. „Долголѣтнее пребываніе сестеръ Тихоновыхъ въ Іерусалимѣ, ихъ короткое знакомство со многими святогробскими отцами" открыло имъ посторонній источникъ для „стяжанія", за „услуги, которыя обѣ онѣ оказывали, часто въ ущербъ нашимъ поклонникамъ", святогробскому духовенству, имѣя для сего слѣпое „орудіе" въ лицѣ своей ловкой „наперсницы" Марѳы Бавыкиной, служившей нѣкоторое время подъ ихъ началомъ въ русскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ въ качествѣ корридорной и удаленной со службы за эксплоатацію нашихъ паломниковъ[1]). Услуги святогробскому духовенству этихъ „Мегеръ Николаевнъ", какъ величаетъ ихъ въ своемъ дневникѣ покойный о. архимандритъ Антонинъ, простирались такъ далеко, что одна изъ нихъ, по карандашной резолюціи, „не внесенной въ журналъ", одного изъ членовъ Палестинской Коммиссіи отъ 8 мая 1884 г. даже „была участницею въ дѣлѣ митрополита виѳлеемскаго (Анѳима) и поклонницы Сысоевой", о кото-

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1884 г., № 35, л. 6—11.

ромъ въ свое время громко говорилъ Іерусалимъ и о которомъ имѣются слѣды въ архивѣ нашего консульства въ Іерусалимѣ [1]). Только это послѣднее гнусное обстоятельство помогло нашимъ іерусалимскимъ паломникамъ освободиться отъ крайне вредныхъ для ихъ существованія въ Іерусалимѣ смотрительницъ, „казавшихся необходимыми“ предмѣстникамъ г. Максимова. Палестинская же Коммиссія въ лицѣ Б. П. Мансурова, призванная заботиться объ улучшеніи быта нашихъ паломниковъ, правдивое и непріятное для нея донесеніе г. Максимова признала „вопросомъ личнымъ“ и уклонилась было отъ разсмотрѣнія „по существу“ описанныхъ въ донесеніи его „мѣстныхъ дрязгъ въ Іерусалимѣ“, опасаясь якобы „ослабленія власти и отвѣтственности консула“, отъ котораго зависитъ „добрый порядокъ въ нашихъ заведеніяхъ“ [2]).

Съ вопросомъ о смотрительницахъ нашихъ богоугодныхъ заведеній въ Іерусалимѣ стоятъ въ тѣсной связи вопросы о проводникѣ для паломниковъ, посѣщающихъ достопоклоняемыя мѣста въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, и о почтѣ или, правильнѣе, о доставкѣ имъ корреспонденціи простой и особенно денежной, какъ вопросы, имѣющіе самое непосредственное отношеніе къ быту паломниковъ въ Іерусалимѣ.

Толковый и знающій святыя мѣста проводникъ всегда былъ насущною потребностію для нашего паломника. Еще пресловутый паломникъ XII вѣка игуменъ Даніилъ свидѣтельствовалъ, что „невозможно

[1]) Тамъ же, л. 18.
[2]) Тамъ же.

безъ вожа добра и безъ языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ", что онъ отъ „худаго добыточка" своего подавалъ „вѣдущіимъ добрѣ вся святаа мѣста въ градѣ и внѣ града, да быша ему указали все добрѣ, яко и бысть" [1]). Дѣло это у нашихъ паломниковъ обстояло въ такомъ же положеніи почти до нашихъ дней. Къ сожалѣнію, „вожами" по Палестинѣ нерѣдко оказывались наши соотечественники сомнительной нравственности. Объ извѣстной уже намъ корридорщицѣ Марѳѣ Бавыкиной имѣются въ дѣлахъ бывшей Палестинской Коммиссіи весьма некрасивыя данныя, какъ о проводницѣ — эксплоататоршѣ. Эта энергичная „наперсница" смотрительницы Маріи Тихоновой, по словамъ В. А. Максимова, „послѣ многихъ внушеній" устраниться отъ обязанности проводницы паломниковъ, не пожелала этого сдѣлать, даже и въ то время, когда на это дѣло былъ назначенъ начальникомъ миссіи о. Антониномъ іеромонахъ русскаго постриженія Митрофанъ, но „продолжала ходить съ новыми поклонниками по святымъ мѣстамъ подъ предлогомъ помощи слабымъ, а на самомъ дѣлѣ для распространенія между ними суевѣрныхъ толковъ, что *дѣлалось съ своекорыстною цѣлью за плату, получаемую ею отъ нѣкоторыхъ греческихъ монастырей*" [2]). Довольно любопытны факты, что обязанность проводника паломниковъ оффиціально съ 1873 года исполнялась такъ называемымъ „старостою" изъ русскихъ людей, долго проживших въ Іерусалимѣ и знающихъ святыя мѣста Палестины, съ жалованьемъ въ 9—10 руб-

---

[1]) Прав. Палест. Сборн., вв. 3 и 9, стр. 4—5, Спб. 1885.
[2]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1884 г., л. 14—15.

лей въ мѣсяцъ [1]); изъ-за проводника возникали постоянныя и довольно рѣзкія столкновенія между консуломъ и начальникомъ миссіи. Признавая „путеводство поклонниковъ по св. мѣстамъ важнымъ по своему вліянію на умъ и сердце нашихъ соотчичей“ и для миссіи прямымъ „благотворнымъ просвѣтительнымъ вліяніемъ на народъ“, архимандритъ Антонинъ 6 марта 1884 года писалъ оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву жалобу на вмѣшательство въ это поклонническое и, по всей справедливости, *миссійское* дѣло, безъ котораго миссія „какъ *духовное* учрежденіе, существовать не можетъ“, и просилъ, чтобы черезъ товарища своего и члена Палестинской Коммиссіи оберъ-прокуроръ „настоялъ на возвращеніи Палестинской Духовной Миссіи, какъ вполнѣ компетентной, права водить поклонниковъ по святымъ мѣстамъ, безъ *вмѣшательства консульства*, патріархіи и кого бы то ни было третьяго, развѣ только по инціативѣ самой же миссіи“ [2]). Но письмо это съ жалобою попало по назначенію лишь въ 1887 году и благихъ послѣдствій не имѣло, а въ 1886 году консулъ Д. Н. Бухаровъ распорядился, чтобы караваны паломническіе, не менѣе какъ въ 10 человѣкъ, отправлялись для обозрѣнія св. мѣстъ „подъ непосредственнымъ начальствомъ кавасовъ“ и другихъ находящихся въ ихъ распоряженіи лицъ, при чемъ поклонники были „обязаны *безусловно подчиняться всѣмъ требованіямъ и приказаніямъ кавасовъ*“, хотя услуги послѣднихъ и вознаграждаются ими „извѣстною платою по особымъ билетамъ“ [3]). Такой порядокъ вещей, ко-

---

[1]) Тамъ же 1863 г., № 24, л. 78—79, 18, 86.

[2]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1887 г., № 35, л. 16—17.

[3]) Тамъ же 1886 г., № 42.

нечно, не могъ быть признанъ вполнѣ нормальнымъ, и Православное Палестинское Общество въ 1887 году приняло на себя расходы по содержанію проводника паломническихъ каравановъ изъ духовныхъ лицъ, каковымъ и былъ избранъ Обществомъ заштатный Харьковской епархіи священникъ А. Анисимовъ, авторъ книги „Путевыя записки русскаго пастыря о священномъ Востокѣ“ (Изюмъ, 1886 г.). О. Анисимовъ, хотя, „быть можетъ, и не достаточно подготовленный къ подобной дѣятельности“, пользовался, однако же, „сочувствіемъ“ нашихъ паломниковъ и производилъ на нихъ „очень отрадное впечатлѣніе“ [1]). Указанная неподготовленность о. Анисимова была одною изъ причинъ, что о. Александръ очень скоро покинулъ свой трудный постъ и въ 1888 г. выѣхалъ изъ Іерусалима. Паломники послѣ этого и, кажется, уже навсегда, остались безъ пастырскаго руководства съ одними „братушками“—кавасами... Въ числѣ серьезныхъ и вполнѣ подготовленныхъ къ этому важному дѣлу мы не можемъ отнести о. іеродіакона Терентія и по нынѣ здравствующаго бывшаго члена миссіи и энергичнаго устроителя нашихъ елеонскихъ пріютовъ, игумена Парѳенія, временно исполнявшихъ, по порученію о. арх. Антонина, обязанности духовнаго проводника паломниковъ...

Роль смотрительницы въ передачѣ корреспонденціи паломникамъ описана сильными красками талантливымъ перомъ покойнаго путешественника доктора А. В. Елисѣева [2]), въ дѣлахъ же Палестинской

---

[1]) Письма графини О. Е. Путятиной къ В. Н. Хитрово отъ 8 марта и отъ 5 апр. 1888 г.

[2]) А. Елисѣевъ. Съ русскими паломниками на Св. Землѣ весною 1884 г., стр. 184—195.

Коммиссіи имѣются указанія лишь на то, что турецкая почта доставляла корреспонденцію не только неисправно, но не рѣдко съ хищеніями содержимаго въ пакетахъ. Въ 1884 г. нѣкто г-жа Тимофеева получила письмо отъ мужа, въ которомъ вмѣсто 300 р., посланныхъ ей мужемъ, „оказались какія-то три желтыя бумажки“ [1]). Ирина Гурьянова обращалась въ Коммиссію о возмѣщеніи ей 50 р., „посланныхъ родными и не дошедшихъ по назначенію“, и ходатайство ея было удовлетворено [2]). Въ дневникѣ о. архимандрита Антонина подъ 29 октября 1884 г. записано, что драгоманъ его Якубъ Халеби доставилъ ему съ почты пакетъ, „обѣщавшій“ 400 р., но, при вскрытіи пакета „съ надломленными печатями“, оказалось, что въ немъ имѣется „одна сотня и то не деньгами, а какимъ-то листомъ с.-петербургскаго земельнаго тульскаго банка“ и „разорванное“ отношеніе Палестинскаго Общества...

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, сопоставляя два русскіе фактора—духовную миссію и Палестинскую Коммиссію съ ея довѣреннымъ, въ лицѣ іерусалимскаго консула, призванные Высочайшею волею къ восполненію другъ друга и къ взаимной совмѣстной дружной дѣятельности на православномъ Востокѣ на пользу Церкви православной и на славу русскаго народа, мы видимъ, что между ними за все время дѣятельности Палестинской Коммиссіи существовали полнѣйшій разладъ, недовѣріе другъ къ другу и стремленіе повредить доброй репутаціи на столько, что необходимость дальнѣйшаго пребыванія одного изъ нихъ въ Іерусалимѣ

---

[1]) Дѣла Палест. Коммиссіи 1884 г. № 39.

[2]) Тамъ же. № 61.

подвергается большому сомнѣнію. Съ одной стороны Палестинская Коммиссія, имѣющая за собою сильныхъ міра сего, опирающаяся на министерство иностранныхъ дѣлъ и Св. Синодъ, владѣетъ неизсякаемымъ источникомъ средствъ—народнымъ сочувствіемъ, выражающимся непрерывно въ пожертвованіяхъ черезъ установленныя для сего въ церквахъ съ 1858 года кружки „на улучшеніе быта православныхъ паломниковъ въ Палестинѣ“, а съ другой, Духовная Миссія, не только безъ поддержки извнѣ, но даже признаваемая со стороны сильныхъ міра за ненужную роскошь, вѣчно опасающаяся за свое существованіе, остается безъ обезпеченнаго капитала и денежныхъ источниковъ, съ скромнымъ содержаніемъ въ 15 тысячъ рублей, и даже безъ людей, необходимыхъ для активной дѣятельности. И при всемъ этомъ разница въ дѣятельности обоихъ далеко не равносильныхъ факторовъ поразительная. Палестинская Коммиссія въ теченіе 20 лѣтъ, наперекоръ вопіющей необходимости, „въ положеніи богоугодныхъ заведеній въ Палестинѣ“ упорно сохраняетъ status quo 1864 г., и изъ „мнительной осторожности“, съ цѣлью образовать „запасный капиталъ“ про черный день, спокойно обрекала нашихъ паломниковъ на печальную необходимость валяться въ корридорахъ и подъ нарами нашихъ пріютовъ или, еще хуже, искать себѣ пріюта въ забракованныхъ нѣкогда сырыхъ и холодныхъ греческихъ монастыряхъ, турецкихъ духанахъ и даже грязныхъ подвалахъ... Вполнѣ выяснившіяся „важныя потребности“ нашихъ заведеній: надстройки вторыхъ этажей надъ пріютами, подземная канализація, расширенія водоемовъ и госпиталя, постройки русскихъ постоянныхъ пріютовъ

въ Назаретѣ и улучшеніе быта русскихъ паломниковъ, потребности, вызывающія даже „ропотъ“ послѣднихъ, остаются, за немногими исключеніями, лишь pia disideria Палестинской Коммиссіи, бумажными благими намѣреніями и не переходятъ въ жизнь. Совершенно иначе дѣйствуетъ въ это время скромная и бѣдная матеріально духовная миссія. „Въ виду безпріютнаго положенія нашихъ поклонниковъ, посѣщающихъ св. мѣста за предѣлами Іерусалима, и *полнаго бездѣйствія* нашего консульства (какъ повѣреннаго Палестинской Коммиссіи) въ отношеніи пріисканія средствъ устранить оное, я, писалъ 5 іюля 1878 г. архимандритъ Антонинъ, *около десяти лѣтъ уже занимаюсь устройствомъ поклонническихъ пріютовъ въ разныхъ мѣстахъ*, освященныхъ христіанскимъ преданіемъ, какъ то: въ Горней, при Мамврійскомъ Дубѣ, на горѣ Елеонской, въ Іерихонѣ... въ чемъ *съ помощію частной благотворительности* боголюбивыхъ соотечественниковъ, при благословеніи Божіемъ, успѣлъ самымъ желаннымъ образомъ, прибѣгая при семъ за средствами къ поддержанію пріютовъ, кромѣ своихъ скудныхъ пожертвованій, и къ штатной суммѣ, опредѣленной на содержаніе миссіи“. Понятно послѣ этого, что среди русскихъ палестинскихъ паломниковъ, интеллигентныхъ русскихъ людей, интересующихся состояніемъ православія на Востокѣ и нашими успѣхами тамъ, дѣятельность Палестинской Коммиссіи за все время ея существованія подвергалась безпощадной критикѣ, суровому осужденію и, по откровенному сознанію самой Коммиссіи, вызывала со стороны многихъ даже справедливый „ропотъ“, тогда какъ скромная духовная миссія въ то же время возбуждала чувства полнаго изумленія и искренней благодарности и самыя

горячія симпатіи со стороны паломниковъ, пріобрѣтая нерѣдко мощныхъ апологетовъ и заступниковъ среди лицъ сильныхъ словомъ и даже служебнымъ положеніемъ. Незабвенны навсегда для нашей миссіи останутся имена графа Е. В. Путятина, бывшаго министра путей сообщенія П. П. Мельникова, покойнаго секретаря Палестинскаго Общества В. Н. Хитрово, извѣстнаго доктора А. В. Елисѣева и др., словомъ и дѣломъ много поработавшихъ для нашей миссіи и сохранившихъ за нею даже право на существованіе, которое стремились отнять у нея Палестинская Коммиссія и враги миссіи. Понятно, послѣ этого, что между Коммиссіею и Миссіею, идущими по одному пути, не могли не создаться печальные конфликты и недоразумѣнія. Консульство, какъ распорядитель отъ лица Коммиссіи и довѣренный ея, для поддержанія своего авторитета иногда вынуждалось прибѣгать даже къ вооруженной силѣ своего каваса и входить довольно часто въ пререканія и столкновенія съ миссіею и ея начальникомъ. „Былъ ли хотя одинъ моментъ, въ который бы я могъ польстить себя мыслію, писалъ архимандритъ Антонинъ въ 1879 г. къ Б. П. Мансурову, главному представителю Коммиссіи на Востокѣ, что ваше превосходительство не позабыли меня, цѣните меня по прежнему, и отдаете мнѣ справедливость въ моихъ, неизмѣнно тѣхъ же самыхъ стремленіяхъ и усиліяхъ—отстоять, закрѣпить и, насколько могу, прославить имя Россіи въ тѣсномъ кружкѣ моей дѣятельности въ Св. Землѣ. Какъ же во всѣ эти трудные и большею частію скорбные для меня годы смотрѣла на службу мою здѣсь Палестинская Коммиссія? Простите за правду, недоброжелательно. Этотъ взглядъ ея съ моей личности переносился

конечно, и на всю миссію, а затѣмъ онъ же передавался и въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, *что всего прискорбнѣе для меня, въ самый Святѣйшій Синодъ*. Во все время, какъ П. Н. Стремоуховъ заправлялъ дѣлами Азіатскаго Департамента и Палестинской Коммиссіи, я съ каждымъ днемъ могъ ожидать закрытія ни въ чемъ неповиннаго учрежденія, надъ которымъ начальствовалъ. Напрасно бы я сталъ доискиваться, въ чемъ моя вина и отчего я, цѣлыя 15 лѣтъ служившій въ разныхъ посольствахъ и при многихъ посланникахъ съ репутаціей человѣка не неспособнаго къ дѣлу, въ Іерусалимѣ оказался вдругъ чуть не „камнемъ соблазна" и, во всякомъ случаѣ, не драгоцѣннымъ камнемъ, а булыжникомъ, которымъ можетъ помыкать всякій консулъ. Разъ только одинъ изъ дѣловыхъ здѣсь людей проговорился, сказавъ въ поученіе мнѣ, что ни онъ, ни другой кто не виноватъ тутъ въ положеніи дѣлъ, что тутъ дѣйствуетъ не личность та или другая, а *система*. Объ этой фатальной системѣ я слышалъ, когда еще состоялъ при константинопольскомъ посольствѣ и—*сознаюсь въ своей слабости* (sic), отправляясь сюда на новую должность, задавался иллюзійной мыслью *разбить, убивающую общее дѣло наше, систему*, а именно, своимъ прямымъ, искреннимъ и какъ бы дружескимъ отношеніемъ къ лицамъ и вещамъ добиться упраздненія пагубнаго дѣленія людей на *своихъ* и *чужихъ*. И въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто именно годился для этой задачи, столько лѣтъ чужой по званію, бывши своимъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на службѣ. Что же мѣшало успѣху? Еще разъ простите—по общему говору, ничто, кромѣ Вашей личной антипатіи къ миссіи... Чтобы не столкнуться ни съ

кѣмъ ни на политическомъ, ни на церковно-каноническомъ, ни даже на миссіонерскомъ поприщѣ, я ограничился однимъ чисто *поклонническимъ* значеніемъ своей миссіи и нашелъ способъ путемъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и устройствомъ въ разныхъ мѣстахъ *русскихъ* пріютовъ, поставить ее и крѣпче и вѣсче и, пожалуй, даже болѣе блестяще, чѣмъ когда бы то ни было въ другое время въ Палестинѣ. Могла простить мнѣ это „система“? Я не дитя, чтобы повѣрить этому. Но обращаюсь къ вамъ, превосходительнѣйшій Борисъ Павловичъ, „человѣку честному и искреннему“, въ чемъ погрѣшилъ я предъ отечествомъ, царемъ, Богомъ, что сталъ пріобрѣтать въ собственность Россіи то, что еще осталось, Божіимъ провидѣніемъ, въ Св. Землѣ цѣннымъ, незахваченнаго католиками, протестантами, армянами, жидами? Вѣдь во всякой другой землѣ христіанской подобнаго ревнителя по крайности осыпали бы похвалами. А у насъ я, прослужившій обществу русскому и Церкви русской на теперешнемъ мѣстѣ своемъ вѣрою и правдой 14 лѣтъ, и со мною человѣкъ, стоющій не только хвалы, но блестящей награды, котораго умомъ, тактомъ, смѣлостію и неподкупною честностію, не говорю уже о беззавѣтной преданности Россіи, достигнуты мною такіе невѣроятные результаты,—смиренный драгоманъ миссіи (Якубъ Халеби)— не только не оцѣнены, но подвергаемся ожесточенному преслѣдованію со стороны своего консула“ [1]).

Хотя изрѣдка, но бывали и болѣе печальныя явленія въ жизни нашей миссіи въ Іерусалимѣ. У консула являлось иногда желаніе положительно дискредитиро-

[1]) Письмо это хранится въ копіи въ библіотекѣ Импер. Прав. Палест. Общества.

вать духовную миссію и ея начальника въ глазахъ русскихъ людей, употребляя для сего всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства: печатаніе „приторно-самохвальныхъ“ корреспонденцій изъ Іерусалима съ „бѣшеными нападками“ на начальника миссіи, составленныхъ „въ кабинетѣ консульскомъ“, но подписанныхъ лицами единомысленными съ консуломъ, какъ напр., нѣкіимъ вагабондомъ Чернышевымъ, прослывшимъ за „князя русскаго“ въ Іерусалимѣ, святогробскимъ архимандритомъ Епифаніемъ Матеосомъ (Злостная статья послѣдняго была напечатана въ московской газетѣ „Востокъ“ отъ 31 октября 1879 г.) и бывшимъ чиновникомъ при Св. Синодѣ А. Ушинскимъ. Рядомъ съ этимъ замѣчалось со стороны консула преступное равнодушіе и даже покровительство въ дѣлѣ распространенія выпущеннаго въ свѣтъ памфлета г. Добрынина (псевдонимъ), въ видѣ романа, подъ заглавіемъ: „Пейсъ-Паша и его консорты. Мозаики, камеи и миніатюры изъ любопытныхъ раскопокъ въ трущобахъ Св. Земли. Спб. 1881 г.“.

Изъ всѣхъ благотворительныхъ заведеній въ Палестинѣ наибольшимъ вниманіемъ и заботами Палестинской Коммиссіи, какъ и слѣдовало ожидать, пользовался русскій госпиталь, выстроенный въ 1862 и 1863 годахъ. „Планъ для нашего госпиталя, какъ утверждаетъ Борисъ Павловичъ Мансуровъ, былъ начертанъ по образцу лучшаго въ то время госпиталя на Востокѣ, смирнскаго, построеннаго голландцами, съ нѣкоторыми даже улучшеніями и приспособляясь къ палестинскимъ условіямъ“. Планъ этотъ, въ 1860 г. представленный на утвержденіе петербургскихъ медицинскихъ властей, заслужилъ „полное одобреніе“. Докторъ М. М. Касторскій, командированный нашимъ

правительствомъ въ Багдадъ, на возвратномъ пути въ Россію черезъ Іерусалимъ, по приглашенію находившагося въ ту пору въ Палестинѣ Б. П. Мансурова, „имѣющаго честь и радость быть основателемъ и создателемъ нашего іерусалимскаго госпиталя", произвелъ осмотръ послѣдняго 26 марта 1885 г. и далъ о немъ въ общемъ прекрасный отзывъ. „При входѣ въ оный, по словамъ доктора Касторскаго, бросается въ глаза—*опрятность и чистота* какъ самаго помѣщенія, такъ и всего, что касается непосредственно самихъ больныхъ, какъ то: одежды, бѣлья, всякаго рода посуды и т. п. *Подобная чистота и опрятность могла бы поспорить съ первоклассными образцовыми больницами.* Скорбные листы оказались въ полномъ порядкѣ; повязки на хирургическихъ больныхъ были наложены при соблюденіи строгаго антисептическаго метода; медикаменты и рецепты, назначаемые больнымъ, согласны вполнѣ съ новѣйшими физіолого-фармакологическими данными". „Какъ относительно пищи, такъ и относительно обращенія съ больными сестеръ милосердія, я, пишетъ г. Касторскій, при опросѣ больныхъ, кромѣ изъявленія благодарности и довольства съ ихъ стороны, ничего другого не слыхалъ". Всѣ медикаменты для нашего госпиталя въ Іерусалимѣ получались въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ отъ извѣстной французской фирмы „Pharmacie centrale de France" черезъ Марсель, съ полною аккуратностію и всегдашнею добросовѣстностію и прекраснаго качества. Г. Касторскій рекомендовалъ „возможное сбереженіе и разумную экономію" при ихъ выпискѣ, чтобы путемъ пріобрѣтенія на мѣстѣ такихъ веществъ, какъ сало, миндальное масло и т. п., сократить расходы по этой статьѣ. Въ отношеніи хирургическихъ инструментовъ, дорого стоющихъ,

найдено было не только ихъ обиліе, но и излишняя роскошь. „Едвали найдутся, говоритъ г. Касторскій, во всѣхъ хорошо содержимыхъ лечебныхъ заведеніяхъ Петербурга такіе инструменты, какъ аппаратъ для переливанія крови, аппаратъ для промыванія желудка и т. п. То же самое можно сказать о громадномъ количествѣ различныхъ щипцовъ для выдергиванія зубовъ, выставленныхъ въ числѣ необходимыхъ инструментовъ въ проектѣ смѣты на 1866 г. Подобные инструменты, конечно, приносятъ пользу, но составляютъ *уже роскошь* госпиталя". Такой прекрасный отзывъ о состояніи нашего госпиталя тѣмъ болѣе любопытенъ, что Палестинская Коммиссія, по словамъ Б. П. Мансурова, всегда стремилась къ сокращенію расходовъ даже и по этой статьѣ, такъ что въ 1880 г. на снабженіе аптеки медикаментами, по смѣтѣ, назначено было не болѣе 200 р. въ годъ. Со стороны Б. П. Мансурова, впрочемъ, неоднократно дѣлались доклады въ Коммиссію, что въ „госпитальномъ дѣлѣ *невозможно на первый планъ ставить экономію въ издержкахъ*".

Капитальнымъ недостаткомъ нашего госпиталя въ Іерусалимѣ и докторомъ Касторскимъ и „лицами, не принадлежащами къ сословію врачей", въ 1885 году была признана „корридорная система" его плана. „Поступающіе больные, по словамъ г. Касторскаго, неминуемо должны были помѣщаться въ одномъ и томъ же этажѣ (третьемъ) зданія, въ палатахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой перегородками и по срединѣ этажа, общимъ корридоромъ въ 2½ (вѣрнѣе 3 сажени внизу и нѣсколько болѣе 3 саженъ вверху) сажени ширины. Принявъ во вниманіе, что самый большій контингентъ по роду поступающихъ больныхъ поклонниковъ составляютъ пораженные малярiей, ча-

хоткою или заразные разнаго рода тифами, и что другіе больные, не съ заразными болѣзнями, должны помѣщаться въ томъ же этажѣ при выше означенныхъ условіяхъ, не трудно усмотрѣть, что подобное распредѣленіе больныхъ *противорѣчитъ всѣмъ правиламъ больничной гигіены*". Правда, нѣсколько поздно, черезъ 20 лѣтъ, и лишь послѣ тяжелаго опыта 1883 г., но была сознана неудовлетворительность въ планѣ нашего госпиталя и строителями его. Еще въ концѣ сентября 1884 г., Б. П. Мансуровъ „съ особеннымъ настояніемъ" писалъ въ Коммиссію „о необходимости безотлагательно построить отдѣльное зданіе для заразительныхъ больныхъ", но ему „отказано было въ средствахъ для исполненія столь необходимой постройки". Волею неволею пришлось обратиться къ изысканію частныхъ средствъ, которыя и явились, благодаря просвѣщенному содѣйствію покойнаго московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, собравшаго потребную сумму у московскихъ благотворителей—купцовъ. 22 февраля 1885 г. Б. П. Мансуровъ телеграммою къ директору Азіатскаго Департамента И. А. Зиновьеву просилъ разрѣшенія „начать немедленно" отдѣленіе госпиталя въ виду того, что время благопріятно, и чтобы приготовить госпиталь къ осени. Нѣсколько раньше еще испрашивалось Высочайшее соизволеніе—отдѣленіе нашего госпиталя для заразныхъ больныхъ наименовать „палатою князя Долгорукова". Разрѣшеніе было дано, но безъ права наименованія отдѣленія „палатою князя Долгорукова". 9 марта состоялась закладка палаты для заразныхъ болѣзней, которая окончена постройкою въ октябрѣ того же 1885 года [1]).

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1885 г.

Нельзя здѣсь не упомянуть о томъ, что при нашемъ госпиталѣ въ 1881 г. были произведены работы по устройству особаго ваннаго отдѣленія, на что расходовались средства, пожертвованныя г. Филипповымъ и потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Стахѣевымъ, въ количествѣ 978³/₄ р. золотомъ. Къ сожалѣнію, работы въ этомъ направленіи, по словамъ консула В. А. Максимова, „не принесли никакой пользы". Купленный дорогою цѣною насосъ для подъема воды изъ цистерны не дѣйствовалъ, водопроводъ далъ течь, и приспособленія для поднятія воды во второй этажъ оказались негодными, такъ что всякій разъ, когда являлась неотложная необходимость сдѣлать больному ванну, то „ванна приносилась въ палату, куда въ мѣхахъ водоносы таскали воду или спускали больного въ нижній этажъ въ прачешную". Консулъ Максимовъ въ 1883 г. ходатайствовалъ предъ Коммиссіею на средства, пожертвованныя шталмейстеромъ двора Его Величества графомъ Строгановымъ на необходимыя улучшенія въ пріютахъ, въ количествѣ 12,000 франковъ, исправить ванное отдѣленіе больницы и устроить ледникъ съ погребомъ для храненія льда, чтобы дать врачу „двѣ могущественныя цѣлебныя силы и сдѣлать свой госпиталь образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ заведеніемъ въ Палестинѣ" [1]), но изъ дѣлъ Коммиссіи не видно, чтобы это желаніе консула было удовлетворено.

И въ дѣлѣ благоустройства и внутренняго распорядка нашего „грандіознаго" госпиталя въ Іерусалимѣ, Палестинская Коммиссія поступала почти

---

[1]) Тамъ же, 1884 г., № 35, л. 1—3.

такъ же, какъ и по отношенію къ духовной миссіи, т. е. постоянно вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь госпиталя и создавая тормазъ въ дѣлѣ успѣшнаго выполненія главнѣйшихъ функцій тѣмъ, кому былъ ввѣренъ госпиталь. Изъ многихъ фактовъ мы укажемъ нѣсколько, чтобы охарактеризовать и эту сторону дѣятельности бывшей Палестинской Коммиссіи.

Въ 1885 году докторъ Касторскій въ своемъ отчетѣ весьма непривлекательными чертами аттестовалъ, напр., аптекаря нашей больницы г. Сардена, не имѣвшаго „никакихъ документовъ на какое-либо фармацевтическое званіе“, и заявилъ, что онъ „былъ пораженъ ясно видимымъ крайнимъ безпорядкомъ въ двухъ отведенныхъ для аптеки комнатахъ“. „Основатель и создатель“ іерусалимскаго госпиталя Б. П. Мансуровъ близко принялъ къ сердцу этотъ отзывъ врача Касторскаго и выступилъ передъ Коммиссіею горячимъ апологетомъ своего любимца г. Сардена, считая этотъ отзывъ до нѣкоторой степени личною для себя обидою. „Неужели я, писалъ въ Коммиссію Б. П. Мансуровъ, могъ быть такъ слѣпъ и невнимателенъ, что въ теченіе 6½ мѣсяцевъ не видѣлъ безпорядка, который сейчасъ найденъ былъ докторомъ Касторскимъ впродолженіи того получаса (sic), который онъ могъ посвятить аптекѣ?“ Б. П. Мансуровъ, отзываясь съ самой отличной стороны о г. Сарденѣ, какъ „основателѣ“ нашей аптеки, завѣдующемъ ею въ теченіе 21 года съ столь отличною репутаціею въ Іерусалимѣ, что „она считается едва-ли не лучшею“, и что въ ней „никогда никакого безпорядка не случалось“, о чемъ могли свидѣтельствовать всѣ русскіе консулы, признававшіе г. Сардена „за образцоваго аптекаря и человѣка, заслуживающаго самаго полнаго довѣрія“,

„не только не произноситъ противъ г. Сардена какого-либо осужденія, но весьма убѣжденно и настоятельно аттестуетъ его съ самой отличной стороны во всѣхъ отношеніяхъ“. „У доктора Рѣшетилло могутъ быть, по словамъ Б. П. Мансурова, *свои причины оставлять въ тѣни достоинства аптекаря г. Сардена*, но обязанность Коммиссіи стать выше мелкихъ *личныхъ вопросовъ* и воздать каждому должное по справедливости“. Такимъ образомъ, служащіе въ больницѣ при всѣхъ ихъ недостаткахъ остаются неуязвимы, разъ они снискали благоволеніе „создателя и основателя госпиталя“, близко къ сердцу принимавшаго не интересы богоугоднаго заведенія, а частные интересы служащихъ въ немъ лицъ и ставившаго свое личное самолюбіе выше самого дѣла или учрежденія. Въ частности г. Сарденъ всегда пользовался симпатіями и покровительствомъ Б. П. Мансурова. Получая съ самаго начала существованія госпиталя приличное вознагражденіе въ 1,200 руб. мет., четыре комнаты съ отопленіемъ въ зданіи женскаго пріюта, въ качествѣ квартиры натурою, г. Сарденъ нерѣдко удостоивался денежныхъ наградъ и знаковъ отличія (два ордена) и въ своемъ значеніи въ русскомъ госпиталѣ въ Іерусалимѣ на столько возмнилъ себя высоко, что рѣшался подвергать критикѣ распоряженія своего ближайшаго начальника, доктора госпиталя, обвиняя послѣдняго передъ консуломъ въ томъ, что „система леченія, принятая г. Рѣшетилло, требуетъ постоянно большаго количества хины“. Въ 1881 году ассигновка на аптеку поэтому и была уменьшена съ 300 на 200 р. въ годъ [1]. При выходѣ въ отставку, г. Сарденъ въ 1886 г. по-

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи, 1881 г., № 24 (исход.).

лучилъ пенсію отъ Коммиссіи въ количествѣ 300 р. въ годъ.

Вотъ еще примѣръ. 19 октября 1883 г. докторъ Рѣшетилло подалъ консулу Максимову обширную докладную записку, въ которой между многими мѣрами, направленными къ улучшенію быта нашихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ, рекомендовалъ, между прочимъ, устройство для поклонниковъ бань и *харчевенъ*. „Въ послѣдніе годы, по словамъ доктора Рѣшетилло, развелось около русскихъ построекъ много еврейскихъ кабаковъ, куда поневолѣ попадаетъ голодный поклонникъ и гдѣ находитъ соблазнъ въ водкѣ, что и способствуетъ пьянству между поклонниками. Устройство же собственной харчевни отвлекло бы массу отъ кабаковъ“ [1]). Со стороны консула послѣдовали возраженія, якобы вытекающія „изъ затрудненій матеріальныхъ и нравственнаго свойства“. „Постройка помѣщенія для харчевни, писалъ въ Коммиссію консулъ, отдача послѣдней для эксплоатаціи, если бы таковое было, тенденція нашихъ богомольцевъ-простолюдиновъ отдавать въ жертву святымъ мѣстамъ всѣ приносимыя съ собою деньги, перенося во имя страданій Спасителя всевозможныя лишенія, соединенныя съ сухою постною пищею, представляютъ такія препятствія, которыя дѣлаютъ, по моему крайнему разумѣнію, седьмой параграфъ (о харчевнѣ) *непримѣнимымъ*“ [2]). Но еще большею странностію со стороны консула отличается критика распоряженій доктора относительно питанія больныхъ въ госпиталѣ. Желая „положить конецъ капризу, какой

---

[1]) Тамъ же, № 43, л. 5—7.
[2]) Тамъ же, л. 4.

позволяютъ себѣ по отношенію къ пищѣ нѣкоторые больные, близкіе къ выздоровленію или подвергнутые наружнымъ и даже внутреннимъ легкимъ болѣзнямъ", консулъ просилъ доктора Рѣшетилло „*регулировать* больничное питаніе сообразно съ находящимися въ нашемъ распоряженіи денежными средствами на началахъ, какія введены въ русскія клиники гражданскаго и военнаго вѣдомства. При этомъ, быть можетъ, потребовалось бы, если это не расходится съ успѣшнымъ леченіемъ, принять во вниманіе *стремленіе нашихъ больныхъ къ постной пищѣ*, а равно и особенности, вызываемыя паціентами не русскаго происхожденія и народности". Докторъ Рѣшетилло составилъ обстоятельное росписаніе на началахъ „гигіены", подѣливъ „больничное питаніе на здоровую, среднюю, слабую и чрезвычайную (экстренную) порціи, опредѣливъ приблизительное количество пищи для каждаго больного". Больничный столъ былъ раздѣленъ на постный, состоящій изъ супа, щей или борща и каши или макаронъ, приправленныхъ постнымъ масломъ, и скоромный, состоящій изъ тѣхъ же блюдъ, но вареныхъ на говядинѣ или баранинѣ различныхъ сортовъ и приправленныхъ скоромнымъ масломъ, или изъ молочныхъ продуктовъ, и въ экстренныхъ случаяхъ— цыпленокъ или курица. Для питья больныхъ, кромѣ чая и кофе, служили квасъ, приготовленный домашнимъ способомъ, и по назначенію врача мѣстныя вина—бѣлыя и красныя, какъ легкія, такъ и крѣпкія. Какъ ни просто и ни естественно было составлено врачемъ больницы требуемое росписаніе блюдъ для больныхъ, консулъ Максимовъ нашелъ его, однакоже, неудовлетворительнымъ и даже позволилъ себѣ критиковать его. „Къ сожалѣнію, писалъ онъ 17 декабря въ Ком-

миссію, записка г. Рѣшетилло не отличается, какъ мнѣ кажется, *ни строгою обдуманностію, ни больничною гигіеною* и не имѣетъ должныхъ для порцій схемъ. Такимъ образомъ, жидкое горячее блюдо (супы, щи и борщъ) входитъ, насколько мнѣ извѣстно, въ каждую изъ клиническихъ порцій, условная номерація которыхъ выражаетъ индивидуальное состояніе организма. Въ порціяхъ нашего врача эта послѣдняя сторона исчезаетъ и перечень ихъ представляетъ изъ себя какое-то трактирное „меню". При этомъ въ немъ же недостаетъ весьма важнаго подспорья, составляющаго обычную пищу мѣстныхъ жителей—это огородный овощь, столь разнообразный на югѣ, нерѣдко легко перевариваемый желудкомъ, и который мы могли бы безъ всякой затраты разводить на нашихъ постройкахъ почти всюду, не исключая пустопорожняго мѣста, примыкающаго къ задней больничной двери. *Такой овощь, какъ бамія, часто рекомендуется больному европейскими врачами*| *въ Турціи вмѣсто цыпленка; баранина и ягнятина, приправленныя, составляютъ здѣсь любимую пищу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ легко переваривается желудкомъ.* Употребленіе вечеромъ передъ сномъ куска мяса съ хлѣбомъ, вмѣсто какого нибудь жидкообразнаго блюда, обременитъ, какъ мнѣ кажется, желудокъ, *чего долженъ избѣгать каждый благоразумный врачъ*". Свои возраженія г. Максимовъ повелъ такъ далеко, что потребовалъ отъ Палестинской Коммиссіи, чтобы „правила продовольствія нашихъ больныхъ", составленныя докторомъ Рѣшетилло, были провѣрены „болѣе компетентными въ медицинскомъ отношеніи лицами" въ Медицинскомъ Департаментѣ, куда эти правила и были представлены 19 апрѣля 1884 г. на просмотръ. Но Департаментъ благоразумно уклонился

отъ подробнаго ихъ разсмотрѣнія, порекомендовавъ, „при разрѣшеніи этого вопроса, сообразоваться съ мѣстными условіями и руководиться брошюрою: „Соображенія Коммиссіи, учрежденной попечительнымъ Совѣтомъ заведеній приказа Общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, по вопросу объ улучшеніи пищевого довольствія призрѣваемыхъ и больныхъ въ заведеніяхъ ему подвѣдомственныхъ“ [1]).

Говоря о русскомъ госпиталѣ въ Іерусалимѣ, мы не можемъ, наконецъ, не коснуться и вопроса о сестрахъ милосердія, служившихъ при немъ, такъ какъ этому вопросу и „создатель“ госпиталя, и Палестинская Коммиссія придавали весьма важное значеніе и имъ интересовались весьма живо. „Въ штатѣ завѣдыванія пріютомъ должны, конечно, состоять, писалъ въ 1857 г. Б. П. Мансуровъ, медикъ, аптекарь, фельдшеръ и пр. Кромѣ того, необходимое условіе успѣха будетъ заключаться въ учрежденіи при ономъ *общины сестеръ милосердія*, что чрезвычайно легко въ нашемъ отечествѣ по всеобщему религіозному настроенію русскихъ женщинъ и малому участію у насъ лицъ женскаго пола въ промышленныхъ дѣлахъ, какъ то является въ западныхъ странахъ. *Сестры милосердія* имѣютъ на Востокѣ такое огромное значеніе и такъ благодѣтельно дѣйствуютъ на тамошнія народонаселенія, что *онѣ однѣ могли бы служить чрезвычайно важнымъ орудіемъ политической и религіозной пропаганды*... Съ нашей стороны непростительно было бы не воспользоваться столь важнымъ орудіемъ для утвержденія русскаго вліянія на Востокѣ, тѣмъ болѣе, что для правительства гораздо доступнѣе и удобоисполнимѣе

---

[1]) Дѣла Палестинской Коммиссіи 1884 г., № 36, л. 1—10.

призваніе женщинъ для богоугодной службы въ краяхъ, драгоцѣнныхъ для каждаго православнаго, чѣмъ отысканіе для сего значительнаго числа чиновниковъ духовнаго и свѣтскаго званія. Даже *расходы на сестеръ милосердія будутъ гораздо умѣреннѣе*, потому что онѣ отправились бы въ Палестину въ качествѣ инокинь, или женщинъ, отказавшихся отъ мірскихъ выгодъ, назначающихъ себя только для службы Богу, а не помышляющихъ о служебныхъ поприщахъ" [1]. Но на первыхъ порахъ существованія нашего госпиталя не пришлось думать объ учрежденіи „общины сестеръ милосердія", и смотрительницею его была назначена дворянка А. А. Голикова, „женщина весьма и весьма самолюбивая, избалованная и привыкшая властвовать", а обязанности сестеръ милосердія исполняли по найму русскія поклонницы, проживающія по долгу въ Іерусалимѣ. Но мысль о приглашеніи въ нашъ госпиталь въ Іерусалимѣ настоящихъ сестеръ милосердія не оставляли ни Палестинская Коммиссія, ни „создатель и основатель" госпиталя Б. П. Мансуровъ. Поэтому когда покровительница женской Покровской общины покойная великая княгиня Александра Петровна (во иночествѣ Анастасія) выразила готовность въ 1880 году командировать въ Іерусалимъ сестеръ покровительствуемой ею общины, то Б. П. Мансуровъ съ радостію принялъ эту готовность и сталъ всѣ усилія напрягать къ возможно скорѣйшему осуществленію намѣренія Ея Высочества, побуждая всячески къ тому и Палестинскую Коммиссію. „Для Коммиссіи, писалъ Б. П. Мансуровъ, *будетъ сбереженіе расходовъ*, при значительномъ улучшеніи ухода, *такъ*

---

[1]) Отчетъ 1857 г., стр. 149—150.

какъ сестры будутъ обходиться Коммиссіи очень дешево" [1]). На первый разъ назначены были къ отправленію въ Іерусалимъ сразу три сестры: М. И. Радугина, О. И. Лошина и О. Н. Алексѣева, чтобы такимъ образомъ избѣжать необходимости „содержать въ госпиталѣ наемныхъ сидѣлокъ". Условія для ихъ отправленія, по желанію великой княгини, были выработаны слѣдующія: 1) *единовременно*—путевыя деньги отъ С.-Петербурга до Іерусалима по разсчету дѣйствительной стоимости проѣзда и продовольствія въ пути; 2) *постоянно*—по 5 р. (золотомъ) въ мѣсяцъ на каждую сестру башмачныхъ денегъ и 3) *натурою*—квартиру (т. е. помѣщеніе въ госпиталѣ), столъ и отопленіе. Жалованья сестрамъ полагаться не должно. Сестры должны находиться въ полномъ подчиненіи доктора.

По прибытіи сестеръ милосердія въ Іерусалимъ, консулъ Кожевниковъ, познакомивъ ихъ „съ сущностію предстоящихъ имъ обязанностей", представилъ ихъ архимандриту Антонину, прося его благословенія, и передалъ доктору. Послѣдній назначилъ двухъ изъ нихъ „состоять на очереди дежурными въ больничныхъ палатахъ, исполняя также и другія обязанности", а сестру Алексѣеву опредѣлилъ „на должность смотрительницы, придерживаясь, разумѣется, тѣхъ же условій, при которыхъ находилась и прежняя смотрительница А. А. Голикова", и объявивъ при этомъ, что Коммиссія „изыскиваетъ средства имѣть при госпиталѣ постоянныхъ сестеръ милосердія". Коммиссія не нашла, однакоже, возможнымъ согласиться съ распоряженіемъ врача относительно распредѣленія обязанностей сестеръ, такъ какъ „предо-

---

[1]) Дѣла Палест. Коммиссіи 1880 г., № 62, л. 109—110.

ставленное сестрѣ Алексѣевой завѣдываніе хозяйственною частію госпиталя ставитъ ее какъ бы въ исключительное положеніе предъ другими двумя сестрами"—и ввела между ними „полнѣйшее равенство". Въ 1883 г. двѣ сестры, окончивъ свою очередь и получивъ 500 р. на путевые расходы, выѣхали въ Петербургъ, а на смѣну ихъ явились въ Іерусалимъ двѣ новыя—Шишкина и Григорьева. Въ 1883 г., по ходатайству консула Максимова, къ праздникамъ Р. Х. и Св. Пасхи Коммиссія рѣшила выдавать „наградныя деньги каждой въ размѣрѣ двухмѣсячнаго содержанія сообразно съ обыкновеніемъ, принятымъ Покровскою Общиною". Причина этого ходатайства кроется въ томъ, что „сестры милосердія — единственныя лица, служащія у насъ безъ жалованья, а, между тѣмъ, находясь на чужбинѣ, онѣ должны поддерживать въ полной исправности свой скромный туалетъ". Тотъ же консулъ ввелъ особый порядокъ — „ежедневное госпитальное хозяйство" и возложилъ на обязанность старшей сестры милосердія покупать мясо у турокъ, отправлять его на просмотръ доктора и доставлять въ консульство ежедневно свѣдѣнія о состояніи больницы. Въ 1886 г. крестовица Шишкина, оставленная въ Іерусалимѣ на второе трехлѣтіе, получаетъ на экипировку деньги и 10 р. въ мѣсяцъ башмачныхъ, дабы, „вознаградить столь полезную и опытную хозяйку нашего госпиталя". Труды всѣхъ вообще сестеръ нерѣдко аттестуются Коммиссіею „безкорыстными и неоцѣненными" [1]). Но если ближе присмотрѣться, то стоимость содержанія сестеръ милосердія въ Іерусалимѣ, при

[1]) Дѣла Палест. Коммиссіи 1880 г., № 62, л. 109—195.

частой ихъ смѣнѣ, оказывается не дешевле, чѣмъ и содержаніе прежней смотрительницы и сидѣлокъ. Въ безспорномъ выигрышѣ оказались лишь русскіе больные, но не Коммиссія, которая, не достигнувъ экономіи по этой статьѣ, не получила въ нашихъ сестрахъ милосердія и „важнаго орудія политической и религіозной пропаганды“.

Глава II.

Образованіе Православнаго Палестинскаго Общества.

Мысль объ образованіи *частнаго* общества съ цѣлью поддержанія православія на ближнемъ Востокѣ, какъ мы сказали, уже давно предносилась сознанію людей просвѣщенныхъ въ нашемъ отечествѣ и имѣвшихъ случай близко и на опытѣ познакомиться съ состояніемъ православныхъ церквей на Востокѣ. Думали объ этомъ наши знаменитые путешественники по Востоку А. Н. Муравьевъ, А. С. Норовъ [1]), преосвященный Порфирій Успенскій и др. „Составимъ *Общество* для вспоможенія восточнымъ братьямъ нашимъ“, съ увлеченіемъ и горячо говорилъ арх. Порфирій предъ фрейлиною А. Ѳ. Тютчевой, въ полной увѣренности, что его мысли будутъ доведены до свѣдѣнія любвеобильной и человѣколюбивой Императрицы Маріи Александровны, „составимъ такъ, чтобы всѣ мы, богатые и небогатые, всѣ на всѣ ежелѣтно вносили въ кассу его не менѣе двухъ-трехъ копѣекъ и не болѣе рубля; у насъ будетъ для нихъ *денегъ много* [2]). Учредимъ въ Константинополѣ *главную ду-*

---

[1]) Книга бытія моего, ч. III, 449. Спб., 1896 г. Сн. стр. 451—452.

[2]) Почти нѣчто подобное высказывалъ о рессурсахъ будущаго Общества и одинъ изъ главныхъ дѣятелей возникшихъ впослѣд-

ховную миссію подъ начальствомъ епископа или архимандрита; она, получая деньги отъ нашего *Восточнаго Общества* [1]), будетъ строить церкви, училища, богадѣльни, больницы, вездѣ, гдѣ нужно, и поможетъ бѣднымъ и особенно тѣмъ, которые страдаютъ неповинно" [2]), т. е. разумѣется арабамъ.

Но свое реальное осуществленіе эта мысль получила лишь послѣ того, какъ Св. Землю посѣтилъ энтузіастъ, всею душою и сердцемъ полюбившій ее, незабвенный секретарь Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества В. Н. Хитрово. „Какъ часто еще ребенкомъ, писалъ 12 іюля 1871 года В. Н. Хитрово, окончивъ вечеромъ ежедневное обязательное чтеніе, съ покойною матушкою, трехъ главъ изъ Св. исторіи, *мечталъ я о Палестинѣ*, о мѣстахъ странствія патріарховъ, объ Іерусалимѣ. Какъ часто въ длинные зимніе вечера, прижавшись къ дорогой

ствіи Палестинскаго Комитета и Палестинской Коммиссіи Б. П. Мансуровъ. „Если каждый изъ 50,000,000 православныхъ, говоритъ онъ, принесетъ въ пользу общаго, священнаго и благого дѣла даже *по одной копѣйкѣ*, то изъ такого ничтожнаго подаянія будетъ сливаться ежегодно сумма въ 500,000 рублей, т. е. 2 милліона франковъ, — а если каждый пожертвуетъ *двѣ копѣйки* ежегодно, то отсюда разомъ составится ежегодно сумма въ *милліонъ рублей* или 4 милліона франковъ, т. е. та сумма пожертвованій, которая приносится теперь Западомъ, послѣ столѣтнихъ стараній дойти до этихъ размѣровъ. Всякій да разсчитаетъ, какое множество въ Россіи такихъ лицъ, для которыхъ пожертвованіе на святое дѣло по *одному рублю* въ годъ составляетъ расходъ совершенно незамѣтный, а между тѣмъ всякій изъ этихъ жертвователей замѣнитъ собою сто или пятьдесятъ лицъ неимущихъ, или нерадивыхъ, ибо нельзя не сознать, что много встрѣтится и такихъ". (Б. П. Мансуровъ. Православные поклонники въ Палестинѣ, стр. 105—106).

[1]) Въ черновомъ экземплярѣ устава Общество Палестинское и называлось этимъ именемъ.

[2]) Книга бытія моего, ч. VII, 71. Спб. 1901 г.; сн. ч. III, 449, 451—452.

мнѣ родной, слушалъ я ея разсказы о Св. Землѣ. Какъ часто, при слабомъ мерцаніи лампадки, читая, предъ кіотою моей матери, молитвы на сонъ грядущій, глаза останавливались на выдающійся среди темныхъ ликовъ образовъ перламутровый крестъ, принесенный когда-то давно русскою паломницею, и мысли опять переносились куда-то далеко-далеко на Востокъ въ Іерусалимъ, ко Гробу Господню, къ Голгоѳѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Не стало незабвенной, много было пережито и переиспытано, уже не ребенкомъ, не молодымъ человѣкомъ, *случайно, вовсе неподготовленный, даже не богомольцемъ*, а простымъ путешественникомъ, съ одними лишь воспоминаніями дѣтскихъ лѣтъ, стоялъ я теперь у борта парохода и смотрѣлъ, какъ картины, рисованныя лишь дѣтскимъ воображеніемъ, становились дѣйствительностію" [1]). Внимательно присмотрѣвшись ко всему, что происходило предъ его глазами въ Палестинѣ и дѣлалось тамъ русскими людьми, случайный заѣзжій туристъ, несмотря на кратковременное свое пребываніе въ Іерусалимѣ, далъ всему надлежащую оцѣнку и разгадалъ, въ чемъ корень всего, и гдѣ нужно искать выхода изъ настоящаго печальнаго положенія русскаго дѣла въ Палестинѣ. „Если среди воспоминаній Святой Земли есть еще мѣсто для воспоминаній о людяхъ, писалъ арх. Антонину В. Н. Хитрово въ 1877 году 3 февраля, то они *всецѣло принадлежатъ вамъ*, которому мы были обязаны при осмотрѣ и поклоненіи святынь Іерусалима". По возвращеніи въ отечество, В. Н. Хитрово, вынеся самыя свѣтлыя впечатлѣнія изъ

---

[1]) В. Н. Хитрово. Недѣля въ Палестинѣ. Изъ путевыхъ впечатлѣній, стр. 3—4. Спб., 1876 г.

своей поѣздки по Палестинѣ, не пожелалъ болѣе разставаться съ ними ни на минуту, а сталъ все чаще и чаще отдавать свои досугъ и время, остававшіеся у него отъ службы по кредитной части въ министерствѣ финансовъ, пережитымъ пріятнымъ воспоминаніямъ, освѣжая и подогрѣвая загорѣвшуюся въ немъ любовь къ Палестинѣ постояннымъ чтеніемъ произведеній паломнической литературы и научныхъ сочиненій о Св. Землѣ. „Для меня, съ самаго возвращенія изъ Палестины, пишетъ В. Н. Хитрово въ цитованномъ уже письмѣ къ арх. Антонину, любимой завѣтной мечтою было вновь вступить на берега Земли Святой, но ужъ не только богомольцемъ, не простымъ туристомъ, *но сознательно подготовленнымъ* отдать себѣ отчетъ во всемъ видѣнномъ. Но годы проходили за годами, обстоятельства слагались иначе, чѣмъ думалось, и мечты оставались мечтами. Но, тѣмъ не менѣе, *время не проходило даромъ. Я сталъ собирать, насколько могъ, палестинскую библіотеку, знакомиться съ изысканіями, особенно англійскими,* гдѣ часто встрѣчался съ вашимъ именемъ, и былъ пораженъ бѣдностію нашей русской палестинской литературы“... „Я задался широкимъ планомъ, который я изложилъ въ моей русской библіографіи“, вышедшей въ свѣтъ въ 1876 г. подъ названіемъ: „Палестина и Синай“. Въ томъ же, автобіографическаго характера, въ высшей степени интересномъ письмѣ, Василій Николаевичъ выражаетъ уже желаніе взять на себя трудъ изданія въ свѣтъ еще въ ту пору неизвѣстнаго въ печати паломника XVIII в. Ипполита Вышенскаго, обнародованнаго впослѣдствіи архимандритомъ Леонидомъ (Кавелинымъ), заняться, при помощи своей супруги, отлично знающей француз-

скій языкъ, переводомъ на этотъ языкъ русскихъ паломниковъ, и говоритъ „о крайней необходимости“ „ознакомить русскихъ съ переводомъ немногочисленныхъ (въ ту, конечно, пору) греческихъ и византійскихъ паломниковъ“. Послѣдній трудъ онъ рекомендуетъ взять на себя о. арх. Антонину, какъ отличному знатоку греческаго - византійскаго языка. Но указанными планами намѣренія Василія Николаевича еще не исчерпываются. Въ его головѣ роятся планы болѣе грандіозные и сложные. Ему предносятся задачи для того времени почти не осуществимыя. „Вообще при движеніи религіозномъ, политическомъ и ученомъ, которое замѣчается въ послѣднее время на Западѣ къ Палестинѣ, наше русское безучастіе, по словамъ В. Н., положительно возмутительно. И безучастіе не отъ нежеланія, а отъ *незнанія дѣла и отъ незнанія, какъ взяться за него. Часто приходило мнѣ на мысль: отчего бы намъ не образовать свой Палестинскій Комитетъ—не оффиціальный,* засѣдающій невѣдомо гдѣ и творящій невѣдомо что, *а частный, въ родѣ „Palestina exploration fund“, съ цѣлью изученія Святой Земли, ознакомленія съ нею Россіи, поддержанія русскихъ поклонниковъ и русскаго элемента въ Палестинѣ, пріобрѣтенія замѣчательныхъ участковъ земли, изданія ученыхъ сочиненій и въ особенности хорошаго путеводителя.* Мнѣ кажется, что настоящее время едва ли не самое удобное для осуществленія подобнаго предположенія. Наше вліяніе на Востокѣ сильно потрясено и нуждается въ новыхъ силахъ для своего поддержанія. Относительно денегъ, пожертвованій, я не боюсь: они будутъ и будутъ въ *значительномъ числѣ;* чего нѣтъ, что трудно найдти—это людей, людей и еще людей. Что ска-

жете вы на мое предложеніе? Находите ли вы его исполнимымъ, или нѣтъ? Вотъ вопросы, на которые буду просить не отказать мнѣ въ отвѣтѣ“.

Человѣкъ много видѣвшій на своемъ вѣку и извѣдавшій не мало разочарованій и огорченій, человѣкъ суроваго критическаго анализа и холоднаго скепсиса, арх. Антонинъ поспѣшилъ отвѣтить на поставленные вопросы, но въ тонѣ полнаго недовѣрія къ мечтамъ своего горячаго сердцемъ корреспондента, сомнѣнія въ осуществимости ихъ на дѣлѣ и въ практической реальной пользѣ. „Не напрасно ли жалуетесь, досточтимѣйшій Василій Николаевичъ, писалъ арх. Антонинъ 19 марта того же года, на русское равнодушіе къ Св. Землѣ. Благая мысль, конечно, образовать русскій „Палестинскій Комитетъ“, какъ вы его называете, учено-археолого-политико-филантропическій. Но полагаете ли вы, что мы *сумѣемъ* повести дѣло безъ шума и самохвальства, безъ раздоровъ и ябедъ и въ концѣ концовъ безъ чьей-нибудь оффиціальной команды? Комитетъ не Комитетъ, а нѣчто въ этомъ родѣ *давно уже оглашается у насъ,* и именно въ нашемъ Петербургѣ—подъ именемъ „Восточнаго братства“, задуманнаго еще въ 1871 году. Я узналъ о немъ въ 1875 году и, признаюсь, *съ первыхъ извѣстій о немъ не увѣровалъ въ него*. Много словъ (да еще въ плохихъ стихахъ!), а дѣльнаго, практическаго ничего! Какая-то сумеречная фантазія, безъ облика, безъ имени и отчества. Чего я всего болѣе боялся, то, наконецъ, и всплыло наверхъ. 8 іюля 1876 г. въ письмѣ ко мнѣ изъ Петербурга уже спрашиваютъ меня „Восточные братья“: „при какихъ условіяхъ можно получать іерусалимскій орденъ Гроба Го-

сподня". Sapienti sat. Нѣтъ уже, Бога ради, не Комитетъ. Довольно намъ и одной несказанной „Палестинской Комиссіи", заправляющей тѣмъ, о чемъ ни единаго понятія не имѣетъ. *Намъ полезна (да чуть ли ни единственно пригодна и доступна) частная дѣятельность настоящихъ призванниковъ дѣла,* которыхъ если и съ фонаремъ поищемъ по началу, все же менѣе смѣшно будетъ, чѣмъ если начнемъ восточничать въ чаяніи получить несуществующій орденъ".

Почти одновременно съ тѣмъ же волнующимъ его вопросомъ Василій Николаевичъ обратился къ другому нашему палестинскому дѣятелю, имѣющему право еще болѣе, чѣмъ арх. Антонинъ, безотрадно и пессимистически смотрѣть на наши дѣла на православномъ Востокѣ, архимандриту Леониду Кавелину, въ то время занимавшему постъ настоятеля Ново-Іерусалимскаго первоклассна͏го монастыря. „Я все вожусь съ мыслію объ устройствѣ здѣсь *частнаго Палестинскаго Комитета,* писалъ В. Н. арх. Леониду, съ цѣлью ознакомленія Россіи съ Св. Землею, ученаго изслѣдованія ея, поддержанія паломниковъ, пріобрѣтенія участковъ земли, поддержанія нашего вліянія. Еслибы удалось его помѣстить подъ хорошее покровительство кого-либо изъ членовъ царской фамиліи, или кого-либо изъ митрополитовъ, я полагаю, что въ денежныхъ средствахъ недостатка не будетъ, *а впослѣдствіи къ нему можно будетъ присоединить и атрибуты теперешняго оффиціальнаго Палестинскаго Комитета* (очевидно, Палестинской Коммиссіи), а также и его денежныя средства. Что вы думаете о возможности образовать подобное Общество, и можетъ ли оно имѣть успѣхъ? Польза хоть научная всетаки будетъ". Архимандритъ Леонидъ

далъ еще менѣе успокоительный отвѣтъ. „Желаю вамъ благопоспѣшенія въ вашихъ полезныхъ трудахъ по описанію Св. Земли, писалъ Василію Николаевичу о. архимандритъ 1 марта 1877 года, но *плановъ вашихъ относительно усиленія и поддержанія нашего тамъ вліянія не раздѣляю.* Но объ этомъ распространяться на письмѣ не имѣю ни времени, ни охоты, хотя, по Апостолу, скажу: *искусивыйся вся (о семъ) вѣсть,* а не искусивыйся пусть попытаетъ, если хочетъ“.

Послѣ такихъ неутѣшительныхъ отвѣтовъ со стороны лицъ „искусившихся“, для которыхъ повидимому вопросъ о частномъ Обществѣ для изученія Палестины, поддержанія православія и помощи поклонникамъ долженъ бы быть вопросомъ насущнымъ и жизненнымъ, такъ какъ касался того дѣла, которому одинъ изъ нихъ служилъ когда-то, а другой стоялъ въ данное время при самомъ этомъ дѣлѣ, человѣкъ съ менѣе сильнымъ характеромъ и не столь энергичный и настойчивый, чѣмъ какимъ былъ покойный Василій Николаевичъ, опустилъ бы руки, и самый вопросъ отложилъ бы ad calendas Graecas, но не таковъ былъ иниціаторъ Палестинскаго Общества. „Въ жизни моей я всегда держался того правила, признавался онъ 19 декабря 1878 года арх. Леониду, если цѣль, къ которой я стремлюсь, кажется мнѣ правильною, то *я съ упрямствомъ испытываю всѣ средства къ ея достиженію и, только убѣдившись въ недосягаемости, оставляю ея преслѣдованіе.* То же самое начало примѣняю и къ другой моей цѣли (первая цѣль народный [1]) кредитъ) *Палестинскому Обществу.* Тутъ,

[1]) Работы по народному кредиту отвлекали В. Н. даже отъ мысли о Палестинскомъ Обществѣ. „Цѣль моя, писалъ В. Н. арх. Леониду, *все тотъ же русскій православный народъ.* Матеріальное положеніе

однако же, мои старанія оказались менѣе успѣшными, по крайней мѣрѣ, ничего не могу сказать еще о конечныхъ результатахъ. Въ этомъ дѣлѣ бѣда въ томъ, что *мнѣ меньше извѣстенъ кругъ этихъ дѣятелей*, чѣмъ дѣятелей финансовыхъ. Не знаю, къ кому здѣсь обратиться за поддержкою и совѣтомъ, и вотъ *въ этихъ поискахъ-то за лицами* пока проходитъ время. Но я далеко не потерялъ не только надежды, но и глубокаго убѣжденія, что *въ недалекомъ будущемъ мнѣ удастся осуществить* подобное Общество. А увѣренность въ успѣхѣ, говорятъ, есть половина уже успѣха".—„Я не унываю, пишетъ Василій Николаевичъ арх. Леониду въ другомъ письмѣ 1879 г. 30 марта, не отчаяваюсь, наоборотъ, *никогда, можетъ быть, во мнѣ не было столько энергіи*, но времени, времени и еще времени, вотъ чего недостаетъ. *Отъ свѣтскихъ удовольствій, если когда-либо они для меня существовали, я отказался уже давно, едва ли не со школьной скамейки, время ѣды у меня доведено до минимума, остается брать отъ сна, а это для меня страшно тяжело и изнурительно, потому что только онъ одинъ и возстановляетъ мои силы.* Бросить какое-либо дѣло, то, которое хотѣлось бы, не могу, а остальныя мнѣ всѣ такъ близки и дороги, что отрѣшиться отъ него все равно, что отрѣзать палецъ, а который изъ нихъ больнѣе отрѣзать? Часто и очень часто приходятъ

его безысходно скверное. Съ Божіею помощью, послѣ 7-лѣтнихъ трудовъ, удалось, что, по крайней мѣрѣ, *200 т. исключительно почти крестьянъ*, благодаря устроеннымъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, могутъ сберегать отъ 2 до 3 милліоновъ р. въ годъ. Это капля въ морѣ на наши 80 милл., но это все-таки первый шагъ. Теперь я занятъ былъ другимъ вопросомъ—это дать средства крестьянамъ пріобрѣтать земли. До сихъ поръ дѣло идетъ довольно удачно, но удастся ли провести дѣло до конца—одному Богу извѣстно". (Изъ письма В. Н. Хитрово къ арх. Леониду 12 дек. 1878 г.).

мнѣ на умъ слова Спасителя: Мароа, Мароа, о многомъ печешися и заботишься... Да, это вѣрно, и я бы успокоился, если бы имѣлъ большій даръ дѣлать прозелитовъ. Не вѣрю я, чтобъ не было на Руси людей. Приходится сознаться, или что ратуешь съ призраками, въ которыхъ ты одинъ видишь дѣйствительность, или не умѣешь найти сподручниковъ. Все это кругомъ болтовня, разговоръ, а когда доходитъ до дѣла, до труда, стоишь одинъ, ну а одинъ, будь хоть семи пядей во лбу, немного сдѣлаешь".

Обстоятельства, однако-же, начинаютъ принимать благопріятный оборотъ для возможно скораго осуществленія идеи созданія Палестинскаго Общества, и противники ея вначалѣ неожиданно становятся не только поборниками, но и энергичными двигателями къ быстрому проведенію ея въ жизнь. Съ самаго появленія въ Іерусалимѣ Палестинскаго Комитета, который потомъ замѣненъ былъ Палестинскою Коммиссіею, какъ мы уже знаемъ, создались для нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ условія жизни крайне тяжелыя. Недоразумѣнія и пререканія между этими учрежденіями, призванными къ жизни для одной и той-же цѣли — для успѣха русскаго дѣла на Востокѣ, настолько усилились и приняли столь рѣзкій характеръ, что въ Палестинской Коммиссіи въ 1879 году созрѣла мысль добиться во чтобы то ни стало уничтоженія нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Рѣшено было іерусалимскаго консула наградить званіемъ „генеральнаго" и при немъ, вмѣсто миссіи, для удовлетворенія духовныхъ потребностей нашихъ паломниковъ, имѣть простого іеромонаха. Съ такимъ ходатайствомъ Палестинская Коммиссія обратилась въ Св. Синодъ, и дѣло о закрытіи миссіи

восходило даже на благовоззрѣніе Государя Императора.

Вѣсть эта о намѣреніи Палестинской Коммиссіи прервать нить жизни злополучной нашей миссіи въ Іерусалимѣ, принесшей православію и русскому народу за свои 30 лѣтъ существованія не мало несомнѣнной пользы, произвела тяжелое, можно сказать, удручающее впечатлѣніе не только на начальника миссіи и его ближайшихъ сотрудниковъ, но и на всѣхъ, кто имѣлъ случай и возможность близко и безъ предубѣжденій наблюдать на мѣстѣ дѣятельность нашей миссіи въ данное время. Само собою разумѣется, не могъ быть равнодушнымъ къ ней горячій поборникъ и ратоборецъ Св. Земли, покойный Василій Николаевичъ. Написавъ горячую апологію нашей миссіи въ Св. Синодъ, онъ поспѣшилъ высказать „ласкающее чувство участія человѣческаго“ и арх. Антонину, особенно сильно нуждавшемуся въ это время въ такомъ участіи, въ письмѣ къ нему. Теперь скептикъ архимандритъ Антонинъ началъ ясно понимать, чѣмъ можетъ быть полезно ему, дѣятелю на православномъ Востокѣ, частное Палестинское Общество. Въ отвѣтномъ письмѣ къ В. Н. Хитрово отъ 23 января 1879 г. онъ уже самъ возвратился къ отвергнутой имъ два года тому назадъ мысли о такомъ Обществѣ. *„Русское Палестинское Общество*, писалъ о. Антонинъ, *что—лучше, если бы ему удалось составиться?* Но, полагаете ли вы, высокопочтеннѣйшій В. Н., что оно составится, а если составится, то сумѣетъ ли просуществовать сряду много лѣтъ, и сможетъ сдѣлать много дѣлъ не хуже, чѣмъ Das heilige Land или Der Palästina-Verein? *Я не то, что не сочувствую мысли образовать подобное Общество,* а

боюсь, что, образовавши его, мы осрамимся. Прецедентомъ подобнаго нежеланнаго явленія можетъ служить дѣятельность другихъ нашихъ Обществъ, возникшихъ изъ идеи ученой. Такъ напр., едва слышится наше Археологическое Общество, украшенное еще именемъ Императорскаго. Одесское Общество исторіи и древностей совсѣмъ бы заглохло, если бы не нашелся въ немъ, по счастію, дѣятельный секретарь, а теперь предсѣдатель. *Живого интереса къ мертвому предмету мы не сумѣемъ поддержать въ себѣ на долго.* Это мнѣ кажется не подлежащимъ сомнѣнію... Впрочемъ, заручившись такими тружениками, какъ вы, А. А. Олесницкій, С. И. Пономаревъ, пр. Порфирій, о. арх. Леонидъ, о. арх. Сергій (издатель Мѣсяцеслова), о. арх. Амфилохій, пр. Савва, пр. Филаретъ (рижскій), отцы Дюковъ и Карашевичъ, П. П. Мельниковъ, Д. Д. Смышляевъ, Н. П. Кондаковъ, А. Д. Ушинскій и многіе другіе, вамъ лучше меня извѣстные оріенталисты и древлесловы наши, *можно бы въ самомъ дѣлѣ рискнуть сдѣлать кличъ къ русской интеллигенціи съ приглашеніемъ занести, кто пожелаетъ, свое честное имя въ списокъ радѣтелей Св. Земли, не обязывая* никого ни къ какому урочному денежному взносу въ кассу Общества и только считая его обязательнымъ подписчикомъ періодическаго изданія Общества, если таковое послѣдуетъ (Такъ дѣлаетъ Die Deutsche Morgenländische Gesellschaft). Само собою разумѣется, что, въ виду несуществующаго фонда для начатія періодическаго изданія, можно сдѣлать другое приглашеніе ко всему обществу русскому для пожертвованій на этотъ именно предметъ, открывъ § „о почетномъ членствѣ Общества“. Такихъ почетныхъ членовъ-жертвователей можно надѣяться прі-

обрѣсти не мало. *Полагаю, что большинство достаточныхъ поклонниковъ,* посѣтившихъ разъ Св. Мѣста палестинскія, отзовется сочувственно на приглашеніе о произвольномъ единовременномъ пожертвованіи *на дѣло,* для всѣхъ *славное, желанное, отрадное и, конечно, богоугодное.* Покровительницей Общества надобно умолить соизволить быть Ея Императорское Величество Государыню Императрицу, *уже болѣе 20 лѣтъ благотворяющую Св. Землѣ ежегодными денежными пособіями.* Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи не откажутся также, конечно, украсить и почтить своими именами проектируемое Общество. Затѣмъ будутъ фигурировать досточтимыя имена бывшихъ пословъ и посланниковъ нашихъ на Востокѣ, секретарей посольскихъ, консуловъ и т. д. Открывается довольно длинная перспектива именъ. Что же? *Не долго думая,* „благословясь, да перекрестясь“, напечатайте приличное обстоятельствамъ (война, миръ, освобожденіе рабовъ, обновленіе Востока, происки Запада, надежды православія, задача великой Россіи, положеніе великой церкви русской во вселенствѣ православія, заря близкаго единенія всѣхъ вѣрующихъ подъ сѣнію Голгоѳскаго Древа крестнаго въ отпоръ невѣрію и пр. и проч.) воззваніе къ русскимъ христолюбцамъ, предпославъ ему стихъ псалма: *Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя.* А во образъ сей десницы поставьте, не обинуясь, подъ симъ воззваніемъ *свое* честное имя, имя г. *Олесницкаго,* имя г. *Пономарева*, вотъ уже три имени, *мое,* большею частію негласное (А., А. А., Солодянскій, Sol, Орестовъ-Александровъ, А. и Б., Загородкинъ et tutti quanti) и хотя г. *Поливанова*, какъ представителя и

наслѣдника имени А. С. Норова. Довольно пяти именъ истинныхъ и свидѣтельствованныхъ святоземцевъ этихъ. Оно хорошо бы было *блеснуть* сразу и именемъ Порфирія, но заручиться его согласіемъ на то не такъ-то легко. Впрочемъ, если окажется нужда въ немъ, я могъ бы просить его о томъ".

По поводу намѣренія Василія Николаевича издавать „Палестинскій сборникъ" арх. Антонинъ въ письмѣ отъ 10 апр. 1879 года пишетъ слѣдующее: „Въ добрый часъ! *Я не прочь содѣйствовать пополненію страницъ его* всѣмъ, что попадется въ палестинской литературѣ иностранной имѣющаго интересъ, передавая его въ точномъ переводѣ съ критическими и всякими другими примѣчаніями. Къ подобной работѣ я чувствую себя довольно способнымъ. Матеріала же хватитъ для этой работы не на одинъ годъ. Въ „Das heilige Land" есть множество статей, подходящихъ для этого дѣла. Оригинальнаго же чего нибудь на первый разъ не могу вамъ обѣщать, въ родѣ, напр., изложенія успѣховъ папства или протестантства въ Св. Землѣ. Корреспонденціи въ этомъ родѣ, на манеръ католическихъ и протестантскихъ, конечно, могутъ по временамъ являться въ Сборникѣ, но намъ по началу нужно крѣпко смотрѣть, чтобы гусей не раздразнить.

„Отдѣлъ паломниковъ ужъ если начать издавать, то не лучше ли начать (по указанію Тоблера) съ самодревнѣйшихъ? Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками важнѣйшихъ—позднѣйшаго времени комментаріевъ на древнихъ паломниковъ ученыхъ мужей, чтобы воспользоваться ими въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту, какъ того требуетъ всякая ученая работа. Конечно, въ отдѣлѣ паломниковъ будетъ свой

счетъ страницъ въ вашемъ Сборникѣ. Не печатать ли ихъ даже въ видѣ „приложеній"? Впослѣдствіи составилась бы изъ нихъ отдѣльная книга.

„Не открыть ли особаго отдѣла (тоже съ особымъ счетомъ страницъ) въ Сборникѣ подъ рубрикой: „Палестинскій патерикъ". Мнѣ очень бы хотѣлось, въ назиданіе поклонникамъ нашимъ, часто не знающимъ, куда дѣваться тутъ съ избыткомъ досужаго времени, издать въ хронологическомъ порядкѣ—палестинскую Агіологію, начиная, напр., Авраамомъ и идя черезъ весь рядъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ и проч., обитавшихъ въ Св. Землѣ, съ хронологическими, топографическими и всякими иными примѣчаніями. Тутъ и задумываться не надъ чѣмъ. Бери готовыя статьи, переводи ихъ, или только перепечатывай, и изданіе пойдетъ расти и множиться и наполнять русскую землю! Можно вставлять по мѣстамъ и иллюстраціи въ наше изданіе для большаго эффекта".

Что касается окружающей Василія Николаевича среды, въ которой онъ вращался во все это время, то она проявляла не только равнодушіе къ волновавшимъ его планамъ и намѣреніямъ, но обнаруживала прямо преступную апатію и даже боязнь касаться такихъ щекотливыхъ вопросовъ, какъ православный Востокъ и его жизненные интересы. „Правда, признается В. Н. какъ бы на духу любимому имъ арх. Леониду въ письмѣ отъ 13 января 1880 г., бьешься, изъ себя выходишь, суетишься *среди всеобщей апатіи* и иногда, охъ, какъ часто, руки опускаются, овладѣваетъ не скажу отчаяніе, а просто сознаніе своего безсилія. Какъ часто приходится взывать: *Господи, укажи мнѣ путь, въ оньже пойду*. И хотѣ-

лось бы многое сдѣлать, да куда многое, хоть бы малое, чтобъ на сердцѣ осталось бы сознаніе: хорошее, полезное ты сдѣлалъ; смотришь только бурю поднялъ, никому не угодилъ, а казалось дѣло и хорошее и полезное. А можетъ быть все къ лучшему, и Богъ своими неисповѣдимыми путями ведетъ человѣчество, конечно, вѣрнѣе, чѣмъ всѣ наши измышленія, ничто мы, которые мечтаемъ принимать на себя защиту Кого же—Его, Владыку всего видимаго и невидимаго. Съ другой стороны, больно, невыразимо больно, отъ оскудѣнія любви къ ближнему, это невѣріе, эта погоня за мелочами мірской жизни. Многое, многое хотѣлось бы высказать, во многомъ посовѣтоваться, но что сдѣлаешь перомъ и бумагой? Что вамъ сказать о завѣтной моей мысли о Святой Землѣ? Надѣялся, что васъ порадую хорошею вѣсточкою, къ сожалѣнію, надежда осталась надеждою, и думаю, что въ вопросахъ личности и личностей высокихъ, боюсь, чтобы не окончательно пропало дѣло. Вернулся я въ Питеръ съ Кавказа (ѣздилъ по порученію министерства финансовъ) въ концѣ августа и нашелъ здѣсь *такую полнѣйшую апатію*, что могу васъ увѣрить, глубокоуважаемый о. намѣстникъ, я ничего подобнаго во всѣ 25 лѣтъ моей службы не видалъ. О чемъ ни заговоришь, одинъ отвѣтъ: „Ахъ, помилуйте, оставьте, молчите, развѣ теперь время что-либо дѣлать. *Это безмолвіе, но не безмолвіе лѣтняго дня, когда кругомъ тишь да гладь, да Божья благодать, гдѣ чувствуешь жизнь даже въ мертвой тишинѣ, а безмолвіе пустыни безжизненной*. Побился, потолкался, вижу—ничего не подѣлаешь и рѣшилъ было, отложивъ всякое попеченіе до радостнаго утра, у себя въ кабинетѣ съ близкими заняться „Палестинскимъ сборникомъ“.

Но и среди этой всеобщей апатіи неожиданно все же нашелся у Василія Николаевича одинъ вѣрный и надежный *союзникъ*, и дѣло открытія Палестинскаго Общества быстро пошло впередъ, къ счастливому и давно желанному концу. Будемъ, однакоже, говорить словами въ высшей степени любопытнаго, уже поцитованнаго сейчасъ нами, письма В. Н. Хитрово къ намѣстнику арх. Леониду. „Какъ вдругъ, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, *неожиданно* все завертѣлось, все засуетилось (если я говорю это, примѣните это только къ ближайшему, меня окружающему, и по вопросу о Палестинѣ). Этимъ вихремъ оказался, вы даже улыбнетесь, если вы его знаете, и я вамъ его назову, *графъ Е. В. Путятинъ*, который тогда только что вернулся изъ Іерусалима, гдѣ провелъ пасху прошлаго года. Я его, если зналъ раньше, то только по имени, и потому былъ крайне удивленъ его посѣщеніемъ. Дѣло въ томъ, что въ Іерусалимѣ былъ онъ въ самый разгаръ пререканій между консуломъ и начальникомъ нашей духовной миссіи, видѣлъ его безотрадное положеніе и пріѣхалъ въ Питеръ отстаивать и миссію и еще болѣе архимандрита Антонина, и оказался больше роялистомъ, чѣмъ самъ король. Лѣтомъ видѣлся онъ съ Императрицею прежде ея отъѣзда за границу, и ему удалось, по крайней мѣрѣ, *пріостановить приведеніе въ дѣйствіе состоявшагося уже въ маѣ прошлаго года Высочайшаго повелѣнія о низведеніи іерусалимской нашей миссіи до степени простого настоятельства церкви, состоящей при консульствѣ*, которое предполагалось по этому случаю возвести въ генеральное. Смыслъ словъ Путятина, сказанныхъ мнѣ, заключался приблизительно въ слѣдующемъ: мнѣ слишкомъ 70 лѣтъ, я членъ Государственнаго

Совѣта, и именно потому я не могу многое сдѣлать изъ того, что можете сдѣлать вы, *а потому соединимся вмѣстѣ и будемъ дѣйствовать сообща.* Иными словами, куда нужно будетъ поѣхать, кого попросить, гдѣ замолвить слово, это бралъ графъ на себя, писать ли придется, это возлагалось на меня. Вы можете себѣ представить, какъ *я обрадовался такому союзнику*, который, не смотря на свои лѣта, поражаетъ еще своею энергіею и живостью. Изъ нѣсколькихъ весьма продолжительныхъ разговоровъ, которые мнѣ пришлось имѣть съ нимъ, я убѣдился, что въ частностяхъ мы съ нимъ расходимся. Такъ, для него существеннѣйшее есть сохраненіе о. Антонина на мѣстѣ, для меня *сохраненіе нашей духовной миссіи* [1]). Но объ этомъ

[1]) „Принося искренно мою благодарность за доставленный вами проектъ,—писалъ графъ Е. В. Путятинъ 1879 года декабря 15, не зная имени, отчества и чина В. Н. Хитрово,—нахожу его въ общемъ составѣ весьма удовлетворительнымъ, смѣю только полагать болѣе цѣлесообразнымъ перестановку кажущихся мнѣ главныхъ статей впередъ передъ менѣе важными, и весьма желалъ бы гдѣ-нибудь сойтиться съ вами для болѣе подробныхъ объясненій. Оказавшаяся оспа у жены моей возбраняетъ мнѣ посѣщать знакомыхъ въ ихъ домахъ и также принимать ихъ у себя. Это обстоятельство лишаетъ меня также *возможности представиться* Наслѣднику, и всѣ объясненія съ нимъ я полагаю передать К. П. Побѣдоносцеву съ просьбою *ходатайствовать о удержаніи миссіи въ Іерусалимѣ*, о передачѣ суммъ, собираемыхъ по церквамъ, патріарху начальникомъ миссіи, а не консуломъ, что доселѣ служило главнымъ поводомъ къ интригамъ и къ уменьшенію надлежащаго вѣса нашего духовенства въ глазахъ грековъ". 14 марта 1880 года графъ Путятинъ, уже познакомившійся лично съ В. Н., писалъ къ нему слѣдующее: „Препровождая къ Вашему Превосходительству записку, присланную мнѣ архимандритомъ Антониномъ, я дѣлаю это для вашего ознакомленія съ нею, а не для возбужденія уже оконченнаго дѣла. Въ письмѣ своемъ о. архимандритъ проситъ меня, если представится возможный случай, передать ее Государю Наслѣднику и Самому Государю Императору, что, послѣ вторичнаго пересмотра

сначала спорить не слѣдуетъ: сохранять о. архимандрита въ Іерусалимѣ, сохранять и миссію"... „Великій князь Константинъ Николаевичъ, какъ передалъ мнѣ Путятинъ, предубѣжденъ противъ миссіи, и тогда рѣшился *онъ попытаться заинтересовать великаго князя Цесаревича* (впослѣдствіи императора Александра III). Но тутъ случился цѣлый рядъ какъ бы собравшихся вкупѣ неудачъ, которыя опять отстранили дѣло на прежнее невыгодное мѣсто. Во-первыхъ, болѣзнь Императрицы, во-вторыхъ, вступленіе Горчакова въ управленіе министерствомъ, въ-третьихъ, назначеніе Новикова посломъ въ Константинополь, въ-четвертыхъ, жена Путятина заболѣла оспою и умерла. Это

дѣла, скорѣе можетъ послужить къ его вреду. Предъ отъѣздомъ своимъ г. Кожевниковъ былъ у меня и настоятельно утверждалъ, что будетъ стараться жить съ архимандритомъ въ мирѣ, а не перечить, какъ то дѣлалъ его предшественникъ. Я видѣлъ также въ проѣздъ чрезъ С.-Петербургъ нашего константинопольскаго посла г. Новикова, который обѣщалъ оказать свое покровительство давно ему знакомому о. Антонину. *Взявши весь ходъ дѣла, нельзя отрицать, что оно устроилось нѣсколько лучше, чѣмъ можно было ожидать, хотя вполнѣ желательнаго не достигнуто.* На дняхъ я видѣлся съ К. П. Побѣдоносцевымъ; онъ мнѣ повторилъ, что, если опять что нибудь не помѣшаетъ, Государь Наслѣдникъ призоветъ меня къ себѣ. Конечно, я не стану говорить съ нимъ о разрѣшенномъ уже дѣлѣ, но, если представится случай, *постараюсь объяснить проектъ объ образованіи Общества для поддержанія православія въ Св. Землѣ подъ Его или Государыни Цесаревны покровительствомъ.* При Вашемъ усердіи и умѣніи осуществить такой проектъ, онъ, при помощи Божіей, можетъ положить преграду успѣхамъ иноземныхъ пропагандъ". Привѣтствуя открытіе Общества, графъ Путятинъ писалъ 30 августа 1882 г.: „Избранный Вами день 21 мая, какъ нельзя лучше, приличенъ для открытія первыхъ дѣйствій Общества, *и Господь поможетъ и Россіи дѣлать не менѣе другихъ государствъ посильное добро въ пользу угнетеннаго православнаго арабскаго населенія Палестины*".

послѣднее обстоятельство было особенно пагубно, потому что, когда Наслѣдникъ прислалъ за Путятинымъ, онъ не могъ ѣхать, такъ какъ въ домѣ у него была оспа, *и передалъ все дѣло въ руки К. П. Побѣдоносцева.* Вы можетъ быть знаете его, я его только разъ видѣлъ и затрудняюсь отвѣтить — будетъ ли онъ, и захочетъ ли онъ помочь нашему дѣлу. Я говорю, что всѣ эти неудачи были для меня тѣмъ прискорбнѣе, что *надежды были розовыя.* Сабуровъ, который назначался сперва посломъ въ Константинополь—мой товарищъ по лицею, Гирсъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, homo novus и желаетъ всѣмъ угодить, между тѣмъ какъ Горчаковъ и слышать не хочетъ о Палестинѣ, наконецъ, Новикову, кажется, никакого дѣла нѣтъ до православія, которое, по его мнѣнію, только служитъ для увеличенія переписки. Что было дѣлать? Пришлось опять уйти въ мою берлогу. Но и тутъ не могъ остаться покойнымъ, поѣхалъ къ Мансурову и хотѣлъ отъ него получить кой-какія свѣдѣнія объ исторіи нашей миссіи. Тотъ облилъ меня ушатомъ холодной воды, и финалъ его рѣчи былъ: „Сидите, молчите, все что можно сдѣлать для Палестины, мы дѣлаемъ и будемъ дѣлать, лучше этого не нужно и нельзя“. Нечего дѣлать, не солоно хлебавши, пришлось отъѣхать и отъ него“.

Графу Е. В. Путятину В. Н. Хитрово былъ отрекомендованъ съ самой отличной стороны архимандритомъ Антониномъ. Близкое знакомство съ графомъ доставило безспорно громадную пользу для успѣха того дѣла, за которое В. Н. ратовалъ доселѣ почти одинокимъ, измѣнило взгляды на него высшаго петербургскаго общества, дотолѣ относившагося къ

В. Н. Хитрово, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, съ предубѣжденіемъ, и дало нѣсколько сильныхъ и словомъ и оффиціальнымъ положеніемъ союзниковъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ послѣ графа Путятина, по всей справедливости, слѣдуетъ поставить человѣка высокаго государственнаго ума и убѣжденно честнаго радѣтеля о благѣ и интересахъ православной церкви, оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева. „Новому назначенію порадовался и я, писалъ В. Н. Хитрово арх. Леониду 21 мая 1880 г. по поводу назначенія К. П. Побѣдоносцева оберъ-прокуроромъ, главнѣе всего тому, что соединенныя должности разъединились и, значитъ, одна не будетъ подчиняться другой, но за то теряю другого союзника—это графа Путятина, который уѣхалъ отсюда надолго, а въ его годы на долго нерѣдко означаетъ навсегда. *Ему я лично обязанъ тѣмъ, что на меня относительно перестали смотрѣть, какъ на авантюриста, точно на палестинскаго концессіонера, желающаго извлечь какую-то лично для себя пользу,* и это отношеніе ко мнѣ отнимало у меня послѣднее желаніе вести дѣло. Говорю откровенно, *безъ графа Путятина, еслибы я продолжалъ заниматься Святою Землею, то лично уже для самого себя, а не для другихъ. Уѣзжая, графъ передалъ меня съ рукъ на руки новому оберъ-прокурору,* но тотъ, указывая выше своихъ волосъ, говоритъ, что онъ заваленъ работою, и что ему теперь не до Палестины. И я это понимаю, и самъ думалъ, что раньше осени затрогивать этотъ вопросъ нечего, а тамъ, что Богъ дастъ". „Назначеніе новаго оберъ-прокурора, говоритъ В. Н. въ письмѣ отъ 5 марта 1880 г. къ о. арх. Леониду, *даетъ мнѣ надежды на будущее,* но лишь тогда день похвалю, когда вечеръ наступитъ, а связующему меня

звену графу Путятину болѣе 75 лѣтъ. Мансурову это назначеніе очень не по нутру, и онъ мнѣ нѣсколько разъ повторялъ, что теперь *съ Синодомъ ничего не подѣлаешь*".

Новымъ хотя и временнымъ союзникомъ В. Н. Хитрово былъ А. В. Головнинъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія. „Это человѣкъ, противъ котораго какъ-будто что-то имѣютъ, но никогда не могъ добраться до причинъ. Между тѣмъ, я лично, писалъ В. Н. къ арх. Антонину 14 окт. 1879 г., безусловно признаю его за единственнаго государственнаго человѣка нашего времени и за замѣчательно умнаго человѣка, сохранившаго еще весь жаръ и пылъ къ дѣламъ, въ особенности тѣмъ, въ которыхъ онъ прежде принималъ участіе". Къ содѣйствію этого государственнаго человѣка онъ и обратился. „Обратился же я къ нему, объяснялъ В. Н. въ письмѣ къ арх. Антонину 22 октября 1879 г., потому что и графъ Путятинъ и Мансуровъ оканчивали обыкновенно разговоръ словами: нужно посовѣтоваться съ А. В., что скажетъ А. В., и въ этомъ родѣ. Съ Головнинымъ я знакомъ давно, еще изъ морского министерства, если не интимно, то, во всякомъ случаѣ, на столько, что онъ не встрѣтитъ меня, какъ проходимца съ улицы. Результатъ разговора, весьма теплаго и сердечнаго, къ сожалѣнію, былъ отрицательный. Вотъ главнѣйшіе его выводы: Государь оставитъ дѣло своему законному ходу, предоставляя рѣшить министерству иностранныхъ дѣлъ, Государыня до весны въ Каннѣ, великій князь Константинъ Николаевичъ далеко не въ томъ положеніи, какъ былъ 20 лѣтъ, и не можетъ вмѣшаться непосредственно въ дѣло подъ страхомъ его окончательно испортить, самъ онъ, Головнинъ, не у дѣлъ и ничего общаго не

имѣетъ и не хочетъ имѣть съ сильными міра сего". Изъ нижесказаннаго будетъ видно, что въ лицѣ Головнина нашелся сторонникъ „палестинскаго вопроса" весьма энергичный и близко его принявшій къ сердцу [1]).

Къ числу надежныхъ союзниковъ В. Н. Хитрово слѣдуетъ причислить П. П. Мельникова, протоіерея

[1]) Мы считаемъ необходимымъ цѣликомъ привести здѣсь одно письмо Головнина, написанное въ началѣ 1880 г. къ В. Н. Хитрово и близко касающееся учрежденія Общества: „Графъ Путятинъ передалъ мнѣ записку Вашу объ учрежденіи Палестинскаго Общества. Я выразилъ ему и Б. П. Мансурову *самое полное сочувствіе* Вашей прекрасной мысли. Не подлежитъ сомнѣнію, что viribus unitis можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ разрозненно, даже не зная другъ друга. Общество тотчасъ сблизитъ лицъ, имѣющихъ одни взгляды, одно направленіе. Въ моемъ отвѣтѣ Евѳиму Васильевичу я присовокупилъ, что, по моему убѣжденію, ему принадлежитъ по праву званіе предсѣдателя въ подобномъ Обществѣ и представителя предъ правительствомъ.

„Собственно вамъ позволяю себѣ сообщить слѣдующія мысли: графу Путятину слѣдовало бы отъ имени многихъ просить правительство о разрѣшеніи учредить Общество и представить проектъ устава. Особъ Императорской фамиліи можно выбрать въ почетные члены, но не въ предсѣдатели, потому что министерство иностранныхъ дѣлъ этому воспротивится. Лица, въ сочувствіи коихъ можно быть увѣрену и которые были на мѣстѣ и могли бы быть учредителями: графъ Е. В. Путятинъ, Б. П. Мансуровъ, П. П. Мельниковъ, Н. В. Исаковъ, В. И. Дорогобужиновъ, К. П. Побѣдоносцевъ, Н. П. Стояновскій (оба кажется не были въ Палестинѣ), архимандритъ Леонидъ Кавелинъ, іероманахъ Виталій (Ювеналій) Половцевъ и главный дѣятель, организаторъ всего В. Н. Хитрово. Можно быть увѣрену въ сочувствіи и содѣйствіи Наслѣдника, великихъ князей Константина Николаевича, Николая Николаевича, у котораго во дворцѣ Вамъ, конечно, извѣстна церковь Гроба Господня, и Александры Іосифовны. Послѣдняя была въ Іерусалимѣ.

„Врагами и противниками дѣла явятся не люди, а апатія, равнодушіе, лѣнь, презрительное отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ. *Энергія Василія Николаевича должна побороть эти стихійныя силы.* Вашъ Головнинъ".

I. В. Рождественскаго, нѣсколько позже генералъ-адъютанта Д. С. Арсеньева, воспитателя великихъ князей Сергія и Павла Александровичей, полковника М. П. Степанова и др.

Чтобы всѣхъ своихъ единомышленниковъ и союзниковъ сплотить въ одно цѣлое, тѣснѣе объединить ихъ и сильнѣе заинтересовать тѣмъ дѣломъ, за которое ратовалъ В. Н., онъ рѣшился для нихъ написать особый меморандумъ или записку. „Раздѣляю ее, говорилъ онъ въ письмѣ къ арх. Антонину отъ 22 октября 1879 г. объ этой запискѣ, на двѣ части: что сдѣлано и что дѣлать. Въ первой части разбираю довольно подробно, что въ послѣднія 25 лѣтъ сдѣлано въ Св. Землѣ католиками и протестантами. Къ этому слѣдуетъ подробное приложеніе или списокъ всѣхъ учрежденій католическихъ и протестантскихъ въ Палестинѣ и Сиріи. Я полагаю, что списокъ довольно подробный и вѣрный. Затѣмъ представляю, что сдѣлано русскими за то же время.

„Во второй части: что дѣлать, настаиваю на необходимости оставить пока духовную миссію безъ измѣненія, а впослѣдствіи ее увеличить и усилить. Затѣмъ пересмотрѣть устройство палестинскихъ дѣлъ въ особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, и, наконецъ, мой *давнишній конекъ: образованіе Палестинскаго Общества* съ 3 цѣлями: 1) знакомить русское общество съ палестинскими дѣлами и поддерживать въ немъ интересъ къ Св. Землѣ; 2) постараться улучшить нравственный бытъ православныхъ поклонниковъ хорошими руководителями и путеводителями, и, наконецъ, 3) поддержаніе православія между арабами“.

„Боюсь, прибавляетъ В. Н., что записка *нѣсколько рѣзка*, но если не положить сильныхъ красокъ, то вѣдь картина не поразитъ, но, если она рѣзка, то *не утрирована*, пересолить не пересолилъ“.

„Записка была написана въ 24 часа, признается В. Н. въ письмѣ къ тому же арх. Антонину отъ 16 января 1880 г., и потому можетъ быть не такъ разжевана, какъ бы слѣдовало, но въ общихъ чертахъ, въ общихъ видахъ я полагаю, что она вѣрна. Во всякомъ случаѣ, одной цѣли она достигла, ибо убѣдила графа не передавать вновь дѣла на разсмотрѣніе Палестинскаго Комитета“.

Дѣло о Палестинскомъ Обществѣ начало принимать, повидимому, оборотъ неожиданно благопріятный. „Случайно предложили мнѣ, писалъ арх. Леониду В. Н. въ письмѣ отъ 13 января 1880 г., сдѣлать публичный докладъ въ „Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“. Общество не симпатично мнѣ, но утопающій за соломенку хватается. Мнѣ хотѣлось заинтересовать публику Палестиною и другого орудія въ рукахъ не было. Предметомъ доклада взялъ я „Положеніе православія въ Св. Землѣ въ послѣднія 40 лѣтъ“. Суть этого доклада находится въ 1 части посылаемой мною Вамъ записки, но то, что здѣсь пришлось на двухъ-трехъ листахъ, приходится распространить на 20 или 30 листахъ. Эта мысль оказалась случайно тѣмъ важною, что столкнула меня съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, который оказался такъ со мною любезенъ, что всѣ члены совѣта Общества поочередно почли за долгъ со мною познакомиться. Это все происходило въ засѣданіи совѣта, гдѣ я долженъ былъ выдержать

предварительный экзаменъ [1]) и разсказать въ краткихъ, но ясныхъ словахъ предметъ моего доклада. Великій князь замѣтилъ, что докладъ обѣщаетъ быть крайне интереснымъ, что, конечно, crescendo было повторено всѣми остальными, и затѣмъ рѣшено допустить меня до доклада въ концѣ января или въ началѣ февраля, о чемъ меня своевременно увѣдомятъ. Это было предъ праздниками, но до сихъ поръ ни слуху, ни духу о днѣ, а знаютъ о докладѣ. Между тѣмъ, я за него засѣлъ и въ мѣсяцъ осилилъ введеніе—латинянъ и протестантовъ. Теперь предстоитъ заняться еще греками и русскими, но матеріаловъ просто нѣтъ. Что могъ собрать—собралъ, но это капля въ морѣ. Постараюсь извлечь, что буду въ состояніи. Дѣло въ томъ, что *предметъ мнѣ близокъ и то, что не доскажетъ умъ, то, надѣюсь, доскажетъ сердце.* Посылка моего доклада такова: вотъ что въ 40 лѣтъ сдѣлали въ Св. Землѣ латиняне и протестанты, и вотъ добытые ими результаты; вотъ что сдѣлали греки и русскіе—скорѣе шагъ назадъ, чѣмъ впередъ. Бросать Св. Землю намъ русскимъ нельзя, потому что нельзя отвергать религіозно-педагогическое значеніе для народа нашихъ паломниковъ и потому, что относиться равнодушно къ православію значитъ относиться равнодушно ко всему, что есть святого въ сердцѣ русскаго человѣка... Но возвращаюсь къ моему свиданію съ великимъ княземъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ подозвалъ къ себѣ Ман-

---

[1]) По письму къ арх. Антонину отъ 16 января 1880 г., В. Н. Хитрово получилъ особое приглашеніе отъ великаго князя явиться къ нему и „въ часовой почти бесѣдѣ“ узналъ отъ послѣдняго „въ сущности двѣ вещи: что лучше Мансурова никто этого дѣла не знаетъ, и затѣмъ проглянуло неудовольствіе противъ Путятина, который если что заберетъ въ голову, то его съ мѣста не сдвинешь“.

сурова и такъ наговорилъ ему о моемъ докладѣ, что Мансуровъ, ничего о семъ не знавшій, въ 6 часу вечера прямо изъ Совѣта прискакалъ за разспросами ко мнѣ: что и какъ? Я и имѣлъ съ нимъ опять 3-хъ часовой разговоръ... Онъ дѣйствовалъ на меня, какъ кошмаръ. Я знаю, что имѣть его противъ себя, если не опасно, то, во всякомъ случаѣ, не выгодно не для меня, но для дѣла. Я чувствовалъ, что отъ этого разговора зависитъ—*возьметъ ли онъ меня себѣ въ помощники, или будетъ видѣть во мнѣ противника.* И, къ сожалѣнію, свиданіе кончилось этимъ послѣднимъ. Можетъ быть, еслибы я менѣе категорически выставилъ свои желанія, я оказался бы его помощникомъ, а тамъ можно было видѣть, что дѣлать. Я полагалъ, что компромиссы до извѣстной степени къ этому вопросу не идутъ и могутъ только пагубно отозваться въ будущемъ. Все это приходитъ теперь на умъ, въ ту же минуту разговоръ шелъ горячо и оживленно".

Въ письмѣ къ архимандр. Антонину отъ 16 января 1880 г. В. Н. Хитрово подробно излагаетъ и весь любопытный разговоръ его съ Б. П. Мансуровымъ, происходившій уже въ квартирѣ послѣдняго 9 января этого года. „Въ среду 9, когда я явился къ нему (т. е. Б. П. Мансурову), говорится въ этомъ письмѣ, онъ началъ съ того, что ему кажется, что по палестинскому вопросу теперь поднялась волна, что этою волною слѣдуетъ воспользоваться, что онъ полагаетъ послѣ моего доклада также сказать нѣсколько словъ а именно: что дѣлать? А поэтому онъ желалъ бы знать, что я скажу, *чтобы со мной не расходиться.* Я ему отвѣчалъ, что у меня въ докладѣ ни слова не говорится о томъ, что дѣлать, что говорить мнѣ это

въ публичномъ засѣданіи неловко, и что затѣмъ я, въ сущности, не могу понять, для чего ему входить на трибуну и говорить: что дѣлать? Практическаго результата отъ этого не вижу. Тогда онъ мнѣ категорически поставилъ вопросъ: чего я желаю? Трехъ вещей, отвѣчалъ я: во-1-хъ, оставленіе нашей духовной миссіи пока въ томъ положеніи, какъ она находилась въ настоящее время, а въ будущемъ возвращеніе можетъ быть къ предположеніямъ 1858 года; 2-ое, точное и ясное разграниченіе свѣтской и духовной миссіи и предоставленіе этой послѣдней, если не оффиціальнаго, то оффиціознаго представительства православной Руси передъ-или у іерусалимскаго патріархата, и 3-е, образованіе *частнаго Палестинскаго Общества*, которое могло бы поддерживать интересъ въ Россіи къ Св. Землѣ, помогать поклонникамъ нашимъ и, наконецъ, вести антипропаганду противъ латинянъ и протестантовъ. Три часа сряду мы съ нимъ говорили по этому поводу. Его доводы заключались въ слѣдующемъ. Я постараюсь ихъ изложить вамъ подробно, чтобы вы, зная, что онъ думаетъ и на чемъ стоитъ, соотвѣтственно съ этимъ вели бы свой разговоръ съ нимъ. Опытъ 20 лѣтъ доказалъ невозможность существованія духовной миссіи: не было *ни одного попа*, который бы относился къ дѣлу съ любовью. Тотчасъ рождался, при назначеніи въ Іерусалимъ, вопросъ о жалованьи и о крестахъ. Кириллъ до того изолгался, что поставилъ уже тогда невозможность существованія миссіи, какъ она была задумана. Что касается арх. Антонина, вотъ первое письмо, которое я получилъ отъ него въ теченіи 15 лѣтъ (тутъ онъ вынулъ ваше послѣднее письмо и передалъ мнѣ). Въ 1864 г. я былъ въ немилости, онъ

не удостоилъ меня ни однимъ словомъ, а теперь пишетъ. Возьмите и прочитайте. Чего вы боитесь? Мы не называемъ ее миссіею, а вѣдь остается то же. Чтобы не обижать ее, возводимъ консула въ генеральные, назначаемъ Кожевникова, и самъ арх. Антонинъ очень этому радъ. (Вообще Кожевниковъ, кажется, пользуется особенною милостью Мансурова). Да и къ чему возвращаться? Это дѣло рѣшенное и подписанное. Илларіоновъ молодъ и не умѣлъ вести себя: чѣмъ скорѣе его отзовутъ, тѣмъ лучше. Что касается до Общества, то что вы сдѣлаете безъ денегъ, а деньги откуда возьмете? На сборы надежда плоха. Ну положимъ: соберете деньги, что вы съ ними будете дѣлать? Школы заводить? Да кто вамъ разрѣшитъ? Турецкое правительство? Нѣтъ. И греческая патріархія? Повѣрьте мнѣ: одно, что можемъ дѣлать для православія, это поддерживать іерусалимскій патріархатъ, а его поддерживать и привязать можно только деньгами. Разрѣшите мнѣ только, и я сейчасъ найду вамъ ежегодныхъ 60 тысячъ. Зная, что они отъ насъ получаютъ деньги, они будутъ работать вмѣстѣ съ нами. Что такое арабскій вопросъ? Сегодня они православные, завтра католики, послѣ завтра опять православные. Намъ нужно держаться патріархіи. До тѣхъ поръ, пока она будетъ существовать, будетъ существовать православіе и наше вліяніе. До сюда рѣчь и мысли Мансурова.

„Когда послѣ всѣхъ моихъ возраженій и замѣчаній онъ не на шагъ не уступилъ, мнѣ осталось только поставить такой вопросъ: вы мнѣ говорите, что ни одно изъ моихъ предположеній не осуществимо. Ваши доводы меня не убѣдили, какъ я вижу, и мои васъ. Теперь мнѣ остается спросить у васъ: чего же вы

отъ меня хотите? Отвѣтъ былъ: ничего. Впрочемъ, продолжалъ онъ, можетъ быть, и въ публичномъ засѣданіи мы съ вами не встрѣтимся. У меня есть семейныя дѣла: вопросъ о жизни и смерти мнѣ близкихъ, который требуетъ не сегодня - завтра моего отъѣзда за границу, и это рѣшится на этихъ дняхъ. Этимъ кончился нашъ разговоръ".

Послѣ описаннаго разговора Василія Николаевича съ Б. П. Мансуровымъ, послѣдній выѣхалъ за границу, написавъ Хитрово письмо съ слѣдующею знаменательною припискою: „Отъ души желаю вамъ успѣха и такого, какого вы желаете, и того, *о коемъ я думаю*". Оказалось потомъ, что Б. П. Мансуровъ, получивъ командировку, отправился въ Іерусалимъ улаживать отношенія между миссіею и консульствомъ. Но тотъ, кто постоянно поддерживалъ въ себѣ „святой огонь, который давалъ возможность жить среди всей той апатіи, которая окружала его", не могъ успокоиться и продолжалъ зондировать почву, чтобы благопріятно разрѣшить волновавшій его вопросъ. Послѣ свиданія съ графомъ Е. В. Путятинымъ у оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева, Василій Николаевичъ изъ письма министерства иностранныхъ дѣлъ, показаннаго ему оберъ-прокуроромъ, узналъ, что „переименованіе миссіи въ настоятельство вызывается самымъ существомъ дѣла и 20-лѣтнимъ опытомъ, но, впрочемъ, окончательное разрѣшеніе этого вопроса пріостановлено впредь до разъясненія его на мѣстѣ особо командируемымъ лицомъ, на что уже послѣдовало Высочайшее повелѣніе". Въ виду этого естественно Василій Николаевичъ ждалъ извѣстій изъ Палестины. „Теперь, глубокоуважаемый о. архимандритъ, пишетъ въ томъ же письмѣ В. Н. Хитрово,

дѣло не у насъ въ Питерѣ, а у васъ, если дѣйствительно Мансуровъ ѣдетъ къ вамъ. Его взглядъ, насколько я сумѣлъ объяснить, я вамъ написалъ выше. На Илларіонова онъ сердитъ. Что касается до васъ, то, извините меня за откровенность, если вы ему покадите, то онъ помирится. Сознаюсь, что тяжело, да дѣло стоитъ. Мнѣ кажется, — и представляю на ваше благоусмотрѣніе мое сужденіе,—что при этихъ обстоятельствахъ самое главное сохранить *названіе миссіи* и не допустить переименованія въ настоятельство. Я это говорю потому, что разъ названіе сохранено, современемъ можно будетъ опять вернуться къ вопросу о правахъ и обязанностяхъ, уничтожится же имя, возстановить его, охъ, какъ трудно. Поэтому я бы напиралъ только на это, доказывая, насколько такое переименованіе повліяетъ на латинянъ и протестантовъ, и къ тому же это было сознаться ему самому въ ошибкѣ, сдѣланной имъ 20 лѣтъ. Слѣдуетъ ему втолковать, что дѣло не въ имени, а въ инструкціи, опредѣляющей права и обязанности начальника миссіи, что эта инструкція секретъ, а поэтому никому неизвѣстна, какъ только лицамъ близкимъ. Что въ этой инструкціи? Вы заранѣе отказываетесь отъ всѣхъ правъ и обязанностей, но стойте по вышеприведеннымъ причинамъ за названіе. Повторяю, что инструкцію, которой придется подчиниться, можно будетъ всегда перемѣнить, иное дѣло имя, названіе. Думаю, что за перемѣну названія онъ особенно стоять едва ли будетъ, онъ побаивается Императрицы и въ особенности Цесаревича, участіе котораго онъ чуетъ, хотя подробности не знаетъ, не знаетъ, какъ далеко этотъ послѣдній пойдетъ и насколько заинтересованъ. Если вы согла-

ситесь со мною и это удастся, я не отчаиваюсь еще въ будущемъ, наоборотъ, думаю даже, что его пребываніе будетъ полезно, потому что полагаю, что вы будете избавлены отъ Илларіонова“.

Семейныя, неблагопріятно сложившіяся обстоятельства у двухъ главнѣйшихъ союзниковъ Василія Николаевича: у графа Путятина (смерть жены) и у Головнина (тяжкая болѣзнь матери) и чрезмѣрное скопленіе важныхъ церковно-государственныхъ дѣлъ у К. П. Побѣдоносцева затормазили дѣло о Палестинѣ настолько, что В. Н. Хитрово началъ было думать, что его „нынѣшняя кампанія разыгралась полнымъ фіаско“. Такому пессимистическому, близкому къ безнадежному отчаянію, настроенію В. Н. Хитрово много помогло и то обстоятельство, что дѣло съ докладомъ о Палестинѣ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, повидимому, заглохло. „Изъ него, я полагаю, писалъ В. Н. Хитрово къ о. намѣстнику Леониду 9 февраля 1880 г., *тоже ничего не будетъ*. По крайней мѣрѣ, о немъ ни слуху ни духу. Замолкъ великій князь Константинъ Николаевичъ, замолкъ Кирѣевъ, замолкло Общество духовнаго просвѣщенія. Я за него стоялъ потому, что представляется случай человѣкамъ 500, а въ томъ числѣ можетъ быть и великому князю, въ послѣдовательномъ порядкѣ (изложить) съ фактами и выводами то, что никогда не сможешь имъ сказать въ отрывчатомъ разговорѣ. Слушаютъ же эти великосвѣтскіе барыни и баричи лорда Редстока, пусть же послушаютъ хотя разъ правду о Святой Землѣ. Я бы могъ напечатать, да читать не будутъ. Докладъ у меня написанъ... Вотъ этотъ докладъ, еслибы онъ прошелъ удачно, мнѣ хотѣлось бы повторить въ Москвѣ, въ Миссіонер-

скомъ ли Обществѣ, въ Обществѣ ли духовнаго просвѣщенія, тамъ, гдѣ бы признали возможнымъ сдѣлать и гдѣ бы собралось болѣе сочувствующихъ слушателей. Но и это пока не удается, да я теперь и не хлопочу“.

Впрочемъ, тревоги В. Н. Хитрово смѣнялись иногда и минутами радости. „Если бы перечитать мою съ вами переписку за нынѣшнюю зиму, признавался В. Н. Хитрово въ письмѣ къ арх. Антонину отъ 12 марта 1880 года, то въ ней были такіе *скачки отъ радости къ печали, отъ отчаянія къ надеждѣ*, что можно было заподозрить меня въ самомъ сангвиническомъ темпераментѣ, а между тѣмъ, я за собою этого качества или недостатка не зналъ и не вѣдалъ. Но дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, въ 25-лѣтнюю мою дѣятельность мнѣ и не приходилось продѣлывать такихъ скачковъ, а тѣмъ болѣе испытывать такихъ *нечаянныхъ неожиданностей*, какъ въ нынѣшнемъ году по палестинскимъ дѣламъ“.

23 марта 1880 г. въ залѣ Императорскаго географическаго Общества у Чернышева моста, въ засѣданіи петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія состоялось, наконецъ, и предположенное чтеніе реферата В. Н. Хитрово подъ заглавіемъ: „Православіе въ Св. Землѣ“, причемъ чтеніе это разбито было на два реферата: 1) „О протестантствѣ и латинствѣ и будущности иновѣрныхъ общинъ въ Св. Землѣ“ и 2) „О іерусалимскомъ патріархатѣ, о Россіи въ Св. Землѣ и о значеніи Св. Земли для Россіи“. Второе чтеніе происходило 30 марта. „Остались ли мною довольны слушатели, писалъ В. Н. арх. Антонину 6 апрѣля того же года, не знаю. До меня доходили лестные отзывы, но кто же станетъ

бранить въ глаза автора. Да вопросъ вовсе не сводится къ хорошо или дурно, а къ тому, какое впечатлѣніе они произведутъ. Съ формальной стороны я долженъ быть доволенъ. Начиная отъ великаго князя Константина Николаевича, членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ, директора Азіатскаго департамента Мельникова и прусскаго агента, посѣтившихъ оба чтенія, и значитъ волею неволею меня выслушавшихъ, публика была отборная, и если я могъ бы на что нибудь жаловаться, то развѣ на отсутствіе духовныхъ, которыхъ много-много пять-шесть“. Присутствовавшій въ собраніяхъ великій князь Константинъ Николаевичъ, по внимательномъ выслушаніи чтенія, далъ аттестацію, о которой сообщаетъ В. Н. Хитрово въ письмѣ къ арх. Леониду отъ 9 апрѣля 1880 г. въ слѣдующихъ словахъ: „Ты нарисовалъ тяжелую, но, къ сожалѣнію долженъ сознаться, вѣрную картину“. Извѣстно намъ свидѣтельство глубокаго впечатлѣнія отъ чтеній В. Н. Хитрово и изъ другихъ источниковъ. „Въ прошедшее воскресенье я, писалъ къ В. Н. Хитрово 23 марта 1880 г. А. В. Головнинъ, не могъ быть на вашемъ чтеніи и отдалъ входной билетъ мой *П. И. Саломону, который, равно какъ и многія другія лица, въ восторгѣ отъ вашей бесѣды*. Обращаюсь къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбой дать мнѣ билетъ на слѣдующее воскресенье, за что буду искренно благодаренъ“.

Цитированное нами письмо Головнина имѣетъ важное значеніе для исторіи нашего Общества, а посему мы считаемъ полезнымъ привести здѣсь и дальнѣйшій текстъ его. „Возвращая при семъ проектъ устава Палестинскаго Общества, позволяю себѣ сообщить слѣдующія мысли:

1) „Что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ проектъ можетъ пройти только *въ случаѣ самаго энергичнаго содѣйствія Цесаревича*. Можно ли надѣяться на оное—въ состояніи сказать только графъ Е. В. Путятинъ и К. П. Побѣдоносцевъ; при свиданіи объясню еще одну трудность, на-дняхъ по одному нѣсколько схожему дѣлу испытанную.

2) „Что проектъ слѣдовало бы предварительно обсудить въ совѣщаніи нѣсколькихъ сочувствующихъ лицъ: графа Е. В., П. П. Мельникова, Б. П. Мансурова, В. И. Дорогобужинова и К. П. Побѣдоносцева.

3) „Проектъ устава слѣдовало бы составить гораздо короче, дать Обществу менѣе сложное устройство и гораздо болѣе скромный видъ и назвать оное „Обществомъ для пособія православнымъ церквамъ и паломникамъ на Востокѣ". Число членовъ не ограничивать. *Уставъ Географическаго Общества, который вы хвалите, былъ составленъ при моемъ участіи, и я былъ первымъ секретаремъ Общества, но, мнѣ кажется, что уставъ этотъ для Палестинскаго Общества, болѣе скромнаго, не годится*. Если Общество разовьется, то прибавить нѣсколько статей будетъ легко.

„По всѣмъ этимъ соображеніямъ я думаю, что я ошибался, воображая себѣ, что можно весной нынѣшней провести уставъ, и что придется отложить до осени. *Признаюсь, что мнѣ это очень больно, потому что многимъ изъ насъ, вѣроятно, не долго предстоитъ жить и дѣйствовать, а потому откладывать и отсрочивать хорошія предпріятія не слѣдуетъ*.

„Для успѣха настоящаго дѣла желательно бы привлечь къ оному рядъ молодыхъ дѣятелей, которые могли бы продолжать начатое, но гдѣ ихъ взять? Я, къ сожалѣнію, вслѣдствіе ряда годовъ болѣзни, вовсе

не имѣлъ знакомыхъ между молодыми людьми. Искренно преданный Головнинъ“.

„Обѣ ваши лекціи, преподанныя недавно русскому обществу о Палестинѣ, писалъ арх. Антонинъ 30 апрѣля 1880 г., по полученіи чтеній въ копіи, съ нетерпѣніемъ поджидаемы были мною здѣсь, съ любовію и надеждою привѣтствованы и *съ восхищеніемъ прочтены*. Это настоящій учено-фактическій, дипломатическій и... поэтическій рефератъ о томъ, что вамъ стало извѣстно о предметѣ первостепенной важности въ духовной жизни нашего народа. Вопреки вашему приглашенію, я удерживаюсь отъ всякаго топорнаго замѣчанія на изящное изваяніе художественныхъ рукъ вашихъ. Молю Бога, чтобы оно, подобно множеству другихъ дѣлъ нашихъ, не оказалось пустозвономъ, а призывнымъ благовѣстомъ къ литургіи (въ переводѣ: народное дѣло) великой Земли Русской, для которой вопросъ о православіи Св. Земли долженъ быть самымъ, такъ сказать, животрепещущимъ и не сходящимъ съ политическаго поля зрѣнія ея“.

Но однимъ своимъ внѣшнимъ успѣхомъ и прекрасными впечатлѣніями, полученными отъ занимательнаго реферата о Св. Землѣ высокими слушателями, В. Н. Хитрово не могъ остаться доволенъ и ждалъ отъ него практическихъ результатовъ для того дѣла, которое захватило все существо его. „Чего я хотѣлъ отъ этихъ чтеній? писалъ онъ арх. Антонину въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 6 числа. Они были задуманы, когда вопросъ о миссіи былъ далеко не рѣшенъ. Мнѣ хотѣлось воспользоваться чтеніемъ, чтобъ ее отстоять. Пришлось ихъ дѣлать, когда вопросъ о миссіи былъ благополучно разрѣшенъ. Тогда мнѣ хотѣлось высказать откровенно кому знать подобаетъ

настоящее положеніе дѣла, и это мнѣ удалось. Меня обвиняли, что я черезчуръ дипломатически выражался. Это обвиненіе не вполнѣ справедливо. Выражаться рѣзко я вообще не люблю и не умѣю. Къ тому же смотрѣлъ на мое чтеніе не какъ на конечную цѣль, а только какъ на средство. Если смотрѣть на чтеніе какъ на цѣль, то это было бы весьма блистательнымъ фейерверкомъ и больше ничего, *а китайской слабости къ фейерверкамъ я не имѣю. Значитъ, пока никакихъ послѣдствій не будетъ, я смотрю на мой докладъ лишь какъ на фейерверкъ.* Если же выйдетъ что-нибудь, тогда только можно будетъ сказать: полезенъ ли онъ будетъ или нѣтъ.

„Вопросъ: что же дальше? вытекалъ и вытекалъ изъ самаго доклада. Отвѣта на него я не далъ, а подождалъ, чтобъ мнѣ его поставили, и, по окончаніи доклада, онъ былъ мнѣ поставленъ великимъ княземъ въ четвертичасовомъ разговорѣ. Я намѣтилъ существенное, что мнѣ пришло въ голову — хорошее или дурное, судить вамъ, и на другой день, написавъ, послалъ ему. Это составляетъ 3-ю часть моихъ чтеній, вамъ посылаемыхъ. Эта 3 часть пока секретъ, и я посылаю ее къ вамъ только для того, чтобъ вы мнѣ высказали ваше объ этомъ мнѣніе откровенно, чтобъ мнѣ, если они будутъ имѣть послѣдствія, знать, что отстаивать и въ чемъ уступать. Будутъ ли имѣть послѣдствія? вотъ вопросъ. Если нѣтъ, осенью я опять подыму звонъ съ Божіею помощью!“

Оказались, однако, и недовольные чтеніями, и въ числѣ ихъ прежде всего слѣдуетъ поставить Б. П. Мансурова, который нашелъ, что В. Н. Хитрово „черезчуръ выставляетъ духовную миссію и умаляетъ консуловъ“. Но въ дѣйствительности главная причина

недовольства его кроется въ томъ, что лекторъ „ни полсловомъ не упомянулъ ни о немъ, ни о Палестинской Коммиссіи“ [1]).

Укрѣпившись теперь въ мысли, что „мы не болѣе какъ орудіе въ рукахъ Божіихъ“, В. Н. Хитрово умолкъ на время съ палестинскимъ вопросомъ. „О дѣлѣ говорить теперь нельзя съ кѣмъ бы то ни было, признается онъ о. арх. Леониду, все заснуло до октября“. Отрадою для него служила мысль о возможности въ ближайшемъ будущемъ повторить путешествіе въ Св. Землю, оставившее девять лѣтъ тому назадъ въ душѣ его неизгладимо глубокій слѣдъ, чтобы провѣрить себя на мѣстѣ и переговорить тамъ съ нужными ему людьми лично. Въ этомъ намѣреніи поддерживалъ его и о. арх. Антонинъ, рисовавшій ему заманчивыми красками вторичное его путешествіе.

„Въ прежній пріѣздъ вашъ въ Палестину, писалъ онъ къ В. Н. Хитрово 5 авг. 1880 г., васъ преслѣдовало тутъ знойное лѣто и самое, такъ сказать, сердце лѣта, клавшее на все свой жгучій и ослѣпляющій колоритъ. Я не нарадуюсь тому обстоятельству, что преднамѣреваемое вами вторичное посѣщеніе Земли Обѣтованной припадетъ на осень. Т. е., прежде всего, вообще не нарадуюсь тому, что *буду имѣть рѣдкое удовольствіе видѣть васъ здѣсь, показать вамъ все, достойное вниманія вашего, и наговориться съ вами обо всемъ,* а потомъ, конечно, нельзя не признать, что октябрь мѣсяцъ есть самое пригодное для подобной экскурсіи время. Въ этомъ мѣсяцѣ дождь есть еще рѣдкость, а знойный хамсинъ бываетъ по нѣскольку дней сряду. Но вообще говоря, это самое благопріят-

[1]) Изъ письма В. Н. Хитрово къ арх. Леониду 5 мая 1880 г.

ное для поѣздокъ по горамъ іудейскимъ время. За лучшее счелъ бы я высадиться вамъ въ Бейрутѣ, но только для того, чтобы побывать въ Бальбекѣ и Дамаскѣ. Ѣхать же сухопутьемъ изъ Дамаска въ Назаретъ я бы не посовѣтовалъ. Великій князь Николай Николаевичъ со свитою избралъ этотъ самый путь, но, помню, никто не остался доволенъ отъ этого. 9 октября (старый стиль) вы можете, отплывши изъ Бейрута, высадиться въ Кайфѣ, увѣдомивши изъ Бейрута телеграфомъ тамошняго нашего вице-консула г. Селима Хури о своемъ прибытіи. Изъ отличныхъ отличный (sic) человѣкъ этотъ проводитъ васъ въ коляскѣ (6 часовъ) въ Назаретъ, а затѣмъ найметъ вамъ верховыхъ лошадей въ Кану Галилейскую, Тиверіаду, на Ѳаворъ, въ Севастію, Самарію и Іерусалимъ. Погостивши здѣсь, вы декабрь можете израсходовать на Египетъ, а въ январѣ даже побывать въ Индіи, чтобы избыть совсѣмъ холодныхъ ласкъ землячки зимы. Въ Бейрутъ же пожалуете изъ Царяграда или на русскомъ или на ллойдовомъ пароходѣ, смотря по тому, какой окажется болѣе подходящимъ къ термину вашему, долженствующему пасть на конецъ сентября мѣсяца. Мы тоже тутъ собираемся съ консуломъ и въ Бальбекъ и въ Назаретъ, да пожалуй даже въ самый Египетъ, только сборы-то наши никакъ не минуютъ долгаго ящика. Если бы вы въ свое время увѣдомили меня изъ Константинополя телеграммою о своемъ выѣздѣ въ Бейрутъ, можетъ быть и я бы (одинъ или съ консуломъ) сдѣлалъ вамъ компанію, такъ какъ уже цѣлыхъ 15 лѣтъ брежу Бальбекомъ, а въ Назаретъ или собственно Тиверіаду имѣю неотложную надобность съѣздить не замедляя, ибо и на евангельскомъ „лицѣ галилейскомъ“ миссія

успѣла уже обзавестись недвижимою собственностію да еще не одною... Но о семъ еще рано шумѣть".

Задуманная поѣздка В. Н. Хитрово вмѣстѣ съ супругою Софіею Доминиковною совершена была при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

„Разсказать весь путь [1]) можно, писалъ В. Н. Хитрово архимандриту Леониду 15 февраля 1881 г.,

[1]) Мы выѣхали изъ Москвы, писалъ В. Н. арх. Леониду отъ 15 февраля 1881 г., въ первыхъ числахъ октября черезъ Кіевъ, Царьградъ, Александрію и Яффу и молились уже 22 октября у Гроба Господня. Переѣздъ, не смотря на позднее время, совершили моремъ *такъ благополучно*, что все время мы могли весьма покойно не только читать, но и писать въ каютѣ, а это не мало сказать... Вы можете представить, зная мои давнишнія стремленія, что чувствовалъ я, увидавъ на разсвѣтѣ прелестнаго дня предъ собою Яффу, берегъ Святой Земли и вдали іудейскія горы. Яффа немного перемѣнилась, развѣ только тѣмъ, что ея стѣны срыты и на мѣстѣ ихъ тянется нѣчто въ родѣ европейскаго бульвара. Ни прежнихъ лошадей, ни ословъ для переѣзда больше нѣтъ. Ѣдете вы въ Святой Градъ въ рессорномъ экипажѣ, нѣчто въ родѣ шарабана. Это завели нѣмцы. Въ Латрунѣ гостинница подъ названіемъ „Маккавеевъ", въ виду ел-Али, гдѣ стояла, помните, небольшая кофейная на чистомъ воздухѣ — гостинница „монаховъ іудейскихъ", содержимая жидомъ. Дорога вездѣ порядочная, шоссе. По примѣру прежнихъ поклонниковъ, когда поднялись на послѣднюю гору, я все приготовлялъ жену и разсказывалъ, что вотъ сейчасъ увидимъ русскія постройки, стѣны Іерусалима, а за ними куполъ храма Гроба Господня. Вотъ поднялись, сошли изъ экипажа, и я своимъ глазамъ не вѣрилъ: я не могъ отыскать ни того, ни другого, ни третьяго. Какія-то незнакомыя мнѣ зданія тянулись налѣво и направо. Впослѣдствіи все объяснилось. Версты на три за яффскими воротами, гдѣ прежде были пустыри и кое-гдѣ сады, теперь цѣлое предмѣстье съ широкими улицами и съ сплошнымъ рядомъ домовъ. Большинство принадлежитъ евреямъ, эмиграція которыхъ въ Святой Градъ принимаетъ громадные размѣры. То же почти, что передъ яффскими воротами, видишь передъ дамасскими. Между ними, гробницею царей и русскими постройками тоже почти сплошная масса зданій. Ни одни изъ воротъ Іерусалима теперь болѣе не запираются

въ двухъ, въ трехъ страницахъ, но кто передастъ всѣ испытанныя и пережитыя впечатлѣнія... Что я доволенъ—объ этомъ, конечно, и разговору быть не можетъ. Молился я хорошо и много, хотя *первыя впечатлѣнія все-таки въ этомъ отношеніи уступаютъ первому путешествію*, или оттого, что повтореніе никогда не бываетъ такъ свѣжо, какъ первое посѣщеніе, оттого ли, что теперь какъ-то болѣе за мною ухаживали, меня окружали, чѣмъ въ первое. Наконецъ, я больше зналъ, болѣе сознательно вглядывался въ окружающее меня, больше слышалъ, а гдѣ люди, тамъ и зло. Затѣмъ все человѣческое я нашелъ гораздо въ худшемъ видѣ, чѣмъ даже я подготовлялся, и докладъ

ни на ночь, ни по пятницамъ. Самый храмъ Гроба Господня открытъ съ разсвѣта до 10 часовъ дня и съ 2 до сумерокъ. Не въ одномъ Іерусалимѣ такія перемѣны. Окрестности тоже разселяются. На Елеонской горѣ большія и католическія и наши русскія постройки. Въ Виѳлеемъ ѣдемъ почти между сплошными рядами каменныхъ заборовъ. Пробывъ недѣлю въ Іерусалимѣ, поѣхали мы ужъ по старому на лошадяхъ черезъ Бейтинъ, Наблусъ, Самарію, Назаретъ, Ѳаворъ въ Теверіаду. Отсюда черезъ Кафръ-Кенну, Сефуріэ въ Кайфу и Кармель. Съ Кармеля берегомъ моря до Кессаріи, отсюда свернули въ Лидду, и изъ Лидды древнимъ римскимъ путемъ черезъ Кубейбэ и Неби-Самвиль въ Іерусалимъ. Весь путь этотъ занялъ 16 дней. Все время была отличная погода, а въ Теверіадѣ въ началѣ ноября доходило даже до 24° ночью. Отдохнувъ немного въ Іерусалимѣ, мы еще съѣздили въ Горнюю, Бейтъ-Джалу и Виѳлеемъ. Этимъ окончились наши разъѣзды по окрестностямъ. На Іорданъ, въ лавру Св. Саввы и въ Хевронъ мы не поѣхали, погода портилась, а мнѣ хотѣлось еще повидать и Іерусалимъ и *наговориться съ живущими въ немъ*. 24 ноября выѣхали обратно изъ Іерусалима. До Яффы преслѣдовалъ насъ палестинскій ливень, а изъ Яффы до Портъ-Саида наскочили мы на бурю. Вмѣсто 16 часовъ на переѣздъ, мы его сдѣлали въ 42 часа, и рады, рады были, когда попали въ Портъ-Саидъ. Отсюда черезъ Каиръ, Александрію, гдѣ море намъ опять благопріятствовало, добрались до Неаполя, откуда 19 декабря очутились въ Питерѣ.

мой грѣшитъ развѣ тѣмъ, что написанъ былъ черезчуръ въ розовомъ свѣтѣ.

„Патріархію я нашелъ въ очень невзрачномъ видѣ. Если бы она не составляла часть церкви, то я бы спросилъ: что говорить много о мертвомъ разлагающемся трупѣ? Патріархъ самъ по себѣ добрый человѣкъ и — болѣе ничего, но что его окружаетъ, — а я ихъ видѣлъ довольно — ниже всякой критики, я не говорю въ умственномъ, но въ нравственномъ отношеніи. Забота патріархіи о мѣстномъ православномъ населеніи сводится къ нулю, и положеніе сего послѣдняго болѣе чѣмъ безотрадное. Не мнѣ его описывать вамъ. Вы его видѣли лучше и ближе меня. Одно, что я могу прибавить, что оно значительно ухудшилось противъ того, что было при васъ. Школъ ни одной, а про храмы лучше не говорить. Единственная забота какъ бы забрать побольше денегъ для интригъ, а цѣль этихъ интригъ добиться патріаршества, а строя козни другъ противъ друга, оказывается, никто не добьется своей цѣли. Здѣсь меня всѣ разспрашивали про Никодима московскаго. Онъ былъ здѣсь предъ праздниками и вскружилъ головы всѣмъ, начиная съ Наслѣдника. Сомнѣваюсь, чтобъ и онъ достигъ патріаршества: его въ Іерусалимѣ ненавидятъ, въ Турціи въ немъ видятъ русскаго человѣка, а я, наконецъ, нахожу, что не пригоденъ онъ, потому что Россію хорошо знаетъ, а значитъ, и *подобающаго страха къ ней имѣть не можетъ.* Да это дѣло будущаго, хотя, какъ кажется, и не особенно далекаго. Противъ нынѣшняго патріарха ведется на мѣстѣ сильная интрига, которая разыграется, какъ только возвратятъ имъ доходы съ бессарабскихъ имѣній, что, мнѣ кажется, не замедлитъ. Въ послѣднее

время вышелъ въ Іерусалимѣ такой казусъ. Аноимъ виѳлеемскій написалъ письмо къ графу Путятину, въ которомъ, жалуясь на патріархію, добивался, чтобы всѣ деньги присылались непосредственно ему. Это письмо перехватили въ патріархіи, и Іероѳей сослалъ его въ лавру Св. Саввы, какъ полагаю, по наущенію Епифанія, его теперешняго alter ego, и которому хочется быть виѳлеемскимъ владыкой. Имѣлъ ли на эту ссылку право Іероѳей—не знаю, мнѣ кажется, да, между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ нѣтъ. Аноимъ тотчасъ отправился въ Лавру, а въ братствѣ поднялся шумъ. Тутъ еще вмѣшался Кожевниковъ, не знаю съ какой стати принявшій сторону Аноима. Патріархъ растерялся и составилъ заднимъ числомъ постановленіе синода о ссылкѣ Аноима, но подписалъ его лишь владыка севастійскій. Увидавъ, что дѣло не хорошо, послалъ Аноиму приказаніе вернуться въ Виѳлеемъ, но тотъ отвѣтилъ, что вернется лишь черезъ Іерусалимъ и то по постановленію синода. Братство же, воспользовавшись этою распрею, составило конституцію, главныя статьи которой были, что патріархъ не имѣетъ права распоряжаться ни деньгами, ни мѣстами, и эту конституцію поднесли патріарху. Тотъ ужъ окончательно растерялся: принять—значитъ отказаться отъ всякой власти, не принять — низложатъ. Въ такомъ положеніи оставилъ я Іерусалимъ...

„На русскихъ постройкахъ я нашелъ относительную тишину. Оба наши представителя другъ друга боятся и соблюдаютъ всѣ формальности, предписываемыя вѣжливостью, но въ душѣ, внутри сердца, не имѣютъ другъ къ другу никакого довѣрія и живутъ отдѣльными жизнями. Кожевниковъ — идеалъ мелочного человѣка, никогда не въ состояніи разли-

чать важнаго отъ мелочного: вопросъ патріархіи или мѣстныхъ православныхъ и сплетня смотрительницы какого-либо пріюта для него имѣютъ одинаковую важность, въ особенности, когда затронуто его самолюбіе. Далѣе стѣны русскихъ построекъ онъ не видитъ. Но это выкупается, по крайней мѣрѣ, человѣческимъ отношеніемъ къ нашимъ поклонникамъ, и за это спасибо, хотя слѣдуетъ сознаться, что и это дѣлается какъ-то неумѣло, по-генеральски. О. архимандрита я нашелъ сильно постарѣвшимъ, и его уходили крутыя горки. 16-лѣтняя борьба и его утомила. Ему, кажется, хочется одного, чтобъ его оставили умереть спокойно на мѣстѣ, что думаю, судя по его болѣзненному состоянію, не долго заставитъ себя ждать. Онъ занятъ теперь исключительно почти своими пріютами. И, дѣйствительно, слѣдуетъ отдать справедливость, *сдѣлалъ съ ними чудеса*. Окончить ихъ онъ никогда не кончитъ, и такъ застанетъ его смерть, но очень желательно, чтобъ онъ окончательно устроилъ свои пріюты въ Горней и на Елеонской горѣ.

„Что касается до нашихъ построекъ, то затѣяли широко и, какъ всегда бываетъ, къ сожалѣнію, у насъ, на этомъ остановились. Теперь сидятъ и выдумываютъ: *нельзя ли здѣсь съэкономить, нельзя ли тамъ не израсходовать*. Вообще я пріѣхалъ грустный изъ Іерусалима, грустно потому, что видишь, какъ это все разваливается и никому до этого дѣла нѣтъ, а рядомъ подымаются, даже не одна, а десятки иновѣрныхъ построекъ“.

Во время своего морского плаванія, между Александріей и Неаполемъ, Василій Николаевичъ написалъ два письма—А. В. Головнину и Константину Петро-

вичу Побѣдоносцеву. „Іерусалимскій патріархатъ, писалъ онъ къ о. архимандриту Антонину, передавая ему содержаніе писемъ къ названнымъ сановникамъ, не представляетъ ни одного выдающагося лица, находится въ разложеніи; его нужно взять и держать въ ежевыхъ рукавицахъ, рукавицами же этими только могутъ быть доходы его съ имѣній въ Россіи. 240 тысячъ, составляющихъ доходы съ этихъ имѣній въ годъ, раздѣлите на 5 частей: одну часть оставьте себѣ на управленіе, поземельные платежи и т. п., $^3/_5$ возвратите патріархату въ его непосредственное и безконтрольное распоряженіе, наконецъ, $^1/_5$ часть употребите на церкви и школы подъ контролемъ особаго совѣта изъ представителей отъ мѣстнаго населенія, греческаго духовенства, васъ (т.-е. арх. Антонина) и консула". Заявивъ о неудовлетворительномъ положеніи православнаго населенія и о необходимости ему быстрой помощи, о желательности надстройки вторыхъ этажей въ пріютахъ для помѣщенія паломниковъ, относительно миссіи В. Н. говоритъ въ томъ же письмѣ: „Въ настоящее время я нашелъ тишь да гладь, да Божью благодать, но вообще это положеніе немыслимо и не возможно. *Духовная миссія должна быть все, а консулъ de facto лишь ея секретаремъ*... Побѣдоносцеву же писалъ пространно о Палестинскомъ Обществѣ. Наконецъ, писалъ я обоимъ (Головнину и Побѣдоносцеву), что вы лично ничего не желаете, ничего не просите, но что у васъ 3 заботы: 1) чтобъ васъ спокойно оставили въ Іерусалимѣ, 2) чтобъ вамъ дали изъ суммъ Палестинскаго Комитета 1500 р. въ годъ золотомъ на содержаніе пріютовъ, и, наконецъ, 3) что станетъ съ вашими пріютами, когда Богу будетъ угодно ото-

звать васъ, и кромѣ того 4) чтобъ отдѣлили на русскихъ постройкахъ мѣсто для вашего сада“ [1]).

По возвращеніи въ Петербургъ, В. Н. постарался повидаться съ А. В. Головнинымъ, Б. П. Мансуровымъ и К. П. Побѣдоносцевымъ. Послѣдній принялъ его „замѣчательно любезно, продержалъ около часу и подробно распрашивалъ обо всемъ“. Мысль о бессарабскихъ святогробскихъ доходахъ „очень ему полюбилась“, и К. П. Побѣдоносцевъ поручилъ ему „составить объ этомъ записку“. Весьма благосклонно Константинъ Петровичъ отнесся и ко всѣмъ другимъ его планамъ относительно миссіи, выразивъ сожалѣніе, что онъ лично не знаетъ о. арх. Антонина и, судя по его корреспонденціямъ, „составилъ себѣ о немъ мнѣніе, какъ о желчномъ человѣкѣ“. По поводу романа „Пейсъ-паша“ [2]) и на вопросъ: „что правда

---

[1]) Письмо В. Н. Хитрово арх. Антонину отъ 12 янв. 1881 г.

[2]) Романъ этотъ носитъ такое заглавіе: „Пейсъ-паша и его консорты. Мозаики, камеи и миньятюры изъ любопытныхъ раскопокъ въ трущобахъ Святой Земли“. СПБ. 1881 г. Авторъ его называетъ себя *Ю. Добрынинъ*, но это несомнѣнно псевдонимъ, подъ которымъ онъ скрылъ свое настоящее имя. Арх. Антонинъ считалъ авторомъ романа консула іерусалимскаго Илларіонова и поклонника Чернышева, но это лишь догадки и предположенія о. архимандрита Антонина, ничѣмъ фактически недоказанныя. Въ романѣ этомъ свѣтлая личность начальника миссіи арх. Антонина и его дѣятельность въ Палестинѣ въ пользу поддержанія православія и въ интересахъ нашихъ паломниковъ изображается не только съ отрицательной стороны, но и съ самымъ недобросовѣстнымъ подборомъ фактовъ изъ его интимной частной жизни, съ цѣлью дискредитировать о. архимандрита въ глазахъ Россіи и русскихъ читателей. Названіе дано этому роману потому, что покойный о. арх. Антонинъ имѣлъ обыкновеніе, расчесывая пряди своихъ длинныхъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, располагать ихъ спереди на подобіе еврейскихъ *пейсовъ* (отсюда: *Пейсъ*-паша), сходство съ которыми особенно бросалось въ глаза, когда архимандрита видѣли въ обычной домашней обстановкѣ или въ рабочемъ кабинетѣ, когда онъ прикрывалъ свою голову скуфейкою.

въ исторіи архимандрита?“ В. Н. Хитрово отвѣтилъ: „Онъ—архимандритъ, значитъ монахъ, ему 65 лѣтъ, онъ 10 лѣтъ страдаетъ каменною болѣзнію. Вотъ три причины, которыя заставляютъ меня смотрѣть на эту исторію, какъ на злостную непозволительную клевету“. При прощаніи Константинъ Петровичъ выразилъ надежду, что Василій Николаевичъ не „откажется сообщить ему свое мнѣніе“, когда „подымется какой либо вопросъ“ относительно Палестины.

Свиданіе съ А. В. Головнинымъ было сухо. „Онъ, по словамъ В. Н., какъ-то систематически избѣгалъ со мною разговора объ Іерусалимѣ, такъ что увидавъ, что онъ дѣлаетъ это не случайно, а съ предвзятою цѣлью, я, конечно, не заставилъ себя повторять дважды, взялся за шляпу и распростился“. Свиданіе „съ генераломъ отъ Палестины“, какъ называлъ В. Н. шутя Б. П. Мансурова, было болѣе сердечное, чѣмъ можно было ожидать. „Не люблю его, сознается В. Н. въ письмѣ къ арх. Антонину, мало того, не признаю въ немъ особенныхъ способностей, но долженъ сознаться, что люблю съ нимъ говорить о Св. Землѣ. Это здѣсь единственный, который говоритъ объ этомъ предметѣ съ одушевленіемъ и съ нѣкоторымъ знаніемъ“. Результатомъ этой своей бесѣды В. Н. Хитрово остался доволенъ, такъ какъ съ недостаткомъ помѣщеній для поклонниковъ, съ похвальными отзывами объ арх. Антонинѣ и его заботахъ о пріютахъ для паломниковъ, съ необходимостію отпустить 1500 руб. на эти пріюты изъ Палестинской Коммиссіи и др., Б. П. Мансуровъ охотно согласился. Разговоръ началъ было принимать нѣсколько „щекотливое направленіе“, когда Б. П. Мансуровъ спросилъ В. Н.: „согласенъ ли арх. Антонинъ перевести пріобрѣтенныя имъ

земли на имя правительства?“ В. Н. не могъ удовлетворить своего любознательнаго собесѣдника на этотъ въ высшей степени интересный, но щекотливый вопросъ. Впрочемъ, онъ далъ понять, что если „всѣ эти постройки и мѣста останутся въ безконтрольномъ полномъ распоряженіи“ о. Антонина, то „едвали встрѣтится затрудненіе къ окончанію этого вопроса“. Изъ этого разговора В. Н. вынесъ убѣжденіе, что „акціи“ о. арх. Антонина у Б. П. Мансурова „значительно поднялись“. Вопросъ о пріютахъ въ Яффѣ, Рамлэ, Назаретѣ и Кайфѣ и ихъ „отчасти безполезности“, къ удивленію В. Н., не встрѣтилъ „сильнаго отпора“, какъ онъ ожидалъ, и даже содержаніе пріюта въ Рамлэ въ 750 р. Б. П. Мансуровъ готовъ былъ уступить въ пользу о. Антонина. Въ общемъ этимъ разговоромъ В. Н. „остался доволенъ“ настолько, что рѣшился убѣждать своего собесѣдника для пользы дѣла поѣхать въ Палестину [1]).

Съ изложеннымъ нами письмомъ В. Н-чу одновременно пришлось отправить къ арх. Антонину и другое письмо, въ которомъ онъ горячо убѣждалъ послѣдняго не отвѣчать печатно на романъ „Пейсъ-Паша“. „Сейчасъ прочиталъ статью „Современности“ Добрынина, которая кстати сказать, вышла особою книжкою, писалъ В. Н. Хитрово арх. Антонину. Подобной мерзости мнѣ читать не удавалось. Она мнѣ напомнила памфлеты, которые нѣкогда писались на Наполеона III и въ особенности на Евгенію. Но прочитавши, еще болѣе убѣдился (писалъ онъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ по тому же поводу), что былъ правъ, позволивъ себѣ совѣтовать на нее не

[1]) Письмо В. Н. Хитрово къ арх. Антонину 1 янв. 1881 г.

возражать. Отвѣчать въ томъ же тонѣ порядочный человѣкъ не въ состояніи, отвѣчать же серьезно, она не стоитъ, да и отвѣчать на клеветы нельзя. Ну, согласитесь сами, какъ будешь отвѣчать, что никогда ни такихъ разговоровъ, ни такихъ событій не было. Мало того, сочинитель ухнулъ и самъ себя доканалъ. Книга написана такъ грязно, что, повторяю, ни одинъ порядочный человѣкъ ей не повѣритъ. Масса, если и дойдетъ до нея она, ничего въ ней не пойметъ. Да и конецъ ихъ совершенно собьетъ съ толку: когда это было, да было ли когда-нибудь? Правда ли, что начальникъ миссіи сошелъ съ ума? Никогда не было, значитъ вся книга брехня. Наконецъ, на кого произведетъ впечатлѣніе, на ту извращенную, недоученную часть столичной публики, которая пробавляется скандальчиками и до одуренія зачитывается романами Zola, но разувѣрять, а въ особенности стараться научить ее, вѣдь это чистая выдумка, для которой не стоитъ терять ни минуты. Показать, что узналъ себя, мало того отвѣчать, вступать въ полемику, да это все, чего желаетъ сочинитель, а первое правило каждой войны: не дѣлай того, чего желаетъ твой врагъ. И при этой борьбѣ всегда сочинитель подобнаго пасквиля выйдетъ побѣдителемъ, ему терять нечего и за нимъ останется послѣднее слово. Шуму статьи и книжка не произвели. „Голосъ“ рекомендовалъ для чтенія кому слѣдуетъ, кто слѣдуетъ отнесся къ ней съ презрѣніемъ, и чрезъ мѣсяцъ о ней не будетъ помина. Всякое же возраженіе опять подыметъ бурю. Tu te faches, donc tu es fautif, скажутъ. Мнѣ вы скажете: вамъ хорошо говорить, васъ не задѣваютъ, каково же Кожевникову? Вы правы. Это грустно, но противъ этого ничего не

подѣлаешь. Или вызываютъ сочинителя на дуэль, неся затѣмъ всѣ послѣдствія, или его бьютъ на улицѣ или дома, если въ силахъ, или молчатъ. Ни первое, ни второе никому изъ затронутыхъ лицъ неудобно совершить, остается третье, и полагаю самое благоразумное“ [1]).

Это письмо В. Н. къ архимандриту Антонину было несомнѣнно цѣлительнымъ бальзамомъ для его души, глубоко возмущенной [2]) и до крайности смущенной гнусною выходкою противъ него его недоброжелателей. „Нечего дѣлать, а жаль, что судьба въ образѣ Вашего Превосходительства да еще одного превосходства, выходящаго за предѣлы человѣческихъ помышленій, т. е. Самого Бога, признавался о. Антонинъ въ письмѣ къ В. Н. отъ 4 февраля, связываетъ мнѣ руки и сдерживаетъ языкъ мой отъ публичной пощечины человѣку, предъ которой померкла бы слава брошюры „Пейсъ-паша“ на вѣки. Полагаете ли, Ваше П—во, я не сумѣлъ бы сдѣлать это такъ, что человѣку нельзя было бы показаться болѣе ни въ одномъ изъ салоновъ петербургскихъ. Надѣюсь, что сумѣлъ бы, не выдавая себя ни архимандритомъ, ни Антониномъ, ни... Но къ чему говорить объ этомъ. Все равно, вѣдь ужъ писать не буду.

---

[1]) Письмо отъ 1 января 1881 г.

[2]) „Книга, признавался о. Антонинъ, глубоко возмутила то тихое и свѣтлое теченіе моей жизни, которому многократно удивлялись имѣвшіе со мною дѣло люди, о чемъ я говорилъ безъ малѣйшаго хвастовства, приписывая то исключительно моему флегматически лѣнивому, вялому темпераменту. Безстыдныя нападки на меня этого человѣка-діавола *не даютъ мнѣ совершенно успокоиться.* Мнѣ до смерти хочется „отвѣтить безумному по безумію его“, согласно совѣту премудраго компатріота моего по мѣсту жительства“. (Письмо арх. Антонина къ В. Н. Хитрово отъ 24 февр. 1881 г.).

И такъ, пусть Богъ отмститель правыхъ и сирыхъ и чистыхъ сердцемъ, ни за что ни про что опозоренныхъ, испишетъ жизнь моего поносителя такимъ писаломъ огненнымъ, отъ котораго самозванный *огонь* (...„Съ огнемъ не шути!“) обратится въ смрадный дымъ. Нашелъ же негодный развратникъ въ чемъ чернить меня — въ самомъ чистомъ, святомъ, достохвальномъ и даже патріотическомъ дѣлѣ, призрѣніи совершенно безпомощныхъ и чуть не буквально голыхъ сиротъ, еще до моего пріѣзда въ Іерусалимъ считавшихся уже русскими, потому что переданы были дѣдомъ (или прадѣдомъ) ихъ блаженной памяти митрополитомъ Мелетіемъ на воспитаніе въ „русскую школу“, содержимую тогда покойной Е. Ѳ. Бадровой, и оттолѣ состоявшихъ подъ постояннымъ призоромъ духовной миссіи, такъ что покойный отецъ ихъ, умирая, заклялъ меня не дать погибнуть малюткамъ (отъ одного до семи лѣтъ возрастомъ) несчастнымъ. Его послѣднія слова, обращенныя ко мнѣ, были: „Мои дѣти — твои дѣти“. Если бы онъ даже не просилъ меня о томъ и въ такомъ разительномъ тонѣ, я, какъ начальникъ миссіи, слывшей, такъ сказать, за оффиціальнаго благотворителя бѣдныхъ въ Іерусалимѣ (ибо имѣлъ въ рукахъ своихъ „благотворительную сумму“ покойной Государыни), по необходимости оказался бы предстателемъ и питателемъ всего семейства, повторяю, считавшагося уже какъ бы русскимъ, и по смерти владыки Мелетія (тоже въ поклонническомъ мірѣ нашемъ считавшагося своимъ и русскимъ) оставшагося безъ всякаго призрѣнія. Патріархія давала ему какой-то подвалъ для жилища и хлѣбъ, а миссія (т. е. я) снабдѣвала ихъ одеждою. Но память предсмертной просьбы бѣдняка

вскорѣ подсказала мнѣ мысль—взять содержаніе сиротъ вполнѣ на себя, т. е. на свое собственное жалованье, оказывающееся до сихъ поръ кое-какъ достаточнымъ для сего, и вотъ уже лѣтъ 12, какъ я ревниво слѣжу, чтобы ни пол-парички не издержать на своихъ пріемышей *ни откуда, кромѣ своей кассы,* лаская себя мыслію, что хотя можетъ быть это, совершенно чистое и безкорыстное, пожертвованіе мое заговоритъ за меня на страшномъ Судѣ Божіемъ. Черный шефъ (т. е. Чернышевъ) засталъ здѣсь дѣтей уже на возрастѣ, старшихъ дѣвицъ, именно тѣхъ, которыя жили у Бадровой и воспитались подъ ея вліяніемъ совсѣмъ въ русскихъ, почти невѣстами, разумѣется бѣдными, безъ всякаго приданаго, воспитанными уединенно и по-монашески, знающими только свой домъ (за городомъ отведенный безмездно патріархіей), церковь русскую и праздничный визитъ мнѣ, при которомъ я имѣю наблюдать ихъ и съ умственной и нравственной и главное — экономической стороны. Вотъ все, что могло представиться чистому и непредзанятому вниманію всякихъ Чернышевыхъ. И вы знаете, во что обратилъ все нашъ аскетъ-водевилистъ! Пропади онъ совсѣмъ!“

Неудовлетворительное состояніе дѣлъ іерусалимскаго патріархата изъ-за столкновенія съ митрополитомъ Анѳимомъ повлекло было за собою низложеніе патріарха Іероѳея, и пріѣздъ въ Петербургъ представителя іерусалимскаго патріарха въ Москвѣ архимандрита Никодима, успѣвшаго расположить въ свою пользу и нашъ Дворъ и весьма многихъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, не безъ вожделѣній взиравшихъ на этого ловкаго и красиваго архимандрита, какъ на будущаго желательнаго для насъ преемника па.

тріарха Іероѳея. Съ пріѣздомъ арх. Никодима выдвинутъ былъ на очередь вопросъ о бессарабскихъ имѣніяхъ, преклоненныхъ Св. Гробу, на которомъ вынужденъ былъ сосредоточить свое вниманіе и В. Н. Хитрово. Арх. Никодимъ рѣшилъ „домогаться возвращенія всѣхъ 240 т., изъ нихъ $1/5$ оставить на управленіе, $3/5$ безконтрольно патріарху и $1/5$ на православное населеніе Палестины. Министерство иностранныхъ дѣлъ соглашается на другое. Отсчитывая 110 т. на разные предметы, въ томъ числѣ и управленіе, оно изъ остальныхъ 130 т. рублей предполагаетъ безконтрольно передать $4/5$ патріарху“ [1]). В. Н. Хитрово, по просьбѣ К. П. Побѣдоносцева, подалъ ему по сему предмету записку, въ которой высказался такъ: „Имѣнія присоединяются къ нашимъ государственнымъ имуществамъ, святогробскому братству выплачивается ежегодная рента, опредѣляемая впредь до точнаго опредѣленія цифры въ 240 т. р. кредитными въ годъ, отсюда на разныя повинности уйдетъ 15 т., остальныя 225 т. дѣлятъ на пять частей: $4/5$ или 180 т. р. отдаются безконтрольно патріархату, *пока онъ будетъ насъ слушаться и изъ повинности не выходить*, а 45 т. для мѣстнаго населенія въ распоряженіе особаго Совѣта изъ мѣстныхъ жителей, патріархата и нашихъ обоихъ представителей“ [2]).

Въ виду желанія министерства иностранныхъ дѣлъ разграничить сферы дѣятельности консула и начальника миссіи и привести въ извѣстность земельные участки миссіи, одновременно съ первою запискою Василіемъ Николаевичемъ были поданы другая записка, а также и *уставъ Православнаго Па-*

---

[1]) Письмо В. Н. къ арх. Антонину отъ 12 января 1881 г.

[2]) Тоже отъ 8 февраля 1881 г.

лестинскаго Общества, причемъ по первому вопросу В. Н. заявилъ категорически, что „желательны двѣ вещи: возстановленіе нашей миссіи въ рамкахъ 1857 г. и закрытіе Палестинской Коммиссіи“ [1]). Въ общемъ же въ это время въ Петербургѣ царило настроеніе крайне апатичное. Теперь не время,—вотъ единственный отвѣтъ на всѣ вопросы, признавался В. Н. Хитрово арх. Леониду [2]).

1 марта 1881 г. совершилось ужасное, потрясающее событіе въ жизни нашего отечества—безпримѣрное въ нашей исторіи цареубійство, и всѣ злободневные обычные вопросы отошли въ сторону. „Тяжелое, какъ кошмаръ, оцѣпѣненіе, пишетъ В. Н. къ арх. Антонину,—вотъ что пережили и переживаемъ. Точно порвалась нить жизни и впереди полное невѣдѣніе: чувствуешь, что нужно начинать что-то новое, а что—неизвѣстно. Все, къ чему мы привыкли, все, съ чѣмъ мы сжились, какъ будто бы куда-то кануло и приходится приниматься за иную жизнь. Точно мы сами себя пережили и начинаемъ жить съ поколѣніемъ, которое васъ не понимаетъ и которое вы, конечно, не понимаете. Болтовня, болтовня и еще болтовня. Каждый хочетъ рѣшать міровые вопросы и каждый признаетъ только свое единственно хорошимъ. Вотъ что мы переживаемъ, и боюсь, что настанетъ время, когда мы переживаемое будемъ признавать еще за хорошее. Одинъ говоритъ дѣло, по крайней мѣрѣ, по мнѣ, это Аксаковъ, но это голосъ вопіющаго въ пустынѣ среди скоморошечьей опьянелой пляски бѣснующихся. Тя-

[1]) Тамъ же отъ 4 февраля 1881 г.

[2]) Письмо отъ 15 февраля 1881 г.

жело прогнѣвали мы Бога, что Онъ насъ такъ караетъ... Среди всего этого не только писать, но и дѣлать, не только дѣлать, но и думать, я, по крайней мѣрѣ, былъ не въ состояніи, точно застигнутый среди невѣдомаго пути непроходимою тьмою".

„Переживаемъ, вѣрьте мнѣ, признавался В. Н. Хитрово въ письмѣ къ арх. Антонину отъ 27 іюня 1881 г., тяжелое время, о которомъ вамъ въ Іерусалимѣ и не снится, переживаемъ не отъ того, чтобъ все шло къ худшему, а просто потому, что разлѣнились и въ работу не вработались. Жили себѣ смирно, спокойно въ просонь, а тутъ баринъ всталъ рано да сталъ бичемъ пощелкивать, подскочили всѣ и съ просонья метутся. Ну, все это устроится, и зимою я жду, что мы совсѣмъ проснемся, а баринъ-то не знаю энергиченъ ли, а дѣйствуетъ энергично. Дай Богъ ему часъ добрый".

За это тяжелое скорбное время изъ событій іерусалимскихъ слѣдуетъ, однако же, отмѣтить новый пріѣздъ арх. Никодима въ Петербургъ, якобы подъ предлогомъ ходатайства возвратить патріархату кавказскія имѣнія и получать съ бессарабскихъ доходовъ вмѣсто $^2/_5$—$^4/_5$, каковое ходатайство и разсматривалось въ Комитетѣ министровъ и потомъ было разрѣшено въ благопріятномъ смыслѣ, но въ дѣйствительности безспорно для того, чтобы подготовить для себя въ нашихъ правительственныхъ сферахъ поддержку на случай кандидатуры его на престолъ апостола Іакова, вмѣсто Іероѳея, положеніе котораго на іерусалимскомъ престолѣ сильно пошатнулось въ это время. „Я думаю, писалъ В. Н. къ арх. Антонину 29 іюня, если онъ (т. е. арх. Никодимъ) въ Іерусалимѣ (куда онъ направился съ Кавказа якобы для хиротоніи) увидитъ

для себя почву, то останется, если нѣтъ, то вернется въ Москву ожидать лучшихъ дней. Во всякомъ случаѣ, это серьезный кандидатъ на будущее патріаршество. Т. е. мы Іероѳея будемъ отстаивать донельзя, но если онъ умретъ, то *единственнымъ кандидатомъ будетъ Никодимъ* и даже можно присовокупить, что *поддерживать его будутъ сильно*".

Свѣтлымъ лучемъ, озарившимъ печальную картину мрачной дѣйствительности и оживившимъ погребенныя было уже лучшія мечты, явилось въ эти скорбные дни трогательное паломничество великихъ князей Сергія и Павла Александровичей, послѣ перенесенныхъ тяжелыхъ нравственныхъ потрясеній 1 марта пожелавшихъ у Живоноснаго Гроба найдти для себя утѣшеніе въ молитвѣ за дорогихъ винов никовъ ихъ бытія, благочестивыхъ родителей Государя Александра Николаевича и Государыни Маріи Александровны, живо интересовавшихся Палестиною и много помогавшихъ ей отъ Своихъ царскихъ щедротъ. Спутникомъ великихъ князей былъ и великій князь Константинъ Константиновичъ. Пребываніе въ Іерусалимѣ Ихъ Высочествъ продолжалось 10 дней, съ 21 по 30 мая, прошло въ непрерывныхъ моленіяхъ у Гроба Господня и на Голгоѳѣ и въ посѣщеніи достопримѣчательныхъ мѣстъ Іерусалима и его окрестностей и произвело глубокое впечатлѣніе какъ на Августѣйшихъ путешественниковъ, такъ и на всѣхъ, кто имѣлъ счастіе видѣть ихъ. Послѣ „бесѣды съ Ихъ Высочествами наединѣ въ ихъ комнатѣ, обращенной на обсужденіе разныхъ пунктовъ евангельской исторіи", арх. Антонинъ знаменательно замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Чистыя, благія и святыя души Царевичей плѣнили меня. Это несомнѣнно,

Она, высокая Боголюбица и смиренная Христіанка, возрастила и сохранила ихъ такими въ усладу и похваленіе всѣмъ ревнующимъ о духѣ, небѣ, Богѣ. Миръ духу *Ея*".

„Отъ высокихъ гостей майскихъ, писалъ арх. Антонинъ къ В. Н. уже 3 іюля 1881 г., тутъ всѣ въ восторгѣ. Независимо отъ своего царскаго рода и положенія, это *наилучшіе люди, какихъ только я видѣлъ на свѣтѣ*. Да пребудетъ съ ними и въ нихъ во вѣкъ неотступно благодать Божія! *Меня они очаровали своею чистотою, искренностію, привѣтливостію и глубокимъ благочестіемъ въ духѣ православной Церкви*. Пробыли здѣсь 10 дней, отъ 21 до 31 мая, и половину ночей этого періода провели у Гроба Господня въ молитвѣ. Отъ щедротъ ихъ и мнѣ на мои постройки выпала не скудная лепта. Благодать возблагодать, по слову Евангелія".

Поѣздка великихъ князей Сергія и Павла Александровичей сильно заинтересовала Василія Николаевича Хитрово, который желалъ извлечь изъ нея пользу для того дѣла, которому онъ отдался и прилѣпился всею своею горячею душею. Объ этомъ путешествіи онъ желалъ имѣть самыя подробныя свѣдѣнія отъ своего неизмѣннаго палестинскаго корреспондента архимандрита Антонина. „Теперь къ вамъ, писалъ В. Н. арх. Антонину 29 іюня, ради Бога сообщите мнѣ: и какое впечатлѣніе вынесли великіе князья изъ Палестины, и какое произвели они на васъ? Какой результатъ ихъ пребыванія въ особенности для васъ и вашихъ учрежденій? Вѣдь это стыдъ и позоръ: русскіе великіе князья ѣдутъ въ Іерусалимъ, пробываютъ тамъ двѣ недѣли и въ русскихъ газетахъ ни полслова, точно запрещено объ этомъ говорить. Это

не выдумка, а фактъ. Объ австрійскомъ принцѣ чуть чуть не слѣдили за каждымъ шагомъ, а о русскихъ только и было извѣстіе: выѣхали изъ Пирея въ Яффу, вернулись въ Пирей изъ Яффы. Помимо вообще интереса для меня и вообще извѣстія о семъ, меня особенно интересуетъ Сергій Александровичъ. *Я о немъ слышалъ много хорошаго и на него я полагаю свои послѣднія надежды.* А надежды эти заключаются въ слѣдующемъ: къ осени, надѣюсь, они вернутся назадъ, т. е. великіе князья, а не надежды. Къ осени же, наконецъ, будетъ готовъ и I томъ Палестинскаго Сборника. Его я представлю Сергію Александровичу и *постараюсь его убѣдить стать во главѣ Общества.* Разъ это удастся, тогда всплывутъ всѣ палестинскіе вопросы, и мало по малу мы всѣ ихъ постараемся разрѣшить къ нашему удовольствію. Если это не удастся, значитъ, ничего не могу сдѣлать, и относительно Палестины мнѣ, по крайней мѣрѣ, придется сложить руки. Также важно знать, какое впечатлѣніе вынесъ Арсеньевъ, и это, если можете, узнайте; въ немъ—сила. Вотъ вамъ все—и прошедшее, и настоящее и будущее. Въ прошедшемъ мало, въ настоящемъ не болѣе, и *одна надежда въ будущемъ*".

„Смутная надежда, пишетъ В. Н. архимандриту Леониду 26 іюня, остается на возвращеніе великихъ князей, посѣтившихъ Св. Землю. Если впечатлѣніе, ими вынесенное, хорошо, *то можетъ въ особенности Сергій Александровичъ что-нибудь сдѣлать.* Если же впечатлѣніе изгладилось Европою, то надежда остается лишь на Бога".

Отвѣчая на поставленный вопросъ В. Н., архимандритъ Антонинъ въ письмѣ къ нему отъ 26 августа даетъ вполнѣ успокоительныя и отрадныя свѣдѣ-

Д. С. Арсеньевъ

Почетный Вице-Предсѣдатель Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

М. П. Степановъ

Помощникъ Предсѣдателя Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ

нія. Что великіе князья „согласятся быть членами лелѣемаго вами Общества или содружества палестинскаго, въ этомъ я, пишетъ о. архимандритъ, нисколько не сомнѣваюсь. Палестина глубоко затронула ихъ чистыя и благія души. Это вѣрно. Поспѣшите отрекомендовать имъ ваши взгляды и помыслы палестинскіе. Ковать и тутъ не мѣшаетъ, пока металлъ еще мягокъ... Ловите другой моментъ. При Ихъ Высочествахъ есть отличная руководящая личность — полковникъ Михаилъ Петровичъ Степановъ. Сойдитесь съ нимъ. Я, такъ сказать, плѣнился имъ“.

Появился, наконецъ, въ свѣтъ давно ожидаемый и I выпускъ „Палестинскаго Сборника“: „Православіе въ Святой Землѣ“, и Василій Николаевичъ черезъ оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева представилъ свою книгу Государю Императору, говоря при этомъ: „Я не желаю ни благодарности, ни подарка, а лишь, чтобъ это поднесеніе дало бы мнѣ возможность испросить предварительное согласіе на учрежденіе Палестинскаго Общества“. Одновременно съ этимъ съѣздилъ онъ и въ Царское Село къ Д. С. Арсеньеву, прося его 2 экземпляра той же книги передать Ихъ Высочествамъ. „Принялъ меня Арсеньевъ, пишетъ В. Н. архимандриту Антонину отъ 7 октября, довольно сдержанно, но любезно, экземпляры взялъ, а личное мое представленіе, по взаимному соглашенію, рѣшили отложить до моего возвращенія. Но гдѣ онъ немного разгорячился, это въ описаніи того теплаго, пріятнаго и хорошаго впечатлѣнія, которое произвела на великихъ князей Святая Земля, Іерусалимъ и въ особенности вы. Этимъ разговоромъ окончилось и наше свиданіе. Я получилъ вслѣдъ за симъ отъ него письмо съ благодарностію отъ великихъ князей и съ пригла-

шеніемъ представиться имъ по возвращеніи (т. е. изъ поѣздки за границу). Отъ него пошелъ я къ Михаилу Петровичу Степанову. Мы съ нимъ пробесѣдовали почти часъ, и я вынесъ убѣжденіе, что *Святая Земля пріобрѣла одного почитателя болѣе,* а объ васъ онъ выражался такъ тепло, съ такимъ уваженіемъ и любовью, что превзошелъ меня, а это не мало сказать. Дѣйствительно, какъ вы и писали, онъ—милѣйшій человѣкъ и, по моему взгляду, онъ многимъ можетъ помочь, а поэтому держитесь его и отъ времени до времени подогрѣвайте его жаръ и любовь. Что я не примену это сдѣлать, въ этомъ можете быть увѣрены. Подводя итогъ пока слышаннаго, я и вывелъ мой хвалебный гимнъ. Впечатлѣніе, произведенное Святою Землею на великихъ князей, дѣйствительно, велико, тепло и хорошо. Отъ васъ въ восхищеніи и наперерывъ расхваливаютъ. Благодареніе Богу, глубокоуважаемый отецъ архимандритъ, лишь бы этотъ жаръ не остылъ, и въ 1882 году Богъ поможетъ довершить начатое въ 1858 году и, можетъ быть, болѣе успѣшно. Я говорилъ Побѣдоносцеву о предположеніи поставить великаго князя Сергія Александровича во главѣ Общества. Онъ одобрилъ. Говорилъ и Арсеньеву объ этомъ. Онъ сталъ говорить о томъ, что скажутъ католическія державы. Но я его прервалъ, сказавши, что это нынѣ лишь мысль, а чтобы онъ позволилъ мнѣ, по возвращеніи, на досугѣ подробно переговорить. Онъ не только согласился, но просилъ даже увѣдомить, когда вернусь. Итакъ, до января, когда думаю быть въ Питерѣ... Найду ли я тотъ же пылъ въ январѣ, Богу извѣстно. Поддерживайте его у Степанова, который произвелъ на меня самое сердечное впечатлѣніе“.

По возвращеніи изъ Лондона въ Петербургъ, къ празднику Рождества, Василій Николаевичъ снова принялся за палестинскія дѣла. „Вернувшись и посѣтивъ Побѣдоносцева, я, говоритъ В. Н. въ письмѣ къ арх. Антонину отъ 25 марта, напомнилъ ему, что у него годъ уже лежитъ проектъ устава. Въ отвѣтъ на это онъ поручилъ мнѣ разсмотрѣть его вмѣстѣ съ Мордвиновымъ. Все это было сдѣлано, и 2 января представилъ ему уставъ оффиціально“.

Уставъ Общества поданъ былъ при слѣдующемъ письмѣ: „Съ разрѣшенія вашего превосходительства имѣю честь представить проектъ устава частнаго Православнаго Палестинскаго Общества. Въ личныхъ разговорахъ, которыми вамъ угодно было меня удостоить, а равно и письменно позволилъ я себѣ изложить вамъ мое глубокое убѣжденіе въ необходимости и пользѣ учрежденія подобнаго Общества. Вернувшись изъ Св. Земли, я еще болѣе вынесъ сознаніе о потребности въ такомъ Обществѣ, такъ какъ многое въ Палестинѣ невозможно сдѣлать прямымъ вмѣшательствомъ правительства и легко достигнуть частному Обществу или правительству чрезъ подобное Общество.

„Относительно внѣшней организаціи Общества, какъ вы изволите усмотрѣть, мною принятъ за образецъ уставъ Императорскаго русскаго Географическаго Общества, наиболѣе практически обработанный въ теченіе почти 30-лѣтняго существованія Общества.

„Считаю долгомъ обратить вниманіе вашего превосходительства на выраженныя въ проектѣ устава Православнаго Палестинскаго Общества цѣль его и на нѣкоторыя частности, которыя я полагалъ полезными для успѣха дѣла. Цѣль Общества (ст. 1)—по-

мощь нашимъ поклонникамъ и поддержаніе православія. Этими двумя цѣлями обусловливается и третья, издательская, какъ средство знакомить и поддерживать интересы въ обществѣ къ святынямъ Востока. Слѣдуетъ сознаться, что преслѣдованіе всѣхъ трехъ цѣлей Общества будетъ зависѣть отъ денежныхъ средствъ онаго, но я считаю, что, даже при малыхъ средствахъ, трудно будетъ дать преимущество той или другой изъ этихъ цѣлей. И насколько мнѣ кажется, даже при ограниченныхъ средствахъ, необходимо будетъ подѣлить доходы Общества поровну для каждаго отдѣла изъ предположенныхъ отдѣленій (ст. 21). Самыя же отдѣленія необходимы для того, чтобъ Общество не направляло своей дѣятельности исключительно къ одной только цѣли. Ограниченіе числа членовъ (ст. 14) мною принято, какъ средство для скорѣйшаго комплектованія Общества, и въ случаѣ непригодности этой статьи на практикѣ, она становится вполнѣ безопасной слѣдующимъ за ней примѣчаніемъ. Наконецъ, установленіе особаго знака для членовъ Общества, сдѣлавшихъ единовременный взносъ (ст. 31), на подобіе подобныхъ же знаковъ св. Нины и Краснаго Креста, мною предположено на томъ основаніи, чтобъ доставить Обществу извѣстный капиталъ отъ лицъ, придающихъ значеніе подобнымъ знакамъ. Во всякомъ случаѣ, предоставляю всѣ эти вопросы на ваше благоусмотрѣніе, и какъ бы вы ни сочли полезнымъ для дѣла ихъ рѣшить, заранѣе подчиняюсь вашему рѣшенію. *Для меня учрежденіе подобнаго Общества важно лишь въ томъ отношеніи, что въ немъ, по моему мнѣнію, образуется центръ почитателей Св. Земли*, могущій оказать помощь въ общемъ дорогомъ для насъ дѣлѣ—пользѣ церкви“.

При этомъ свиданіи съ К. П. Побѣдоносцевымъ, какъ говорится въ письмѣ В. Н—ча къ о. Антонину, „былъ разговоръ, продолжавшійся цѣлый часъ, который сводился къ тому, что у меня не будетъ ни денегъ, ни людей, и что уставъ останется пустою буквою. Впрочемъ, чтобъ сдѣлать мнѣ пріятное, онъ дастъ ходъ дѣлу, но для этого нужно, чтобъ я собралъ подписи лицъ, желающихъ учредить Общество, такъ какъ подъ уставомъ подписался я одинъ. Нечего дѣлать, пришлось взять обратно уставъ, составить подписные листы и раздать моимъ милостивцамъ, изъ которыхъ первымъ, конечно, былъ графъ Е. В. Путятинъ. Тотъ, съ свойственной ему горячностію, повезъ его къ великому князю Сергію Александровичу, предложилъ ему подписаться и увѣдомилъ меня, что онъ *съ удовольствіемъ принимаетъ предсѣдательство въ будущемъ Обществѣ*. То же повторилъ мнѣ и Арсеньевъ, при свиданіи, но уже съ сомнѣніемъ, какъ оформить дѣло. Между тѣмъ нѣсколько раньше совершилось торжественное посвященіе Никодима (въ архіепископа Ѳаворскаго). Я былъ на ономъ. Черезъ нѣсколько дней является ко мнѣ Никодимъ въ полной парадной формѣ прямо отъ Государя съ объявленіемъ, что *Государь одобрилъ учрежденіе Палестинскаго Общества*, и что намъ нужно теперь приняться за составленіе устава. Устава какого? спрашиваю я. Онъ давно готовъ, давно представленъ и другого писать не буду. Не вполнѣ довольный, тѣмъ не менѣе, онъ, и при свиданіи съ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, передалъ ему объ Обществѣ и въ отвѣтъ на это получилъ тоже согласіе. Относительно Общества, конечно, мы не могли не разойтись. Его единственная цѣль была чрезъ Общество собирать деньги и пересылать въ па-

тріархію. Вы видите, что мы согласиться не могли, и онъ на меня дуется. Ну, да Богъ съ нимъ: отъ этого мнѣ ни тепло, ни холодно.

„Между тѣмъ Арсеньевъ потребовалъ отъ меня уставъ для представленія великому князю и увѣдомилъ, что великій князь на дняхъ меня приметъ. На этомъ дѣло и покончилось. Я представилъ 2-ой выпускъ. Ни слуху, ни духу. Степановъ мнѣ твердитъ, что великій князь сильно занятъ. Между тѣмъ, проходитъ февраль, часть марта и у меня собралось уже до 30 подписей, а между тѣмъ уставъ мнѣ не возвращаютъ. Видя, что время проходитъ, сталъ я приставать о возвращеніи. Мнѣ все отвѣчаютъ, что великій князь желаетъ мнѣ лично передать. Наконецъ, на пятой недѣлѣ получаю его запечатаннымъ въ конвертѣ безъ всякой записки. Какъ нарочно, въ тотъ же день получаю письмо отъ Побѣдоносцева, начинающееся такими словами: „Недоумѣваю, отчего вы до сихъ поръ не представляете уставъ“. Тогда я перекрестился и на слѣдующій день представилъ уставъ съ подписями Побѣдоносцеву, а самъ по дѣламъ уѣхалъ въ Москву. Безъ меня пришло приглашеніе отъ великаго князя [1]). По возвращеніи я имъ воспользовался. Третьяго дня, во вторникъ, великій князь принялъ меня очень милостиво. О васъ говорилъ съ особеннымъ чувствомъ, съ замѣчательною сердечностью говорилъ объ Іерусалимѣ и болѣе ничего. Объ

---

[1]) 16 марта 1882 г. Д. С. Арсеньевъ писалъ В. Н. Хитрово: „Великій князь Сергій Александровичъ приглашаетъ васъ пріѣхать къ нему въ Зимній дворецъ, завтра, въ среду, 17 марта, въ 5 ч. пополудни. Примите, прошу васъ, увѣренье въ истинномъ моемъ уваженіи, преданности и сердечномъ сочувствіи *Вашимъ прекраснымъ мыслямъ и трудамъ для развитія и упроченія русскаго православія въ Святой Землѣ*“.

Обществѣ, могу сказать, систематически онъ не промолвилъ ни слова. Откланиваясь уже, я позволилъ себѣ выразить надежду видѣть его во главѣ Палестинскаго Общества. „Конечно, конечно, мы объ этомъ еще съ вами побесѣдуемъ“.

„Представивъ (уставъ) Побѣдоносцеву, я еще предъ отъѣздомъ посѣтилъ Мельникова (директора Азіатскаго Департамента), дабы гусей не раздразнить, такъ какъ уставъ посланъ будетъ на заключеніе министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ разговора съ нимъ я вывелъ слѣдующее заключеніе: если возможно, они его не разрѣшатъ, если не возможно, они постараются его урѣзать, такъ что отъ него ничего не останется. Буду ли я бороться далѣе, насколько—не знаю. Знаю одно, энергія пропадаетъ и начинаешь сомнѣваться: не расходуешь ли дѣйствительно ее на, не скажу, невозможное, но не полезное въ томъ смыслѣ: *дѣйствительно ли Общество нужно и полезно*? Что будетъ далѣе, повторяю, — не знаю. Итогъ за зимній сезонъ подведенъ, и вы видите, что онъ сводится къ нулю“.

„Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, говоритъ народная мудрость, и это сбывается на Палестинскомъ Обществѣ, пишетъ В. Н. Хитрово въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1882 года къ арх. Леониду. Послѣднее мое письмо къ вамъ было далеко неутѣшительное въ этомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ получено самое любезное согласіе министерства иностранныхъ дѣлъ, сегодня письменное согласіе великаго князя Сергія Александровича принять званіе предсѣдателя, если на то послѣдуетъ согласіе Государя Императора. Противодѣйствіе встрѣтилось, откуда я менѣе всего ожидалъ, отъ членовъ Святѣйшаго Синода, которые

усмотрѣли въ Обществѣ подвохъ подъ нашу духовную іерусалимскую миссію. Завтра окончательно обсуждаютъ, и надѣюсь, что согласятся на утвержденіе Общества. Константинъ Петровичъ въ этомъ отношеніи любезенъ до нельзя и проводитъ дѣло въ мѣсяцъ времени, что говорятъ невиданно въ лѣтописяхъ Синода. Дѣло шло такъ быстро, что я едва успѣвалъ забѣжать, да заѣхать, да поклониться кому нужно. Одно, понадѣялся на членовъ Синода, не забѣжалъ, и взвели же они на меня подвохъ на нашу духовную миссію.

„Въ виду согласія великаго князя, пришлось организовать Совѣтъ и управленіе будущими дѣлами скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. При первомъ разговорѣ великій князь пожелалъ ознакомиться со спискомъ учредителей [1]), предполагаемымъ спискомъ почетныхъ членовъ и составомъ управленія, при чемъ высказалъ

---

[1]) Вотъ этотъ списокъ:

† Его императорское высочество великій князь Сергій Александровичъ.

Его императорское высочество великій князь Михаилъ Михаиловичъ.

Арсеньевъ, Сергѣй Васильевичъ.
† Бибиковъ, Евгеній Михаиловичъ.
† Васильевскій, Василій Григорьевичъ.
† Васильчиковъ, Петръ Алексѣевичъ.
† Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ.
† Волоцкой, Владиміръ Владиміровичъ.
Гейденъ, графъ, Николай Ѳедоровичъ.
Голенищевъ-Кутузовъ, графъ, Арсеній Аркадьевичъ.
† Долгорукій, князь, Сергѣй Алексѣевичъ.
Дохтуровъ, Владиміръ Сергѣевичъ.
Ермоловъ, Николай Сергѣевичъ.
† Исаковъ, Николай Васильевичъ.
Исаковъ, Петръ Николаевичъ.
† Кантакузенъ, князь, Михаилъ Родіоновичъ, графъ Сперанскій.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ.

очень любезно предложеніе, чтобъ я занялъ должность вице-предсѣдателя. Отъ этого я категорически отказался, и по привычкѣ говорить вамъ все откровенно, даже не изъ смиренія, а изъ глубокаго сознанія, что я на это мѣсто не гожусь, во-первыхъ, по моему положенію въ свѣтѣ, во-вторыхъ, вслѣдствіе моей книги, благодаря которой меня признаютъ эллинофобомъ. Дѣйствительно ли я имъ или нѣтъ—другой вопросъ, но одно мое имя во главѣ Общества возбудило бы подозрѣніе всѣхъ грековъ и послужило лишь

† Корсаковъ, Сергѣй Семеновичъ.
Кочубей, князь, Викторъ Сергѣевичъ.
† Лермонтовъ, Сергѣй Дмитріевичъ.
† Лисянскій, Платонъ Юрьевичъ.
Лодыженскій, Николай Николаевичъ.
† Лодыженскій, Иванъ Николаевичъ.
Мансуровъ, Борисъ Павловичъ.
Мицкевичъ, Аркадій Николаевичъ.
Мосальскій, князь, Владиміръ Николаевичъ.
Олесницкій, Акимъ Алексѣевичъ.
Орлова-Давыдова, графиня, Марья Владиміровна.
† Островскій, Михаилъ Николаевичъ
Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ.
† Путятинъ, графъ, Евѳимій Васильевичъ.
† Путятина, графиня, Ольга Евѳимьевна.
Путятинъ, графъ, Евгеній Евѳимьевичъ.
† Сарруфъ, Фадлалла Ивановичъ.
† Сивохинъ, Ефремъ Никифоровичъ.
† Смышляевъ, Дмитрій Дмитріевичъ,
Снессаревъ, Николай Аполоновичъ.
Степановъ, Михаилъ Петровичъ.
† Сунди, Илья Анастасьевичъ.
† Троицкій, Иванъ Егоровичъ.
† Фанъ-деръ-Флитъ, Николай Федоровичъ.
† Филипповъ, Тертій Ивановичъ.
Хитрово, Александръ Михайловичъ.
† Хитрово, Василій Николаевичъ.
Хитрово, Софія Доминиковна.
Шереметьевъ, графъ, Сергѣй Дмитріевичъ.
† Ширковъ, Валеріанъ Валерьяновичъ.
† Ѳеоктистовъ, Евгеній Михайловичъ.

въ ущербъ самаго дѣла, которое мнѣ дороже всего. Не изъ мелочнаго же самолюбія хлопоталъ я о немъ? Это все я объяснилъ и на вопросъ: кого же я предполагаю въ вице-предсѣдатели? я мысленно перекрестился и назвалъ Филиппова. Назвалъ не безъ внутренней борьбы. Кандидатовъ могло быть только два—Мансуровъ и Филипповъ. Противъ перваго были вы, противъ послѣдняго я. Свиданіе съ Мансуровымъ наканунѣ еще болѣе убѣдило въ опасности поставить его во главѣ Общества. Нужно сказать, что ему первому года три тому назадъ я открылся въ мысли учредить Общество, прося его содѣйствія. Онъ наговорилъ кучу любезностей и въ концѣ концовъ отказалъ подъ предлогомъ, что ему сіе не подобаетъ, и что моя затѣя не болѣе, какъ плодъ разгоряченной фантазіи. Мало того, до прошлаго года въ теченіе двухъ лѣтъ, при неоднократныхъ свиданіяхъ, эта фраза, на разные лады варіируемая, не сходила съ его устъ. При всѣхъ моихъ ходатайствахъ объ іерусалимскихъ дѣлахъ, онъ очень сочувственно и горячо выслушивалъ и не дѣлалъ ровно ничего. По просьбѣ Головнина, я написалъ ему изъ Іерусалима длинное письмо о положеніи дѣлъ тамъ, показанное имъ Мансурову. Оно заслужило отъ него лишь самую рѣзкую критику. Въ виду всего этого, когда затѣмъ я началъ въ прошломъ году дѣйствовать, то я уже ничего ему не говорилъ, а обстоятельства сложились такъ, при нѣкоторомъ, можетъ быть, содѣйствіи съ моей стороны, что нынѣшнею зимою мы съ нимъ не встрѣчались. И вотъ на дняхъ утромъ является онъ ко мнѣ, заявляя свою претензію, что затѣваю Палестинское Общество и не вспомнилъ о немъ. На мое напоминаніе о предыдущемъ, слышу возраженіе, что

я его не понялъ, что, только благодаря ему и его словамъ, прошло Общество въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. На это я подалъ ему списокъ, гдѣ въ числѣ предположенныхъ членовъ стоялъ и онъ. Это его нѣсколько успокоило, и онъ тутъ же сталъ мнѣ говорить, что онъ собирается непремѣнно ѣхать нынѣшнею весною въ Іерусалимъ, что это теперь необходимо, такъ какъ иначе онъ не можетъ авторитетно говорить о Святой Землѣ. Видитъ Богъ, что не изъ оскорбленнаго самолюбія я говорю противъ него. Я отдаю ему полную справедливость, что въ немъ блеститъ священный огонекъ къ Святой Землѣ, но онъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ ничего не сдѣлалъ для Іерусалима. Мало того, помимо его воли, была спасена въ прошломъ году миссія. Не съ любовію, а съ какимъ-то ожесточеніемъ говорилъ онъ всегда противъ этихъ монаховъ. Повторяю, послѣднее свиданіе произвело на меня болѣе, чѣмъ тяжелое впечатлѣніе [1]), и у меня не повернулся языкъ назвать его.

„Филиппова я далеко знаю менѣе Мансурова. Я съ нимъ впервые встрѣтился года два тому назадъ. Но онъ показалъ столько сочувствія къ осуществле-

---

[1]) Въ письмѣ къ о. арх. Антонину отъ 29 апрѣля говорится даже такъ: „Въ концѣ концовъ онъ высказалъ, что готовъ идти въ Общество даже писцомъ. На всю его тираду я отвѣчалъ тѣмъ, что всегда признавалъ его заслуги для Палестины, и что ему теперь легче будетъ проводить всѣ его благія намѣренія въ Палестинской Коммиссіи, что Общество созидается именно для того, *чтобы дѣлать то, чего не дѣлала Коммиссія,* и что если не желаетъ, чтобы Общество приняло на себя то, что принадлежитъ Коммиссіи, то пусть сія последняя что-нибудь дѣлаетъ. Указывалъ на 2-е этажи поклонническихъ пріютовъ и т. п. Разстались великими пріятелями и съ тѣхъ поръ видѣлись раза два, и баринъ совершенно перемѣнился, и поетъ совсѣмъ другое: и какъ хороша и какъ полезна миссія и т. п.“.

нію Общества, относился къ нему, или вѣрнѣе его идеѣ, всегда съ теплымъ сердцемъ. Я зналъ, что онъ завзятый эллинофилъ, но онъ прежде всего православный, онъ знаетъ положеніе дѣлъ и прежде всего persona grata всѣхъ патріарховъ, а это для начала дѣла будетъ болѣе, чѣмъ нужно. Искренно-ли все это, не зная человѣка, не берусь судить. Но, если выставлять знамя, то я предпочитаю Филиппова Мансурову. Это есть нѣчто опредѣленное, точное и носящее именно тотъ характеръ, который мнѣ желательно было придать Обществу. На эллинофиловъ Филиппова и Мансурова, такъ какъ и онъ причисляетъ себя къ нимъ, мы противопоставимъ эллинофобовъ Хитрово и Степанова [1]). И такъ, вице-предсѣдатель—Филипповъ.

„Помощникомъ его оказался я. Лично мнѣ болѣе улыбалось быть секретаремъ, но мнѣ хотѣли сдѣлать любезность, а отказываться уже не подобало.

„Секретаремъ предполагается Степановъ, состоящій при великомъ князѣ, молодой человѣкъ, не подготовленный, но вынесшій теплую любовь къ Святой Землѣ изъ ея посѣщенія и готовый, по крайней мѣрѣ, съ любовью для нея работать, а это уже наше дѣло, съ Божіею помощью, выработать изъ него *будущаго полезнаго палестинскаго работника.*

„Остаются три члена Совѣта. Я назвалъ Мансурова, профессоровъ В. Г. Васильевскаго и И. Е. Троицкаго. Одинъ представитель Университета, другой—Духовной Академіи. Чувствую, что слѣдовало назвать духовное лицо, но, къ сожалѣнію, здѣсь въ Питерѣ

---

[1]) Въ томъ же письмѣ къ о. Антонину В. Н. Хитрово прибавляетъ: „Ну и поборемся, и выйдетъ, Богъ дастъ, золотая середина“.

никого не знаю. Все это утверждено пока великимъ княземъ, но мнѣ поручено переговорить еще о томъ же съ Константиномъ Петровичемъ. Жду чѣмъ завтра рѣшится, и затѣмъ въ субботу или понедѣльникъ поѣду къ Побѣдоносцеву. Если все будетъ удачно, думаю, что 3 мая воспослѣдуетъ Высочайшее утвержденіе, *а 21 мая, день равноапостольныхъ Константина и Елены и годовщина прибытія великаго князя въ Іерусалимъ, думаю съ молитвою начать и Общество.*

„Чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ боязненнѣе становится. Если не удастся, по соизволенію Божію, да будетъ Его святая воля, но если не удастся отъ неумѣнія взяться за дѣло, или отъ незнанія, будетъ крайне прискорбно. Благословите, глубокоуважаемый и многолюбимый отецъ намѣстникъ, и меня и начинающееся дѣло, *да послужитъ оно и на пользу православія и на пользу Россіи*".

„Относительно денежныхъ средствъ [1]) я, писалъ В. Н. къ арх. Антонину 29 апрѣля, не знаю, но я какъ-то въ нихъ увѣренъ: сотенъ тысячъ не найдемъ, но десятки тысячъ будутъ. Но какъ я и писалъ: не въ денежныхъ средствахъ дѣло, а въ людяхъ и любви къ дѣлу. Да пошлетъ Господь Богъ ихъ намъ".

Программа открытія Общества изложена въ цитованномъ сейчасъ письмѣ къ арх. Антонину. „Въ этотъ день, пишетъ Василій Николаевичъ, пред-

---

[1]) „100,000, пишетъ о. арх. Антонинъ къ В. Н. Хитрово 31 мая, за глаза много, даже не рублей, а франковъ. Убавьте, а то можно напугать людъ честной, не очень-то избалованный и, такъ сказать, очарованный, славою предшествовавшихъ на палестинскомъ поприщѣ дѣятелей". Очевидно, В. Н. мечталъ о средствахъ для Общества въ 100,000 р.

полагаемъ отслужить молебенъ и подъ предсѣдательствомъ великаго князя имѣть первое собраніе. Моя просьба къ вамъ по этому поводу заключается въ слѣдующемъ. Если вы признаете возможнымъ, желательно, чтобъ и вы въ Іерусалимѣ отслужили молебенъ у Гроба Господня. Да поможетъ Онъ намъ совокупными и единодушными усиліями потрудиться для славы церкви и для блага нашей дорогой православной Руси. Не худо было бы также, еслибы вы, а пожалуй вмѣстѣ съ консуломъ, прислали великому князю привѣтственную телеграмму, вспоминая прошлый годъ. Во всякомъ случаѣ я заблаговременно предварю васъ телеграммою. Если Кожевниковъ не захочетъ, встрѣчая дипломатическія препятствія, пошлите одни. Это будетъ великому князю пріятно".

„Общество открыли, какъ и предполагали, 21 мая, сообщалъ В. Н. архимандриту Антонину отъ 6 іюня, и очень торжественно и очень домашне [1]). Очень торже-

[1]) Протоколъ 1-го общаго собранія 21 мая 1882 г. гласитъ слѣдующее: „Православное Палестинское Общество, по полученіи утвержденнаго 8 мая сего года устава Общества, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества великаго князя Сергія Александровича, изъявившаго согласіе свое на принятіе званія предсѣдателя Общества, постановило: 21 мая сего года, въ 2 часа дня, открыть свои дѣйствія, о чемъ были предварительно увѣдомлены всѣ члены учредители Общества.

„По отслуженіи въ дворцовой церкви Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго молебствія, совершеннаго настоятелемъ греческой въ С.-Петербургѣ церкви, архимандритомъ Неофитомъ, въ сослуженіи священниковъ Виноградова и Мещерскаго, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ—предсѣдателя Общества, великой княгини Александры Іосифовны и великаго князя Николая Николаевича Старшаго, всѣ бывшіе члены учредители Общества удостоились быть представленными Ихъ Императорскимъ Высочествамъ.

ственно въ виду того, что присутствовали великіе князья Сергій Александровичъ, Николай Николаевичъ и великая княгиня Александра Іосифовна, затѣмъ Побѣдоносцевъ и человѣкъ 20 учредителей. Домашнее въ томъ отношеніи, что рѣчей не произносили и ограничились избраніемъ почетныхъ членовъ и затѣмъ должностныхъ лицъ, а именно: вице-предсѣдателемъ Т. И. Филиппова, помощникомъ предсѣ-

„Вслѣдъ за симъ въ сосѣдней съ церковью залѣ дворца Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго, по порученію Его Императорскаго Высочества предсѣдателя Общества, членъ-учредитель Т. И. Филипповъ открылъ засѣданіе предложеніемъ просить о принятіи званія почетныхъ членовъ Общества слѣдующихъ особъ: Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Сергія и Павла Александровичей, Константина Николаевича, великую княгиню Александру Іосифовну, великихъ князей Константина Константиновича, Николая Николаевича Старшаго, Михаила Михаиловича, герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, принца Александра Петровича Ольденбургскаго, принца Константина Петровича Ольденбургскаго, Іероѳея, патріарха іерусалимскаго, Исидора, митрополита с.-петербурскаго, Макарія, митрополита московскаго, Платона, митрополита кіевскаго, Никодима, архіепископа ѳаворскаго (бывшій іерусалимскій патріархъ), епископа Порфирія (Успенскаго), архимандрита Антонина (Капустина), архимандрита Леонида (Кавелина), архимандрита Ювеналія (Половцева), Арсеньева Д. С., Влангали А. Г., Гирса Н. К., Головнина А. В., Долгорукова князя В. А., Игнатьева графа Н. П., Кожевникова В. Ѳ., Мансурова Б. П., Новикова Е. П., Олесницкаго А. А., Островскаго М. Н., Побѣдоносцева К. П., Путятина графа Е. В., Филиппова Т. И. и Хитрово В. Н.

„Общее собраніе Общества, единогласно согласившись съ предложеніемъ Т. И. Филиппова, постановило: просить Его Императорское Высочество предсѣдателя увѣдомить о семъ вышеупомянутыхъ особъ, а также послать поздравительную телеграмму Его Императорскому Высочеству великому князю Константину Николаевичу по случаю дня Его тезоименитства“. Далѣе слѣдовало избраніе членовъ совѣта и были намѣчены кандидаты въ дѣйствительные члены.

дателя вашего покорнѣйшаго слугу, членами совѣта Б. П. Мансурова, В. Г. Васильевскаго и И. Е. Троицкаго, казначеемъ Фанъ-деръ-Флита и секретаремъ М. П. Степанова".

„Все, кажется, обошлось благополучно, но при этомъ, прибавляетъ В. Н. въ письмѣ отъ 23 мая архимандриту Леониду, греки остались греками. Намъ желательно было, чтобы, въ видѣ братскаго чувства единенія, молебенъ былъ отслуженъ высокопреосвященнымъ Никодимомъ, и чтобъ въ этотъ день отслужили молебенъ у Гроба Господня въ Іерусалимѣ, и чтобы патріархъ прислалъ великому князю привѣтственную телеграмму. Никодимъ наканунѣ вечеромъ прислалъ депешу, что быть не можетъ, а изъ депеши о. архимандрита я понялъ, что патріархъ отказался отъ молебна и привѣтствія. Не легко будетъ съ ними справиться".

Богослуженіе торжественное въ Іерусалимѣ правилось миссіею съ консульствомъ уже въ ночь на 22 мая по случаю дня кончины Государыни Императрицы Маріи Александровны. Ни консулъ, ни патріархія не рѣшились, по дипломатическимъ соображеніямъ, привѣтствовать нарождавшееся Общество. Только о. арх. Антонинъ сдѣлалъ исключеніе, и его телеграмма гласила: „Felicitations cordiales pour ouverture Société. Voeux respectueux à hauts membres. Rien sur commande ducale". Antonin. Великій князь отвѣтилъ на нее весьма сердечно, вспоминая свои дни прошедшаго года 21 и 22 мая въ Іерусалимѣ. Въ Петербургѣ на молебенъ при открытіи Общества былъ приглашенъ греческій архимандритъ Неофитъ Пагида.

„Мансуровъ, по словамъ В. Н. въ письмѣ къ арх. Антонину отъ 6 іюля, непремѣнно хотѣлъ произносить

хвалебную рѣчь Палестинскому Комитету (sic). Пришлось поэтому отмѣнить всѣ рѣчи. Не упоминаю уже о мелочахъ. Скажу только, что я вздохнулъ свободно, когда все было кончено и, вернувшись домой, нашелъ вашу привѣтственную депешу, за которую приношу мою чувствительную благодарность. Кончилось торжество, и приходится приниматься за дѣло. Какъ я выразился: *положили конецъ началу и слѣдуетъ приступать за начало конца*".

Глава III.

Православное Палестинское Общество до времени слiянiя его съ Палестинскою Коммиссiею.

При открытiи Общества, въ составъ Совѣта его вошли, какъ мы знаемъ, вице-предсѣдателемъ Т. И. Филипповъ, помощникомъ предсѣдателя В. Н. Хитрово, членами Совѣта Б. П. Мансуровъ, В. Г. Васильевскiй, И. Е. Троицкiй, казначеемъ Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флитъ и секретаремъ М. П. Степановъ. Изъ состава Совѣта, согласно § 51 устава, выбыли въ маѣ Б. П. Мансуровъ, а въ январѣ мѣсяцѣ 1884 г. сложили съ себя обязанности Т. И. Филипповъ и В. Н. Хитрово, при чемъ обязанности вице-предсѣдателя, по желанiю великаго князя Сергiя Александровича, возложены были на Ѳ. П. Корнилова, мѣсто же помощника предсѣдателя оставалось вакантнымъ. „У насъ въ Палестинскомъ Обществѣ перемѣна министерства", писалъ В. Н. Хитрово арх. Леониду 19 января 1884 г. „Филипповъ вышелъ или вѣрнѣе его попросили выйдти. Онъ сдѣлался въ Обществѣ не возможенъ, *стоя совершенно особнякомъ*. Этого онъ не понималъ, а вѣрнѣе не хотѣлъ понять, и дождался, что его Великiй Князь попросилъ сложить званiе вице-предсѣдателя. Чтобъ добиться этого, нечего было затѣвать, скажете Вы, припоминая нашъ разговоръ. Что дѣлать, а всетаки— скажу: второй кандидатъ (Б. П. Мансуровъ) былъ-бы ху-

же. Но, зная Ваше ко мнѣ расположеніе, не огорчайтесь второму извѣстію. Сложилъ съ себя званіе и я, по многимъ причинамъ: 1) чтобъ позолотить пилюлю Филиппову, во 2) чтобы помазать по головкѣ министерство иностранныхъ дѣлъ, для котораго я, благодаря Никодиму и Филиппову, сдѣлался нѣчто въ родѣ пугала, наконецъ, въ-третьихъ, пока я былъ помощникомъ, постоянно повторялось здѣсь всѣми на всѣ лады: Общество—это Хитрово, а это не только не удобно, но и вредно. Все это побудило меня настаивать и на моей отставкѣ, тѣмъ болѣе, простите мнѣ эту гордость, я всетаки глубоко убѣжденъ и чувствую, что *душею Общества остаюсь я же и теперь.* Великій Князь и Совѣтъ болѣе солидарны со мною, чѣмъ прежде. На мѣсто Филиппова Великій Князь назначилъ Ѳ. П. Корнилова (тайный совѣтникъ и членъ Государственнаго Совѣта), *человѣка вполнѣ почтеннаго, который на закатѣ дней привязался всею душею къ нашему дѣлу*. А далѣе? скажете вы. Далѣе—ничего не измѣнилось, и единственный человѣкъ, который *составлялъ дисгармонію, удаленъ*". Василій Николаевичъ Хитрово вступилъ въ составъ Совѣта членомъ его вмѣсто Б. П. Мансурова. Въ помощники секретаря или и. д. секретаря, по предложенію М. П. Степанова, обремененнаго разнообразными дѣлами по порученію великаго князя Сергія Александровича, избранъ С. Д. Лермонтовъ, который въ мартѣ того же года, въ виду отъѣзда въ Одессу Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флита, казначея Общества, сложившаго съ себя обязанности, принялъ сначала временно и эту должность въ Обществѣ, а потомъ 19 марта и былъ избранъ въ это званіе общимъ собраніемъ. Обязанности секретаря Совѣта исполнялъ въ это время нерѣдко

В. Н. Хитрово, который въ 1889 г., въ февралѣ мѣсяцѣ, за отказомъ отъ званія секретаря М. П. Степанова, принялъ на себя обязанности секретаря Совѣта по желанію великаго князя Сергія Александровича и несъ ихъ потомъ до конца своей жизни. „У насъ произошло въ Обществѣ еще измѣненіе, говоритъ В. Н-чъ въ письмѣ къ арх. Антонину отъ 28 марта 1889 г.,—это назначеніе меня 28 февраля *совершенно неожиданно* секретаремъ Общества на мѣсто Степанова, котораго мы будемъ избирать въ помощники предсѣдателя. Для меня это нѣсколько изъ поповъ да въ діакона. Но здѣсь я, по крайней мѣрѣ, не только несу отвѣтственность, но и могу распорядиться. Такъ я отвѣтилъ Великому Князю, который началъ извиняться, что меня разжаловываетъ: „Ваше Высочество, *опредѣлите* меня хоть сторожемъ, я всетаки буду дѣлать дѣло, и если оно будетъ идти, о положеніи заботиться не буду“. М. П. Степановъ, получивъ отъ Совѣта Общества „глубокую и искреннюю признательность“ за безмездное несеніе обязанностей секретаря Общества со дня его открытія, былъ избранъ въ помощники предсѣдателя общимъ собраніемъ, въ каковомъ званіи остается и до настоящаго времени, принимая самое живое участіе во всѣхъ дѣлахъ Общества. „Съ разрѣшенія Августѣйшаго нашего Предсѣдателя, М. П. Степановъ, бывшій съ самаго основанія Общества его секретаремъ, сложилъ съ себя это званіе, говорится по поводу этой перемѣны въ отчетѣ Общества за 1889 г. Если трудно вообще вести всякое сложное дѣло, какимъ представляется наше дѣло, то сугубо трудно вызывать къ жизни и вести новое дѣло. Въ теченіе семи лѣтъ мы видѣли Михаила Петровича постоянно занятаго на-

шимъ дѣломъ и должны сознаться, что многіе подводные камни были нами обойдены, благодаря его предусмотрительности. Разставаясь съ нимъ, какъ секретаремъ, мы искренно надѣемся, что онъ и впередъ не откажется такъ же сочувственно относиться къ дорогому намъ дѣлу и во многихъ случаяхъ руководить нами, какъ и прежде. Поэтому мы твердо увѣрены, что предугадали ваше желаніе, предложивъ его къ избранію въ назначенную, по уставу, но не замѣщенную должность помощника предсѣдателя, а также къ избранію въ наши почетные члены, при чемъ позволяемъ себѣ просить васъ, кромѣ того, выразить ему въ настоящемъ засѣданіи глубокую и искреннюю признательность Общества за подъятые имъ семилѣтніе труды“. Что касается своего назначенія на должность секретаря, то о немъ В. Н-чъ въ упомянутомъ отчетѣ выразился такъ: „Принявъ съ чувствомъ преданнѣйшей благодарности этотъ новый знакъ милостиваго довѣрія Его Высочества, я не считалъ себя въ правѣ отказываться отъ этого званія, какъ часовой не смѣетъ отказаться, когда его ставятъ на опасный постъ. Но часовой этотъ силенъ сознаніемъ, что въ минуту опасности или нужды его поддержатъ; объ этой поддержкѣ, когда она понадобится, позвольте мнѣ просить васъ“. Почти одновременно съ этими перемѣнами, по „случаю тяжкой болѣзни“, сложилъ съ себя 16 апрѣля 1889 г. званіе казначея и С. Д. Лермонтовъ, имѣя отъ Общества за свои семилѣтніе труды по Обществу, кромѣ „глубокой и искренней признательности“, въ видѣ пособія, и „получаемый имъ годовой окладъ жалованья“, не раньше однако же, какъ „по полномъ принятіи отъ него казначейской части“.

Въ засѣданіи 8 января 1883 года рѣшено было, согласно уставу Общества, „открыть въ возможно непродолжительномъ времени отдѣленія“ при Совѣтѣ Общества, что и состоялось 21 марта, когда предсѣдателями отдѣленій были избраны: Д. Ѳ. Кобеко—ученыхъ изданій и изслѣдованій, Ѳ. И. Корниловъ—пособія паломникамъ и П. А. Васильчиковъ—поддержанія православія.

Одновременно съ организацією Общества шло и привлеченіе возможно большаго количества членовъ въ составъ его, съ цѣлью увеличенія денежныхъ доходовъ Общества. Средствомъ для сего было придумано учрежденіе особаго знака, который, послѣ одобренія его Предсѣдателемъ Общества, былъ представленъ черезъ оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева на Высочайшее утвержденіе при слѣдующемъ письмѣ великаго князя Сергія Александровича: „Статьею 29 Высочайше утвержденнаго устава Православнаго Палестинскаго Общества установлены особые знаки для всѣхъ почетныхъ членовъ и для тѣхъ изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ Общества, которые, вмѣсто ежегоднаго, сдѣлали единовременный взносъ. Одобривъ составленный нынѣ въ Обществѣ рисунокъ сихъ знаковъ, препровождаю его при семъ къ Вашему Высокопревосходительству съ просьбою представить его на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе и утвержденіе“. 12 іюня 1882 г. рисунокъ знака былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ и, по требованію канцеляріи оберъ-прокурора, свѣдѣнія о немъ сообщены Св. Синоду и Правительствующему Сенату „для опубликованія съ помѣщеніемъ въ собраніи узаконеній и самаго рисунка знаковъ“.

Горячее сочувствіе гуманнымъ цѣлямъ, которыя намѣтило себѣ Общество и Высочайше утвержденный знакъ [1]) дѣйствительно возымѣли свое дѣйствіе, и число членовъ Общества стало замѣтно возрастать. 3 марта 1883 года, когда число почетныхъ членовъ, по уставу, было уже законное, и всѣ вакансіи замѣщены, состоялось постановленіе: „Въ виду того, что для Общества существуетъ единственная возможность отчасти возблагодарить особъ, сочувственно относящихся къ его цѣлямъ—предложеніемъ имъ званія почетныхъ членовъ, и что *сочувственное вниманіе къ Обществу далеко превзошло надежды составлявшихъ уставъ,* предложить членамъ Общества въ будущемъ общемъ собраніи, на основаніи устава, *увеличеніе до 100 числа почетныхъ членовъ*". Предложеніе это было проведено въ жизнь Общества. 27 мая 1885 года признано полезнымъ увеличить и количество дѣйствительныхъ членовъ, такъ какъ и ихъ число достигло нормы опредѣляемой уставомъ,—200 человѣкъ.

Въ цѣляхъ распространить въ массѣ русскаго населенія возможно обстоятельныя свѣдѣнія о возникновеніи Общества и о цѣляхъ и задачахъ его, Совѣтомъ Общества сдѣлано было въ первомъ же засѣданіи его распоряженіе поставить въ извѣстность епархіальныхъ архіереевъ, генералъ-губернаторовъ, предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ и вообще лицъ, „извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ православію на Востокѣ", объ открытіи Обще-

---

[1]) 6 марта 1884 г. послѣдовало разъясненіе Главнаго Штаба, что и военные члены Общества могутъ носить Высочайше утвержденный знакъ Общества, но не иначе, какъ всякій разъ съ разрѣшенія подлежащаго начальства, какое дается вообще „на принятіе и ношеніе жалуемыхъ иностранныхъ орденовъ".

ства и просить о содѣйствіи его цѣлямъ посильными пожертвованіями". Съ тою же благою цѣлью признано полезнымъ „устройство публичныхъ собраній и духовнаго пѣнія", на что Августѣйшій Предсѣдатель чрезъ оберъ-прокурора Св. Синода „испрашивалъ и Высочайшее разрѣшеніе", печатаніе въ наиболѣе распространенныхъ въ русскомъ обществѣ газетахъ „Свѣтъ", „Голосъ", „Новое Время", „Московскія Вѣдомости", „Саратовскій Дневникъ", „Церковный Вѣстникъ" и календарь „Новаго Времени" свѣдѣній объ Обществѣ и списковъ пожертвованій, поступающихъ въ него. Въ засѣданіи 25 апрѣля 1883 года „Церковный Вѣстникъ" и „Московскія Вѣдомости" были даже избраны „какъ постоянные органы Общества" для подобныхъ свѣдѣній и заявленій.

Постановка кружекъ при церквахъ и кладбищахъ была новою весьма полезною мѣрою для привлеченія денежныхъ средствъ на нужды Общества. Въ Петербургѣ въ январѣ 1883 года организовалась и особая коммиссія по кружечному сбору пожертвованій, состоявшая изъ предсѣдателя М. Н. Парунова и 14 членовъ. Для этой коммиссіи была выработана М. Н. Паруновымъ особая инструкція, одобренная Совѣтомъ. Коммиссія эта заказала 10 кіотовъ-кружекъ съ изображеніемъ наверху ихъ праздника Воздвиженія Креста Господня [1]) и съ надписью: «Благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима», у купца Егорова, который 500 р. получилъ съ коммиссіи деньгами, а остальные 500 р. пожертвовалъ въ Общество, какъ членскій взносъ. Въ мартѣ 1883 г.

[1]) Живописный мастеръ Ерофѣевъ за написаніе этихъ изображеній и покраску кружекъ отказался отъ денегъ въ количествѣ 157 р. 50 к.

послѣдовало благословеніе высокопреосвященнаго митрополита с.-петербургскаго Исидора на постановку этихъ кружекъ-кіотовъ въ 10 столичныхъ церквахъ, въ томъ числѣ и при трехъ кладбищахъ. Членъ комиссіи священникъ Оболенскій поставилъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, у чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, временную цинковую кружку, обѣщаясь замѣнить ее кружкою съ большимъ кіотомъ, «соотвѣтствующимъ благолѣпію храма». Кружки для сбора пожертвованій, по постановленію коммиссіи, вынимаются чрезъ посыльнаго канцеляріи, а деньги изъ нихъ высыпаются въ присутствіи члена Совѣта, пяти членовъ Общества, по очереди, и секретаря.

Кромѣ Петербурга, подобныя кружки для сбора были поставлены въ Оренбургѣ К. Я. Клюшниковымъ, въ Кіевѣ—И. А. Боголюбовымъ, съ порученіемъ наблюденія за ними протоіерею И. Т. Экземплярскому (впослѣдствіи архіепископу варшавскому), въ Москвѣ—протоіереемъ Г. Г. Срѣтенскимъ, въ Таганрогѣ И. И. Чайковскимъ и въ Ригѣ П. В. Рагоцкимъ.

Иногда созидались для усиленія сбора пожертвованій и часовни: въ 1883 г. рабочими новой бумагопрядильной фабрики на мосту чрезъ Обводный каналъ, противъ Боровой улицы, сооружена часовня, которая потомъ была перестроена Я. Ф. Фроловымъ; въ томъ же году, М. Н. Паруновымъ, возбужденъ вопросъ, не получившій, впрочемъ, практическаго рѣшенія, о постройкѣ часовни въ центрѣ города въ видѣ часовни Гроба Господня въ храмѣ Воскресенія. Въ 1886 г. отставной рядовой Евграфъ Логиновъ Ильинъ принесъ въ даръ Обществу часовню въ деревнѣ Загорьѣ. Ложголовской волости, Гдовскаго уѣзда, съ условіемъ, чтобы жертвователь жилъ при этой часовнѣ, а от-

правленіе богослуженія въ ней съ продажею свѣчъ принадлежало мѣстному причту.

Создатели и первые руководители Палестинскаго Общества, очевидно, мало вѣрили въ содѣйствіе въ дѣлѣ пропаганды новаго Общества и его апостольскихъ задачъ со стороны лицъ духовной и свѣтской администраціи, а поэтому желали эту миссію возложить и на людей частныхъ, живущихъ въ провинціи, но горячо сочувствующихъ цѣлямъ и задачамъ Общества и готовыхъ всѣми силами помогать его успѣхамъ. Такъ появляются «агенты» или уполномоченные Общества: въ Москвѣ А. Н. Ѳерапонтовъ, И. Н. Лодыженскій, въ Кіевѣ профессоръ А. А. Олесницкій, протт. П. Г. Лебединцевъ и И. Т. Экземплярскій, въ Перми Д. Д. Смышляевъ, въ Самарѣ В. Л. Давыдовъ, въ Новгородѣ Д. В. Пирожниковъ, въ Полоцкѣ П. М. Казначеевъ, въ Вяткѣ протоіерей С. Н. Кашменскій, въ Казани В. И. Заусайловъ, въ Астрахани Н. В. Саврасовъ, при Козельщанской женской общинѣ графъ В. И. Капнистъ, въ Алатырѣ Н. К. Горталовъ, въ Новочеркаскѣ А. И. Золотаревъ, въ Капустинъ-Ярѣ (Астрах. губ.) В. И. Рыжковъ, въ Благовѣщенскѣ М. И. Карауловъ, въ Читѣ И. В. Маховъ и др.

Д. Д. Смышляевъ, потрудившійся впослѣдствіи весьма усердно для Общества въ Іерусалимѣ и оставившій по себѣ благодарную память въ лѣтописи его, 24 сентября 1884 года вошелъ въ Совѣтъ съ предложеніемъ о разрѣшеніи въ городахъ Имперіи «учреждать отдѣлы Общества, предоставляя имъ производить сборы пожертвованій, принимать годовые взносы членовъ и содѣйствовать къ ознакомленію мѣстнаго общества со Святою Землею и дѣятельностію Общества». Предложеніе было встрѣчено съ удовольствіемъ,

выработаны правила въ засѣданіи Совѣта 22 ноября и черезъ оберъ-прокурора Св. Синода представлены «съ ходатайствомъ объ утвержденіи въ установленномъ порядкѣ». Вице-предсѣдатель Общества Ѳ. П. Корниловъ отъ 1 декабря 1884 г. за № 685 по этому поводу писалъ слѣдующее: «Общее собраніе Православнаго Палестинскаго Общества въ засѣданіи 18 минувшаго октября, въ видахъ распространенія свѣдѣній объ Обществѣ и *усиленія* матеріальныхъ средствъ онаго, постановило: ходатайствовать о предоставленіи Обществу права открывать свои отдѣлы въ городахъ Имперіи. Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества, составивъ на семъ основаніи проектъ дополнительныхъ статей къ Высочайше утвержденному 8 мая 1882 г. уставу Общества, имѣетъ честь представить означенный проектъ дополненія устава на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства, покорнѣйше испрашивая Вашего распоряженія объ утвержденіи онаго въ установленномъ порядкѣ». 7 марта 1885 года К. П. Побѣдоносцевъ увѣдомилъ Совѣтъ Общества, что „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, во 2 день текущаго марта Высочайше соизволилъ утвердить составленный Совѣтомъ Православнаго Палестинскаго Общества проектъ дополнительныхъ статей къ уставу сего Общества относительно открытія и дѣйствій отдѣловъ Общества“. 25 Марта заслушано было сообщеніе оберъ-прокурора, и всѣ уполномоченные Общества оповѣщены о послѣдовавшемъ Высочайшемъ утвержденіи отдѣловъ циркулярами, а публика—черезъ газеты „Правительственный Вѣстникъ“, „Свѣтъ“ и „Церковно-Общественный Вѣстникъ“.

Всѣ указанныя нами мѣры безспорно имѣли важ-

ное значеніе какъ для популярности Общества, такъ и для привлеченія денежныхъ средствъ въ кассу его. Популярность Общества настолько возрасла, что въ „денежномъ отношеніи" еще въ 1883 г., „паче ожиданія" [1]), оно „перевалило" за 30 тысячъ. Жертвователями явились не только высокопоставленныя лица и именитое купечество, но даже и цѣлыя крестьянскія общества. Такъ, въ 1885 г. сходъ крестьянъ Подберезской волости, Новгородской губерніи, пожертвовалъ въ Общество 30 р. и обязался вносить ежегодно по копѣйкѣ съ души, что составитъ въ годъ 33 р. 77 к., а въ 1886 г. эти же крестьяне увеличили свои пожертвованія до 2 к. съ души. Въ число членовъ записывались даже лица *іудейскаго* вѣроисповѣданія [2]).

Но самымъ вѣрнымъ средствомъ обезпечить Общество въ матеріальномъ отношеніи признано было—и совершенно вѣрно—это привлечь весь русскій народъ къ пожертвованіямъ на нужды Св. Земли путемъ установленія тарелочныхъ сборовъ по церквамъ. Въ засѣданіи Совѣта 29 марта 1885 года В. Н. Хитрово возбудилъ вопросъ „ходатайствовать о разрѣшеніи повсемѣстно въ Россіи тарелочнаго сбора въ пользу Общества *два дня въ годъ, въ великую пятницу за вечернею и наканунѣ Воздвиженія за всенощною* съ тѣмъ, чтобы часть сбора была удѣляема въ Палестинскую Коммиссію". По утвержденіи этого предположенія Августѣйшимъ Предсѣдателемъ, соотвѣтствующее ходатайство было направлено въ Св. Синодъ, который черезъ директора канцеляріи

---

[1]) Изъ письма В. Н. Хитрово къ арх. Леониду 19 января 1883 г.

[2]) Проток. засѣд. Совѣта 1887 г. № 46.

оберъ-прокурора, письмомъ на имя М. П. Степанова отъ 23 августа 1885 г., сообщилъ, что Св. Синодомъ разрѣшено „производить сборъ въ церквахъ *тѣхъ мѣстностей, гдѣ у Общества будутъ свои уполномоченные или отдѣленія*, съ тѣмъ, чтобы сборъ этотъ производился *разъ въ годъ* въ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ, и чтобы половина вырученныхъ денегъ представляема была въ распоряженіе Палестинской Коммиссіи“. По этому поводу составлена была особая коммиссія изъ слѣдующихъ лицъ: о. Г. Г. Срѣтенскаго, игумена Мелетія, о.о. протоіереевъ В. Я. Михайловскаго и А. А. Павловскаго и графа Н. Ѳ. Гейдена, которая, обсудивъ порядокъ сбора, выработала 31 декабря 1885 г. слѣдующія положенія:

1) „Просить Его Императорское Высочество Августѣйшаго Предсѣдателя обратиться къ епархіальнымъ архіереямъ объ устройствѣ сего сбора чрезъ благочинныхъ и церковныхъ старостъ.

2) „Просить о. протоіерея В. Я. Михайловскаго составить проповѣдь, которую отпечатать въ надлежащемъ количествѣ экземпляровъ и разослать въ консисторіи, также какъ и надписи для блюдъ.

3) „Въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и мѣстностяхъ, гдѣ у Общества есть уполномоченные, обратиться отъ имени Общества къ старостамъ церквей и настоятелямъ съ особыми письмами.

4) „Отчислить 10% съ собранной суммы въ пользу приходскихъ благотворительныхъ обществъ или попечительствъ“.

Въ первый же годъ, послѣ синодальнаго разрѣшенія, вербный сборъ достигъ 129,551 р. Палестинское Общество, согласно съ выработанными правилами по его расходованію, распредѣлило его такъ: на

устройство сбора 2,239 р. 79 к., 10% отчислено на образованіе капитала для стипендій въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для уроженцевъ Сиріи и Палестины и 5% на вознагражденіе канцеляріи за труды и на расходы по сбору. Половина сбора передана была въ Палестинскую Коммиссію. Владыкамъ, доставившимъ сбора свыше 1000 р. и настоятелямъ городскихъ церквей—свыше 100 р. и сельскихъ—свыше 50 р., выражена отъ Совѣта благодарность. Наибольшія суммы были доставлены епархіями Московскою, Самарскою, Черниговскою, Ставропольскою, Курскою, Херсонскою, Тамбовскою и Орловскою. 10 декабря 1886 г. на общемъ собраніи заявлялось, что окончательный результатъ сбора еще не выяснился, но что онъ „превзошелъ ожиданія“ Общества. „Деньги эти, собранныя копѣйками, доказываютъ, по словамъ отчета, какъ чутко относится русскій народъ ко всему, что касается православія, Іерусалима и Святой Земли [1])“. Въ 1887 году сборъ вербный достигъ 111,942 р. 9 к., а въ 1888 г.—89,620 р., и распредѣленіе его сдѣлано было согласно практикѣ предыдущихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, начиная съ 1886 г., вербный сборъ сдѣлался почти главнымъ рессурсомъ дѣятельности Православнаго Палестинскаго Общества по всѣмъ тремъ его отдѣленіямъ.

Задуманное частное Палестинское Общество получило, наконецъ, реальное осуществленіе; мечта, лелѣянная въ теченіе многихъ лѣтъ лучшими русскими людьми, стала дѣйствительностью, и иниціатору и организатору этого Общества теперь настояла не-

---

[1]) Отчетъ 1885—1886 г., стр. 156—157.

обходимость обстоятельно и откровенно высказаться предъ своими единомышленниками относительно своихъ плановъ и намѣреній, какіе предносились ему на пространствѣ многихъ лѣтъ, при достиженіи настойчиво преслѣдуемой имъ цѣли. В. Н. Хитрово и повѣдалъ свои завѣтныя desiderata въ особой запискѣ, разосланной имъ почти наканунѣ открытія Общества. Съ любопытнымъ содержаніемъ этой записки мы считаемъ необходимымъ познакомить и нашихъ читателей, такъ какъ въ ней ясно и опредѣленно выражены и программа будущей дѣятельности Палестинскаго Общества, и то, какъ идеально смотрѣлъ покойный В. Н. Хитрово на свою миссію на православномъ Востокѣ.

„Глубоко вѣрую, что Россія настолько еще богата, что, за удовлетвореніемъ другихъ потребностей, говоритъ В. Н. Хитрово въ своей запискѣ, въ ней найдутся и средства и люди для заботы о той странѣ, *идѣже стоястѣ нозѣ* Давшаго намъ жизнь вѣчную. Въ этомъ убѣжденіи и полагая, что извѣстное учрежденіе необходимо, чтобъ всѣ сочувствующіе ему могли бы собраться какъ для обмѣна мыслей, такъ и для совокупнаго дѣйствія, я считалъ прежде всего необходимымъ учрежденіе Православнаго Палестинскаго Общества.

„Въ уставѣ его намѣчены обѣ главныя его цѣли, а именно: улучшеніе духовнаго и матеріальнаго положенія въ Святой Землѣ: а) православныхъ и б) нашихъ паломниковъ.

„Подъ словомъ православныхъ я здѣсь подразумѣваю тѣхъ 20 или 25 тысячъ православныхъ туземцевъ, которые нынѣ составляютъ паству іерусалимскаго патріархата. Но, говоря о нихъ, я считаю

своею священною обязанностью торжественно оговорить, что подъ этимъ я не подразумѣваю ни возбужденія духа національности вообще, ни мѣстныхъ православныхъ противъ іерусалимскаго патріархата. Не говорю о семъ послѣднемъ потому, что не считаю ни за кѣмъ, кромѣ *вселенскаго* собора, права вмѣшиваться въ его дѣла, и потому, что, служа въ пользу православія и православныхъ въ Святой Землѣ, я думаю, что Общество служитъ тѣмъ самымъ и іерусалимскому патріархату.

„Денежныя средства патріархата достаточны для существованія святогробскаго братства, для защиты святыхъ мѣстъ отъ посягательства иновѣрныхъ, но они не достаточны для того, чтобъ ограждать отъ подобныхъ же посягательствъ ввѣренную ему паству, и именно *на это должны быть устремлены старанія Общества*.

„*Можетъ ли Общество на этомъ пути идти самостоятельно безъ патріархата? По моему крайнему убѣжденію—нѣтъ*. Мало того. Я лично глубоко убѣжденъ, что относительно улучшенія духовнаго и матеріальнаго положенія мѣстныхъ православныхъ, *Общество должно принять своимъ девизомъ: идти только рука объ руку съ іерусалимскимъ патріархатомъ*. Многіе сомнѣваются въ возможности подобнаго соглашенія. *Я не изъ числа ихъ*. Мнѣ кажется, что идти рука объ руку съ патріархомъ возможно при слѣдующихъ условіяхъ, высказанныхъ приблизительно такъ:

„Въ числѣ обязанностей патріархата лежитъ забота о положеніи его паствы. Въ виду денежныхъ затрудненій эту обязанность патріархатъ исполнять не можетъ. Общество *съ его согласія* приметъ отчасти на себя защиту этихъ обязанностей. Конечно, па-

тріархатъ можетъ не выразить своего согласія, или требовать безконтрольнаго распоряженія пожертвованіями Общества. Но въ первомъ случаѣ денежныя суммы будутъ употреблены на другія цѣли Общества, какъ-то: улучшеніе быта русскихъ паломниковъ, изданія и ученыя изслѣдованія, во второмъ случаѣ — это наименьшее, что можетъ требовать жертвователь, чтобъ его пожертвованія шли именно на тотъ предметъ, на который онъ ихъ жертвуетъ, и контроль его въ этомъ случаѣ необходимъ. Думаю, что при такой категорической постановкѣ вопроса, патріархатъ сочувственно или нѣтъ, но пойдетъ объ руку съ Обществомъ. Дѣло же этого послѣдняго будетъ внушать впослѣдствіи къ себѣ довѣріе въ этомъ отношеніи, что оно святогробскаго братства не касается, въ его внутреннія дѣла не вмѣшивается, паству противъ пастыря не подымаетъ. Для насъ важно сохраненіе православныхъ отъ иновѣрныхъ...

„Для мѣстнаго населенія самую существенную, самую необходимую потребность составляютъ народныя школы. Школы эти стоятъ замѣчательно дешево въ Святой Землѣ. Ежегодный расходъ на подобную школу для 100 дѣтей *не обойдется дороже 500 руб*. Мѣстностей съ православнымъ населеніемъ насчитывается въ Палестинѣ до 60, въ томъ числѣ 20 съ православнымъ населеніемъ менѣе 100 человѣкъ и 10 съ населеніемъ болѣе 1,000 человѣкъ.

„Для устройства и веденія школьнаго дѣла мнѣ кажется возможнымъ заимствовать тотъ способъ, который былъ уже въ употребленіи, когда мы не признавали іерусалимскаго патріарха. Въ Іерусалимѣ — для Іудеи, Самаріи и Заіорданья и въ Назаретѣ — для

*

Галилеи можно было бы образовать училищные совѣты, въ первомъ изъ нихъ, *подъ предсѣдательствомъ патріарха, изъ двухъ членовъ святогробскаго братства*, двухъ туземцевъ (по выбору мѣстной общины), начальника духовной миссіи и генеральнаго консула [1]);

[1]) На этотъ пунктъ записки сдѣлалъ замѣчаніе извѣстный палестинскій дѣятель, арх. Леонидъ, знавшій „іерусалимское дѣло, по личному опыту, отчетливо и подробно". „Я вынужденъ повторить снова, писалъ арх. Леонидъ В. Н. Хитрово 18 мая 1882 г., что *комбинацію: греки, консулъ и начальникъ миссіи въ дѣлѣ заведенія и управленія проектируемыхъ вами школъ считаю положительно вредною* для столь дорогого Обществу дѣла, въ которомъ хорошее начало— существенно необходимо и половина всего дѣла. Комбинацію: греки и консулъ, предложенная мною при настоящемъ положеніи нашего дѣла въ Іерусалимѣ, считаю единственно возможною для начала, потому что, если греки и будутъ хитрить по обычаю, желая неуспѣха *ненавистному имъ въ принципѣ дѣлу* (боясь русскихъ, приходящихъ къ нимъ съ такими дарами), то опасеніе, что неудача дѣла повредитъ излюбленному ими консулу, котораго они считаютъ своимъ, все это устранитъ (sic) ихъ отъ такихъ тайныхъ козней, къ которымъ они не постыдятся прибѣгнуть, если бы на его мѣстѣ былъ другой, а равно и тогда, если въ управленіи школами будетъ имѣть участіе *нелюбимый ими начальникъ русской миссіи*. Словомъ, только при этой комбинаціи: греки и консулъ есть шансы, что греки Бога побоятся, людей постыдятся и консула, имъ нужнаго человѣка, поберегутъ. Вотъ почему я и указалъ вамъ на эту комбинацію... Такъ какъ консула по отношенію къ грекамъ и Палестинской Коммиссіи приходится считать за лицо неприкосновенное, то въ случаѣ комбинаціи: греки, консулъ и начальникъ миссіи случится несомнѣнно то, въ чемъ хитроумные эллины имѣли всегда вѣрный успѣхъ. Вся ихъ тактика будетъ направлена къ тому, чтобы поссорить консула съ начальникомъ миссіи и умыть руки предъ нами: „Изволите видѣть, это они виноваты, а мы не причемъ". Вотъ, почему, отвѣчая на вашу записку съ полною откровенностію я высказалъ свое мнѣніе, что, при настоящемъ положеніи русскаго дѣла въ Іерусалимѣ, по моему крайнему разумѣнію, для начальника миссіи оффиціальное участіе въ учрежденіи и веденіи школъ для арабскаго юношества—не безопасно, какъ лично для о. Антонина, такъ и для самаго дѣла, т. е. сказалъ то самое, что сказалъ бы и отъ своего собственнаго лица, еслибы былъ на этомъ мѣстѣ".

въ Назаретѣ — подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго митрополита, изъ двухъ туземцевъ и нашего консульскаго агента въ Кайфѣ. На эти совѣты можно возложить опредѣленіе мѣстности, гдѣ учреждать школы, опредѣленіе учителей, наблюденіе за веденіемъ въ нихъ ученія и ревизія ихъ. Самое же расходованіе суммъ и наблюденіе, чтобъ онѣ доходили по назначенію, должно лежать на агентѣ Общества.

„Одновременно съ этимъ устройствомъ народныхъ школъ, необходимо обратить вниманіе на слѣдующій вопросъ, имѣющій тоже образовательное значеніе. Въ Палестинѣ есть двѣ промышленности, весьма распространенныя, но стоящія на весьма плохой степени развитія, это: перламутровая [1]), рѣзная на деревѣ и мозаичная на деревѣ. Давъ возможность 4 — 5 молодымъ людямъ усовершенствоваться въ этой промышленности, можно будетъ положить основаніе къ значительному ея развитію. Впослѣдствіи, если средства Общества примутъ значительные размѣры, можно будетъ приступить къ устройству ремесленной школы [2]), потребность въ которой дѣйствительно ощущается.

„Переходя затѣмъ къ нашимъ паломникамъ, мнѣ кажется, что потребности ихъ, удовлетворить которымъ призвано Общество, можно раздѣлить на мате-

---

[1]) Замѣчаніе арх. Антонина: „Въ перламутровомъ и мозаичномъ производствѣ мы, какъ руководители, непремѣнно спасуемъ. Всячески постараться нужно способныхъ арабченковъ учить въ Россіи *иконописи*—не въ Академіи Художествъ; конечно, а въ иконописныхъ заведеніяхъ московскихъ, кіевскихъ и иныхъ“.

[2]) Замѣчаніе арх. Антонина: „Ремесленныя школы русскія *безнадежны* въ краѣ. Европа слишкомъ близка къ нему, и никакая конкуренція съ нею невозможна. Но попытка не бѣда“.

ріальныя и духовныя. Часть ихъ удовлетворяется Палестинскою Коммиссіею, и забота Общества должна, по моему мнѣнію, начинаться тамъ, гдѣ кончается забота Коммиссіи. Кругъ дѣятельности Коммиссіи весьма рѣзко очерченъ стѣнами русскихъ построекъ въ Іерусалимѣ. За этими стѣнами дѣятельность ея почти не распространяется, и вотъ то поле, на которомъ можетъ проявить Общество свою заботу.

„Останавливаясь на матеріальныхъ нуждахъ, Общество должно помогать не только въ Святой Землѣ, но и въ самой Россіи. Выдача денежныхъ пособій каждому богомольцу, какъ не разъ подымалось предположеніе, будетъ служить только преміею для подстрекательства къ паломничеству, чего слѣдуетъ избѣгать всѣми средствами. Пособіе могло бы скорѣе выразиться въ пониженіи проѣздной платы по желѣзнымъ дорогамъ, какъ это сдѣлано для переѣзда на пароходахъ Русскаго Общества отъ Одессы до Яффы [1]).

„Постараюсь разъяснить мои предположенія. Въ 3 классѣ отъ Петербурга до Одессы проѣздъ 31 р. 8 к. Допустимъ, что, по соглашенію съ желѣзными дорогами, можно будетъ понизить тарифъ для поклонниковъ на половину, тогда проѣздъ отъ Петербурга до Яффы и обратно обойдется лишь 56 р., причемъ би-

---

[1]) По словамъ арх. Антонина, это „сулитъ Обществу *обузу*, безъ которой не менѣе, чѣмъ теперь, будетъ все обстоять благополучно въ поклонническомъ мірѣ нашемъ. Общество исполнитъ святую и истинно патріотическую задачу, если найдетъ способъ уменьшить наплывъ сюда нашихъ каликъ перехожихъ, по два, по три и больше разъ чуть не ежегодно возвращающихся сюда, особенно изъ поклонницъ, дѣлающихся послушными органами разныхъ пройдохъ здѣшнихъ. *Эта и предшествующая статьи составляютъ самыя больныя мѣста въ поклонническомъ дѣлѣ нашемъ*“.

летъ долженъ быть дѣйствителенъ по крайней мѣрѣ на годъ. Но чтобъ такою сбавкою не пользовались для проѣзда между русскими городами, слѣдовало бы установить выдачу такихъ билетовъ только тѣмъ, которые могутъ сразу уплатить стоимость билета до Яффы и обратно. Изъ Петербурга такихъ поклонниковъ отправляется (не много), нѣсколько болѣе изъ Москвы, но главнѣйше изъ Кіева. Допуская, что всѣ паломники ѣдутъ этимъ путемъ, то такое пониженіе составитъ около 18 тысячъ руб. въ годъ, что, конечно, для желѣзныхъ дорогъ, въ особенности вышепоименованныхъ, не болѣе, какъ капля въ морѣ.

„Относительно Святой Земли нужно имѣть въ виду, что на русскихъ постройкахъ помѣщается только 800 человѣкъ, между тѣмъ какъ число поклонниковъ въ поклонническій періодъ доходитъ до 2,000 и, значитъ, около 1,200 не находятъ пріюта на русскихъ постройкахъ. Конечно, если бы Палестинская Коммиссія изъ имѣющихся у нея средствъ возвела бы *вторые этажи на нашихъ паломническихъ флигеляхъ*, то Обществу пришлось бы заботиться только о помѣщеніи 400 паломниковъ. Пока, мнѣ кажется, на его обязанности должно лежать пристроить на 1,200, и это можно будетъ сдѣлать устройствомъ, хотя для части, *изъ войлочныхъ киргизскихъ кибитокъ*, которыя свободно помѣстятся на обширномъ дворѣ русскихъ построекъ, или наймомъ особыхъ помѣщеній внутри Іерусалима, но скорѣе и цѣлесообразнѣе ходатайствомъ, чтобъ Палестинская Коммиссія немедленно приступила къ постройкѣ вторыхъ этажей.

„Наконецъ, сумма, отпускаемая нынѣ для воспособленія самымъ нуждающимся изъ паломниковъ на мѣстѣ, всего 600 руб., такъ незначительна и недоста-

точна, что ее необходимо значительно увеличить, отпуская ее въ непосредственное распоряженіе начальника нашей духовной миссіи.

„Еще болѣе безпомощны наши паломники въ духовномъ отношеніи. Стыдно сказать, что русскій паломникъ, желающій купить въ Іерусалимѣ евангеліе на родномъ языкѣ, принужденъ его покупать въ лондонской библейской лавкѣ. Съ самаго своего отъѣзда изъ Одессы и до возвращенія на родину, они не имѣютъ иныхъ руководителей, какъ случайныхъ пройдохъ [1]). Какъ лучше устроить эту часть— въ видѣ ли особыхъ руководителей паломническихъ каравановъ, въ видѣ ли монашествующихъ лицъ, спеціально съ этою цѣлью отправленныхъ въ Святую Землю, я въ настоящую минуту окончательно рѣшить не берусь. Для достиженія этихъ двухъ цѣлей, которыхъ Обществу нельзя никогда терять изъ виду, необходимымъ средствомъ является ознакомить русскихъ съ Святою Землею и заинтересовать ею. Для этого является необходимость для Общества заняться издательскою дѣятельностью и, насколько можно, споспѣшествовать ученымъ изслѣдованіямъ и изысканіямъ.

„Издательская дѣятельность по отношенію къ Святой Землѣ имѣетъ то затрудненіе, что приходится различно обращаться къ разнымъ слоямъ читающей

[1]) „Противъ язвы аѳонскихъ и разныхъ другихъ руководителей и насельниковъ, дѣлающихъ набѣги на Іерусалимъ въ сезонъ поклонническій, дай Богъ, чтобы Общество нашло какое-нибудь дѣйствительное и рѣшительное средство. У каждаго изъ таковыхъ найдется въ карманѣ, на случай, турецкій тескерѐ (тешкирь по ихнему). Да и безъ него они умѣютъ втираться тутъ во всѣ дыры и щели, подъ покровомъ патріархіи и проживающихъ въ городѣ нашихъ привиллегированныхъ дѣвотокъ“. Прим. арх. Антонина.

публики. Думая объ этомъ, я пришелъ къ тому заключенію, что удовлетворить эти разнообразные вкусы могъ бы періодически издаваемый „Вѣстникъ Общества“ [1]), состоящій изъ необходимыхъ статей по топографіи, археологіи и исторіи Святой Земли, корреспонденціи о настоящемъ положеніи, рецензіи книгъ и библіографическаго указателя. Къ этому Вѣстнику, который могъ бы издаваться разъ въ два мѣсяца, книжками листовъ въ 5 печатныхъ, въ видѣ приложенія могли бы быть прилагаемы книги для народнаго чтенія о томъ же предметѣ, русскія путешествія и болѣе значительныя ученыя сочиненія и изслѣдованія. Въ числѣ такихъ приложеній есть между прочимъ одно, на необходимость котораго не могу не обратить вниманіе. Это изданіе православнаго путеводителя по Святымъ мѣстамъ Востока. Необходимость его ощущается тѣмъ большая, что иновѣрные путеводители мало по малу совершенно изглаживаютъ православныя преданія.

„Не менѣе важны ученыя изслѣдованія или изысканія и раскопки на мѣстѣ. Имена Іерусалима, Іордана, Виѳлеема и Назарета такъ громки, что всякое ученое открытіе, сдѣланное на Святой Землѣ, громко проходитъ по всей Европѣ, а значитъ и у насъ. Благодаря западнымъ ученымъ, поверхъ Святой Земли едвали осталось что-либо изслѣдовать, остается, насколько возможно, добиваться, что еще скрыто землею и въ этомъ отношеніи, можно сказать, Святая Земля представляетъ еще непочатую почти почву. Укажу, какъ на примѣръ: русское мѣсто, прилегающее къ

---

[1]) Его же. „Да, ничто такъ не поможетъ ясности дѣла, какъ „Вѣстникъ“.

храму Воскресенія и до настоящаго времени заваленное вѣковымъ мусоромъ. Раскопка его представляетъ огромный интересъ для опредѣленія положенія первоначальной базилики Константина, кромѣ того, на этомъ мѣстѣ стоялъ храмъ крестоносцевъ Св. Маріи Латинской, развалины котораго лежатъ погребенными подъ землею. Наше же русское мѣсто у Дамасскихъ воротъ, можетъ быть, скрываетъ отыскиваемыя развалины храма св. первомученика Стефана, созданнаго на мѣстѣ побіенія его камнями. Но эти ученыя изслѣдованія посредствомъ раскопокъ и экспедицій необходимы еще и потому, что имѣютъ огромное вліяніе на туземное населеніе.

„Если ко всѣмъ этимъ расходамъ присоединить еще неизбѣжные расходы по Канцеляріи, то общій ежегодный бюджетъ Общества опредѣлится приблизительно такъ:

на православныхъ туземцевъ	50,000 р.
„ нашихъ поклонниковъ	20,000 „
„ изданія и изслѣдованія	15,000 „
„ Канцелярію	15.000 „
	100,000 р.

„Цифра эта *громадная* и много пройдетъ времени, пока доходы Общества возрастутъ до нея. Я привелъ ее, какъ максимумъ, выше котораго *я бы даже затруднился расходовать*, но, мечтая о дѣятельности будущаго Общества, я ею никогда не задавался, и было бы крайне ошибочно предполагать, что, не имѣя ея, не располагая ею, не стоитъ вовсе что-либо дѣлать. Мнѣ кажется наоборотъ, *какъ бы малъ ни оказался бюджетъ Общества, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы на первое время онъ дошелъ до 10 т. руб., слѣдутъ начать дѣйствовать и дѣйствовать какъ можно скорѣе.*

„При этомъ представляются два плана дѣйствія: или избрать одну какую-либо дѣятельность и на нее обратить первоначально всѣ силы Общества, переходя послѣдовательно къ слѣдующимъ, или изъ каждаго полученнаго рубля отдѣлять 50% на православныхъ туземцевъ, 20% на нашихъ паломниковъ, 15% на изданія и изслѣдованія и 15% на канцелярію. Которую изъ этихъ двухъ системъ дѣятельности избрать, предоставляю Обществу. Лично я сталъ бы за вторую, не зная, которому роду по намѣченной мною дѣятельности отдать предпочтеніе, такъ какъ всѣ онѣ составляютъ насущную потребность.

„Оканчивая, мнѣ остается лишь присовокупить, что какъ ни важны денежныя средства, онѣ, по моему мнѣнію, едва-ли составляютъ главное въ предстоящемъ Обществу дѣлѣ. Можно съ малымъ сдѣлать многое, когда будетъ любовь къ дѣлу, и эту любовь да поможетъ Богъ Обществу найти въ своихъ членахъ“.

Къ изложеннымъ здѣсь съ незначительными сокращеніями планамъ и намѣреніямъ, развитымъ В. Н. Хитрово въ его запискѣ, намъ остается прибавить сравнительно немногое.

Отвѣчая арх. Леониду на интересующій его вопросъ, почему онъ не взялъ въ вице-предсѣдатели Б. П. Мансурова, который „продалъ бы, такъ сказать, Палестинскій Комитетъ“ (sic), В. Н., въ письмѣ къ нему отъ 23 мая 1882 г., даетъ объясненіе причинъ, почему онъ вообще чуждается пока дѣла улучшенія быта паломниковъ, оставляя его на отвѣтственности Палестинской Коммиссіи.

„Что касается до Палестинскаго Комитета (sic), пишетъ онъ, двѣ причины заставляли меня его не

трогать. Во-первыхъ, чтобъ гусей не раздразнить. Уничтожить его и передать его Обществу мнѣ бы не удалось, и я бы только не осуществилъ самое Общество. Я могъ бы дѣйствовать только послѣдовательно съ нѣкоторымъ успѣхомъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а именно убѣдить перевести Комитетъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Святѣйшій Синодъ, затѣмъ, когда Общество уже окрѣпнетъ и заявитъ о себѣ, передать ему изъ Святѣйшаго Синода всѣ обязанности Комитета. Кто же вамъ говоритъ, *что это и не есть моя задняя мысль и цѣль* [1]). *Но удастся ли она и насколько и когда*—вотъ что я предоставляю вполнѣ Божіему усмотрѣнію. Во-вторыхъ, пріемъ теперь на себя обязанностей Палестинскаго Комитета былъ бы даже не выгоденъ. Обществу тѣ 32 тысячи, которыя оно получаетъ въ годъ, едва хватаетъ на его потребности. Отъ насъ бы потребовали больше, и мы должны были бы затрачивать изъ своихъ, такъ сказать, средствъ. Въ настоящее время у нихъ около 130 тысячъ капитала. На-

---

[1]) „Вы поймете, писалъ арх. Леонидъ В. Н-чу 18 мая 1882 г., что изъ двухъ лицъ я рекомендовалъ вамъ Мансурова, какъ заправителя средствами пресловутаго Палестинскаго Комитета. Авось, думалось мнѣ, онъ самъ придетъ къ убѣжденію *о необходимости сліянія сихъ двухъ учрежденій въ одно цѣлое для очевидной пользы святого дѣла*. Неужели, скажу уже не прикровенно, теперь, когда *въ образованіи Общества видна заря новаго дня для злосчастнаго русскаго іерусалимскаго дѣла*, не найдется человѣка, который бы уразумѣлъ суть дѣла, изъяснилъ Августѣйшему предсѣдателю Общества, что пора, давно пора; для того, чтобы направить русское дѣло въ Іерусалимѣ, необходимо, во-первыхъ, привести къ одному знаменателю седмочисленное вліяніе на это дѣло хотя въ Петербургѣ. *И это было бы лишь началомъ поправленія дѣла святого, высокаго, но такъ испорченнаго, какъ только могутъ желать самые лютые противники дѣла*, писать о которомъ впредь что-либо чувствую себя положительно неспособнымъ“.

дѣюсь побудить ихъ затратить эти деньги для паломниковъ, т. е. вывести вторые этажи на поклонническихъ флигеляхъ и т. п. Когда они приведутъ все въ порядокъ, тогда можно будетъ подумать о пріемѣ, а до тѣхъ поръ вѣдь они денегъ не отдадутъ, и намъ бы пришлось все строить отъ себя. Теперь уже, подстрекаемый учрежденіемъ Общества, загомонился Борисъ Павловичъ, и въ августѣ ѣдетъ въ Святую Землю, чтобъ рѣшить, что и какъ сдѣлать. Вообще я думаю, въ настоящее время Обществу лучше пока не трогать вопроса о поклонникахъ, предоставивъ это Комитету и только подстрекая его. Я говорю о матеріальныхъ нуждахъ. Духовныя останутся всетаки на нашемъ попеченіи".

„Ограничиться по мѣрѣ средствъ открытіемъ въ нынѣшнемъ же году двухъ-трехъ школъ, пишетъ В. Н. Хитрово архимандриту Антонину 6 іюня 1882 г., для того, чтобы показать, что нѣчто затѣваемъ, и нѣсколько пріободрить мѣстное населеніе. Школы открыть, если можно, въ Галилеѣ, это подальше отъ патріархіи, которая вблизи будетъ мѣшать, а это и подальше и меньше ее интересуетъ, такимъ образомъ подвигаться съ сѣвера на югъ. Когда будетъ 20, 30 такихъ школъ, можно будетъ приняться за гимназію православную, а пока взять 2—3 православныхъ арабовъ и воспитать ихъ здѣсь.

„Относительно денегъ мы все еще въ туманѣ, намъ необходимо пробавляться чѣмъ Богъ пошлетъ пока еще года два. На будущій годъ нужно испросить покровительство Обществу Государя, а чрезъ два можно будетъ приняться и за просьбу о субсидіи, до тѣхъ же поръ заикаться о ней--значитъ портить все дѣло".

Но и относительно денежныхъ средствъ Общества обстоятельства начинаютъ принимать весьма утѣшительный оборотъ. „Не дѣлали еще никакихъ обращеній и воззваній, говорится въ письмѣ В. Н. отъ 12 августа 1882 г. къ арх. Леониду, тѣмъ не менѣе, получили уже отъ неизвѣстнаго мнѣ генералъ-маіора *Волошинова* 2 тысячи и отъ высокопреосвященнаго *Платона* Кіевскаго 1 тысячу. Все это подтверждаетъ мою глубокую увѣренность, что, съ помощью Божіею, мы въ деньгахъ нуждаться не будемъ, но людей, людей и еще людей".

„Съ Божіею помощью дѣло идетъ, пишетъ В. Н. къ нему же 31 декабря того-же года. *Деньги и довольно значительныя поступаютъ*. Бѣда въ недостаткѣ людей, какъ здѣсь, такъ и на мѣстѣ. Многое можно было бы сказать, утѣшаюсь лишь тѣмъ, что безъ сучка и задоринки нѣтъ ни одного дѣла, а такихъ сучковъ въ палестинскомъ дѣлѣ, какъ вы знаете, не мало. Больно они задѣваютъ, хорошо еще, если не выхлестываютъ глазъ. Главное—упорядоченіе дѣлъ въ Іерусалимѣ, кажется, пока на время приходится оставить, стѣну лбомъ не прошибешь, и выходитъ нѣсколько, по русской пословицѣ: голову вытащишь, хвостъ увязнетъ и наоборотъ. Безпатріаршество, ссоры архимандрита съ консуломъ, все это всѣхъ сердитъ, всѣ стукаются лбомъ, никто никого не слушаетъ, и въ итогѣ полнѣйшая безурядица. *Палестинская Коммиссія о передачѣ палестинскихъ дѣлъ Св. Синоду, о возстановленіи миссіи слышать не хочетъ*, въ министерствѣ же иностранныхъ дѣлъ каждый ведетъ свою дипломатію. Все это въ довершеніе твердитъ, что *наше Общество—еще лишняя инстанція*. Однимъ словомъ, приходится согнуться, дѣлать помаленьку свое дѣло и твердо вѣрить, что если *это дѣло Божіе, то оно не пропадетъ*. Но все это

вмѣстѣ взятое отнимаетъ столько времени, что положительно я становлюсь несостоятельнымъ въ дѣлахъ. *Ну, да „взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ“.*

Поддержаніе православія на Ближнемъ Востокѣ, по указанному и уже извѣстному намъ плану В. Н. Хитрово, въ дѣятельности Православнаго Палестинскаго Общества должно занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Этой своей задачѣ Общество должно было удѣлить на первыхъ порахъ своего существованія и средства и свое вниманіе предпочтительно предъ другими своими цѣлями и задачами. По заявленію секретаря Общества, Августѣйшему предсѣдателю угодно было выразить, чтобъ „еще въ текущемъ (1882 году) Общество заявило свою дѣятельность по всѣмъ тремъ отдѣламъ“ и въ частности, чтобы „немедленно приступить къ открытію школъ въ Св. Землѣ“. Совѣтъ Общества ассигновалъ 300 р. въ годъ „на открытіе школы въ селеніи Назаретской или Акрской митрополіи“ съ высылкой пока въ Бейрутъ на имя генеральнаго консула К. Д. Петковича 150 р. Послѣдній призналъ возможнымъ устроить школу въ Мжделѣ (въ Галилеѣ), по дорогѣ изъ Кайѳы въ Назаретъ, и просилъ Общество возобновить въ этой деревнѣ храмъ, находившійся въ развалинахъ. Общество ассигновало ему 1000 р., но подъ условіемъ испрошенія на то консуломъ разрѣшенія назаретскаго митрополита. 12 ѳевраля 1883 года рѣшено было открыть двѣ другія школы въ ер-Рамэ и въ Кефръ-Ясиѳѣ или въ Абу-Сенанѣ съ ассигнованіемъ на первую 300 р., а на вторую 400 р. Кромѣ того, оказано пособіе, по ходатайству арх. Антонина, арабской православной школѣ въ Іерусалимѣ отъ 300 до 500 р., жителямъ с. Яѳы близъ Назарета на школу и

храмъ 200 р. и, по ходатайству консульскаго агента С. К. Хури, на школу въ Шаджарѣ назначено 200 р.

Учебно-педагогическая дѣятельность Общества встрѣтила на самыхъ первыхъ порахъ цѣлый рядъ весьма серьезныхъ и совершенно не предвидѣнныхъ затрудненій, для устраненія которыхъ необходимы были весьма энергичныя усилія со стороны Общества. Во главу этихъ препятствій по всей справедливости мы должны поставить перемѣну на патріаршемъ престолѣ въ Іерусалимѣ, вслѣдствіе неожиданной кончины въ іюнѣ 1882 г. блаженнѣйшаго патріарха Іероѳея, человѣка добраго, но безхарактернаго, и потому уже давно намѣченнаго къ устраненію отъ патріаршества святогробскимъ духовенствомъ. Однимъ изъ видныхъ преемниковъ почившаго былъ архіепископъ ѳаворскій Никодимъ, управлявшій іерусалимскимъ подворьемъ въ Москвѣ и уже давно мечтавшій занять мѣсто патріарха Іероѳея. Патріархъ Никодимъ, благодаря прирожденному недюжинному уму, ловкости и вкрадчивости въ обращеніи съ людьми, безъ всякихъ связей, быстро прошелъ въ святогробскомъ братствѣ всѣ низшія послушанія и возвысился до почетной и вліятельной должности при патріархѣ—драгомана, а въ концѣ 60-хъ годовъ получилъ во всѣхъ отношеніяхъ завидное мѣсто управляющаго святогробскими бессарабскими имѣніями. Здѣсь онъ прекрасно изучилъ русскій языкъ и хорошо познакомился съ Россіею. Когда произошло низложеніе патріарха Кирилла, русскаго сторонника, съ престола апостола Іакова, и русское правительство конфисковало всѣ доходы съ указанныхъ бессарабскихъ имѣній, то и пребываніе управляющихъ отъ восточныхъ монастырей и церквей въ предѣлахъ Бессарабіи сдѣ-

лалось излишнимъ. Очутившись не у дѣлъ, ловкій, весьма находчивый и вкрадчивый архимандритъ Никодимъ напрягаетъ всѣ усилія примирить святогробское братство съ патріархомъ Кирилломъ, чтобы чрезъ это добиться у русскаго правительства хотя бы части ($^2/_5$) прежнихъ доходовъ въ пользу Св. Гроба. Усилія его въ этомъ направленіи увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, и арх. Никодимъ въ награду отъ патріархіи получаетъ въ 1879 г. не менѣе почетное мѣсто въ Москвѣ—настоятеля іерусалимскаго подворья. Новый святогробскій архимандритъ любезностью, необыкновенною доступностью и красивою наружностью не только очаровалъ москвичей, но и постарался запастись на всякій случай для себя надежными друзьями и въ Петербургѣ, и притомъ не только въ средѣ жителей столицы, но и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и даже при Дворѣ. Пользуясь своими связями и услугами друзей, готовыхъ во имя Іерусалима нести самыя большія жертвы, арх. Никодимъ искусно поднимаетъ вторично вопросъ о возвращеніи Св. Гробу другихъ $^2/_5$ доходовъ съ бессарабскихъ имѣній, оставивъ въ рукахъ правительства на администрацію и мѣстныя просвѣтительныя нужды лишь $^1/_5$ этихъ доходовъ. Въ 1880 г. и эта новая попытка счастливо оканчивается въ пользу Св. Гроба, и арх. Никодимъ, въ благодарность за свои труды, уже потребовалъ для себя отъ іерусалимскаго патріарха возведенія въ санъ митрополита Петры Аравійской, а когда это не удалось ему, то согласился принять титулъ ѳаворскаго архіепископа, но подъ условіемъ хиротоніи его въ Петербургѣ, которая и состоялась тамъ весной 1881 г. Популярность Никодима, какъ ѳаворскаго архіепископа, при указанныхъ выше при-

15

родныхъ внѣшнихъ и умственныхъ достоинствахъ, теперь значительно возрасла въ русскомъ обществѣ, и на него уже естественно стали смотрѣть какъ на возможнаго кандидата въ преемники патріарху Іероѳею, чего въ свою очередь, какъ мы сказали, онъ давно уже усиленно добивался. Неожиданная кончина отъ паденія съ лошади патріарха Іероѳея сдѣлала патріаршій іерусалимскій тронъ свободнымъ. И, несмотря на самыя энергичныя противодѣйствія со стороны святогробскаго духовенства, избравшаго въ патріархи молодого, 39 лѣтъ, умнаго, образованнаго и сильнаго характеромъ архимандрита Фотія Пероглу (нынѣ александрійскій патріархъ), турецкаго правительства и греческой аѳинской печати, при сильной поддержкѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ черезъ посла въ Константинополѣ, патріаршій тронъ въ концѣ концовъ достался въ руки архіепископа ѳаворскаго Никодима.

Достигнувъ своей завѣтной и страстно желанной цѣли и упоенный тѣми знаками всеобщаго вниманія, какіе были ему оказаны въ Петербургѣ при нашемъ Дворѣ, русскими правящими іерархами, высокими свѣтскими сановниками и русскимъ народомъ, устроявшимъ ему всюду торжественныя встрѣчи при его проѣздѣ изъ Петербурга въ Одессу, патріархъ Никодимъ покинулъ облагодѣтельствовавшую его Россію съ нескрываемымъ, явнымъ намѣреніемъ стереть съ лица земли все и всѣхъ, что и кто такъ или иначе стояли на его пути. Въ число своихъ недоброжелателей и даже враговъ онъ включилъ между прочимъ и только-что народившееся Православное Палестинское Общество и уже имѣющую почтенную давность въ Іерусалимѣ русскую духовную

миссію съ приснопамятнымъ начальникомъ ея архимандритомъ Антониномъ во главѣ. „Вмѣсто того, чтобы серьезно обдумать и обезпечить будущее іерусалимской патріархіи, по словамъ В. Н. Хитрово, патріархъ Никодимъ, разъѣзжая съ визитами по членамъ Св. Синода, билъ по столу кулакомъ, повторяя лишь одно, что онъ не вступитъ на берегъ Святой Земли, пока въ ней будетъ начальникомъ русской духовной миссіи архимандритъ Антонинъ, и пока онъ не закроетъ Православное Палестинское Общество“ [1]). У патріарха же Никодима имѣлись нѣкоторыя основанія быть недовольнымъ Палестинскимъ Обществомъ и его главными дѣятелями. „Если выберутъ (въ патріархи Никодима), признавался 30 іюля 1882 г. В. Н. Хитрово арх. Антонину, положеніе становится *вдвое труднѣе*. Никодимъ мнѣ простить не можетъ Общество и главное, что я провелъ его. Дѣло было такъ: мы съ нимъ говорили не разъ объ Обществѣ. У него была идея устроить нѣчто въ родѣ братства св. Гроба съ почетнымъ предсѣдателемъ—патріархомъ, съ дѣйствительнымъ—имъ, которое бы собирало деньги и пересылало непосредственно черезъ него въ Іерусалимъ. Иными словами Общество было бы только собирателемъ денегъ для патріархіи. И объ этомъ своемъ Обществѣ говорилъ онъ Государю и пріѣхалъ ко мнѣ съ согласіемъ Государя на Общество. *Благодаря этому согласію, примѣненному къ его идеѣ, я примѣнилъ къ Обществу, и оно осуществилось*. Вотъ чего онъ не можетъ мнѣ простить, такъ что въ послѣднее пребываніе онъ даже избѣгалъ свиданія со мною“. Палестинское Общество

[1]) Православіе въ Св. Землѣ. Изъ доклада Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю II, 1890 г., стр. 44.

очутилось, такимъ образомъ, въ щекотливомъ и затруднительномъ положеніи на самыхъ первыхъ порахъ своей дѣятельности въ Палестинѣ. „Мнѣ одно непріятно, писалъ арх. Антонину 11 іюля В. Н., что оно (т. е. избраніе Никодима патріархомъ) застало насъ врасплохъ, *при самомъ открытіи Общества*, гдѣ мы, такъ сказать, только что начинаемъ дышать, не можемъ еще сказать ни слова за, ни слова противъ". „Видѣлся я въ проѣздъ (направляясь въ Саксонскую Швейцарію лѣтомъ 1882 г. для поправленія здоровья) съ Никодимомъ, сообщалъ 3 сентября В. Н. арх. Антонину. Онъ уже совершенный патріархъ и въ своемъ избраніи увѣренъ вполнѣ. *Боюсь я его въ Іерусалимѣ даже, если хотите, больше Фотія* [1]) *и Епифанія* (митрополита іорданскаго), а боюсь я его потому, что влѣзъ онъ въ душу здѣсь и къ Гирсу, и если хотите, Побѣдоносцеву,—ужъ я не говорю о малыхъ сошкахъ. И еще до отъѣзда своего къ вамъ набѣдокуритъ не мало здѣсь, да и пріѣхавши будетъ бомбардировать разными вещами, чего ни Фотій, ни Епифаній не посмѣютъ... Послушать его,—онъ сломитъ все святогробское братство. Грѣшный человѣкъ, на его розовыя надежды *отвѣчалъ скептически, что онъ скоропостижно умретъ, или окончитъ дни свои въ Халкахъ*. Это мнѣ кажется вѣроятнѣе. Никодимъ задумался и отвѣчалъ: „Никто, какъ Богъ". На этомъ изреченіи остано-

---

[1]) По поводу избранія Фотія малаго въ патріарха Іерусалимскаго В. Н. писалъ арх. Антонину 17 октября 1882 слѣдующія любопытныя строки: „Для васъ безспорно этотъ выборъ тяжелѣе другихъ. Но если выбирать между Никодимомъ и Фотіемъ, *для насъ, русскихъ*, я думаю, *что этотъ послѣдній всетаки лучше*. Министерство иностранныхъ дѣлъ отдало бы насъ съ руками и ногами, мало того само бы побѣжало за веревочкою, чтобъ связать и тѣ и другія. Ну, а противъ Фотія поборемся".

вимся и мы: кто поживетъ, тотъ и увидитъ. Его неназначеніе, по моему, было бы лучше и въ томъ положеніи, что патріархатъ тогда имѣлъ бы въ немъ заклятаго врага и, значитъ, намъ союзника. Но и выберутъ его, противъ него подымется такая буря, что дай Богъ съ нею справиться, а не съ нами возиться".

Остановившись на этой успокоительной мысли, Василій Николаевичъ сталъ менѣе тревожно относиться къ кандидатурѣ, а потомъ и къ избранію Никодима на престолъ апостола Іакова, а въ концѣ концовъ даже находилъ и выгоду для палестинскаго дѣла въ удаленіи архіепископа Никодима изъ Москвы въ Іерусалимъ. „Ни изъ Іерусалима, ни изъ Питера не имѣю свѣдѣній, писалъ В. Н. изъ Саксонской Швейцаріи архимандриту Леониду 14 іюня 1883 г. По послѣднимъ свѣдѣніямъ наибольшіе шансы быть патріархомъ имѣлъ Никодимъ. Вы мое мнѣніе о немъ уже знаете, но *я какъ-то спокойнѣе сталъ смотрѣть на это избраніе, придя къ тому убѣжденію, что рано или поздно намъ придется вступить въ открытую борьбу съ греческимъ духовенствомъ.* Это немного (напоминаетъ) отношеніе Россіи къ Германіи или Австріи. *И при этой борьбѣ Никодимъ не страшнѣе другого.* Здѣсь же въ Москвѣ мы имѣли врага, который съ Филипповымъ и Мансуровымъ въ карманѣ что-то такое затѣвали, чего я разобрать до сихъ поръ не могъ. Вѣроятнѣе всего это—молчаливое противодѣйствіе, пока не разыграется вопросъ патріаршій; противъ этого молчаливаго противодѣйствія приходилось въ пустякахъ и мелочахъ бороться, взваливая все дѣло на свои плечи. За выборомъ патріарха, въ особенности Никодима, дѣло пойдетъ на чистоту, и это всетаки легче, *когда онъ будетъ не здѣсь, а въ*

Іерусалимъ. Филипповъ и Мансуровъ останутся безъ руководителя, по крайней мѣрѣ ближайшаго, а Никодиму предстоитъ прежде всего борьба съ святогробскимъ братствомъ, а затѣмъ онъ обрушится на духовную миссію. Уничтожить ее, изгнать ее изъ Святой Земли—вотъ будетъ первая его кампанія. Архимандритъ Антонинъ предваренъ мною, да, я думаю, онъ лучше моего это знаетъ. Итакъ, если мы можемъ что либо сдѣлать—это отстаивать миссію". „Когда нибудь на досугѣ (изложу) письменно или разскажу устно все пережитое въ этотъ мѣсяцъ, писалъ В. Н. арх. Леониду 17 октября 1883 года. Были и не разъ минуты, гдѣ я брался за перо, чтобы оффиціально сложить съ себя всякую солидарность и связь съ Обществомъ. Благодарю Бога, что, памятуя нашъ девизъ: „Не умолкну ради Сіона и ради Іерусалима не успокоюсь", этого не сдѣлалъ. Патріархъ уѣхалъ больше чѣмъ отуманенный всѣмъ оказаннымъ ему почетомъ и, кромѣ этого почета, ничего не повезъ. Ни Обществу, ни мнѣ вреда не сдѣлалъ, ни пока и духовной миссіи, ни архимандриту Антонину. Мало того, *его не скрываемая здѣсь вражда къ намъ ко всѣмъ послужила до извѣстной степени намъ въ пользу*. Онъ въ этомъ отношеніи пересолилъ и тѣмъ самымъ не достигъ своей цѣли. *А теперь издали мы еще поборемся*. Видитъ Богъ, на эту борьбу не навязывался и ее не вызывалъ, но съ своей стороны не дамъ себя проглотить". „О палестинскихъ дѣлахъ много не пишу, замѣчаетъ В. Н. въ письмѣ отъ 10 ноября 1883 г., иного не договоришь, другое переговоришь... Менѣе всего волнуетъ меня это дѣло, которое я считаю Божьимъ. Удастся или нѣтъ—все

это въ Его святой волѣ. Мы тутъ не больше, какъ слѣпыя орудія въ Его рукахъ“.

Въ Петербургѣ, очевидно, хорошо понимали, что назначеніе патріарха Никодима въ Іерусалимъ сулитъ русскому дѣлу въ Палестинѣ не мало осложненій и непріятностей. „Третьяго дня я, писалъ арх. Антонинъ Василію Николаевичу отъ 8 сентября изъ Яффы,—получилъ благоволительную цидулку отъ Константина Петровича Побѣдоносцева, въ коей онъ совѣтуетъ мнѣ *ладить съ новымъ солнцемъ палестинскимъ*, и всякое самолюбіе мелочное на сей конецъ запрятывать въ долгій ящикъ. Рады стараться. Да и съ какимъ же патріархомъ тутошнимъ я не былъ въ ладахъ. Кириллъ считалъ меня своимъ сыномъ, Іероѳей—другомъ. Даже бѣднякъ Прокопій, и тотъ, хотя, по наущенію крестныхъ коммунаровъ, требовалъ у нашего Синода отзыва меня изъ Іерусалима, но постоянно относился ко мнѣ съ любовію и довѣріемъ, какими рѣдко кого удостоивалъ. Ко всякому патріарху я относился здѣсь искреннѣе и дружественнѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ святоградцевъ, зараженныхъ постоянно и непремѣнно какими-либо себялюбивыми сентенціями. Если бы возпатріашествовалъ Никифоръ, у насъ вышла бы закадычная дружба!“ Въ виду этого миръ и прощеніе всѣмъ его противникамъ и досадителямъ внушали новому патріарху въ Россіи всѣ доброжелатели арх. Антонина и кому дѣйствительно были дороги успѣхи русскаго дѣла въ Палестинѣ. Этимъ и слѣдуетъ объяснять, во-первыхъ, то, что чрезъ своихъ кліентовъ патріархъ Никодимъ, какъ сообщаетъ арх. Антонинъ 28 сентября В. Н. Хитрово, еще до появленія въ Палестинѣ постарался довести до свѣдѣнія строптиваго и неуго-

монняго русскаго начальника миссіи арх. Антонина, что „Его Блаженство прощаетъ всѣ мои подвохи подъ него и все, что мною писано и печатано противъ святоградцевъ и вообще противъ грековъ, произведшее охлажденіе между нимъ и моимъ ничтожествомъ, и, во-вторыхъ, прямой приказъ изъ Константинополя посла А. И. Нелидова—жить въ ладу съ новымъ патріархомъ“. Арх. Антонинъ по поводу этого наказа изъ Константинополя замѣчаетъ: „Значитъ грозный владыка „всея Палестины, Сиріи, Аравіи“ и проч. не имѣетъ непремѣнной интенціи положить мою голову на плаху и только приказываетъ мнѣ держать руки по швамъ“ [1]). Въ-третьихъ, и при первомъ своемъ личномъ свиданіи въ Іерусалимѣ съ архимандритомъ Антониномъ, новый патріархъ держалъ себя все время весьма корректно и выказалъ полное вниманіе къ нему съ своей стороны, ничѣмъ не показавъ къ нему своего нерасположенія. „Съ новымъ патріархомъ у насъ *наилучшія отношенія* открылись съ перваго момента нашей встрѣчи во „градѣ мира“, писалъ В. Н-чу арх. Антонинъ 15 января 1884 г. Наидружественнѣйшимъ образомъ Его Блаженство привѣтствовалъ меня еще за городомъ 22 декабря, въ торжественный день прибытія его сюда. А затѣмъ, при всякомъ новомъ свиданіи, онъ не перестаетъ выказывать ко мнѣ изысканное вниманіе и какъ бы неподдѣльную благосклонность. Чѣмъ объяснить это и насколько все это прочно, сказать не могу. Интимныхъ объясненій между нами еще не послѣдовало. Двоимъ, съ глазу на глазъ, не довелось еще намъ быть. Первые шаги правитель-

---

[1]) Письмо арх. Антонина къ В. Н. Хитрово 16 ноября 1883 г.

ственные новаго Блаженства обѣщають, вопреки рановременнымъ предположеніямъ, по общему убѣжденію, *хорошее*". Но въ Петербургѣ весьма недовѣрчиво относились къ этимъ *хорошимъ* отношеніямъ между патріархомъ и арх. Антониномъ и даже весьма смущались этимъ. Василій Николаевичъ 15 февраля 1884 г. писалъ арх. Антонину: „Чѣмъ ласковѣе патріархъ, тѣмъ, по моему, опаснѣе, и думаю—полагаю не ошибаюсь,—что онъ ждетъ случая и будетъ оный выжидать. Къ сожалѣнію, онъ порываетъ всѣ связи съ Палестинскимъ Обществомъ". Арх. Леониду въ письмѣ отъ того же дня В. Н. замѣтилъ: „Не могу не сознаться, что, радуясь всему этому, *я день похвалю, когда наступитъ вечеръ*". И оказалось, что Василій Николаевичъ былъ правъ въ своихъ сомнѣніяхъ, потому что дружелюбныя отношенія патріарха къ нашей миссіи продолжались весьма не долго. Арх. Антонинъ въ скоромъ же времени дѣлается для патріарха положительнымъ пугаломъ, и между нимъ и патріархомъ установились крайне натянутыя отношенія, не прерывавшіяся почти до самой отставки патріарха и удаленія его на покой на о. Халки.

Въ своихъ отношеніяхъ къ Православному Палестинскому Обществу патріархъ Никодимъ былъ еще менѣе послѣдователенъ. Съ момента своего избранія на каѳедру апостола Іакова онъ сталъ, какъ мы сказали, смотрѣть на него крайне подозрительно и даже враждебно. Школьная дѣятельность, начатая Обществомъ въ Галилеѣ и отчасти въ самомъ Іерусалимѣ, для новаго патріарха послужила ближайшимъ поводомъ къ неудовольствіямъ и весьма печальнымъ недоразумѣніямъ между нимъ и Обществомъ. Открывъ свои первыя три школы въ Гали-

лее, Общество естественно сознало настоятельную необходимость имѣть своего агента, которому бы можно было ввѣрить управленіе и завѣдываніе этими школами. Въ поискахъ за подходящимъ человѣкомъ въ роли агента Общества въ Палестинѣ В. Н. Хитрово обратился къ своему интимному другу архимандриту Леониду. „Необходимость имѣть на мѣстѣ своего агента *начинаетъ дѣлаться все ощутительнѣе*, писалъ къ нему В. Н-чъ 1 февраля 1883 г., а между тѣмъ нахожденіе такого лица все затруднительнѣе, по незнакомству съ мѣстными условіями. Изъ этого затруднительнаго положенія вывели вы, слѣдовательно, мы довѣряемъ вамъ. Вы говорите пригоденъ, и мы говоримъ то же". Избранникомъ архимандрита Леонида оказался дамасскій уроженецъ, питомецъ III курса Московской духовной академіи и доселѣ съ честію занимающій должность начальника учительской семинаріи въ Назаретѣ, А. Г. Кезма. Съ этимъ назначеніемъ для В. Н. Хитрово необходимо было коснуться разрѣшенія и нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ, когда особенно потребовалось А. Г. Кезмѣ „быть не частно, а оффиціально поставленнымъ подъ покровительство нашего бейрутскаго генеральнаго консула". Въ цитованномъ письмѣ къ архимандриту Леониду В. Н. Хитрово пишетъ: „Есть три мнѣ извѣстныхъ пути: 1) принятіе русскаго подданства, это можно, если онъ прожилъ въ Россіи не менѣе 3-хъ лѣтъ; 2) опредѣлить на службу оффиціально отъ министерства иностранныхъ дѣлъ—это нельзя и 3) опредѣлить частнымъ образомъ драгоманомъ или помощникомъ драгомана при бейрутскомъ консульствѣ, думаю, что возможно, но нужно списаться съ Петковичемъ. Болѣе легко и категорически можно

отвѣчать относительно содержанія. Вотъ что мы можемъ теперь дать: 600 р. бумажками въ годъ жалованья, 300 р. на разъѣзды тоже въ годъ. Это составитъ около 12,000 піастровъ, 150 р. на путь до Бейрута и, можетъ быть, выхлопочемъ ему даровое помѣщеніе въ Назаретѣ, гдѣ ему придется, я думаю, основать свою главную квартиру на первое время. Впослѣдствіи, когда наши средства возрастутъ или работа его увеличится, мы не отказываемся отъ прибавки... Окажите намъ неоцѣненную услугу присылкою такого (агента), но, вдолбивъ ему, что ему придется быть мудрымъ, яко змію, и незлобивому, яко горлицѣ".

Мѣсяцемъ раньше, а именно 19 января, В. Н. Хитрово въ письмѣ къ архимандриту Леониду изложилъ и подробную программу первоначальной дѣятельности въ Палестинѣ новаго агента. „Въ настоящее время, писалъ онъ, намъ нуженъ тамъ человѣкъ, который, не увлекаясь, выкинулъ бы изъ головы всѣ національныя иллюзіи, объѣхалъ бы прежде всего всѣ православныя селенія въ предѣлахъ Святой Земли и правдиво сообщилъ, что онъ найдетъ, затѣмъ, чтобъ онъ принялъ въ непосредственное свое завѣдываніе всѣ православныя наши въ селеніяхъ школы, чтобъ онъ былъ нѣчто въ родѣ инспектора народныхъ школъ. Деньги, по мѣрѣ силъ нашихъ, будетъ онъ получать отъ нашего генеральнаго консула въ Бейрутѣ и ему отдавать въ оныхъ отчетъ. Школы эти онъ долженъ посѣщать не менѣе двухъ разъ въ годъ и каждый разъ сообщать, что видѣлъ. На первое время ему придется, я думаю, поселиться въ Назаретѣ и тамъ основать свою главную квартиру. Такъ, думаю я, пройдетъ годъ или два, тамъ увидимъ, какъ Богъ поможетъ съ денежными

средствами, тогда намъ придется подумать о среднемъ учебномъ заведеніи—гдѣ—въ Назаретѣ или Іерусалимѣ, или иномъ мѣстѣ—покажетъ время, и во главѣ такого заведенія придется, если онъ окажется способнымъ, поставить его“.

А. Г. Кезмою, послѣ личнаго съ нимъ знакомства, остались „довольны“ и В. Н. Хитрово и секретарь Общества М. П. Степановъ, которые, основываясь на лестной рекомендаціи почтеннаго о. архимандрита Леонида, брали его изъ рукъ послѣдняго, какъ выразился въ письмѣ къ нему В. Н. Хитрово отъ 28 февраля 1883 г., „зажмурившись“. „Очень хорошій молодой человѣкъ, писалъ В. Н. архимандриту Антонину 7 февраля 1883 г., рекомендуя А. Г. Кезму, только боюсь—молодъ, а *главное заклюютъ его* въ Святой Землѣ и греки и турки, да и свои. Вотъ какъ его выгородить—въ этомъ-то и вопросъ“. „Онъ молодъ, неопытенъ, застѣнчивъ, и это его недостатки, говоритъ о немъ В. Н. Хитрово въ письмѣ къ о. Антонину 13 іюня, но есть желаніе что-либо сдѣлать, а тамъ что Богъ дастъ. Намъ приходится поневолѣ опираться на бейрутскаго Петковича, который пока всею душею къ намъ расположенъ и готовъ намъ помогать, не любя грековъ“.

Новый іерусалимскій патріархъ Никодимъ, у котораго А. Г. Кезма рѣшился испросить благословенія предъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Палестину, отнесся къ выбору Общества, однако же, не сочувственно и, какъ свидѣтельствуетъ архимандритъ Антонинъ въ письмѣ къ В. Н. Хитрово отъ 16 ноября 1883 г., посовѣтывалъ А. Г. Кезмѣ „до пріѣзда его сидѣть въ Іерусалимѣ и не начинать своей дѣятельности въ духѣ даннаго ему Палестинскимъ Обще-

ствомъ порученія“. Въ силу этого наказа А. Г. Кезма, по прибытіи въ Іерусалимъ черезъ Бейрутъ и нѣкоторыя галилейскія селенія, куда онъ ѣздилъ для исполненія возложеннаго Обществомъ на него порученія—собрать статистическія данныя о числѣ православныхъ въ этихъ селеніяхъ, о мѣстныхъ школахъ, о дѣятельности здѣсь инославныхъ пропагандъ и т. п., въ ожиданіи пріѣзда новаго патріарха, временно устроился въ Іерусалимѣ въ народной школѣ въ качествѣ преподавателя всеобщей исторіи. Но мирное его пребываніе въ этой школѣ было нарушено слѣдующимъ инцидентомъ. „12 числа утромъ, пишетъ о немъ В. Н. Хитрово архимандритъ Антонинъ отъ 16 ноября 1884 г., г. консулъ (Максимовъ) позвалъ къ себѣ импровизированнаго профессора и объявилъ ему, что о немъ сдѣланъ запросъ константинопольскому посольству нашему отъ великаго визиря, вслѣдствіе доноса здѣшняго паши. Встревоженный молодой человѣкъ немедленно обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ ему быть и что дѣлать? Консулъ ему сказалъ, что мѣстная власть можетъ, помимо консульства, схватить его и отправить въ Константинополь, какъ это случилось гдѣ-то въ бывшемъ пашалыкѣ дунайскомъ съ нѣкіимъ Вендтомъ. Еще мы разсуждали о Горгаѣ, какъ и самый консулъ явился ко мнѣ... Консулъ разсказалъ о неожиданной исторіи съ Кезмой. Каймакамъ Лиддо-Ремльскій донесъ Реуфу пашѣ (губернатору) о нѣкоемъ таинственномъ эмиссарѣ русскомъ, въ проѣздъ свой чрезъ Ремли и Лидду собиравшемъ разныя свѣдѣнія у мѣстныхъ христіанъ, а Реуфикъ поусердствовалъ сейчасъ же донести о случаѣ въ Порту... Г. Кезма сказалъ, что онъ въ бытность свою въ Ремли и

Лиддѣ рѣшительно не подалъ никакого повода къ заключенію о немъ, какъ эмиссарѣ, но о немъ здѣсь въ патріархіи знали задолго до пріѣзда, и чуть онъ поставилъ ногу на Святой Землѣ, какъ вотъ и цапъ-царапъ дружка! Посольство, конечно, отвѣтило въ Порту, что мало ли кто ѣздитъ по свѣту и любопытствуетъ узнавать то да другое въ любомъ мѣстѣ, однакоже, г. консулъ потребовалъ отъ г. Кезмы, чтобы онъ совершенно отказался отъ даннаго ему Обществомъ порученія и даже далъ ему подписку въ томъ, вручивъ ему и инструкцію, данную тому Обществомъ, которую онъ представилъ съ своими замѣчаніями въ посольство"... При Кезмѣ находились и Высочайше утвержденные знаки Палестинскаго Общества для новыхъ членовъ его изъ палестинскихъ митрополитовъ, о судьбѣ коихъ въ томъ же письмѣ о. архимандрита Антонина говорится слѣдующее: „Дипломы и кресты митрополитамъ назаретскому и птолемаидскому онъ передалъ г. консулу, вѣроятно по требованію сего послѣдняго, консулъ же заведетъ о нихъ дѣло въ посольствѣ, а послѣднее вытребуетъ у Порты право и позволеніе сказаннымъ владыкамъ быть членами, принять дипломы и носить декораціи".

Разсказанный фактъ послужилъ для консула В. А. Максимова поводомъ къ перепискѣ о Кезмѣ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, посломъ А. И. Нелидовымъ и Палестинскимъ Обществомъ. Въ частности, бывшій начальникъ Азіатскаго Департамента И. А. Зиновьевъ, нынѣ посолъ въ Константинополѣ, представилъ Обществу миссію г. Кезмы крайне неосторожною въ политическомъ отношеніи. Выражая сожалѣніе по тому поводу, что объ этомъ порученіи Общества г. Кезмѣ

наше константинопольское посольство не было предупреждено и такимъ образомъ лишено возможности „разсѣевать подозрѣнія, которыя могли внушить туркамъ дѣятельность Палестинскаго Общества“, И. А. Зиновьевъ 9 ноября 1883 г. писалъ, между прочимъ, что „это порученіе имѣетъ политическій характеръ и *принадлежитъ къ наиболѣе труднымъ и деликатнымъ*. Не говоря о предубѣжденіяхъ и противодѣйствіи, которыя предписанная г. Кезмѣ дѣятельность должна вызвать въ средѣ иновѣрныхъ общинъ, не слѣдуетъ забывать, что сами турки съ нѣкотораго времени относятся крайне несочувственно къ вмѣшательству иностранцевъ въ дѣло народнаго образованія и обыкновенно усматриваютъ въ вмѣшательствѣ этомъ политическіе замыслы“. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ этомъ порученіи не указаны обязанности представителя Общества по отношенію къ іерусалимскому патріарху. „Согласно существующему въ Турціи вѣковому порядку, говорится въ томъ же письмѣ И. А. Зиновьева на имя Т. И. Филиппова, восточнымъ іерархамъ предоставлена и политическая власть надъ ихъ единовѣрцами. Дѣло народнаго образованія входитъ непосредственно въ кругъ ихъ вѣдѣнія и, слѣдовательно, всякое вмѣшательство въ дѣло это, помимо соглашенія съ духовнымъ главою, составляетъ нарушеніе прерогативъ, коими сей послѣдній не можетъ поступиться безъ ущерба своему достоинству въ глазахъ не только своей паствы, но и турецкихъ властей. Равнымъ образомъ и іерусалимскій патріархъ не въ состояніи будетъ иначе взглянуть на дѣло это, если только г. Кезма будетъ его игнорировать, а изъ этого неизбѣжно произойдутъ прискорбныя пререканія между патріархомъ и представителемъ Православнаго Па-

лестинскаго Общества“. Въ-третьихъ. „Успѣшно бороться съ затрудненіями этими можетъ лишь лицо, по мнѣнію И. А. Зиновьева, обладающее большею опытностію и извѣстнымъ положеніемъ. Трудно предполагать такую опытность въ человѣкѣ, въ возрастѣ г. Кезмы, который при томъ, будучи природнымъ сирійцемъ, не въ состояніи внушить должнаго къ себѣ уваженія въ мѣстныхъ турецкихъ областяхъ. Эти послѣднія будутъ, вѣроятно, смотрѣть на него, какъ на турецкаго подданнаго и не сочтутъ, пожалуй, нужнымъ съ нимъ особенно стѣсняться, если только не будутъ убѣждены, что онъ пользуется правительственнымъ содѣйствіемъ русскихъ консульскихъ агентовъ“. Въ-четвертыхъ, наконецъ, миссія г. Кезмы, по мнѣнію И. А. Зиновьева, подрываетъ и престижъ іерусалимскаго консула, такъ какъ „*предоставленіе генеральному консульству въ Бейрутѣ контроля надъ дѣятельностію г. Кезмы въ округѣ іерусалимскаго консульства составляетъ нарушеніе консульскаго устава*“. Въ виду всего этого консулъ іерусалимскій, обиженный нарушеніемъ своихъ полномочій, порекомендовалъ также и съ своей стороны А. Г. Кезмѣ „не начинать ничего до пріѣзда въ Іерусалимъ патріарха Никодима“, а министерство иностранныхъ дѣлъ—даже „старательно воздерживаться отъ всякихъ попытокъ къ учрежденію школъ впредь до разъясненія тѣхъ пунктовъ предписанной ему программы, которые, по мнѣнію какъ посольства въ Константинополѣ, такъ и министерства иностранныхъ дѣлъ, могутъ неблагопріятно отозваться не только на интересахъ самаго Общества, но и на нашемъ политическомъ вліяніи въ Сиріи и Палестинѣ [1])“.

[1]) Журнал. засѣд. Совѣта № 13, прилож. 1.

Палестинское Общество, отвѣчая на возбужденный нашимъ константинопольскимъ посольствомъ вопросъ по этому инциденту, обратило вниманіе „на слишкомъ преувеличенное значеніе, которое Императорское посольство въ Константинополѣ придало А. Г. Кезмѣ, признавая его *представителемъ* Православнаго Палестинскаго Общества въ Святой Землѣ. Такого значенія ни Общество ему не приписывало, ни самъ А. Г. Кезма на себя не принималъ. До настоящаго времени А. Г. Кезма былъ только *корреспондентомъ*, посланнымъ Обществомъ для собранія необходимыхъ сему послѣднему статистическихъ свѣдѣній, и даже впослѣдствіи, если осуществились бы предположенія объ устройствѣ школъ въ Палестинѣ, онъ былъ бы не болѣе, какъ довѣренное лицо, но ни въ какомъ случаѣ *не представителемъ Общества*" [1]). Въ концѣ же концовъ Общество дало успокоительное завѣреніе „ничего не предпринимать въ предѣлахъ Св. Земли иначе, какъ по благословенію Его Блаженства, патріарха іерусалимскаго, и съ разрѣшенія Императорскаго посольства въ Константинополѣ", и даже оффиціально выработало порядокъ дѣйствій Общества по поддержанію православія въ Св. Землѣ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) „Православное Палестинское Общество дѣйствуетъ въ Святой Землѣ не иначе, какъ черезъ своего уполномоченнаго и съ благословенія іерусалимскаго патріарха.

2) „Утвержденную инструкцію нашему уполномоченному, по одобреніи ея министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Совѣтъ Общества сообщаетъ чрезъ сіе

---

[1]) Тамъ же, прилож. II.

министерство къ свѣдѣнію нашему послу въ Константинополѣ и подлежащимъ нашимъ консуламъ.

3) „Всѣ свѣдѣнія, добытыя уполномоченнымъ Общества, этотъ послѣдній сообщаетъ нашему консулу, въ раіонѣ дѣйствій коего собирались свѣдѣнія. Консулъ препровождаетъ докладъ уполномоченнаго, при своихъ замѣчаніяхъ, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое препровождаетъ его въ Совѣтъ Общества.

4) „Общество рѣшаетъ, что можетъ оно сдѣлать, и свое по этому рѣшеніе препровождаетъ уполномоченному чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ.

5) „Въ предѣлахъ Россіи Общество, по мѣрѣ возможности, обучаетъ православныхъ жителей Святой Земли и старается помѣстить ихъ въ семинаріяхъ, духовныхъ академіяхъ и иныхъ учебныхъ заведеніяхъ“ [1]).

Въ особомъ „наставленіи уполномоченному Православнаго Палестинскаго Общества,“ въ приложеніяхъ подъ № 5 къ протоколамъ Совѣта Общества, изложены самымъ подробнымъ образомъ дѣятельность его и отношенія къ мѣстнымъ властямъ—духовнымъ и свѣтскимъ, турецкимъ и русскимъ. Но въ общемъ В. Н. Хитрово остался недоволенъ всей этой исторіей съ г. Кезмою и его первую поѣздку по Галилеѣ, призналъ „не удавшеюся“. „Можно было бы вести дѣло секретно и достигнуть результатовъ, писалъ В. Н. Хитрово арх. Антонину 19 декабря 1883 г., а затѣмъ, хотя и поднялась бы буря, дѣло было бы сдѣлано. Захотѣли дѣло вести открыто, результатъ не могъ быть сомнителенъ“. „Кезма въ Іерусалимѣ

---

[1]) Тамъ же, прилож. III.

во всякомъ случаѣ не останется: или онъ будетъ дѣйствовать въ Назаретѣ, или въ Бейрутѣ, а всего вѣрнѣе въ Россіи. Школы ни въ Іерусалимѣ, ни въ его ближайшихъ окрестностяхъ мы не откроемъ, черезчуръ много будетъ тренія съ патріархіею; одно что будемъ дѣлать—это поддерживать Ансуровскую школу и до тѣхъ поръ, пока она не перейдетъ въ распоряженіе патріархіи, а это будетъ первое, что сдѣлаетъ Никодимъ. Затѣмъ, въ Галилеѣ мы бы открыли школы и среднюю скорѣе всего въ Назаретѣ, но на сіе Никодимъ никогда не согласится, или потребуетъ, чтобъ деньги шли чрезъ его руки. На это мы не согласимся. Тогда останется одно, и думаю самое практическое — устроить школу здѣсь (т. е. въ Одессѣ), приготовленную на 10 или 20 мальчиковъ, уроженцевъ Палестины, для семинарій и другихъ среднихъ русскихъ заведеній. Если она пойдетъ удачно, мы будемъ лѣтъ черезъ 7 или 8 ежегодно выпускать отъ 10 до 20 мальчиковъ, которые мало по малу составятъ нашъ контингентъ въ Палестинѣ. Это тихо, медленно, это капля въ морѣ все-таки, объ этомъ не спорю, но не наша вина, что иначе не дѣйствуемъ. Одно, что положительно вамъ скажу, это что *ни копѣйки нашихъ денегъ греки не увидятъ*".

Въ пользу сочиненныхъ инструкцій и въ то, что школы Общества въ Палестинѣ получатъ разрѣшеніе патріарха, В. Н. Хитрово рѣшительно не вѣрилъ, но надѣялся, что рано или поздно наступитъ пора, когда патріархъ Никодимъ остынетъ въ своемъ рвеніи и постарается установить modus vivendi съ Палестинскимъ Обществомъ болѣе благопріятный, а для этого, конечно, слѣдовало выждать

время и не сидѣть, сложа руки, безъ всякаго дѣла. Мысль Василія Николаевича въ это время обращается къ Бейруту и къ тамошнему генеральному консулу К. Д. Петковичу, охотно предлагающему свои услуги въ дѣлѣ устроенія школъ, помощи и покровительства имъ. Отлично понимая, что Общество въ „денежномъ отношеніи живетъ громкими именами Іерусалима и Святой Земли, поэтому и получаемыя средства можетъ только на нихъ употреблять", В. Н. Хитрово ведетъ рѣчь объ учрежденіи въ Бейрутѣ школы съ интернатомъ для палестинскихъ уроженцевъ, съ Кезмою во главѣ этой школы. „Мы можемъ тратить, пишетъ В. Н. Хитрово К. Д. Петковичу 26 марта 1884 г., на Бейрутскую школу до 5,000 р., присоединяя къ этому 1,200 р., получаемыхъ Кезмою, и 800 р., которые вѣроятно останутся свободными отъ закрытія нашихъ школъ Никодимомъ, составится до 7 тысячъ въ годъ". „Думаю, говорится въ письмѣ В. Н. Хитрово къ тому же консулу отъ 25 іюля 1884 г., что на завѣдываніе такимъ интернатомъ, особенно подъ вашимъ высшимъ наблюденіемъ, Кезма будетъ способенъ; во всякомъ случаѣ нужно ему внушить, что онъ долженъ постараться сдѣлать. Такое порученіе не составляетъ для него новости. Объ этомъ съ нимъ было говорено, и онъ за это брался. Вся разница въ томъ, что интернатъ и цѣлая самостоятельная школа въ Назаретѣ предполагалась быть порученною ему и, кромѣ того, наблюденіе за остальными школами, конечно, подъ вашимъ покровительствомъ".

А. Г. Кезма, крайне непривѣтливо встрѣченный въ Іерусалимѣ и не получившій патріаршаго благословенія, подъ предлогомъ устройства семейныхъ

дѣлъ, въ виду кончины его отца, покинулъ Іерусалимъ и Ансуровскую школу, которая 1 марта 1884 г., по желанію патріарха Никодима, „примкнула къ патріаршей школѣ со всѣми учениками и учителями, составлявшими доселѣ персоналъ ея“, съ 10-ти членною эфоріею во главѣ [1]), и отправился на родину въ Дамаскъ, а оттуда въ Бейрутъ въ мѣстную арабскую школу, чтобы преподавать въ ней пока русскій языкъ. „У него, по словамъ К. Д. Петковича, съ перваго дня оказались 25 учениковъ, изъявившихъ желаніе учиться русскому языку“ [2]).

Отъ этой первой своей неудачи въ насажденіи школъ въ Палестинѣ В. Н. Хитрово, однакоже, не пришелъ въ отчаяніе, но весьма ясно рисовалъ себѣ будущія перспективы и близкую возможность измѣненія симпатій іерусалимскаго патріарха въ сторону Общества. „Удастся ли ему (т. е. патріарху Никодиму) возстановить авторитетъ патріарха въ Іерусалимѣ или нѣтъ, иными словами, такъ здѣсь пугающими, удастся ли ему сломить святогробское братство, или оно его сломитъ, я,—пишетъ В. Н. Хитрово К. Д. Петковичу 25 іюня 1884 г.,—склоненъ къ послѣднему. Онъ бьетъ ихъ по карману, а это самое для нихъ чувствительное. Конечно, эллинофильство для нихъ до извѣстной степени важно, но только, чтобъ скрывать плутофильство свое. Поэтому они присмирѣли до поры до времени. Но это обычная участь іерусалимскаго патріарха, имѣющаго въ этомъ отношеніи много сходства съ Польшею. Какъ здѣсь каждое

---

[1]) Изъ письма арх. Антонина къ В. Н. Хитрово отъ 3 марта 1884 г.

[2]) Письмо К. Д. Петковича къ В. Н. Хитрово отъ 3 марта того же года.

поколѣніе считаетъ своею обязанностью испытать свои силы новымъ возмущеніемъ, такъ и здѣсь наступаетъ затишье послѣ каждаго избранія. Деньги истрачены, затѣмъ начинается новое копленіе денегъ, и когда наберутся, проба сверженія и избранія новаго патріарха въ надеждѣ попасть на его мѣсто. Отнятіе денежныхъ средствъ, чѣмъ началъ Никодимъ, есть, во-первыхъ, только мѣра палліативная, такъ какъ ее будутъ стараться обходить по возможности, и во-вторыхъ, мѣра до нельзя возбуждающая противъ него ненависть, и съ которою мирятся, лишь разсчитывая на щедрыя и богатыя подачки отъ Россіи. Разъ онѣ прекратятся, комедія или трагедія разыграется. Въ виду всего этого *ему не слѣдовало бы пренебрегать Палестинскимъ Обществомъ*. Во-первыхъ, оно здѣсь, а во-вторыхъ, оно все-таки живучѣе, чѣмъ патріархъ. Все это мнѣ кажется такъ ясно, что я убѣжденъ, что когда Никодимъ нѣсколько отрезвится, то *между нами и имъ установится извѣстный modus vivendi*, но какой—это зависитъ и отъ обстоятельствъ и отъ случая. Также не могу сказать: когда? *Никодиму нужно дать успокоиться, намъ окрѣпнуть*. Мы слѣдимъ чутко и, вѣрьте, воспользуемся первымъ удобнымъ случаемъ, а пока намъ въ Палестинѣ дѣлать нечего. Испрашивать разрѣшенія и благословенія значитъ идти на вѣрный отказъ, который только обостряетъ отношенія, и безъ того натянутыя. Намъ остается пока игнорировать его, какъ онъ игнорируетъ насъ, а потому *пресловутую инструкцію и наставленіе нашему агенту*, которую вы получили и которая была выдумана и сочинена въ министерствѣ, я, да, полагаю, не я одинъ, считаю одною изъ тысячи бумагъ, сочиненныхъ въ нашемъ

министерствѣ, и которымъ суждено оставаться бумагою для обмана будущихъ историковъ".

Ожидать „удобнаго момента" въ перемѣнѣ чувствъ патріарха къ Палестинскому Обществу пришлось недолго. Объ этой перемѣнѣ немедленно же сообщилъ В. Н. Хитрово его постоянный корреспондентъ арх. Антонинъ въ письмѣ отъ 13 іюня 1884 г. „Не разъ всеторжественно заявлялъ преобиженный якобы вами патріархъ, писалъ о. арх. Антонинъ, что *онъ не имѣетъ ничего на сердцѣ противъ Общества, что онъ радъ существованію его, что онъ самъ первый подалъ вамъ мысль объ учрежденіи его и что готовъ идти рука въ руку съ нимъ.* Что же требуется для сего? Повидимому пустѣйшая вещь: оффиціальная бумага къ нему (конечно, за подписью предсѣдателя) въ какомъ бы то ни было смыслѣ, родѣ, видѣ и проч. Лишь бы онъ увидѣлъ, что его знаютъ, признаютъ, чтутъ и почитаютъ за патріарха, за киріарха страны, однимъ словомъ, не просто за Никодима, а въ родѣ какъ бы за самодержца Святой Земли... Думаю такъ потому, что можетъ быть благовременно было бы Обществу найти какой-нибудь поводъ вступить въ переписку съ Его Блаженствомъ. Онъ самъ первый не сдѣлаетъ этого даже изъ одной боязни предъ аѳинскою печатью, уже обозвавшею его, ни за что ни про что, слѣпымъ органомъ эллинопогибельнаго Общества нашего. Болталъ блаженнѣйшій или серьезно высказывалъ мысль свою, что онъ съ радостію подчинится контролю съ нашей стороны, ибо ничего не хочетъ дѣлать и видѣть въ тайнѣ. Пусть, говоритъ, будетъ постоянная тутъ повѣрочная коммиссія расходовъ святогробскихъ, въ коей пусть засѣдаетъ и консулъ русскій и архимандритъ, и кто угодно

другой отъ русскаго правительства, ему все равно. Лишь бы дѣло шло. Но ужъ, конечно, никакому темному Кезмѣ или Селиму Хури самому не будетъ тутъ мѣста. Ухватиться бы намъ за такой либеральный взглядъ патріаршій на трудную задачу приведенія въ порядокъ дѣлъ здѣшнихъ, и добиться, дѣйствительно, учрежденія смѣшанной повѣрочной (не думаю, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ и распорядительной) коммиссіи. Сошлось же Общество кое-какъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Пусть оба вмѣстѣ поведутъ рѣчь о благопотребности сказанной коммиссіи".

В. Н. Хитрово и не упустилъ этого „удобнаго случая", но воспользовался имъ, чтобы завязать мирныя сношенія съ Никодимомъ. Поводовъ у него лично для этого было много, и къ тому же этого сближенія желали и министерство иностранныхъ дѣлъ, и константинопольское посольство. „Министерство иностранныхъ дѣлъ постоянно къ намъ приставало, писалъ В. Н. Хитрово арх. Антонину 14 ноября 1884 г., испросить благословеніе. Безъ него, вѣрнѣе, безъ этой формальности мы ничего не могли дѣлать на мѣстѣ, т. е. въ Святой Землѣ. Къ этому присоединились еще, какъ мнѣ казалось, совѣты ваши и графини Ольги Евѳимьевны, которые, по моему крайнему разумѣнію, сводились къ тому: да поклонитесь, что вамъ стоитъ? Дѣйствительно, за поклономъ дѣло не зачѣмъ останавливать было, но нужно было прежде всего опредѣлить, насколько *я лично могу вести переговоры*. Т. е., послѣ прошлогодней брани меня, улеглась ли злоба на меня или нѣтъ, и будутъ ли меня слушать, и 2-е, въ какомъ положеніи находятся дѣла патріарха. Вотъ побужденіе моего письма. На него я получилъ от-

вѣтную телеграмму. Она мнѣ показала двѣ вещи: 1) *слушать меня будутъ* и 2) *дѣла патріарха плохи*. Впослѣдствіи уже узналъ я, что телеграмма была вызвана не столько моимъ письмомъ, сколько письмомъ Нелидова къ патріарху, копію съ котораго везу съ собою и въ которомъ посолъ (времена измѣняются, и мы съ ними) дѣлаетъ цѣлый выговоръ патріарху за его отношенія къ нашему Обществу [1]),

---

[1]) „Вполнѣ признавая, что дѣло образованія православнаго населенія Палестины входитъ, говорится въ довѣрительномъ письмѣ министра иностранныхъ дѣлъ послу въ Константинополѣ, въ кругъ дѣйствій іерусалимскаго патріарха, министерство иностранныхъ дѣлъ находитъ, однако, что *содѣйствіе Палестинскаго Общества могло бы принести въ этомъ отношеніи существенную пользу*, и что поэтому не слѣдовало бы лишать *Общество возможности принимать въ дѣлѣ этомъ участіе*. Нѣтъ сомнѣнія, что личныя качества нынѣшняго патріарха служатъ вполнѣ благонадежнымъ ручательствомъ въ томъ, что, въ случаѣ предоставленія въ его полное распоряженіе жертвуемыхъ Обществомъ средствъ, сіи послѣднія получатъ вполнѣ цѣлесообразное назначеніе. Но прошлое іерусалимской церкви доказываетъ, къ сожалѣнію, что далеко не всѣ предшественники Блаженнѣйшаго Никодима относились съ тѣмъ же вниманіемъ къ духовнымъ потребностямъ православнаго населенія, почему есть основаніе опасаться, что и впослѣдствіи, въ случаѣ вступленія на патріаршій престолъ лица менѣе достойнаго, дѣло народнаго образованія можетъ вновь очутиться въ томъ неутѣшительномъ положеніи, въ которомъ оно не разъ находилось и которое служило главною причиною наплыва дѣтей православныхъ въ многочисленныя иновѣрческія школы, гдѣ не окрѣпшія въ правилахъ своей вѣры дѣти или проникались равнодушіемъ къ православію, или же окончательно совращались въ католичество и протестантство. Казалось бы, что участіе Палестинскаго Общества, средства коего постоянно увеличиваются, благодаря пріобрѣтенному имъ въ Россіи довѣрію, и *которое дѣйствовало бы на основаніи зрѣло обдуманной и установленной по соглашенію съ іерусалимскою патріархіею программы, могло бы во многомъ содѣйствовать устраненію невыгодныхъ условій этихъ и что со временемъ Общество могло бы обратиться въ весьма дѣйствительное орудіе для борьбы съ иновѣрными пропагандами.*—Обстоятельства эти побуждаютъ меня обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою

которымъ интересуется Императоръ и за которымъ стоитъ вся Россія. (О, если бы все это было такъ!) Таковое же замѣчаніе или репримандъ былъ сдѣ-

---

благоволить тѣмъ способомъ, который вы признаете наиболѣе удобнымъ, оказать зависящее отъ васъ содѣйствіе Палестинскому Обществу въ настоящемъ дѣлѣ, обратить вниманіе Блаженнѣйшаго Никодима на вышеизложенныя соображенія и постараться убѣдить его въ пользѣ предоставленія Обществу возможности содѣйствовать своими средствами размноженію православныхъ школъ и улучшенію какъ нравственыхъ, такъ и матеріальныхъ условій ихъ существованія". Рекомендуется послу Нелидову „разъяснить" и туркамъ „неосновательность подозрѣній, которыя внушаютъ имъ предположенія Палестинскаго Общества, въ коемъ Порта усматриваетъ, повидимому, правительственное учрежденіе". „Интересы наши въ Святой Землѣ, какъ хорошо извѣстно, имѣютъ исключительно православный и религіозный характеръ; они совершенно чужды какихъ-либо политическихъ замысловъ, и турки имѣли бы, повидимому, болѣе основаній подозрительно относиться къ дѣятельности иновѣрческихъ пропагандъ, быстрые успѣхи которыхъ заслуживаютъ дѣйствительно серьезнаго вниманія". Палестинскому Обществу въ концѣ концовъ предлагалось обратить вниманіе „на необходимость воздерживаться отъ какихъ-либо начинаній въ Святой Землѣ впредь до полученія вашихъ соображеній и заключеній". А. И. Нелидовъ 18 августа 1884 г. отправилъ къ патріарху обширное письмо, въ которомъ, выражая сожалѣніе по поводу своего несостоявшагося путешествія въ Іерусалимъ, касается и цѣли этого путешествія. „Давно уже занимаетъ меня мысль, пишетъ А. И. Нелидовъ, установить на болѣе правильныхъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ паломничество нашихъ соотечественниковъ въ Святую Землю, способствовать къ поднятію нравственнаго уровня русскихъ богомольцевъ и отдалить тѣхъ изъ нихъ, которые недостойнымъ образомъ проходятъ священныя поклоненія и своимъ примѣромъ могутъ служить соблазномъ для другихъ. Мнѣ всегда казалось необходимымъ найти средства къ болѣе тщательному надъ ними наблюденію и духовной дисциплинѣ. На этомъ поприщѣ содѣйствіе учрежденнаго недавно въ Россіи Православнаго Палестинскаго Общества можетъ принести большую и существенную пользу. Доставившее русскимъ богомольцамъ матеріальную возможность и облегченіе для посѣщенія Святыхъ мѣстъ, оно легко можетъ озаботиться и улучшеніемъ нравственныхъ условій нашего паломничества". Переходя къ дѣятельности Палестинскаго Общества на пользу просвѣщенія населенія Сиріи и Палестины, т. е. по устройству школъ

ланъ и вашему генералу (т. е. консулу Кожевникову).

и возможныхъ въ этомъ дѣлѣ столкновеній съ патріархомъ, какъ главою церкви, А. И. Нелидовъ повторяетъ почти дословно мысли довѣрительнаго къ нему письма министра иностранныхъ дѣлъ, рисуя эту сторону дѣятельности Общества въ самыхъ заманчивыхъ перспективахъ и какъ несомнѣнную „услугу дѣятельности самого патріарха". „Частная инициатива Общества, изслѣдованія, произведенныя его агентомъ на мѣстѣ съ исключительною цѣлью ознакомиться съ положеніемъ школьнаго дѣла православныхъ и иновѣрныхъ учрежденій, можетъ выяснить многія мѣстныя нужды и, безъ обремененія патріаршей казны, принести негласную помощь, или денежнымъ вспомоществованіемъ наиболѣе нуждающимся школамъ, или доставленіемъ средствъ на учрежденіе новыхъ школъ тамъ, гдѣ населеніе не въ состояніи ихъ основать и поддержать само, или гдѣ козни иновѣрныхъ пропагандъ угрожаютъ привлекать православныхъ воспитанниковъ въ свои заведенія. Эта *частная* дѣятельность Общества, идя параллельно съ оффиціальною дѣятельностію патріархіи и подчиняясь ей (sic), можетъ, мнѣ кажется, только служить ей помощью, и если она будетъ ведена осмотрительно и мудро, безъ излишняго шума, сообразуясь съ мѣстными условіями, съ требованіями времени и обстоятельствъ, не должно возбуждать ни подозрѣній мѣстной власти, ни чьей бы то ни было основательной зависти и враждебности, кромѣ, разумѣется, постоянной недоброжелательности исконныхъ враговъ православія. А потому Палестинское Общество и сочувствующее ему русское высшее общество вполнѣ увѣрены въ благосклонной поддержкѣ, которую Вашему Блаженству угодно будетъ оказать подобной программѣ дѣйствій Общества, поставленныхъ на таковыхъ условіяхъ.—Вашему Блаженству близко извѣстны и покровительство, оказываемое въ успѣхахъ Православнаго Палестинскаго Общества Государемъ Императоромъ, и дѣятельное участіе, принимаемое въ его дѣйствіяхъ его Августѣйшимъ Предсѣдателемъ, государемъ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ; отъ вниманія Вашего не ускользнетъ безъ сомнѣнія и сочувствіе, съ какимъ отнеслись къ основанію и цѣли Общества просвѣщенные кружки въ Россіи вообще. Мнѣ кажется, что кромѣ прямыхъ выгодъ, могущихъ проистечь отъ хорошо направленныхъ дѣйствій Общества, которыя могли бы служить, до извѣстной степени, противовѣсомъ неусыпной дѣятельности подобныхъ же иновѣрныхъ обществъ, *для Іерусалимской церкви должно быть полезно и сохраненіе единенія съ русскимъ Царскимъ Домомъ и русскимъ народомъ, чрезъ оказаніе сочувствія и вниманія къ дорогому имъ боголюбивому и общеполезному предпріятію.* Такъ

„Съ другой стороны, совершившаяся поѣздка Бориса Павловича не осталась также безъ нѣкотораго вліянія. Ему я не особенно довѣряю, знаю и данную ему инструкцію, которая касается двухъ пунктовъ: во-первыхъ, увеличить помѣщеніе паломниковъ и, во-вторыхъ, разобрать отношенія консула къ начальнику духовной миссіи. Этотъ второй пунктъ, зная Бориса Павловича, меня особенно безпокоилъ тѣмъ,

---

какъ по соглашенію съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ общее направленіе дѣйствій Общества въ средѣ мѣстнаго населенія поставлено въ зависимость отъ указаній нашихъ агентовъ, а высшее наблюденіе за ними предоставлено ввѣренному мнѣ посольству, то Ваше Блаженство можете быть увѣрены, что въ дѣйствіяхъ этихъ невозможно проявленіе никакихъ стремленій, несовмѣстныхъ съ тѣмъ сознаніемъ истиннаго положенія и нуждъ іерусалимской патріархіи и тѣмъ сочувственнымъ къ оному уваженіемъ, которыми глубоко, какъ Вамъ хорошо извѣстно, проникнуто Императорское правительство Турціи". Послѣднему нѣтъ нужды опасаться дѣятельности Палестинскаго Общества, такъ какъ оно „отнюдь не ищетъ ни распространенія политическаго вліянія Россіи, ни покровительства ея надъ мѣстнымъ населеніемъ, а лишь сохраненія сего послѣдняго въ вѣрѣ его отцовъ и созданныхъ ему обстоятельствами гражданскихъ условій существованія съ распространеніемъ между нимъ православнаго просвѣщенія. Къ тому же подчиненіемъ своихъ дѣйствій разрѣшенію и благословенію Вашего Блаженства, оно ставитъ себя въ полное единство дѣйствія съ духовною властію патріархата, отнюдь не желая, однако, этимъ возложить на него какую либо отвѣтственность предъ кѣмъ-либо, но лишь предоставляя ему мудрыми указаніями своими направлять его на истинный путь и отстранять отъ могущихъ встрѣтиться въ его начинаніяхъ погрѣшностей и ошибокъ. При такихъ условіяхъ и при *личномъ моемъ наблюденіи за направленіемъ дѣйствій Общества*, я льщу себя надеждою, глубокоуважаемый и чтимый архипастырь, что Ваше Блаженство не откажете мнѣ въ моей смиренной просьбѣ оказать дѣйствіямъ Православнаго Палестинскаго Общества вашу святительскую благосклонность и *давать посылаемымъ отъ него съ цѣлью вспомоществованія мѣстнымъ школамъ и негласнаго собранія нѣкоторыхъ свѣдѣній по этому предмету Ваше архипастырское благословеніе на это богоугодное предпріятіе*. На каждое изъ таковыхъ дѣйствій благословеніе Ваше будетъ особенно испрашиваться чрезъ посредство близко извѣстнаго вамъ генеральнаго консула нашего

въ особенности, что зналъ его взглядъ на миссію, который едва-ли онъ измѣнитъ, а вернувшись будетъ говорить: я видѣлъ, я знаю. Необходимо имѣть ему противовѣсъ, который могъ бы тоже говорить: и я видѣлъ, и я знаю. И полагаю, такимъ противовѣсомъ могъ бы быть теперь только я.

„Но всѣ эти обстоятельства едва-ли бы ускорили мою поѣздку, я даже полагалъ бы, что мое присутствіе въ Іерусалимѣ, по отъѣздѣ Бориса Павловича, было бы даже полезнѣе, а главное я думаю, что патріарху было бы легче, а теперь онъ не будетъ знать, кому угождать, но какъ говорится: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

„Въ концѣ сентября получена была депеша изъ Ильинскаго отъ Великаго Князя: „можетъ ли Хитрово сейчасъ ѣхать?“ Я отвѣчалъ, что могу. Дѣло объяснялось геѳсиманскою постройкою. Вѣроятно, Государь напомнилъ, что пора дѣло это кончить. Предварительно и настаивалъ, чтобъ эту постройку подъ непосредственнымъ вашимъ надзоромъ поручили не русскому изъ Питера архитектору, а мѣстному. Объ

г. Кожевникова“. „Мнѣ исключительно желательно въ виду положенія Общества въ Россіи, участія принимаемаго въ его успѣхѣ Государемъ Императоромъ, царскою фамиліею и Императорскимъ правительствомъ, равно и явной пользы, могущей проистечь изъ хорошаго направленія его дѣйствій для православія, *способствовать къ установленію между нимъ и патріархіею нравственныхъ и сочувственныхъ отношеній, вполнѣ сообразныхъ* съ единствомъ цѣли, которой служитъ православная церковь и къ служенію которой стремится и русское Палестинское Общество“. Нужно полагать, что подъ вліяніемъ воздѣйствій на Палестинское Общество съ стороны министерства въ засѣданіи 9 февраля и было постановлено: „генеральнаго консула въ Іерусалимѣ просить исходатайствовать у блаженнѣйшаго патріарха Никодима благословеніе для А. Г. Кезмы на объѣздъ православныхъ селеній Палестины, А. Г. Кезмѣ сообщить предписаніемъ“.

этомъ Великій Князь вспомнилъ и пожелалъ поручить мнѣ переговорить объ этомъ съ вами и, съ вашего согласія, съ Шикомъ, который долженъ былъ, по утвержденному уже Государемъ плану церкви, составить смѣту, а затѣмъ уже произвести и самую закладку. Но когда стали отыскивать планъ, то онъ оказался Великимъ Княземъ потеряннымъ. Гриммъ, который его составлялъ, отказался его возстановить, и затѣмъ мнѣ приказано ожидать въ Іерусалимѣ новаго плана. Но, зная наши порядки, я выговорилъ себѣ, что если бы планъ не былъ высланъ, а поэтому и самая смѣта не составлена, то, по соглашенію съ вами, произвести во всякомъ случаѣ закладку, а затѣмъ смѣту, по полученіи плана, поручить Шику и ему же постройку подъ вашимъ надзоромъ и наблюденіемъ.

„Этимъ же случаемъ я воспользовался для нѣкотораго подвиганія впередъ и предполагаемаго сооруженія на раскопанномъ мѣстѣ (близъ храма Воскресенія). Что это мнѣ хотѣлось, — мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось. Пришлось хлопотать иначе. Планъ Великій Князь утвердилъ, и министерство иностранныхъ дѣлъ разрѣшило произвести по оному постройку. Значитъ и ее, съ Божіею помощью, мы заложимъ.

„Что касается до переговоровъ съ патріархомъ, то я на нихъ не возлагаю большой надежды. Мы черезчуръ хорошо другъ друга знаемъ и, что важнѣе, мы слишкомъ другъ отъ друга расходимся, чтобъ соглашеніе могло бы состояться. Въ почетѣ мы и я щедры, но въ деньгахъ—этого не скажемъ. Предложенія патріарха объ учрежденіи эфоріи подъ его предсѣдательствомъ изъ васъ и генеральнаго консула не встрѣчаютъ сочувствія ни со стороны Великаго

Князя, ни нашего посла, еще менѣе съ моей лично. На другое что, сомнѣваюсь, чтобъ патріархъ пошелъ. Выслушаемъ, увидимъ, и если вынесемъ невозможность соглашенія, то и то, по моему, польза, ибо тогда постараемся перенести нашу дѣятельность на иную почву. Что же дѣлать?“.

По поводу этой предполагаемой поѣздки В. Н. Хитрово въ Палестину мы имѣемъ другое любопытное письмо, адресованное имъ къ интимному своему другу архимандриту Леониду. „Скажу вамъ по секрету, писалъ онъ 15 октября 1884 г., что если Богу будетъ угодно, то въ январѣ думаю двинуться въ Святую Землю. *Положеніе Никодима въ Іерусалимѣ съ каждымъ днемъ становится хуже и ужъ не я, а онъ желаетъ меня видѣть и переговорить, насколько можно ему опереться на наше Общество.* Такъ отчасти сбывается мое предчувствіе, что настанетъ время, когда онъ убѣдится, что единственно расположеннымъ къ нему и патріархіи человѣкомъ въ Петербургѣ окажусь я. Но странное чувство овладѣваетъ мною съ тѣхъ поръ, какъ начались переговоры о моей поѣздкѣ. Что мнѣ въ Іерусалимѣ быть хочется—это вы знаете, *но ѣхать туда со свѣтскими дѣлами какъ-то претитъ моей душѣ.* Кто возвратитъ и кто дастъ мнѣ впечатлѣнія перваго моего пребыванія въ святомъ градѣ, гдѣ я въ ономъ былъ, какъ простой поклонникъ. Да будетъ воля Божія! *Въ Палестинскомъ дѣлѣ смотрю я на себя, какъ на орудіе въ рукахъ Божіихъ, и благодарю Его за сіе, и потому глубоко вѣрую, что если путешествіе удастся, то Его святая воля*“.

Третья поѣздка въ Іерусалимъ Василія Николаевича съ супругою состоялась, какъ и было предпо-

ложено, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Не смотря на позднее время года, когда на морѣ господствуютъ частыя бури, опасенія морской качки, трудно выносимой имъ и его спутницею, не оправдались. Василій Николаевичъ на этотъ разъ дѣлалъ свой путь въ Святую Землю „длиннымъ круговымъ рейсомъ“ при благо пріятной сравнительно погодѣ. Цѣль такого „утоми тельнаго 23-хъ дневнаго пребыванія почти безъисходнаго на пароходѣ“, по словамъ В. Н., заключалась въ томъ „нарочно, чтобы познакомиться съ путемъ нашихъ паломниковъ“. „Результаты этого трехъ слишкомъ недѣльнаго пребыванія, признавался онъ въ обширномъ письмѣ отъ 23 декабря 1884 г. къ М. П. Степанову, не прошли безслѣдно. Я перезнакомился почти со всѣми паломниками, а ихъ съ нами ѣхало до 200, и, откровенно сказать, *полюбилъ этотъ темный безотвѣтный людъ еще болѣе*. Сколько нужды, лишеній, и сколько вѣры и любви! Что мы въ сравненіи съ этими добровольными страстотерпцами. Они меня переносили во времена крестоносцевъ, особенно когда вечеромъ образовывались хоры человѣкъ изъ 50 или 60 для духовнаго пѣнія на сонъ грядущій. Было что то несказуемое поэтическое въ этомъ пѣніи священныхъ гимновъ на родномъ языкѣ, гдѣ-то средь ночи, вдали отъ родины. Молитва уничтожала разстояніе: думалось, что это не близъ Мѵръ Ликійскихъ, а гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Москвы. Сколько разъ выйдешь, бывало, ночью на палубу, заглянешь въ трюмъ и видишь крестныя знаменія, молитвы многихъ предъ иконою съ затепленною свѣчею. Ахъ, добрѣйшій другъ мой, много еще хорошихъ, очень хорошихъ людей!“ По причинѣ нездоровья жены В. Н. Хитрово прервалъ водный путь и

высадился въ Бейрутѣ, имѣя въ виду повидаться здѣсь съ К. Д. Петковичемъ, котораго онъ въ одномъ изъ писемъ къ нему (отъ 26 марта 1884 г.) называлъ „каменною стѣною“ Общества и человѣкомъ „безъ заискиванья и безъ задней мысли преданнымъ дѣлу Палестинскаго Общества“. Въ простотѣ своего сердца думалъ В. Н., что „второго Константина Дмитріевича не найдешь, мало того, хоть по всему прибрежью прокатись и не найдешь“. „Онъ одинъ на мѣстѣ могъ и дѣйствительно стоялъ на стражѣ, аттестуетъ его В. Н. въ томъ же письмѣ къ М. П. Степанову, разоблачалъ клевету, переходя въ нападеніе при первой возможности и этимъ поддерживая наше положеніе. Сколькихъ происковъ и клеветъ мы не знали, и я узналъ впервые, сколько обвиненій, а съ другой стороны сколько вещей, доходившихъ до насъ, оказались пуфомъ, выдуманнымъ, чтобы насъ застращать“. „Пока Петковичъ въ Бейрутѣ, мы можемъ быть спокойны, и если онъ можетъ сказать слово или оказать намъ содѣйствіе, онъ это сдѣлаетъ“. Здѣсь же, въ Бейрутѣ, состоялось свиданіе Василія Николаевича съ своимъ неудачникомъ— „агентомъ“ А. Г. Кезмою, которому былъ „прочитанъ цѣлый курсъ, какъ ему дѣйствовать и въ одномъ и въ другомъ случаѣ“, т. е. если будетъ дано патріархомъ благословеніе на открытіе школъ, и если не будетъ дано. Посѣтивъ русскій классъ г. Кезмы съ 13 учениками въ мѣстной школѣ, В. Н. назвалъ его занятія „забавою“, однако же не безполезною для будущей его педагогической дѣятельности. Свиданіе съ Гавріиломъ, митрополитомъ бейрутскимъ, долго жившимъ въ Россіи и говорившимъ по-русски, очевидно, не оставило глубокихъ впечатлѣній, такъ

какъ о нихъ нѣтъ въ письмѣ никакихъ замѣчаній.

Изъ Бейрута, черезъ шесть дней по пріѣздѣ, В. Н. Хитрово отправился въ Баальбекъ для обозрѣнія развалинъ его и въ Дамаскъ, чтобы повидаться съ патріархомъ, 80-лѣтнимъ старцемъ Іероѳеемъ, и познакомиться съ патріаршею школою, поставленною въ педагогическомъ отношеніи хорошо. Свиданіе съ Агапитомъ, епископомъ гауранскимъ, отлично говорившимъ по-русски, произвело глубокое впечатлѣніе на Василія Николаевича. „Вотъ гдѣ бы, замѣчаетъ онъ въ письмѣ М. П. Степанову, *въ Антіохійскомъ патріархатѣ насъ приняли бы съ распростертыми объятіями, не чета Іерусалимскому*. Тутъ арабскій элементъ крайне силенъ: изъ 8 епископовъ — 6 изъ арабовъ, остальные 2—греки, да и то титулованные, а не дѣйствительные. Небольшая помощь и арабскій элементъ бы восторжествовалъ. Но будетъ ли эта помощь. That is a question. Мы всю свою энергію затратимъ на Никодима. А какая беззавѣтная любовь къ Россіи и вѣра въ нее!“

На эту поѣздку было употреблено только пять дней. По возвращеніи въ Бейрутъ, несмотря на „боязнь къ лошадямъ и полнѣйшее неумѣнье ѣздить и даже держаться въ сѣдлѣ“, В. Н. рѣшился ѣхать въ Іерусалимъ сухимъ путемъ чрезъ Тиръ, Сидонъ, Назаретъ и Наплузъ. Погода все время стояла великолѣпная, и подъ сильнымъ дождемъ пришлось пробыть путешественникамъ лишь два послѣдніе часа пути, при въѣздѣ въ Іерусалимъ. Побужденіемъ для этой „величайшей физической жертвы“, какъ называетъ В. Н. свое кавалерійское путешествіе, было горячее желаніе посѣтить от-

крытыя Обществомъ галилейскія школы. „Я посѣтилъ три нашихъ школы: въ Кефръ-Ясифѣ, въ Рамэ и Мжделѣ, пишетъ В. Н., не только посѣтилъ, но и проэкзаменовалъ всю сотню мальчиковъ, въ нихъ учащихся. Лучшею оказалась Кефръ-Ясифская, затѣмъ идетъ Мждельская, а потомъ въ Рамэ. Лучшею по успѣхамъ и значитъ по способностямъ учителей, но по числу учениковъ первою стоитъ школа въ Рамэ, гдѣ ихъ слишкомъ 60, въ остальныхъ двухъ, въ Кефръ-Ясифѣ и Мжделѣ, около 20 въ каждой. Школу въ Шаджарѣ я не могъ посѣтить, приходилось ѣхать совсѣмъ въ сторону и потерять два дня. Въ сущности она не должна отличаться отъ остальныхъ. Что вамъ сказать о нихъ? Въ дѣйствительности онѣ существуютъ и во всѣхъ учатся до 120 мальчиковъ— это фактъ. Мало того, школы наши не только не хуже патріаршихъ, но коммисія, осматривавшая школы отъ имени патріарха въ августѣ или сентябрѣ этого года, *нашла нашу Мждельскую школу лучшею изъ всѣхъ ею осмотрѣнныхъ,* и такимъ образомъ мы могли бы быть довольны. Но если взять эти школы безъ всякаго сравненія, а каждую отдѣльно, то мы должны сознаться, что онѣ стоятъ на очень низкой степени. Чтобы дать понятіе, какъ идетъ ученіе, скажу, что въ послѣдовательномъ порядкѣ даются дѣтямъ для чтенія букварь, Псалтирь, Октоихъ, Евангеліе, Библія, Фаредъ (арабскій поэтъ) и сборникъ разсказовъ. Казалось бы, что прошедшій букварь и Псалтирь можетъ читать все до Библіи включительно. Ничуть не бывало, и только дошедшій до Евангелія можетъ читать бѣгло арабскую духовную книжную печать. Мнѣ случалось видѣть мальчиковъ, бѣгло читающихъ Октоихъ и не могу-

щихъ читать Псалтирь или ту часть ея, которую они не проходили. Это объясняется (тѣмъ), что самое чтеніе учится въ зубряжку. Тѣ страницы Псалтири, которыя они прошли, они читаютъ бѣгло, рядомъ страница, но которую они не зазубрили, они еле разбираютъ. Литературный языкъ начинается тѣмъ же порядкомъ съ Фареда и продолжается сборникомъ разсказовъ; только читающій сей послѣдній можетъ читать всего Фареда, но читающій первыя 10 страницъ Фареда не можетъ читать 11-ю и 12-ю страницы того же Фареда, а тѣмъ болѣе сборникъ разсказовъ. Относительно письма успѣхи лучше и самая система цѣлесообразнѣе: начинаютъ на аспидной доскѣ, потомъ на оловянной (разведенною известью) и, наконецъ, на бумагѣ (конечно, эта постепенность— дѣло экономіи на бумагѣ). Затѣмъ идетъ ариѳметика, и первыя четыре правила знаютъ почти твердо и сознательно. Что касается до Закона Божія или, вѣрнѣе, Катихизиса, географіи и грамматики, то все это преподается даже раньше Фареда, и все это знается великолѣпно, если вы спросите по вопросамъ въ книжкѣ, но только вы сдѣлаете вопросъ не по книжкѣ или въ разбивку, и весь классъ становится втупикъ. Явное и полнѣйшее долбленіе безъ всякаго не только развитія, но и старанія къ сему послѣднему. Объ исторіи никакого понятія не имѣется даже и Священной. Что же вамъ сказать о пресловутомъ французскомъ языкѣ, преподаваемомъ въ Рамэ? Не могу сказать, чтобъ это былъ миѳъ, потому что есть три-четыре воспитанника, которые не только читаютъ, но и пишутъ. Результатъ тотъ, что они привыкаютъ и узнаютъ латинскій алфавитъ и заучиваютъ нѣсколько словъ. Подводя общій итогъ, слѣдуетъ со-

знаться, что въ этихъ школахъ при этой системѣ выучиваются дѣйствительно читать, писать, первымъ 4 правиламъ ариѳметики и молитвамъ, все это по-арабски. Французскій же языкъ есть чисто пуфъ и больше ничего. *Но и при этомъ я бы находилъ, что школы эти достигаютъ, какъ первоначальныя сельскія, своей цѣли*, если бы прибавить знаніе Священной исторіи и если бы у нихъ были книги для чтенія, за отсутствіемъ которыхъ имъ приходится забывать самое чтеніе въ очень скоромъ времени или переходить на чтеніе католическихъ и протестантскихъ книжекъ...

„Въ Кефръ-Ясифѣ я нашелъ полное распаденіе православной общины на два лагеря, враждебныхъ между собою, и въ чемъ отчасти, къ сожалѣнію, мы или, что все равно, нашъ агентъ, т. е. Селимъ Хури, виноватъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ Кефръ-Ясифѣ была патріаршая школа. Селеніе просило Агапія, бывшаго митрополита птолемаидскаго, дать имъ второго учителя, знающаго французскій языкъ. Агапій отказалъ, и они обратились съ тою же просьбою къ Селиму Хури. Этотъ послѣдній дѣйствительно нанялъ и послалъ. Это была первая ошибка, ибо въ чужой монастырь и тѣмъ болѣе въ чужую школу съ своимъ уставомъ не ходятъ. Конечно, патріаршая школа или теперь покойный Агапій его не приняли. Тогда Хури съ нанятымъ учителемъ открыли нашу школу и переманили почти всѣхъ учениковъ патріаршей школы. Видя это, Агапій нанялъ второго учителя для французскаго языка и сталъ переманивать въ свою школу. Большая часть это и сдѣлала, и деревня раздѣлилась на 2 лагеря, а у насъ осталось менѣе 20 учениковъ. Очевидно, продолженіе такой борьбы

и такого переманиванія крайне вредно, открывая двери католикамъ и протестантамъ. Это я указалъ Селиму Хури и старшинамъ враждебныхъ лагерей въ бесѣдѣ съ ними. Кажется, ихъ помирилъ, но вынесъ убѣжденіе въ необходимости, въ виду невозможности закрыть патріаршую школу, *закрыть нашу*, но, чтобъ не подорвать довѣрія къ намъ, обѣщаясь старшинамъ выплачивать имъ ежегодную субсидію въ размѣрѣ нынѣ нами расходуемой на школу съ тѣмъ, чтобъ субсидія эта исключительно шла на школу подъ нашимъ контролемъ въ видѣ ли суммы на наемъ добавочнаго учителя, на пріобрѣтеніе ли необходимыхъ принадлежностей, или на постройку зданія для школы, или, наконецъ, если патріархъ не будетъ выплачивать, на жалованье учителямъ. Это я говорю мое предположеніе, ибо пока все осталось по прежнему до рѣшенія о семъ нашего Совѣта. Почти такая же исторія повторяется въ Шаджарѣ, но я тамъ не былъ и подробностей не знаю. Въ Рамэ и Мжделѣ наши школы однѣ и потому затрудненій пока нѣтъ“.

Въ Назаретѣ, послѣ поклоненія мѣстнымъ святынямъ, В. Н. постарался близко познакомиться съ мѣстнымъ митрополитомъ Нифонтомъ, о которомъ онъ говоритъ, что, по его мнѣнію, это „самый симпатичный изъ всего святогробскаго братства“, и что отъ него „ни доносовъ, ни клеветъ не будетъ, но, конечно, на помощь разсчитывать нельзя“. Подъ вліяніемъ этихъ пріятныхъ и успокоительныхъ впечатлѣній Василій Николаевичъ и писалъ М. П. Степанову свои мысли относительно будущихъ назаретскихъ школъ. „Какъ наши, такъ и патріаршія школы, да и вообще всѣ православныя школы, говоритъ онъ

въ этомъ письмѣ, страдаютъ однимъ—полнѣйшимъ отсутствіемъ какого-нибудь національнаго ученія. Если бы вы видѣли этихъ учителей и ихъ полнѣйшую неразвитость, вы были бы поражены, какъ и я; ничего подобнаго въ жизни я не встрѣчалъ[1]). Это объясняется совершеннымъ отсутствіемъ учебнаго заведенія для ихъ приготовленія. А нѣтъ учителей, вы также понимаете, то вѣдь никакое ученіе невозможно, и что бы мы ни тратили на школы, если бы даже могли открыть ихъ во всѣхъ православныхъ селеніяхъ здѣшняго края, то это были бы относительно брошенныя деньги. Поэтому мнѣ казалось именно необходимымъ оставить наши школы въ Мжделѣ и Рамэ, замѣнить ежегодными субсидіями наши школы, какъ писано выше, въ Кефръ-Ясифѣ и Шаджарѣ, для избѣжанія столкновенія съ патріархомъ. Но затѣмъ *открыть въ Назаретѣ полный пансіонъ* (интернатъ) для 10 или 15 наиболѣе способныхъ мальчиковъ, какъ нашихъ, такъ и патріаршихъ школъ безразлично, поставить его подъ руководство Кезмы (если бы на сіе послѣдовало согласіе патріарха, я бы считалъ мое порученіе вполнѣ исполненнымъ), изъ него ежегодно выпускать (конечно, не ранѣе какъ года черезъ два) по шести-семи учителей, а лучшаго—нашимъ стипендіатомъ въ русскую семинарію. Кромѣ того, въ Назаретѣ можно было бы открыть женскую школу, если бы для нея нашли подходящую учительницу здѣсь или даже въ Россіи. И тѣмъ пока забастовать. Говорю въ Назаретѣ, во-первыхъ

[1]) Въ письмѣ къ К. Д. Петковичу отъ 10 февраля 1885 г. Василій Николаевичъ, однакоже, объ учителѣ Кефръ-Ясифской школы отзывается хорошо и даже рекомендуетъ его перевести въ многолюдную школу въ Рамэ.

потому, что дальше отъ Іерусалима, во-вторыхъ потому, что митрополитъ не будетъ намъ противодѣйствовать, въ-третьихъ, чтобы тамъ министерство ни говорило, но въ дѣйствительности вся Палестина до Наплуза включительно входитъ въ юрисдикцію Петковича, и въ-четвертыхъ, у меня есть комбинація относительно помѣщенія (т. е. въ домѣ нашемъ для паломниковъ), о которой, впрочемъ, по ея несущественности теперь, поговоримъ при свиданіи“.

Еще 8 января 1883 года Совѣтомъ Общества было разрѣшено, по просьбѣ жителей деревни Мжделя, „ассигновать на возобновленіе храма 1000 р., но только въ томъ случаѣ, если митрополитъ назаретскій войдетъ по этому предмету съ оффиціальнымъ ходатайствомъ къ нашему генеральному консулу въ Бейрутѣ“, а для деревни Яфы, близъ Назарета, ассигновать 200 рублей на возобновленіе церкви и школы. Церковь въ Мжделѣ должна была быть выстроена въ честь преп. Сергія Радонежскаго, *ангела* великаго князя Сергія Александровича, въ память его пребыванія въ Св. Землѣ; поэтому на церковь эту Общество не скупилось въ средствахъ. 25 апрѣля того же года Совѣтъ Общества ассигновалъ на возобновленіе этой церкви дополнительную сумму въ 300 р., а 24 сентября рѣшено было приготовить въ Россіи для нея же иконостасъ, утварь и облаченія и чрезъ великаго князя Предсѣдателя испросить благословеніе патріарха Никодима на ея освященіе, въ присутствіи Василія Николаевича, каковое благословеніе къ прибытію послѣдняго въ Назаретъ и было уже получено отъ патріарха. „На другой день послѣ свиданія (съ митрополитомъ Нифонтомъ) посѣтилъ я Мждель, писалъ В. Н. Хитрово

въ первомъ письмѣ къ М. П. Степанову, а на дорогѣ— Яфу Галилейскую, гдѣ нами реставрирована церковь и школа или, вѣрнѣе, зданіе школы. Съ иконостасомъ въ Мжделѣ вышла исторія. Всѣ вещи изъ Питера, какъ вамъ извѣстно, были посланы еще въ сентябрѣ, но произошла какая-то путаница, и онѣ прибыли въ Бейрутъ со мною вмѣстѣ на томъ же пароходѣ. Петковичъ тотчасъ отправилъ ихъ къ Хури, и я засталъ ихъ всѣ въ Мжделѣ въ ящикахъ нераспакованныя. Но дерево для иконостаса оказалось неначатое, и это mea culpa. Лѣтомъ еще Хури, присылая размѣръ иконостаса для заказа образовъ, прислалъ смѣту и самаго иконостаса. Разрѣшеніе произвести на это расходъ и самыя деньги мы отложили до изготовленія образовъ, а когда они были изготовлены, позабыли объ этомъ. Поэтому, понятно, Хури не могъ приступить къ его сооруженію. Къ счастію, время не ушло, а теперь его легче будетъ работать уже по образамъ. Церковь хороша и мнѣ понравилась. Вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что нужно". „Вопросъ еще касался о добавочномъ содержаніи священника, я артачился, но въ концѣ концевъ придется на это согласиться".

По пріѣздѣ въ Іерусалимъ, на другой день, 20 декабря, В. Н. Хитрово, въ сопровожденіи консула В. Ѳ. Кожевникова, представился въ торжественной аудіенціи патріарху Никодиму, который назвалъ В. Н. своимъ „старымъ другомъ и пріятелемъ" и „привѣтствовалъ его въ рѣчи, какъ ангела мира". По прочтеніи письма великаго князя Сергія Александровича, врученнаго В. Н. Хитрово, патріархъ громко произнесъ: „Его Высочеству угодно было исполнить мое желаніе. *Отъ всей души благословляю*

Православное Палестинское Общество; да поможетъ ему Господь Богъ въ его трудахъ на пользу церкви". Патріархъ, по словамъ В. Н. Хитрово, „держитъ себя съ важностью и достоинствомъ, о которыхъ никогда не помышлялъ покойный Іеровей, принимавшій меня въ этой же самой залѣ. Помпы, престижа больше, чѣмъ было, это вѣрно, но сильно боюсь, что это внѣшняя мишура, скрывающая ту же гниль, какъ и за 4 тому назадъ года. Положеніе его далеко не укрѣпилось. Скажу болѣе: вовсе не укрѣпилось. Держится онъ не умомъ, не энергіею, а просто внѣшнею важностію, которою импонируетъ (на долго ли, не знаю) далеко не умнымъ членамъ святогробскаго братства. Не могу скрыть, что въ послѣдующихъ двухъ службахъ, на которыхъ мнѣ пришлось быть—21 въ храмѣ Воскресенія, по случаю годовщины восшествія его на престолъ и 25 ночью въ Виѳлеемскомъ вертепѣ, болѣе половины произносится на русскомъ языкѣ, чего прежде и не думалось дѣлать. О его пресловутыхъ школахъ я говорилъ выше. Сельскія церкви и духовенство въ томъ же положеніи, какъ я ихъ видѣлъ. Говорятъ, что въ годъ не много сдѣлаешь. Правда, mais pour pouvoir c'est peu de vouloir, il faut encore savoir, et ce savoir je crains fort qu' il lui manque. Поживемъ—увидимъ. Не могу ничего сказать также относительно того, на сколько удачны будутъ мои дальнѣйшіе переговоры, и если *удастся вырвать его согласіе на обѣ школы въ Назаретѣ и на благословеніе Кезмѣ, я буду считать себя счастливымъ и исполнившимъ вполнѣ относительно его свое порученіе*".

Отъ патріарха непосредственно В. Н. Хитрово зашелъ съ визитомъ къ Б. П. Мансурову, который, пользуясь гостепріимствомъ патріарха, на все время

своего пребыванія въ Іерусалимѣ поселился не на русскихъ постройкахъ, а въ такъ называемомъ Порфирьевскомъ или миссійскомъ домѣ въ саду патріархіи. Разговоръ шелъ по вопросамъ, сильно занимавшимъ обоихъ палестинскихъ дѣятелей: объ Обществѣ, о постройкахъ на Геѳсиманскомъ мѣстѣ, о раскопкахъ на мѣстѣ близъ храма Воскресенія, и т. п., а посему принялъ въ высшей степени обостренный и личный характеръ. Консулъ Кожевниковъ все это время, по выраженію В. Н., „находился между молотомъ и наковальнею и не зналъ, sur quel pied danser“. Къ маю Б. П. Мансуровъ, по мнѣнію В. Н. Хитрово, долженъ былъ въ Петербургѣ представить цѣлый рядъ своихъ проектовъ. „Къ этому времени намъ необходимо быть готовыми. *Это рѣшительная и послѣдняя битва.* Если одолѣемъ, крѣпко вѣрую въ будущность Общества. Да поможетъ Богъ, чтобы Великій Князь къ его пріѣзду былъ бы предсѣдателемъ Палестинской Коммиссіи. *Это спасеніе всего дѣла. Упросите, умолите его.* Вѣдь былъ же предсѣдателемъ великій князь Константинъ Николаевичъ, отчего же не быть ему?“

22 Декабря патріархъ отдалъ визитъ В. Н. Хитрово и извинялся предъ нимъ, что онъ на аудіенціи въ патріархіи не имѣлъ на себѣ своего знака Общества, отговариваясь, что на это онъ „не имѣетъ разрѣшенія турецкаго правительства“.

Послѣ Рождества на второй дѣловой аудіенціи, длившейся 2 часа и отличавшейся изысканною предупредительностію со стороны патріарха по отношенію къ своему гостю, патріархомъ и В. Н. Хитрово выработаны были слѣдующіе пункты соглашенія:

1) „Общество безъ благословенія патріарха ничего

не устраиваетъ въ Святой Землѣ. Т. е. хотимъ ли открыть школу, соорудить или исправить церковь, мы должны предварительно снестись съ патріархомъ и, по полученіи его разрѣшенія, приступаемъ. Это длинно, но нечего дѣлать.

1) „Церкви передаемъ въ распоряженіе епархіальнаго начальства, по приведеніи ихъ въ надлежащій видъ.

3) „Весь внутренній распорядокъ школъ: наемъ, содержаніе учителей, помѣщеній, способъ преподаванія предоставляются вполнѣ намъ. Патріархъ имѣетъ право ревизовать или контролировать ихъ и о послѣдующемъ насъ извѣщаетъ (этотъ послѣдній пунктъ не былъ точно опредѣленъ. Я постараюсь помѣстить его въ письмѣ къ Нелидову, ибо иначе онъ какъ бы предрѣшаетъ вопросъ объ увольненіи патріархомъ учителей, чего допустить нельзя)“.

4) „Мы непосредственно пишемъ патріарху, и патріархъ также сносится съ нами.

5) „Патріархъ разрѣшилъ вновь устроить женскую школу въ Назаретѣ и мужской пансіонъ въ Рамаллѣ (о семъ послѣднемъ мы еще поговоримъ).

„Видя, что все идетъ удачно“, В. Н. Хитрово попытался затронуть щекотливый вопросъ и о благословеніи А. Г. Кезмы. Къ удивленію В. Н., патріархъ, отозвавшись о Кезмѣ съ похвалою, какъ „о тихомъ и скромномъ молодомъ человѣкѣ“, не только охотно согласился принять его и благословить, но вызвался даже поручить ему работу—„перевести на арабскій языкъ нѣсколько народныхъ книгъ“ [1]). Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому въ томъ, что

[1]) Изъ письма В. Н. Хитрово къ М. П. Степанову отъ 31 декабря 1884 г.

В. Н. Хитрово отъ своихъ неожиданныхъ и такъ легко достигнутыхъ успѣховъ былъ на верху блаженства. „Если бы я былъ *тщеславенъ*, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 29—31 декабря 1884 г. къ С. Д. Лермонтову, то могъ бы начать гласомъ трубнымъ, возвѣщающимъ полное торжество. *Но я такъ мало на него разсчитывалъ*, что спрашиваю себя нынѣ послѣ успѣха: не надѣлалъ ли я какихъ глупостей?" По поводу нѣкоторыхъ разнорѣчій съ патріархомъ — о мѣстѣ для учительскаго пансіона въ Рамаллѣ (близъ Іерусалима), а не въ Назаретѣ, какъ было желательно В. Н. Хитрово, о наблюдательной смѣшанной эфоріи надъ школами и о томъ, чтобы договоръ получилъ силу обязательства для обѣихъ сторонъ — В. Н. въ настоящій разъ, чтобы „не испортить дѣла, не счелъ нужнымъ энергически протестовать". Времени и собственной предусмотрительности предоставлялось сгладить разногласія и недомолвки и повернуть дѣло въ желательную для Общества сторону.

Относительно третьяго порученія, касавшагося закладки царской церкви въ Геѳсиманіи въ память въ Бозѣ почившей Государыни Маріи Александровны, послѣ выбора мѣста, патріархъ выразилъ предупредительную готовность самолично освятить закладку этого храма, который долженъ былъ строиться, по плану Гримма, мѣстнымъ архитекторомъ К. Шикомъ и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ арх. Антонина. Закладка торжественно состоялась 21 января 1885 года.

Благіе результаты мирнаго договора Общества съ патріархомъ сказались въ самомъ непродолжительномъ времени. 18 января 1885 г. Совѣту Общества сдѣлалось извѣстнымъ, что патріархъ принялъ подъ

свое покровительство церковь преп. Сергія, построенную Обществомъ въ селѣ Мжделѣ, при чемъ Совѣтъ Общества на дополнительныя работы по изготовленію иконостаса для этой церкви ассигновалъ 600 франковъ. 13 марта постановлено Совѣтомъ закрыть школы въ Кефръ-Ясифѣ и Шаджарѣ, съ ассигнованіемъ 100 р. шейхамъ на школьныя надобности въ Кефръ-Ясифѣ. 11 марта было совершено освященіе церкви въ Мжделѣ. 29 марта, по докладу П. А. Васильчикова, рѣшено было съ благословенія патріарха открыть женскую школу въ Назаретѣ, назначивъ въ нее начальницею М. С. Савельеву съ жалованьемъ 2,400 франковъ, при двухъ помощницахъ съ жалованьемъ 2,600 франковъ, считая въ общемъ расходъ на школу 2,000 р. Помѣщеніе для этой школы указано было въ домѣ русскаго назаретскаго поклонническаго пріюта, принадлежащаго Палестинской Коммиссіи, которая охотно дала этой школѣ пріютъ оффиціальнымъ согласіемъ 8 сентября за № 51. 23 октября священнику въ селѣ Мжделѣ съ 1 марта 1885 г. назначено жалованье отъ Общества по 4 руб. въ мѣсяцъ. Въ томъ же засѣданіи заслушанъ былъ рапортъ учителя Мждельской школы о томъ, что „представители Его Блаженства“, архіепископъ Спиридоній и архимандритъ Герасимъ Яредъ посѣтили школу, „экзаменовали учениковъ и выразили свое удовольствіе“. 23 декабря, по предложенію секретаря Общества, разрѣшено было блаженнѣйшему патріарху Никодиму „исключительно на нужды церквей и школъ“ ассигновать 12,000 р. [1]),

[1]) „Горячая признательность“ патріарха Августѣйшему предсѣдателю за это пожертвованіе сообщена была Общему собранію членовъ Палестинскаго Общества (Отчетъ за 1885—1886 г., стр. 173)

присоединяя сюда и 3,000 р. г. Лѣнивова, выданные патріарху раньше, а всего 15,000 р., но подъ условіемъ, чтобы расходованіе этихъ денегъ „было произведено по соглашенію съ консуломъ Д. Н. Бухаровымъ“ [1]), который смѣнилъ скончавшагося В. Ѳ. Кожевникова.

Такъ какъ это послѣднее постановленіе рѣзко расходится съ торжественнымъ обѣщаніемъ В. Н-ча— ни одной копѣйки не давать въ руки патріарха, то мы находимъ необходимымъ въ объясненіе его привести здѣсь цѣликомъ письмо Августѣйшаго Предсѣдателя отъ 23 іюня 1885 г. къ патріарху Никодиму. „Приношу Вашему Блаженству мою глубокую признательность, говорится въ этомъ письмѣ, за довѣріе, выраженное въ Вашихъ двухъ письмахъ отъ 5 апрѣля сего года, съ которымъ Вы обращались ко мнѣ по дѣламъ, касающимся Св. Гроба Господня. Вы можете быть увѣрены, что служить по мѣрѣ моихъ силъ Св. Матери церквей составляетъ для меня сердечную потребность, и я готовъ всѣми зависящими отъ меня средствами приносить Вамъ посильную помощь въ Вашихъ благихъ и просвѣщенныхъ трудахъ по поддержанію православія въ Св. Землѣ.

---

10 декабря 1886 г., причемъ патріархъ извѣстилъ Общество, что деньги пошли на церкви въ Джебель-Аджлунѣ, въ Зебабде, въ Рамаллѣ и въ Буркинѣ (устроена ограда церкви), на подворья въ Салтѣ и Мадебѣ и на школы въ Тандои-Енди Хуссунскомъ, Зебабде, Яфѣ и др. Желаніе великаго князя Сергія Александровича, чтобы часть денегъ пошла на устройство храма въ Рамэ, не было исполнено патріархомъ (Отчетъ 1888—1890 г., стр. 167), и потомъ, когда за постройку этой церкви принялось Общество, то ему пришлось имѣть дѣло съ большими затрудненіями со стороны патріархіи и турецкихъ властей (тамъ же, стр. 171).

[1]) Журналы засѣданій Совѣта Общества за 1885 г., №№ 23, 25, 26, 29, 30, 32.

„Два года управленія Вашимъ Блаженствомъ Богомъ ввѣренной Вамъ патріархіи, по своимъ столь осязательнымъ добрымъ плодамъ, доказываютъ, что видимо благословеніе Божіе почіетъ надъ Вами. Все упованіе возлагаю на Господа, что Онъ и впредь не оставитъ Васъ своимъ благоволеніемъ и подкрѣпитъ Васъ на Вашемъ святомъ поприщѣ.

„Изъ письма Вашего Блаженства, касающагося необходимости постройки церквей въ Палестинѣ, я вижу, что Вамъ въ настоящее время для этой цѣли *недостаетъ 16,000 рублей*. Имѣя въ своемъ распоряженіи, какъ предсѣдатель Православнаго Палестинскаго Общества, 3,000 р., пожертвованные однимъ изъ членовъ Общества, съ исключительною цѣлью постройки и возстановленія православной церкви въ Святой Землѣ [1]), я счастливъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы просить Ваше Блаженство не отказать благосклонно принять означенныя деньги въ Ваше распоряженіе для сооруженія церкви въ одномъ изъ упомянутыхъ въ Вашемъ письмѣ селеній, причемъ прошу Ваше Блаженство увѣдомить меня: согласны ли Вы на это предложеніе, и, буде согласны, то гдѣ именно предполагаете Вы возвести на вышеозначенное пожертвованіе церковь, дабы я могъ сообщить о семъ жертвователю и распорядиться о безотлагательной высылкѣ на Ваше имя 3,000 руб. Что же касается остающихся за симъ 12,000 р., то я тотчасъ же, по полученіи Вашего письма, обратился къ г. оберъ-прокурору Св. Синода съ ходатайствомъ о

[1]) Московскій житель А. Н. Лѣнивовъ пожертвовалъ 3000 р. на постройку церкви въ Св. Землѣ, гдѣ ея не существуетъ. По предложенію патріарха, такая церковь должна быть построена въ Хуссунѣ за Іорданомъ.

разрѣшеніи выдачи Вамъ вышеозначенныхъ денегъ изъ суммъ Св. Синода" [1]).

За упомянутою щедрою милостынею со стороны Общества и его Августѣйшаго Предсѣдателя слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ приношеній и знаковъ признательности патріарху Никодиму, рѣшившемуся, очевидно, использовать благопріятный моментъ и для себя лично и для патріархіи въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. „Получивъ Ваше письмо отъ 13 іюля сего года, писалъ 11 сентября 1885 г. великій князь Сергій Александровичъ, мнѣ особенно пріятно выразить Вамъ искреннюю благодарность отъ себя и отъ состоящаго подъ моимъ предсѣдательствомъ Православнаго Палестинскаго Общества, *за благословеніе, данное Вами на открытіе мужской школы въ Назаретѣ подъ надзоромъ А. Г. Кезмы*, а равно и за сочувствіе, съ которымъ Вы отнеслись къ назначенію М. С. Савельевой начальницей женской школы. Г-жа Савельева выѣхала уже въ Назаретъ, гдѣ *предполагается открыть школу въ день Покрова Пресвятыя Богородицы* [2]). Надѣюсь, что Ваше Блаженство не оставите и въ будущемъ начинаемаго нами дѣла Вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ.

„Православное Палестинское Общество сочло себя особенно счастливымъ исполнить желаніе Вашего Блаженства, *принявъ на себя изготовленіе предметовъ, необходимыхъ для церкви монастыря Св. Іоанна Пред-*

[1]) Изъ письма великаго князя Сергія Александровича къ патріарху отъ 29 декабря 1885 г. видно, что „Общество могло придти къ нему въ помощь въ столь богоугодномъ дѣлѣ, какъ постройка православной церкви въ Св. Землѣ".

[2]) По сообщенію Великаго Князя отъ 24 декабря 1885 г., въ школѣ числилось уже 120 дѣвочекъ и дѣло обученія „идетъ хорошо".

течи, иже на Іорданѣ, и для Неапольской церкви, поименованныя въ спискѣ, приложенномъ къ Вашему письму...

„Въ дополненіе къ депешѣ моей отъ 23-го прошлаго августа, посланной на письмо Ваше отъ 31-го іюля, считаю для себя пріятнымъ долгомъ еще разъ повторить Вашему Блаженству мою искреннюю благодарность за случай, который Вы мнѣ доставили— *внести мою лепту въ святое дѣло украшенія Вертепа Рождества Спасителя Нашего.* Надѣюсь, что заказанныя мною иконы [1]) будутъ выполнены вполнѣ соотвѣтственно своему высокому назначенію—украшать святыню, гдѣ воплотилось и откуда же возсіяло Солнце Правды. Къ сожалѣнію, изготовить иконы въ мѣсячный срокъ, какъ Вы того желали, оказалось невозможнымъ, но я надѣюсь, что вы получите ихъ ранѣе великаго праздника Рождества Христова."

„При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что на иконѣ № 6, по сторонамъ изображенія Рождества Спасителя, мною приказано, не измѣняя размѣровъ иконы, написать еще лики ангеловъ моего и моей супруги, святыхъ преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца и праведной Елисаветы. Вполнѣ увѣренъ, что Ваше Блаженство оцѣните то религіозное чувство, которое мною въ данномъ случаѣ руководило". По поводу этого великокняжескаго дара считаемъ не лишнимъ замѣтить, что иконы для Вертепа Рождества Христова въ дѣйствительности не только не нашли для себя мѣста тамъ, куда предназначались, но и вызвали даже сильные протесты со стороны католи-

---

[1]) Одиннадцать иконъ пожертвовано для Вертепа, 6 для Наплузской церкви, церковная утварь для той же церкви и монастыря Предтечи на Іорданѣ.

ческаго духовенства, увидавшаго въ этомъ дарѣ нарушеніе пресловутаго status quo [1])... И патріархъ Никодимъ не могъ этого не предвидѣть, когда обращался къ Великому Князю съ просьбою, но, очевидно, разсчитывалъ на нѣчто другое (денежное пожертвованіе), гдѣ пресловутый status quo остался бы въ полной и неприкосновенной цѣлости.

Всѣ описанныя нами утонченныя изъявленія знаковъ вниманія и предупредительности съ обѣихъ сторонъ продолжались, однакоже, весьма недолго, и взрыва новыхъ недоразумѣній между патріархомъ и Обществомъ можно было ожидать каждый день.

„Наружное примиреніе воспослѣдовало между Палестинскою Коммиссіею и Палестинскимъ Обществомъ (чему содѣйствовало состоявшееся назначеніе великаго князя Сергія Александровича предсѣдателемъ обоихъ учрежденій), писалъ 5 февраля 1886 г. В. Н. Хитрово арх. Леониду, но что еще *знамена-*

---

[1]) По поводу этихъ великокняжескихъ иконъ мы находимъ нѣкоторыя данныя въ секретномъ донесеніи управляющаго россійско-Императорскимъ консульствомъ А. П. Бѣляева константинопольскому послу А. И. Нелидову отъ 11 октября 1888 г. за № 411. „Вслѣдствіе почти отказа католиками (согласіе давалось на тяжелыхъ, по меньшей мѣрѣ, и въ то же время невѣроятныхъ условіяхъ) позволить Блаженнѣйшему *Никодиму замѣнить новыми старыя иконы, стоящія вокругъ Виѳлеемской звѣзды*, говорится въ этомъ донесеніи. Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, которымъ было изъявлено уже съ давняго времени непремѣнное желаніе *на полученіе помянутыхъ иконъ*, выразилъ свое неудовольствіе на поведеніе католиковъ, что главнымъ образомъ и послужило причиной непринятія кустода. Фанатизмъ, сильно развитая непріязнь къ православнымъ и безпокойно изобрѣтательный умъ этого оберегателя католическихъ интересовъ въ Св. Землѣ создали ему не только враговъ въ лицѣ представителей другихъ вѣроисповѣданій, но даже къ нему относится недружелюбно самъ католическій патріархъ въ Іерусалимѣ, Его Святѣйшество Винцентъ Вракка, достойно пользующійся здѣсь всеобщимъ уваженіемъ“.

тельнѣе—произошло примиреніе въ Іерусалимѣ; произошло таковое же примиреніе между Никодимомъ, Антониномъ и Гирсомъ, которые всѣ передъ праздниками перессорились. Мы, глубже смотрящіе въ это дѣло, не будемъ увлекаться и признаемъ *затишье.* Дай Богъ только, чтобъ не передъ бурею". И ожиданія бури вполнѣ оправдались, но она разразилась прежде всего надъ головою о. арх. Антонина. Со стороны патріарха послѣдовало жалоба петербургскому митрополиту Исидору на арх. Антонина и всю миссію въ лицѣ ея членовъ, которые якобы „заблуждены были въ дѣйствіяхъ, не отвѣчающихъ Божественной заповѣди любви, попирающихъ его патріаршія права и совершенно противныхъ священнымъ канонамъ". Обвиненія касались исправленія членами миссіи духовныхъ требъ у русскихъ паломниковъ, напр., погребенія, вѣнчанія и др., служенія молебновъ и литургій у Дуба Мамврійскаго, въ церкви на горѣ Елеонской и др. Къ числу криминальныхъ поступковъ о. арх. Антонина относился между прочимъ „большой скандалъ", по словамъ патріарха, заключающійся въ томъ, что онъ называетъ церковь свою на Елеонѣ церковью Вознесенія. „Такъ какъ на св. Елеонской горѣ, говоритъ патріархъ, *существуетъ хотя и въ развалинахъ* древній священный базиликъ (sic), въ которомъ находится всечестное мѣсто, на коемъ, по ученію церкви, послѣдовало вознесеніе Спаса нашего и на которомъ хранится отпечатокъ Священнаго его стопа (sic), и гдѣ мы совершаемъ безкровную жертву, *то никому не дозволяется измѣнить священное преданіе,* ни воздвигнуть другую церковь на этой же св. Елеонской горѣ въ честь Вознесенія Господня, какъ тоже самое не дозволяется въ Іерусалимѣ воз-

двигнуть церковь въ честь страстной Голгоѳы или Воскресенія; за то и нигдѣ во всей Палестинѣ нѣтъ подобной церкви съ подобнымъ названіемъ. Архимандритъ же Антонинъ ввелъ нововведеніе, достойное укоризны, самовольно назвавъ выстроенную имъ на св. Елеонской горѣ церковь—церковью Вознесенія, и такимъ образомъ *старается измѣнить священное и неопровергаемое прединіе* о мѣстахъ, гдѣ находятся всечестнѣйшія святыни“.

За о. арх. Антониномъ немилость патріарха постигла Палестинское Общество и В. Н. Хитрово. Поводомъ для нея послужило письмо великаго князя Сергія Александровича отъ 24 декабря 1885 г. къ патріарху Никодиму, въ которомъ въ числѣ различныхъ другихъ просьбъ находилась между прочимъ одна, весьма не понравившаяся ему просьба. „Есть одно обстоятельство, которое нельзя не признать существенно важнымъ для духовныхъ потребностей нашихъ богомольцевъ въ Св. Градѣ, писалъ Его Высочество. Достигнувъ своихъ стремленій, понятно имъ хочется помолиться по душѣ, внимая молитвеннымъ словамъ на родномъ, знакомомъ имъ языкѣ, но это имъ почти не удается. Они, конечно, могутъ слушать службу на русскомъ языкѣ въ Троицкомъ соборѣ на русскихъ постройкахъ, но Троицкій соборъ для нашихъ поклонниковъ не храмъ Гроба Господня, не Виѳлеемскій Вертепъ, не погребальная пещера Богоматери, между тѣмъ на этихъ именно святыняхъ, кажется имъ, молитва ихъ скорѣе дойдетъ до престола Всевышняго. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что, со времени восшествія на патріаршій престолъ Вашего Блаженства, чаще подъ сводами храма Воскресенія стали раздаваться родныя намъ слова цер-

ковнаго языка, но вѣдь службы патріаршескія рѣдки, а затѣмъ въ большинствѣ случаевъ приходится имъ слушать службу на непонятномъ языкѣ. Мнѣ пришло на мысль обратиться къ Вашему Блаженству съ убѣдительнѣйшею просьбою *разрѣшить русскому духовенству разъ въ недѣлю, въ положенные дни, совершать божественную литургію у Гроба Господня, въ Геѳсиманіи и Виѳлеемѣ.* Смѣю думать, что такое разрѣшеніе послужило бы только къ единенію и любви, столь желательнымъ въ православной церкви. Если Ваше Блаженство уважите мою просьбу, то Православное Палестинское Общество съ особымъ удовольствіемъ приметъ на себя уплату въ патріаршую казну денегъ, положенныхъ за богослуженіе". Патріархъ по поводу этого письма принесъ письменную жалобу на Общество въ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое письмо патріарха въ копіи препроводило великому князю Сергію Александровичу. Въ объясненіе упомянутой просьбы Августѣйшаго предсѣдателя, М. П. Степановъ писалъ 6 марта 1886 г. директору Азіатскаго Департамента И. А. Зиновьеву, что „своимъ ходатайствомъ Его Высочество не имѣлъ въ виду *посягать на права патріархіи или оскорблять ее,* и позволяетъ себѣ не терять надежды, что патріархъ найдетъ возможнымъ, въ личное одолженіе Его Высочеству, утѣшить религіозное чувство нашихъ богомольцевъ и благословить разъ въ недѣлю въ вышеозначенныхъ Св. Мѣстахъ богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ. Что же касается платы за литургію, то и въ этомъ ничего не можетъ быть предосудительнаго, разъ существуетъ такса для заказыванія обѣденъ". Чтобы выпутаться изъ этого щекотливаго положенія, въ которое себя поставилъ патріархъ Никодимъ, въ возникшихъ не-

доразумѣніяхъ онъ всецѣло возложилъ вину на В. Н. Хитрово, интригамъ котораго приписалъ письмо и высказанное въ немъ желаніе Великаго Князя. Со стороны В. Н—ча изъ Гомбурга, куда онъ удалился на леченіе и отдыхъ, 14 іюля 1886 г. послѣдовалъ исполненный достоинства любопытный отвѣтъ, имѣющій автобіографическое значеніе. „Многое приписывается мнѣ, писалъ В. Н. патріарху, о чемъ я не только не думалъ, но что даже противно моимъ искреннимъ убѣжденіямъ. Всѣ непріятности изъ Россіи, постигающія престолъ Вашего Блаженства, *огульно приписываются мнѣ и моему недоброжелательному непрошенному вмѣшательству*. Наоборотъ, и то малое утѣшеніе, которое приноситъ Россія Вашему архипастырскому сердцу, представляется *какъ бы побѣдою, вырванною изъ моихъ рукъ*. Всевышній, для котораго открыты тайники человѣческаго сердца, видитъ на сколько справедливы такія сужденія. Повторяю, что сугубо чувствую благословеніе Вашего Блаженства, ибо оно доказываетъ мнѣ, что *Вы не вполнѣ изволите раздѣлять тѣхъ горькихъ предубѣжденій противъ меня, отъ которыхъ душа моя скорбитъ до смерти*. Вѣрьте, Ваше Блаженство, въ мое сердечное сыновнее къ Вамъ уваженіе и мою любовь и преданность дѣлу, которому я посвятилъ слабые труды въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ. Я могъ и могу ошибаться, какъ свойственно каждому человѣку, но *къ неправдѣ и клеветамъ никогда не прибѣгалъ и служилъ, сколько было въ моихъ силахъ, безкорыстно дѣлу*, отъ котораго я видѣлъ пользу святой Церкви. Многіе изъ моихъ трудовъ оказались не достигшими цѣли, еще большее число обстоятельствами извращено и перетолковано, но Вашему Блаженству, какъ лицу духовному, какъ іерар-

ху церкви, могу со спокойною совѣстью сказать, что *никогда не дѣйствовалъ въ ущербъ Іерусалима и Святой Земли.*

„Смѣю увѣрить Ваше Блаженство, что милостивое вниманіе, которое Вамъ благоугодно было мнѣ оказывать въ Москвѣ, принадлежитъ къ лучшимъ и самымъ дорогимъ воспоминаніямъ всей моей палестинской дѣятельности. Глубоко сожалѣю, что разстояніе между Петербургомъ и Іерусалимомъ такъ велико, что лишаетъ возможности устными откровенными разъясненіями устранять недоразумѣнія, при ихъ возникновеніи, но вѣрую и уповаю на Господа Бога, что Онъ не попуститъ неправдѣ восторжествовать и можетъ быть не скоро, когда я уже буду предъ страшнымъ престоломъ Его, Онъ зачтетъ мнѣ въ малую заслугу и мою безкорыстную привязанность Церкви, Его Святому Граду и престолу Вашего Блаженства“.

Въ указанныхъ недоразумѣніяхъ Общества съ патріархомъ Никодимомъ сыгралъ значительную роль новый консулъ Д. Н. Бухаровъ, преемникъ покойнаго В. Ѳ. Кожевникова. Д. Н. Бухаровъ, человѣкъ отъ природы безспорно талантливый и доброй, мягкой души, не чуждъ былъ, однакоже, весьма серьезныхъ недостатковъ, присущихъ многимъ даровитымъ русскимъ людямъ, и къ тому же былъ нервнобольной, раздражительный и подверженный тяжелымъ припадкамъ. Встрѣченный Обществомъ на посту іерусалимскаго консула съ надеждою и радужными упованіями, Д. Н. Бухаровъ, имѣя въ рукахъ опредѣленную инструкцію своего ближайшаго начальства—противодѣйствовать всѣмъ начинаніямъ Палестинскаго Общества, не смогъ удержаться на высотѣ своего положенія и не сумѣлъ не только выработать

для себя независимую программу дѣятельности въ отношеніяхъ къ Палестинскому Обществу, но, по вышеуказаннымъ свойствамъ своего вспыльчиваго характера, иногда даже становился въ оппозицію къ Обществу, входилъ въ непріятныя столкновенія съ дѣятелями его въ Іерусалимѣ и нерѣдко, чтобы только настоять на своемъ, принималъ и поддерживалъ во вредъ Обществу сторону его антагонистовъ—патріархіи и святогробскаго духовенства и даже турецкой мѣстной администраціи. Все это, взятое вмѣстѣ, съ его тяжелымъ недугомъ и размашистыми чертами русскаго характера, не терпимыми въ такомъ боевомъ мѣстѣ, какъ Іерусалимъ, на виду всей Европы, сдѣлали дальнѣйшее пребываніе здѣсь Д. Н. Бухарова невозможнымъ, и онъ, по настоянію Предсѣдателя Общества, великаго князя Сергія Александровича, былъ переведенъ на постъ генеральнаго консула въ Стокгольмѣ, гдѣ скоро и окончилъ дни своей многомятежной жизни.

И несмотря на всѣ описанныя нами недоразумѣнія и шероховатости въ сношеніяхъ съ патріархомъ, педагогическая просвѣтительная дѣятельность Палестинскаго Общества и за годы 1886—1887 продолжала, однакоже, дѣлать замѣтные успѣхи въ Палестинѣ и идти по намѣченному пути впередъ.

Открытая 3 октября 1885 года женская школа въ Назаретѣ сразу же завоевала себѣ полныя симпатіи мѣстнаго населенія, которое дало этой школѣ до 85 учеництъ въ первый же годъ ея существованія. Она получаетъ, по предложенію В. Н. Хитрово, серьезную организацію и дѣлается предметомъ особеннаго вниманія Общества: для развлеченія дѣтей и обученія ихъ пѣнію высылается сюда фисгармонія, а для обученія рукодѣлью—швейная машина.

Къ первоначальной смѣтѣ расходовъ прибавляются дополнительные расходы и цифра ихъ достигаетъ 2,400 руб. Первоначальное помѣщеніе школы въ домѣ Кафаръ-Тануса, получившаго въ награду 400 фр., за тѣснотою его, оставляется и подыскивается болѣе просторное, причемъ съ января 1887 г., по распоряженію Д. Д. Смышляева, на содержаніе школы ассигнуется прибавка въ 400 руб. При школѣ организованъ былъ по понедѣльникамъ спеціальный классъ чтенія Евангелія для приходящихъ взрослыхъ женщинъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что успѣху этой школы на первыхъ порахъ въ значительной степени содѣйствовала весьма энергичная начальница М. С. Савельева, оставившая въ 1888 г. службу въ Назаретѣ и замѣненная С. М. Бакуниной, которая Обществу принесла потомъ не мало огорченій.

3 Сентября 1886 г. былъ открытъ въ Назаретѣ пансіонъ для приготовленія сельскихъ учителей. Освященіе пансіона совершалъ торжественно владыка назаретскій Нифонтъ. Начальникомъ пансіона назначенъ былъ уже давно намѣченный Обществомъ на эту должность А. Г. Кезма. Учениковъ въ пансіонъ было принято, послѣ повѣрочныхъ испытаній въ знаніи арабскаго чтенія и 4-хъ правилъ ариѳметики, шесть бѣднѣйшихъ сиротъ полными пансіонерами и 5 приходящими въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ. Двое изъ нихъ были—ученики Мждельской русской школы, а остальные—ученики патріаршей школы. 24 мая 1886 г., по ходатайству А. Г. Кезмы, на содержаніе пансіона ассигновано добавочныхъ 1175 франковъ. Помѣщеніемъ для пансіона послужило прежнее помѣщеніе женской школы.

Въ 1886 году состоялась передача архимандритомъ Антониномъ основанной имъ женской школы въ Бейт-Джалѣ въ вѣдѣніе Православнаго Палестинскаго Общества, каковое намѣреніе о. архимандритъ лелѣялъ съ самаго основанія Общества. Всѣ земли, пріобрѣтенныя о. архимандритомъ, и постройки на нихъ принесены въ даръ Его Высочеству великому князю Сергію Александровичу, какъ любимому Сыну покойной Государыни Императрицы Маріи Александровны, на щедрыя пожертвованія которой была создана и долго содержалась эта школа. Палестинское Общество предполагало назначить въ эту школу начальницею М. А. Черкасову, „желавшую посвятить себя педагогической дѣятельности въ Палестинѣ“ и „прожившую три года миссіонеркой въ Японіи“ съ „весьма хорошею аттестаціею“, но на это назначеніе не согласился о. арх. Антонинъ, и мѣсто ея было предоставлено М. П. Глѣбовой [1]) съ жалованьемъ въ 960 р., при одной помощницѣ съ жалованьемъ въ 400 р., и съ выдачею обѣимъ подъемныхъ 600 р. и на обзаведеніе школы и квартиры начальницы 400 р. Прежняя учительница арабка, назначенная сюда арх. Антониномъ, получила отъ Общества пенсію въ 100 р. въ годъ и право пожизненнаго жительства въ одномъ изъ флигелей школы. Въ концѣ 1886 г. М. П. Глѣбова, по разстроенному здоровью, покинула школу, и на мѣсто ея назначена, по предложенію Августѣйшаго предсѣдателя, А. О. Селиванова. Въ 1887 г.

---

[1]) „Это искренно религіозная женщина, характеризуетъ В. Н. Хитрово М. П. Глѣбову въ письмѣ къ арх. Леониду отъ 22 августа 1886 г., съ святымъ огнемъ желанія принести посильную пользу православію и Святой Землѣ. Не откажитесь благословить ее на предпринимаемый ею тяжелый подвигъ“.

графъ С. В. Орловъ-Давыдовъ пожертвовалъ на Бейт-Джальскую школу 5000 р. съ тѣмъ, однакоже, чтобы былъ построенъ второй этажъ надъ этою школою. О. арх. Антонину Совѣтъ Общества поручилъ разработать планъ этой постройки, который и былъ осуществленъ уже въ 1890 году.

М. А. Черкасова, не принятая арх. Антониномъ въ Бейт-Джальской школѣ, командирована Совѣтомъ въ распоряженіе К. Д. Петковича въ качествѣ преподавательницы русскаго языка въ Бейрутской женской школѣ [1]. „Для русскаго учителя въ Бейрутѣ (вмѣсто А. Г. Кезмы) мы, писалъ В. Н. Хитрово консулу К. Д. Петковичу 20 февраля 1887 г., все отыскиваемъ кандидата подходящаго. Во всякомъ случаѣ надѣемся къ маю вамъ его предоставить. Въ послѣднемъ письмѣ къ вамъ Михаилъ Петровичъ писалъ о нашемъ предположеніи послать въ ваше распоряженіе, кромѣ русскаго учителя, и русскую учительницу. Мы для этого имѣемъ очень подходящую особу и рады были бы употребить ее съ пользою. На первое время она могла бы только преподавать русскій языкъ въ женской школѣ въ Бейрутѣ, и въ мѣсяцевъ 6 такого преподаванія осмотрѣться и ознакомиться на столько, чтобы сообразить главное, какъ *устроить и свое женское училище, буде въ немъ явится потребность*. Гдѣ? Въ Бейрутѣ, Акрѣ, Кайфѣ или Яффѣ, покажетъ время. Она еще для насъ важна на случай, еслибы по какимъ-нибудь обстоятельствамъ пришлось-бы замѣстить нашихъ учительницъ въ Назаретѣ или Бейт-Джалѣ. Да и учительницы эти, зная, что есть

---

[1] Журналы Засѣд. Совѣта 1886 г. № 33, № 37, № 38, № 40, № 41, № 43, № 44, № 45, № 47, № 48, № 51.

для нихъ готовая замѣстительница, не такъ бы привередничали. Это женщина не молодая, опытная и энергическая, хотя и ей *ставятъ въ упрекъ упрямство и недостатокъ выдержки.* Что дѣлать—ангеловъ не найдешь". Характеристика М. А. Черкасовой, сдѣланная В. Н. Хитрово, подтверждается и К. Д. Петковичемъ, который принялъ ее весьма любезно, приложилъ на первыхъ порахъ не мало стараній къ тому, чтобы удобно во всѣхъ отношеніяхъ устроить ее на новомъ мѣстѣ. „Послѣ долгихъ поисковъ и хлопотъ" былъ нанятъ домъ подъ школу для приходящихъ дѣвочекъ за 4,500 піастровъ, найдена учительница арабка, знающая немного французскій языкъ, въ помощницы М. А. Черкасовой. „Увидимъ ея дѣятельность по педагогіи, пишетъ В. Н—чу К. Д. Петковичъ, будетъ ли она отвѣчать денежнымъ жертвамъ, дѣлаемымъ Палестинскимъ Обществомъ". Результаты оказались вполнѣ удовлетворительными, и 28 октября 1887 г. К. Д. Петковичъ сообщалъ В. Н. Хитрово, „что школа идетъ недурно и имѣется въ ней больше 100 ученицъ, изъ которыхъ многія учатся по-русски".

Въ томъ же 1887 году торжественно открыта К. Д. Петковичемъ въ деревнѣ Аміунъ на Ливанѣ школа для мальчиковъ и ассигнованы на нее средства въ 1000 фр. въ годъ.

Осенью 1887 г. устроена была школа для приходящихъ дѣвочекъ въ селеніи Бейтъ-Сахуръ (пастушки) близъ Виѳлеема и учительницею туда назначена бывшая учительница Бейт-Джальской школы Марія Даудъ. Наблюденіе за школою поручено А. О. Селивановой.

По ходатайству К. Д. Петковича, 23 декабря 1886 г. ассигновано 2400 франковъ субсидіи эфоріи дамасскихъ школъ.

Въ 1887 г. Обществомъ командированъ на Востокъ съ цѣлью ознакомиться съ иновѣрными учрежденіями и нашими открытыми школами д. с. с. В. П. Кулинъ, въ качествѣ человѣка „опытнаго“ и „всю свою продолжительную служебную дѣятельность посвятившаго педагогическому дѣлу“ (письмо В. Н. къ К. Д. Петковичу 27 марта 1887 г.).

Палестинскимъ Обществомъ выработаны были положенія о стипендіяхъ при Св. Синодѣ въ честь К. П. Побѣдоносцева для духовныхъ семинарій и духовной Академіи, и на 188⁸/₉ г. стипендіатомъ Общества для образованія въ Кіевскую духовную Академію былъ назначенъ питомецъ назаретскаго пансіона Георгій Халеби, съ успѣхомъ окончившій курсъ ученія Академіи, занимавшій потомъ нѣкоторое время мѣсто учителя въ назаретскомъ пансіонѣ и нынѣ служащій въ качествѣ драгомана, на мѣстѣ своего дяди Я. Е. Халеби, извѣстнаго дѣятеля и сотрудника арх. Антонина, при нашей іерусалимской духовной миссіи. Въ томъ же году Рафаилъ Тарази и Михаилъ Яфетъ были отправлены для образованія въ Кіевскую духовную семинарію.

Чтобы окончить обзоръ дѣятельности Палестинскаго Общества по отдѣлу поддержанія православія въ Палестинѣ, намъ слѣдуетъ упомянуть о субсидіи его въ 1885 г. въ 4000 р. арх. Антонину на окончаніе постройки церкви на Елеонѣ, о передачѣ ему же 10,000 р. на тотъ же предметъ, пожертвованныхъ графинею Н. А. Стенбокъ-Ферморъ, и 1000 руб. на постройку церкви у Дуба Мамврійскаго бывшимъ па-

ломникомъ Модестомъ, епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ, и Балахнинскимъ купцомъ 1 гильдіи Ив. Ноздринскимъ, о пожертвованіи колоколовъ въ церкви Хамы, Хомса и Мжделя и объ открытіи сбора по русскимъ церквамъ старыхъ церковныхъ облаченій и предметовъ церковной утвари, вышедшихъ изъ употребленія, для церквей Палестины и Сиріи.

При указанныхъ выше отношеніяхъ патріарха къ Обществу казалось бы, что между ними не должна была имѣть мѣсто рѣчь о взаимныхъ услугахъ и помощи. Но на престолѣ апостола Іакова, брата Господня, возсѣдалъ въ данное время человѣкъ, настроеніе и мысли котораго могли во всякую минуту измѣниться въ совершенно противоположную сторону. Этимъ мы и объясняемъ почти невѣроятный при данныхъ обстоятельствахъ фактъ обращенія патріарха Никодима къ Палестинскому Обществу 17 января 1887 г. со слѣдующею телеграммою на имя великаго князя Сергія Александровича: „Не откажите въ скорой помощи денежными средствами, ибо наша нужда велика. Патріархъ Никодимъ“. Отвѣтъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, отрицательный: „Патріарху Никодиму. Предстоящіе Обществу расходы лишаютъ возможности нынѣ придти вамъ на помощь. Сергій“.

Но нужды патріархіи въ данное время были столь неотложны и положеніе патріарха на каѳедрѣ столь критическое, что удовлетвориться этимъ категорическимъ отказомъ патріархъ Никодимъ не могъ, и онъ рѣшился постучаться въ ту же дверь, но съ другого хода. 10 апрѣля 1888 г. патріархъ Никодимъ написалъ письмо уполномоченному Палестинскаго Общества въ Іерусалимѣ Д. Д. Смышляеву съ просьбою „занять въ одномъ

изъ русскихъ кредитныхъ учрежденій за невысокій процентъ, съ погашеніемъ въ 37 лѣтъ, сумму въ 400,000 рублей,“ съ тѣмъ, что „текущіе проценты на капиталъ и процентъ погашенія будутъ выплачиваемы патріархіею ежегодно чрезъ посредство Азіатскаго Департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ доходовъ съ принадлежащихъ бессарабскихъ имѣній“. Д. Д. Смышляевъ просьбу патріарха довелъ до свѣдѣнія Совѣта Общества, и такимъ образомъ началась довольно длинная исторія этого несостоявшагося, но весьма выгоднаго для патріархіи, займа, исторія, сжато разсказанная В. Н. Хитрово въ письмѣ его изъ Неаполя къ послу въ Константинополѣ А. И. Нелидову.

„По полученіи этой просьбы, писалъ онъ 21 іюля 1888 года, Совѣтъ Общества, зная грустное положеніе, въ которомъ находится патріархія, главнѣйше въ виду финансоваго положенія, съ которымъ безуспѣшно борется въ теченіе 3-хъ лѣтъ Его Блаженство патріархъ Никодимъ, и сознавая, что финансовое положеніе это проистекаетъ главнѣйше отъ безпорядка въ хозяйствѣ, чѣмъ отъ дѣйствительнаго недостатка въ деньгахъ, и что въ настоящее время патріархъ Никодимъ представляется среди всего святогробскаго братства единственнымъ лицомъ, достойнѣйшимъ возсѣдать на іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ, поэтому упорядоченіе его денежныхъ обстоятельствъ дастъ ему возможность вести съ успѣхомъ борьбу противъ братства и укрѣпить его положеніе, наконецъ, что безъ этихъ денегъ рано или поздно ему придется покинуть патріаршій престолъ, предоставивъ его на произволъ партій, которыя могутъ довести до окончательнаго разоренія

патріархію. Имѣя все это въ виду, Совѣтъ Общества съ полнымъ желаніемъ придти на помощь Его Блаженству патріарху Никодиму отнесся вполнѣ сочувственно къ просьбѣ Его Блаженства.

„Тягость финансоваго положенія патріархіи заключается главнѣйше въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, на которыхъ и заключены многочисленные займы. Цифру ихъ Общество полагаетъ до 1½ милліона рублей, хотя изъ нихъ патріархія признаетъ, какъ выяснилось изъ дальнѣйшихъ переговоровъ, лишь 800 тысячъ рублей. Допуская даже эту послѣднюю цифру, хотя Общество всетаки считаетъ болѣе вѣрной первую цифру, чѣмъ вторую, средній процентъ, платимый по этимъ долгамъ патріархіею, составляетъ 15% годовыхъ или 120 тысячъ рублей въ годъ, и кромѣ того, ставитъ патріархію въ совершенную зависимость отъ іерусалимскихъ евреевъ [1]) и константинопольскихъ фанаріотовъ, у которыхъ эти займы заключены. Для исправленія финансоваго положенія предстояло такимъ образомъ обратить долгъ изъ 15% въ 5% съ ½% погашенія въ годъ. Очевидно тогда, что патріархіи, вмѣсто нынѣ платимыхъ 120 тысячъ рублей, пришлось бы платить только 44 тысячи рублей и 76 тысячъ рублей въ годъ увеличили бы сразу его годовыя денежныя средства, не говоря уже объ облегченіи отъ освобожденія нынѣшнихъ заимодавцевъ. Въ виду вышеизложеннаго на предложеніе Его Блаженства Общество отвѣчало, что новый заемъ въ 400 тысячъ р. едвали принесетъ существенную пользу

[1]) Точно опредѣленные долги: банкирамъ іерусалимскимъ I. Фрутигеру и К° 647,000 франковъ и М. Д. Беркгейму и сыну 46,400, банкиру Зарифи въ Константинополѣ 130,540 фр., и другимъ лицамъ 114,158 фр. 50 с., а всего 800,506 фр. 50 с.

патріархіи, а лишь увеличить текущій долгъ ея новымъ займомъ безъ всякой пользы, лишь какъ временная паліативная мѣра. Поэтому Общество принуждено отклонить всякое участіе въ займѣ въ 400 т. р., но предлагаетъ патріархіи *всю сумму въ 1½ милліона рублей,* необходимую для погашенія всѣхъ существующихъ долговъ патріархіи, и эту сумму предлагаетъ изъ 5% годовыхъ и съ самымъ долгимъ погашеніемъ. При такой комбинаціи патріархія увеличивала сразу свои ежегодные доходы слишкомъ на 100 тысячъ рублей, именно ту цифру, на недостатокъ которой Его Блаженство постоянно жаловался. Такимъ образомъ патріархъ іерусалимскій пріобрѣталъ ежегодно доходъ въ 100 т. р., освобождался изъ рукъ своихъ заимодавцевъ, приводилъ въ порядокъ финансовое положеніе патріархіи и имѣлъ бы развязанными руки для борьбы противъ своихъ противниковъ.

„Его Блаженство, получивъ это предложеніе Общества, отнесся къ нему сочувственно и изъявилъ свое согласіе. Тогда Обществу предстояло изыскать средства къ осуществленію желанія Его Блаженства. Конечно, прежде всего самымъ простымъ представлялось заключеніе подобнаго займа у Императорскаго Правительства, но въ виду нынѣшнихъ финансовыхъ затрудненій сего послѣдняго, а главное въ виду постоянныхъ задержекъ и затрудненій въ платежахъ по прежде заключеннымъ займамъ ожидать успѣха отъ подобнаго предположенія было немыслимо. Тѣмъ болѣе, что при такомъ займѣ явятся ежегодныя просьбы патріархіи объ отсрочкѣ платежей, надежда на исполненіе и разочарованіе въ неисполненіи ихъ.

„Оставалось затѣмъ обращеніе къ частнымъ петербургскимъ и московскимъ банкирамъ. Но и эта

комбинація едва ли представлялась удобною, даже при возможности ея осуществленія, ибо, во-первыхъ, размѣръ процентовъ въ этомъ случаѣ значительно возвышался, а во-вторыхъ, патріархія изъ рукъ іерусалимскихъ, знакомыхъ ей издавна, евреевъ переходила въ руки незнакомыхъ ей петербургскихъ евреевъ. Не могу скрыть при этомъ, что разъ путь этотъ былъ бы проложенъ, патріархія не остановилась бы на этомъ займѣ: за первымъ послѣдовали бы послѣдующіе, и отъ нихъ въ концѣ концовъ патріархія пришла бы въ окончательное разореніе.

„При такомъ положеніи дѣла Обществу оставалось лишь одно: *предложить Его Блаженству эти 1½ милліона рублей отъ себя лично,* предоставивъ себѣ найти тѣмъ или другимъ путемъ необходимыя для сего средства. Такой заемъ отъ себя оно и предложило Его Блаженству. Но Ваше Превосходительство изволите хорошо знать, что такими собственными свободными суммами Общество не располагаетъ, и поэтому ему предстояло предложить условія, которыя, съ одной стороны, гарантировали тѣхъ, которые ввѣряли свои суммы Обществу, съ другой,—которыя гарантировали Обществу, что суммы, имъ даваемыя, пойдутъ исключительно на уплату уже существующихъ долговъ патріархіи, а не увеличатъ ихъ сумму новымъ непроизводительнымъ долгомъ. Поэтому условія, поставленныя Обществомъ, при предложеніи займа въ 1½ милліона рублей, сводились къ слѣдующему: 1) уплата процентовъ и погашенія гарантируется изъ доходовъ съ Бессарабскихъ имѣній, 2) долговое обязательство подписывается не только патріархомъ, но и синодомъ, 3) цифра займа опредѣляется цифрой всѣхъ нынѣшнихъ долговъ патріархіи съ присовокупле-

ніемъ 100 т. р. или 200 т. р. на необходимые экстренные расходы одного года, 4) Общество выдаетъ деньги только по предъявленіи долговыхъ обязательствъ патріархіи и только на ихъ уплату, 5) Общество гарантируетъ себѣ исполненіе патріархіею обязательствъ относительно Общества залогомъ имѣній патріархіи, лежащихъ въ предѣлахъ Турціи и Греціи [1]).

„Обезпечивъ себѣ потребную для займа сумму въ размѣрѣ до 1½ милліона рублей, Совѣтъ поручилъ мнѣ, совмѣстно съ уполномоченнымъ Общества въ Іерусалимѣ, вести переговоры съ Его Блаженствомъ объ этомъ дѣлѣ.

„По прибытіи въ Іерусалимъ, эти условія были предложены Его Блаженству, причемъ было указано ему, что такія дѣла возможны только при веденіи ихъ въ тайнѣ, безъ лишняго о нихъ разглагольствованія. Его Блаженство на это согласился, выслушавъ объясненіе на всѣ предложенныя условія. Но черезъ два дня послѣ того, не хочу доискиваться подъ вліяніемъ какихъ причинъ, предложилъ свои контръ-условія, заключающіяся въ томъ, что онъ занимаетъ 800 тысячъ рублей и гарантируетъ ихъ доходами съ Бессарабскихъ имѣній, никакихъ другихъ условій не принимаетъ, и что *подъ начальство Палестинскаго Общества не пойдетъ*. Какъ и, кромѣ того, я имѣлъ основаніе убѣдиться, что и сохраненіе въ тайнѣ этого займа со стороны Его Блаженства не было исполнено, то я призналъ полезнымъ прекратить всѣ дальнѣйшіе по сему вопросу переговоры, съ глу-

[1]) Изъ письма В. Н. Хитрово къ М. П. Степанову изъ Іерусалима отъ 18 іюля 1888 г. видно, что на этомъ пунктѣ В. Н. Хитрово „не настаиваетъ“.

бокимъ сожалѣніемъ, что единственный путь къ спасенію былъ отвергнутъ Его Блаженствомъ, хотя съ утѣшеніемъ, что этотъ *путь былъ ему предложенъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Оно предложило ему упорядоченіе финансоваго положенія патріархіи, ежегодное увеличеніе его доходовъ на 100 тысячъ рублей, не выговаривая и не требуя для себя лично ничего.* Говорить при этомъ о какомъ-то начальствованіи Палестинскаго Общества такъ же не основательно и смѣшно, какъ говорить о какомъ-то русскомъ патріархѣ въ Іерусалимѣ или о предположеніи Палестинскаго Общества бунтовать мѣстныхъ жителей противъ греческаго духовенства.

„Я оставилъ патріарха и патріархію въ самомъ грустномъ и безвыходномъ положеніи. *Для меня вопросъ низложенія Его Блаженства, самовольнаго или вынужденнаго, есть только вопросъ нѣсколькихъ дней, много мѣсяцевъ.* Низложеніе поведетъ къ смутамъ, исходъ которыхъ будетъ во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ грустный, ибо поневолѣ приходится сознаться, что каждый наслѣдникъ окажется хуже Его Блаженства. Крестная семинарія, госпиталь и всѣ сельскія школы заперты. Неудовольствіе мѣстнаго православнаго населенія возрасло до максимума, и взрывъ его тоже не заставитъ себя долго ждать. Искать же причины этого неудовольствія въ подстрекательствѣ Палестинскаго Общества болѣе чѣмъ смѣшно, *скажу даже преступно.* Его слѣдуетъ искать прежде всего въ невозможности дѣйствія греческаго духовенства и въ иновѣрныхъ пропагандахъ, которымъ съ руки открывать глаза мѣстному православному населенію на всѣ творимыя безобразія“.

Предполагавшийся заемъ патріарха Никодима у Палестинскаго Общества, обѣщавшій патріархіи выпутаться изъ тяготѣвшихъ надъ нею тяжелыхъ долговъ, большею частію съ 12 годовыми процентами, и прочное на продолжительное время положеніе самого патріарха на іерусалимской каѳедрѣ были безспорно главными побудительными причинами, почему Василій Николаевичъ вынужденъ былъ предпринять 17 мая 1888 г. *четвертое* свое путешествіе въ Св. Землю. Такой сложный финансовый вопросъ могъ быть рѣшенъ только на мѣстѣ, при личныхъ, исполненныхъ довѣрія съ обѣихъ сторонъ, сношеніяхъ. Но рядомъ съ этимъ, хотя и важнымъ и сулившимъ много хорошаго въ будущемъ и патріархіи и Обществу дѣломъ, были и другія не менѣе серьезныя причины для этого путешествія, вытекавшія уже прямо изъ дѣятельности Палестинскаго Общества или такъ или иначе связанныя съ нею. Церковь во имя св. Маріи Магдалины въ Геѳсиманіи въ память въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Александровны, заложенная В. Н. Хитрово въ предшествующій его пріѣздъ въ Палестину, близилась къ своему окончанію. „Снаружи планъ Гримма, писалъ В. Н. Хитрово М. П. Степанову 6 іюня 1888 г., *выполненъ въ совершенствѣ* и выполненъ такъ хорошо, принимая въ соображеніе всю каменотесную работу, которую сознаешь, только видѣвши, что поневолѣ приходится отдать полную честь и славу Франгіа, который былъ-бы выдающимся исполнителемъ архитектурнымъ даже въ Питерѣ. Какими чудесами заставилъ онъ арабскихъ рабочихъ выдѣлывать въ камнѣ никогда не видѣнные ими каменные узоры,—просто чудо, и за одно это, если бы даже были небольшія ошибки,

Франгіа стоитъ, чтобъ ему низко поклониться". „Мысль раскрасить церковь внутри была блестящая. Церковь разомъ изъ холодной сдѣлалась теплою, уютною". При сооруженіи церкви „ошибки были неизбѣжны", и о нихъ В. Н. рекомендуетъ довести до свѣдѣнія Великаго Князя, чтобы онѣ своею „неожиданностью" не могли „поразить и произвести на него непріятнаго впечатлѣнія". В. Н—чъ настаивалъ на необходимости отдѣлки спуска при этой церкви террасами, которыя слѣдовало бы, по его мнѣнію, „засадить темными кипарисами" и различнаго рода деревьями и на нихъ устроить русское кладбище, а между деревьями выстроить 5—10 домиковъ для сторожей и „старыхъ служивыхъ". Планъ этотъ В. Н—ча получилъ разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ, какъ извѣстно, лишь въ недавнее время.

Строющееся русское подворье хотя и серьезно интересовало В. Н., но такъ какъ къ пріѣзду Великаго Князя оно никакъ не могло быть готово, то естественно все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на своемъ дѣтищѣ—на школахъ Общества, потому что теперь впервые, можно сказать, онъ видѣлъ эти школы уже въ полномъ ходу и, слѣдовательно, только теперь имѣлъ возможность судить объ ихъ успѣхахъ и о правильности ихъ постановки. Еще будучи въ Одессѣ, онъ вошелъ въ сношеніе съ А. И. Якубовичемъ, служившимъ на пароходѣ „Чихачевъ" лѣкаремъ, и, въ виду „благопріятнаго впечатлѣнія и считая его скромнымъ, тихимъ, очень не глупымъ, съ желаніемъ сдѣлать что можетъ", принялъ его на службу Общества въ качествѣ учителя открываемой школы въ Назаретѣ для приходящихъ дѣтей, съ жалованьемъ 200 франк., а его жену—фельдшерицею, съ жалованьемъ

въ 50 франковъ, и завѣдующею амбулаторіею для больныхъ учениковъ школъ Общества. Въ Бейрутѣ, послѣ встрѣчи съ Д. Д. Смышляевымъ, В. Н. Хитрово отправился прямо въ школу М. А. Черкасовой и свои восторженныя впечатлѣнія отъ этой школы изложилъ въ письмѣ къ М. П. Степанову. „Я, писалъ В. Н. Хитрово, ѣхалъ съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, но, милый другъ, *что я увидѣлъ превзошло мои ожиданія.* Было часовъ 8 утра. Марья Александровна оказалась въ церкви, дверь заперта, на дворѣ 2—3 дѣвочки, раннія ученицы. Сѣли и мы на привалинку (sic), подходятъ дѣвочки. У одной вижу знакомый переплетъ съ крестомъ. Вотъ и прекрасно. Не будемъ терять драгоцѣннаго времени. Развертываю книгу—русское Евангеліе. Умѣешь читать? спрашиваю дѣвочку. Умѣю, отвѣчаетъ. И безъ запинки читаетъ цѣлую страничку. Я даже диву дался. Между тѣмъ приходитъ Марья Александровна. Пока пили кофе, мы бранились, т. е. она высказывала свои гріефы, я—свои. Но вотъ позвонили къ молитвѣ, значитъ, всѣ дѣти собрались. Мы отправились въ классную. Я просилъ М. А. не дѣлать экзаменовъ, а вести классъ, какъ въ обыденный будній день. Дѣтей набралось до 120. Довольно сказать одно, что изъ 120 дѣвочекъ—20 читаютъ по-русски, переводятъ съ русскаго на арабскій и съ арабскаго на русскій, конечно, съ запинками, но съ незначительными; группы, раздѣленныя на 4 класса, находятся во всѣхъ стадіяхъ отъ пріученія креститься и изученія арабскихъ молитвъ до вышеприведеннаго старшаго класса. Единственное руководство—Евангеліе русское и арабское. На немъ учатся читать и писать. Кромѣ того, преподается только ариѳметика. И это все въ девять

мѣсяцевъ! Эти успѣхи оказались еще большими, когда я впослѣдствіи посѣтилъ Бейт-Джальскую школу. Здѣсь изъ 70 дѣвочекъ едва 4—5 умѣютъ читать односложныя русскія слова, изъ арабскаго онѣ не дальше бейрутскихъ, т. е. умѣютъ читать, но тоже можетъ быть 10—15 дѣвочекъ, остальныя на складахъ. Пресловутая система косточекъ съ буквами араби-москови оказывается пуфомъ. Но что болѣе всего поражаетъ, эта разница обращенія въ Бейрутѣ и Бейт-Джалѣ начальницъ. Тамъ—чисто мать, дѣти къ ней относятся любовно, еще любовнѣе Марья Александровна къ нимъ, такое же отношеніе между Марьею Александровною и учительницами. Тутъ Аделаида Олимпіевна разыгрываетъ роль строгой классной дамы... Мы съ отцомъ архимандритомъ пошли на такой компромиссъ: на деньги графа Орлова-Давыдова строить второй этажъ и всю эту часть отдать подъ пансіонъ, сзади же возвести постройку для приходящихъ дѣтей съ особымъ входомъ на наши средства“.

Относительно назаретскихъ школъ В. Н. Хитрово въ письмѣ къ М. П. Степанову отъ 22 іюня 1888 г. сообщаетъ не менѣе утѣшительныя извѣстія. „Начну съ пансіона Кезмы. Осмотрѣлъ я его подробно, продѣлалъ экзамены Закона Божія и русскаго, гулялъ съ учениками и, насколько возможно, познакомился съ нимъ. Что касается пройденнаго, это дѣло относительное и его можно будетъ требовать, когда будетъ установлена программа. Экзаменъ Закона Божія происходилъ на арабскомъ языкѣ, въ присутствіи митрополита. Сказать могу только, что отвѣчали довольно бѣгло, своими словами (не въ долбежку), и, какъ оказывалось, по моимъ вопро-

самъ толково. Русскій экзаменъ производилъ я лично. Каждый воспитанникъ читалъ по-русски и славянски (для экзамена былъ взятъ Новый Завѣтъ), затѣмъ переводъ русскаго прочитаннаго на арабскій, грамматическій русскій разборъ, переводъ съ арабскаго на русскій. Въ концѣ была имъ продиктована страница русскаго, ошибокъ было у каждаго отъ 2 до 6. Вы видите, что экзаменъ произведенъ досконально. Результаты оказались болѣе, чѣмъ удовлетворительными. Теоретическое знаніе русскаго языка оказалось довольно хорошимъ и даже, можно просто сказать, хорошимъ, но разговорная рѣчь или практическая часть хромаетъ. И это понятно, ибо практики у нихъ нѣтъ, и въ этомъ отношеніи прибытіе русскаго учителя будетъ, я думаю, болѣе чѣмъ полезно. Но что мнѣ болѣе всего пришлось по душѣ—это обращеніе Кезмы съ дѣтьми, ихъ выдержка. Въ этомъ отношеніи можно быть вполнѣ довольнымъ. *И въ этомъ отношеніи я возлагаю на Кезминскій пансіонъ большія надежды*".

„Гораздо труднѣе мнѣ высказать мнѣніе о школѣ Савельевой. Школа существуетъ безъ особенной правда системы, но въ ней дѣйствительно учатся около 200 дѣвочекъ: однѣ, не окончивши курса, выходятъ замужъ, другія сидятъ въ старшемъ курсѣ, ну, пока хотятъ, маленькія поступаютъ, уходятъ на работы, опять поступаютъ. Повторяю, что время не теряется: дѣти учатся читать, писать по-арабски, Закону Божію и 4 правиламъ ариѳметики. Хуже всего, если хотите, идетъ русскій языкъ, и это потому, что Савельева не особенно педагогична, да и занята она многимъ. Она входитъ въ дома, знаетъ чуть ли не всѣхъ, она репремандируетъ митрополита, споритъ съ каймака-

момъ, къ ней приходятъ изъ сосѣднихъ деревень. Непривычные видѣть энергію въ женщинѣ, назаретскіе жители пасуютъ передъ ея энергіею, равно какъ и власти, и это личное ея вліяніе незамѣнимо. Конечно, съ другой стороны, эта ея раскиданность, желаніе все обхватить, все сдѣлать, конечно, отчасти вредитъ школѣ. Но въ общемъ это вліяніе для насъ особенно плодотворно, и достигнутые въ три года результаты по истинѣ изумительны. Эта энергія становится тѣмъ болѣе изумительна, когда, какъ мнѣ пришлось испытать, ей приходится жить, напр., относительно ѣды, такъ и нашъ невзыскательный крестьянинъ задумался бы. Не менѣе услугъ оказала она и страннопріимному дому, который изъ хлѣва обратился въ приличное помѣщеніе“. В. Н. Хитрово вручилъ Савельевой за труды знакъ члена-сотрудника.

О Мждельской школѣ онъ говоритъ, что 15 мальчиковъ въ ней „чему-то учатся, ну, и слава Богу“. Въ школѣ въ Рамэ ему побывать не удалось.

Присмотрѣвшись внимательно къ школьнымъ порядкамъ въ различныхъ мѣстахъ Галилеи и Сиріи, В. Н. Хитрово рѣшился объединить ихъ, по возможности сблизить работающихъ въ нихъ между собою и подчинить одному общему контролю, съ каковою цѣлью онъ въ Іерусалимѣ и устроилъ съѣздъ всѣхъ палестинскихъ школьныхъ дѣятелей. „Всѣ школы, за исключеніемъ Бейт-Джальской, оказались лучше, чѣмъ я предполагалъ, описываетъ школьный съѣздъ В. Н. Хитрово въ письмѣ къ М. П. Степанову отъ 18 іюня 1888 г., но каждая изъ нихъ вела дѣло по своей программѣ, по своей системѣ. *Желательно привести ихъ къ одному знаменателю, и вотъ причина, отчего я всѣхъ начальницъ пригласилъ пріѣхать въ Іерусалимъ.* Умыселъ

кромѣ того былъ еще иной: свести ихъ вмѣстѣ, сблизить съ собою и познакомить съ графинею О. Е. Путятиной, которой и передать ихъ. Пригласилъ я Кезму, чтобъ онъ присутствовалъ для вопроса объ арабскомъ преподаванiи. Черкасова, въ сопровожденiи своей учительницы старшей и двухъ дѣвочекъ, какъ образчикъ ея системы (которыхъ я хотѣлъ показать о. Антонину и другимъ учительницамъ), прiѣхала съ нами изъ Бейрута одновременно. Такъ какъ русскiя постройки были полны, то я ихъ помѣстилъ въ сосѣднемъ отелѣ. 27 iюня прiѣхали сухимъ путемъ изъ Назарета Савельева и Кезма, а 28 изъ Бейт-Джалы Селиванова. Если къ этому присоединить о. Срѣтенскаго съ сестрой, да насъ съ Дмитрiемъ Дмитрiевичемъ, то вы увидите, что палестинскихъ нашихъ дѣятелей собралось много. Дмитрiй Дмитрiевичъ устроилъ для всѣхъ насъ въ столовой нашего подворья общую трапезу, на которую мы собирались въ 1 и въ 7 часовъ и никогда не садились менѣе 12 человѣкъ. 29-го, въ присутствiи графини Путятиной, я собралъ всѣхъ учительницъ и Кезму *и открылъ первый педагогическiй* съѣздъ въ Iерусалимѣ. Во-первыхъ, сказалъ я имъ, что Великiй Князь благодаритъ ихъ всѣхъ за ихъ труды, знаетъ всѣ трудности, съ которыми имъ приходится бороться, и надѣется, что они и впредь съ такимъ же самопожертвованiемъ будутъ работать надъ общимъ нашимъ дѣломъ. Во-вторыхъ, я передалъ волю Великаго Князя, что общею начальницею надъ всѣми нашими женскими школами въ Палестинѣ и Сирiи Его Высочеству благоугодно было назначить графиню Путятину, къ которой одной отнынѣ всѣ онѣ должны обращаться какъ лично, такъ и письменно, а равно представлять свои отчеты, какъ

денежные, такъ и педагогическіе, и, въ-третьихъ, что намъ нужно установить общую программу для встрѣчи Великаго Князя".

Засѣданія съѣзда происходили 30 іюня, 1, 2, 3 и 4 іюля отъ 3 до 5 ч. вечера и, не смотря на нѣкоторыя шероховатости, вытекавшія изъ затронутаго самолюбія преимуществами того или другого лица, въ общемъ съѣздъ окончился благополучно, и дѣятельницы Палестинскаго Общества на педагогическомъ поприщѣ, за исключеніемъ А. О. Селивановой, начальницы Бейт-Джальской школы, которая отказалась отъ должности и передала школу временно своей помощницѣ, весьма симпатичной дѣвушкѣ, Маріи Ходдатъ, возвратились спокойно къ своимъ мѣстамъ, сохранивъ за собою право пока вести школы такъ, какъ онѣ велись ими и до этого времени. Вопросъ о костюмѣ учительницъ и начальницъ рѣшенъ былъ такъ: для лѣта платья сѣраго цвѣта, а для зимы чернаго, покроя нашихъ сестеръ милосердія.

По отношенію къ мужскимъ школамъ рѣшено было упрочить положеніе пансіона въ Назаретѣ и для этого пріобрѣсти мѣсто за городомъ, чтобы на немъ можно было возвести къ 1 сентября 1890 г. свой собственный домъ, такъ какъ наемъ частнаго помѣщенія для пансіона обходился дорого. Намѣчался между прочимъ проектъ изъ пансіона создать со временемъ ремесленную школу, рѣшено было хлопотать объ уступкѣ Палестинскою Коммиссіею принадлежащаго ей мѣста въ Назаретѣ, чтобы, прикупивъ къ нему два смежные участка, выстроить на немъ страннопріимный домъ и женскую школу. Въ виду затрудненій патріархіи содержать въ Назаретѣ свою школу, имѣвшую до 200 учениковъ при 6 учителяхъ и бли-

зившуюся къ окончательному закрытію, В. Н. Хитрово рѣшилъ просить благословеніе патріарха на открытіе мужской школы Общества въ Назаретѣ, подчинивъ ее надзору А. Г. Кезма, дабы дѣти не перешли въ школы протестантскія и католическія. „Допустить это въ Назаретѣ я, замѣчаетъ В. Н. Хитрово въ письмѣ къ М. П. Степанову, не считаю себя въ правѣ, тѣмъ болѣе, что, имѣя въ нашихъ рукахъ все православное женское населеніе, нельзя допустить, чтобъ мужское было предано иновѣрцамъ“. Патріархъ согласился на открытіе мужской школы, но попросилъ 6,000 рублей за это на окончаніе церкви въ Рамэ, на что В. Н. Хитрово долженъ былъ согласиться. Въ заключеніе всего намѣчена была къ открытію и мужская школа въ Бейт-Джалѣ въ виду того, что тамъ открылась протестантская мужская школа. Общій надзоръ за мужскими школами порученъ былъ Д. Д. Смышляеву, на имя котораго съ этого времени пересылались Обществомъ деньги и посылки.

Въ сентябрѣ и первыхъ числахъ (1—6) октября состоялось путешествіе въ Палестину великихъ князей Сергія и Павла Александровичей и Августѣйшаго предсѣдателя нашего Общества великой княгини Елисаветы Θеодоровны, съ цѣлью присутствовать при освященіи Геθсиманской церкви св. Маріи Магдалины, построенной въ память Государыни Императрицы Маріи Александровны на средства Ея Августѣйшихъ Дѣтей. Царственные паломники воспользовались настоящимъ случаемъ, чтобы поклониться святымъ мѣстамъ не только Палестины, но и Галилеи, и внимательно осмотрѣть всѣ учрежденія Палестинскаго Общества, живо интересуясь по преимуществу состояніемъ школъ Общества въ Бейрутѣ, Мжделѣ,

Назаретѣ и Бейт-Джалѣ. Пріѣздъ Ихъ Высочествъ въ Палестину и Сирію былъ свѣтлымъ праздникомъ для всего населенія и оставилъ въ душѣ дѣтей его неизгладимое глубокое впечатлѣніе. Высокіе посѣтители милостиво бесѣдовали съ учебнымъ персоналомъ, ласково задавали вопросы учащимся и, оставляя школы, всѣхъ щедро одѣляли подарками и деньгами [1]).

Во время пребыванія Великаго Князя въ Іерусалимѣ патріархъ Никодимъ возобновилъ рѣчь о займѣ у Палестинскаго Общества. Общество согласилось, но условія займа оставило прежнія. Теперь, однако же, оказалась сильная оппозиція патріарху въ его синодѣ въ лицѣ Анѳима, митрополита Виѳлеемскаго, и Никифора, митрополита Петры-Аравійской, трехъ членовъ синода, которые, по словамъ патріарха, „написали противъ насъ такія обвиненія, которыя въ иное время могли бы вызвать отрубленіе головы или какую-либо иную страшную казнь“ [2]). Патріархъ Никодимъ, указывая причину этого „сопротивленія“ въ „желаніи затруднить патріарха для цѣлей, главнымъ образомъ, честолюбивыхъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь „на высокое покровительство великодушнаго Монарха“ и припоминая „могущественно-одобрительныя слова“ Великаго Князя, не допускавшія и „мысли объ оставленіи“ имъ трона, просилъ Великаго Князя письмомъ отъ 17 ноября 1888 г. „устроить предполагаемый заемъ на основаніи боль-

---

[1]) Совѣтъ Общества ассигновалъ въ распоряженіе М. П. Степанова на школы 475 р. 2 к.+1894 р. 73 к. и на подарки учебному персоналу 1230 р.

[2]) Изъ письма патріарха къ Ѳ. П. Корнилову отъ 31 января 1889 г.

шинства голосовъ" (9 противъ 5), и съ своей стороны „не находилъ ни малѣйшаго препятствія къ заключенію займа на основаніи большинства голосовъ, ибо общее право и существующія повсюду общія постановленія и значеніе членовъ патріаршаго синода, имѣющихъ только совѣщательный голосъ, способствуетъ благопріятному для него рѣшенію сего вопроса" [1]). Палестинское Общество черезъ М. П. Степанова запросило посла въ Константинополѣ А. И. Нелидова: „Возможно ли признавать законнымъ или, вѣрнѣе, насколько будетъ признавать законнымъ Императорское Правительство *нееединогласное* постановленіе іерусалимскаго синода, и дѣйствительно ли необходимо законное засвидѣтельствованіе въ Турціи долгового обязательства патріархіи" [2]). Одновременно по тому-же дѣлу Ѳ. П. Корниловъ обратился съ вопросами и въ Азіатскій Департаментъ. „Для Палестинскаго Общества рѣшеніе патріаршаго синода, какъ единогласное, такъ и большинствомъ голосовъ, спрашивалъ Ѳ. П. Корниловъ Ив. А. Зиновьева, не имѣетъ, при заключеніи займа, особаго значенія. *Рѣшающее значеніе для Общества, при совершеніи этого займа*, имѣетъ согласіе министерства иностранныхъ дѣлъ удерживать изъ доходовъ съ Бессарабскихъ имѣній, приклоненныхъ Святому Гробу, ту часть ихъ, которая будетъ слѣдовать на ежегодный платежъ процентовъ и погашенія впредь до полной уплаты займа". „Считаю долгомъ увѣдомить ваше высокопревосходительство, писалъ довѣрительно 10 мая 1889 г.

---

[1]) Изъ письма патріарха къ великому князю Сергію Александровичу отъ 17 ноября 1888 г.

[2]) Изъ письма М. П. Степанова къ А. И. Нелидову отъ 16 января 1889 г.

И. А. Зиновьевъ въ отвѣтъ, что всѣ предшествовавшія ссуды іерусалимской патріархіи дѣлались лишь по изъявленіи согласія на оныя патріаршимъ синодомъ въ полномъ его составѣ, и что *министерство ни въ какомъ случаѣ не считаетъ себя въ правѣ принять на себя разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какой степени будетъ имѣть законную силу постановленіе о займѣ*, подписанное лишь нѣкоторыми членами синода, хотя бы и въ большинствѣ. Въ виду господствующихъ въ нѣдрахъ іерусалимской церкви смутъ и антагонизма, существующаго между патріархомъ и нѣкоторыми членами его синода, нельзя не опасаться, что такое постановленіе можетъ быть опротестовано синодальными членами, находящимися въ оппозиціи, и *министерство не можетъ принять на себя отвѣтственность за послѣдствія такого протеста*. При этомъ случаѣ я почитаю обязаннымъ обратить вниманіе ваше и на то, что, по мнѣнію министерства иностранныхъ дѣлъ, содѣйствіе къ займу можетъ быть оказано іерусалимскому патріарху лишь въ томъ случаѣ, когда мы заручимся хотя бы нравственною гарантіею въ томъ, что заемъ будетъ обращенъ на погашеніе долговыхъ обязательствъ, ранѣе заключенныхъ патріархіею подъ значительные проценты. Безъ этой гарантіи заемъ не достигнетъ своей цѣли и можетъ только усугубить финансовыя затрудненія патріархіи, въ каковомъ случаѣ Императорское правительство можетъ быть поставлено въ необходимость принять на себя значительныя жертвы, въ видахъ предупрежденія полной несостоятельности патріархіи, каковая крайне гибельно отзовется и на ея нравственномъ обаяніи".

Послѣ такого отвѣта отъ имени министерства иностранныхъ дѣлъ уже не могло быть никакой рѣчи

о займѣ у Общества. Измѣненія въ условіяхъ займа, сдѣланныя патріархомъ 10 января 1889 г.. съ увѣдомленіемъ, что турецкое правительство „нашло, что этотъ заемъ *не только не пагубный, но весьма полезный и выгодный*“, и возраженія со стороны Общества отъ 15 іюня 1889 г. на измѣненія въ условіи займа съ обязательствомъ принять „на свои средства“ школы не всѣ, какъ предполагалъ патріархъ, а только нѣкоторыя и „соотвѣтственно съ тѣми педагогическими средствами, которыми оно можетъ располагать“, подчинивъ ихъ „въ педагогическомъ отношеніи“ Обществу и его агентамъ въ Палестинѣ и сохранивъ за собою назначеніе и увольненіе учителей въ нихъ—все это осталось лишь на бумагѣ свидѣтелемъ того, что Палестинское Общество никогда не отказывалось въ трудную минуту съ великимъ самопожертвованіемъ придти на помощь Сіонской Церкви, и не по его винѣ благія намѣренія парализовались съ той стороны, гдѣ можно было бы ожидать только поддержки и сочувствія. Блаженнѣйшій патріархъ Никодимъ, оставленный, такимъ образомъ, всѣми на произволъ судьбы, вынужденъ былъ сдѣлать свой послѣдній рѣшительный шагъ—отречься отъ престола, хорошо себя обезпечивъ пожизненно договоромъ съ патріархіею, что и послѣдовало въ самомъ непродолжительномъ времени (19 окт. 1890 г.).

Изъ жизни палестинскихъ школъ за время, нами разсматриваемое, мы можемъ отмѣтить только нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ фактовъ: командированіе въ распоряженіе графини Путятиной П. Н. Ушаковой и С. Бакуниной, изъ коихъ первая предназначалась для Бейт-Джальской школы, а вторая—для Назаретской, печатаніе въ Бейрутѣ А. Г.

Кезмою на арабскомъ языкѣ Священной исторіи съ рисунками на 400 р., ассигнованные Обществомъ, разрѣшеніе пансіонерамъ старшихъ классовъ Назаретскаго пансіона преподавать русскій языкъ въ школѣ для мальчиковъ, выработку программы для мужской школы, выдачу пособія С. К. Хури по 40 франковъ на женскую школу въ его домѣ въ Кайфѣ и поднятіе вопроса о школѣ для приходящихъ мальчиковъ, ассигнованіе 1,000 франковъ въ ежегодное пособіе на школу въ Захлэ, въ мѣстѣ пребыванія митрополита Герасима (Яреда), и „признаніе полезнымъ" пансіонерамъ старшаго класса въ Назаретѣ съ 15 іюня по 1 іюля и съ 1 по 15 сентября посѣщеніе окрестностей Назарета и Іерусалима, съ отнесеніемъ расходовъ на эти школьныя путешествія „на общіе остатки отъ содержанія учебныхъ заведеній".

Поддержаніе храмовъ за это время выразилось ассигнованіемъ 1,000 р. изъ суммъ, пожертвованныхъ А. Н. Лѣнивовымъ на иконостасъ для церкви въ Канѣ Галилейской, которую посѣтили великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи и великая княгиня Елисавета Өеодоровна, въ принципѣ обѣщаніемъ помощи при постройкѣ колокольни храма Воскресенія, назначеніемъ 1,000 р. на пріобрѣтеніе колокола для соборнаго храма Св. Фотиніи въ Смирнѣ, „въ память посѣщенія Ихъ Высочествами Смирны и сдѣланнаго имъ тамъ пріема" и рѣшеніемъ „въ текущемъ году" приступить къ окончанію церкви въ Рамэ, несмотря на то, что расходы на нее исчислены въ 17,000 руб.

Пособіе русскимъ православнымъ паломникамъ и забота о нихъ въ Палестинѣ, согласно извѣстной уже намъ заранѣе выработанной программѣ, на первыхъ

порахъ существованія Общества всецѣло возлагались на Палестинскую Коммиссію, располагавшую значительными денежными средствами и завѣдывавшую нашими страннопріимными домами въ Іерусалимѣ. Палестинское Общество находило преждевременнымъ на этомъ поприщѣ соперничать съ своимъ старѣйшимъ товарищемъ, имѣющимъ за собою опытность около 20-ти лѣтъ. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что изъ капитала Общества въ 15,059 р. 99 к., собраннаго имъ на пространствѣ времени съ 21 мая 1882 г. по 1 марта 1883 г., *на пособіе русскимъ паломникамъ* было израсходовано всего 159 р. 7 к.

Общество ставило для себя цѣлью прежде всего облегчить по возможности путь въ Св. Землю для нашихъ бѣднѣйшихъ паломниковъ чрезъ удешевленіе проѣздныхъ билетовъ какъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ и на пароходахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, перевозящихъ въ Палестину нашихъ паломниковъ, хотя эта сторона дѣятельности Общества и не встрѣчала сочувствія и одобреній ни со стороны авторитетныхъ членовъ Общества—архимандритовъ Антонина и Леонида, ни нашего константинопольскаго посольства, опасавшихся развитія бродяжничества среди русскихъ людей-тунеядцевъ. Въ этихъ видахъ Общество входило въ сношенія съ управленіями желѣзныхъ дорогъ и министерствомъ путей сообщенія и ходатайствовало о возможныхъ уступкахъ на билетахъ сначала III класса, а затѣмъ даже и на билетахъ I и II классовъ, и добилось весьма значительной скидки въ 50% и 30%. На первыхъ порахъ подобныя уступки сдѣланы были дорогами Московско-Курскою, Юго-Западными, Козлово-Воронежско-Ростовскою и Курско-Кіевскою. Въ послѣдующее время такимъ же

образомъ удалось войти въ соглашеніе и съ другими русскими желѣзными дорогами и установить такъ называемыя „паломническія книжки", а продажу ихъ, по крайней мѣрѣ въ пунктахъ наибольшаго движенія паломниковъ, въ Воронежѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ поручить уполномоченнымъ или агентамъ Общества. Впрочемъ, попытка устроить продажу „паломническихъ книжекъ" въ Троице-Сергіевской лаврѣ на первыхъ порахъ была встрѣчена съ недовѣріемъ, какъ „пропаганда" Общества, и вызвала со стороны В. Н. Хитрово даже разъясненія. „*Мы изъ этого дѣла*, писалъ онъ арх. Леониду 1 февраля 1883 г., *кромѣ хлопотъ ничего не выручаемъ*, да и навязывать книжекъ не желаемъ. Совершенно достаточно, если паломники будутъ знать, что такія книжки есть и гдѣ ихъ можно достать". Во время своего путешествія въ Іерусалимъ В. Н. Хитрово могъ лично убѣдиться въ пользѣ книжекъ. „Много благодарятъ за книжки, писалъ онъ М. П. Степанову 21 ноября 1884 г., много надѣются въ Іерусалимѣ. Меня знаютъ, какъ тоже паломника и не болѣе. О Палестинскомъ Обществѣ почти не знаютъ, но все приписываютъ *Царскому Брату*. Онъ о насъ заботится. И могу васъ увѣрить, это не одинъ, не два поклонника, а сотни, съ которыми пришлось говорить. Я представляюсь, что и о книжкахъ не слыхалъ, а они мнѣ показываютъ, требуютъ объясненія и все сводится къ тому: Вотъ какъ заботится о насъ Царскій Братъ. Благодареніе Богу!"

Дальнѣйшая забота о паломникахъ заключалась въ устройствѣ для нихъ пріюта въ Одессѣ, гдѣ имъ приходилось проживать иногда подолгу съ цѣлью выхлопатывать заграничный паспортъ и чтобы выждать срочный пароходъ, идущій въ Яффу. Стран-

нопріимный архіерейскій домъ и подворья русскихъ обителей на Аѳонѣ: Св. Пантелеймона, ап. Андрея Первозваннаго и Иліи Пророка служили здѣсь издавна пріютами для нашихъ паломниковъ, отправляющихся въ Св. Землю и на Аѳонъ. Такъ какъ пріютъ архіерейскаго дома не отличался удобствами помѣщенія и гостепріимствомъ, то большинство паломниковъ находило для себя прибѣжище на упомянутыхъ радушныхъ аѳонскихъ подворьяхъ, пользуясь здѣсь иногда такими удобствами, какими многіе изъ нихъ не могли похвалиться даже дома, въ родной деревнѣ. Такой же благоустроенный пріютъ имѣли наши паломники и на Аѳонскомъ Пантелеймоновскомъ подворьѣ въ Константинополѣ, о которомъ восторженный отзывъ даетъ покойный В. Н. Хитрово. „Пантелеймоновское подворье привело меня въ восторгъ, писалъ онъ М. П. Степанову 21 ноября 1884 года. Одно, что могу сказать: дай Богъ, чтобъ хотя приблизительное было бы устроено на нашихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ: чисто, опрятно, много свѣта и воздуха. Хотя Пантелеймоновскій монастырь не входитъ въ кругъ дѣятельности нашего Общества, тѣмъ не менѣе не только игнорировать его мы не можемъ, но, наоборотъ, *мы должны его поддерживать и ему оказывать содѣйствіе всѣми нашими силами*. Такой монастырь въ Святой Землѣ (если бы былъ возможенъ!) былъ бы все, чего мы могли бы ожидать и желать. *Это русскій клинъ, и къ тому же единственный, вбитый на Востокъ*. Конечно, не столько самъ монастырь, сколько его представитель о. архимандритъ Макарій. Къ сожалѣнію, на Аѳонъ мнѣ не попасть, и пришлось довольствоваться о. Паисіемъ († 1906 г.), его представите-

лемъ въ Константинополѣ, болѣе 15 лѣтъ извѣстнымъ всѣмъ и каждому. *Такой бы агентъ въ Святой Землѣ—и мы были бы вполнѣ покойны*". Слѣдовательно, Обществу совершенно излишне было вступать въ конкуренцію съ налаженнымъ уже и вполнѣ достигающимъ своей цѣли страннопріимничествомъ нашихъ паломниковъ въ Одессѣ и Константинополѣ. Исключеніе въ этомъ отношеніи, и притомъ вполнѣ случайно, сдѣлано было лишь для Таганрога.

Въ 1887 г. членъ Общества А. I. Погребенко довелъ до свѣдѣнія Совѣта Общества, что нѣкто В. А. Ищенкова выразила готовность пожертвовать принадлежащее ей въ г. Таганрогѣ недвижимое имущество въ пользу Общества, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ немъ была устроена страннопріимница для поклонниковъ. Пожертвованіе Ищенковой было принято Обществомъ съ благодарностью, но такъ какъ для того же назначенія Таганрогская городская дума отвела уже участокъ № 6 близь пароходной пристани, то рѣшено было строиться на этомъ послѣднемъ участкѣ и при страннопріимницѣ имѣть двѣ комнаты, одну для В. А. Ищенковой, а другую—для завѣдующаго Погребенко. При этомъ пожизненное содержаніе и погребеніе Ищенковой Общество принимало на себя, назначая на это доходы съ имущества г-жи Ищенковой, избранной въ дѣйствительные члены. Наблюденіе за постройкой страннопріимницы и составленіе плановъ для нея безвозмездно, подъ руководствомъ и ближайшемъ участіи таганрогскаго уполномоченнаго Общества И. И. Чайковскаго, принялъ на себя С. И. Гущинъ, а извѣстный художникъ-маринистъ И. К. Айвазовскій принесъ въ даръ для страннопріимницы образъ Спасителя, идущаго по

водамъ (2½ ар. высоты и 1½ ширины), для котораго былъ устроенъ кіотъ за 250 р. Нѣкто Т. К. Волгина въ тотъ же пріютъ пожертвовала иконы Спасителя и Божіей Матери (1¾×1), евангеліе, крестъ и кадильницу для часовни странопріимницы. Совѣтъ Общества разрѣшилъ снабдить часовню кругомъ богослужебныхъ книгъ и сдѣлать дополнительную раму къ иконѣ Спасителя. На устройство пріюта для 40 человѣкъ паломниковъ въ Таганрогѣ и на ремонтъ дома В. А. Ищенковой Общество затратило весьма значительныя денежныя средства и лишь къ 1890 г. могло привести его въ болѣе или менѣе удовлетворительный видъ, но и послѣ этого времени Таганрогскій пріютъ нерѣдко привлекалъ къ себѣ вниманіе Совѣта Общества и требовалъ новыхъ и иногда значительныхъ денежныхъ средствъ.

При наличіи въ Одессѣ вполнѣ благоустроенныхъ Аѳонскихъ подворій, въ которыхъ, какъ уже было выше отмѣчено, паломники находили всѣ необходимыя удобства для временнаго пребыванія, вниманіе Общества должно было поэтому направляться на другія стороны паломническаго быта. Такъ, напримѣръ, по желанію паломниковъ, предъ посадкою ихъ на пароходы для отправленія въ Палестину, установлено было служить сначала въ приморской церкви св. Николая чудотворца, а съ 1884 г. въ Успенской церкви, ближайшей къ подворьямъ Аѳонскихъ монастырей, напутственный молебенъ съ платою совершителямъ его по 3 р. всякій разъ, а въ общей сложности до 156 р. въ годъ. Затѣмъ одесскому уполномоченному о. протоіерею А. Н. Кудрявцеву поручено было составить „напутственное слово“ и распространить его путемъ печати среди паломниковъ. Въ словѣ этомъ говорилось

о цѣли паломничества, благочинномъ времяпрепровожденіи на пути въ Св. Землю и во все время пребыванія тамъ. Чтобы дать возможность грамотнымъ паломникамъ ознакомиться съ святынями православнаго Востока, куда они стремились, Общество открыло конкурсъ въ 1883 г. для составленія „Путеводителя въ Святую Землю для православныхъ простолюдиновъ богомольцевъ" и поручило его составленіе извѣстному духовному писателю протоіерею В. Я. Михайловскому [1]). Желая сдѣлать его вполнѣ доступнымъ по цѣнѣ для всякаго паломника и облегчить свои расходы по его печатанію, Общество выхлопотало 1000 р. на его изданіе у Палестинской Коммиссіи.

Опасаясь развитія среди нашихъ паломниковъ въ Св. Градѣ праздности и соединенныхъ съ нею разнаго рода пороковъ, вредно отзывающихся на нравственности, Общество пожелало въ свободное отъ богослуженій и посѣщеній время пріохотить ихъ къ чтенію религіозно-нравственныхъ книгъ. Съ этою цѣлью, при содѣйствіи о. архимандрита Антонина, оно рѣшилось устроить при миссіи складъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія и организовать продажу ихъ. Въ 1882 году отправлено было въ Палестину 1,222 книги самаго разнообразнаго содержанія, на сумму 152 р. 56 к. Спросъ на эти книги оказался весьма значительный и, по отчету Общества за первый годъ его существованія, было продано книгъ на 90 р. Въ 1883 г. это доброе дѣло затормозилось, по случаю кончины монаха Іосифа,

---

[1]) О. Михайловскій для провѣрки своего путеводителя, по совѣту арх. Антонина, предпринималъ въ 1888 г. на средства Общества путешествіе въ Палестину.

проводника паломниковъ, которому была поручена о. арх. Антониномъ и продажа книгъ, но потомъ снова наладилось и продолжалось довольно успѣшно нѣкоторое время. Въ 1884 г. Общество отправило въ Іерусалимъ 2 экз. Четій-Миней „для чтенія паломниковъ въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ страннопріимнаго дома“.

При открытіи Общества предполагалось, что назрѣвшая неотложная нужда въ надстройкѣ вторыхъ этажей надъ паломническими пріютами, хорошо сознаваемая и Коммиссіею, будетъ разрѣшена въ положительномъ смыслѣ и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени, но время шло, а насущная нужда оставалась по прежнему не удовлетворенною. Съ открытіемъ Общества и удешевленіемъ проѣзда въ Св. Землю число паломниковъ весьма значительно возрасло, а вмѣстѣ съ этимъ еще болѣе настоятельною становилась необходимость расширенія нашихъ пріютовъ въ Іерусалимѣ, которые не только оказывались до невозможности переполненными, но, что всего печальнѣе, приходилось отказывать въ помѣщеніи многимъ изъ нашихъ паломниковъ. Палестинскому Обществу volens nolens приходилось отступить отъ своего первоначальнаго намѣренія: „начинать тамъ свою заботу о паломникахъ, гдѣ кончается забота Коммиссіи“ и взять въ свои еще не окрѣпшія руки и эту тяжелую и даже непосильную для себя въ ту пору, при крайне ограниченныхъ своихъ денежныхъ средствахъ, задачу. Чтобы „всесторонне ознакомиться съ потребностями и жизнію святогробскихъ паломниковъ“, въ январѣ 1883 года Общество командировало въ Палестину извѣстнаго путешественника доктора А. В. Елисѣева, давъ ему наказъ „совершить путь въ об-

ществѣ поклонниковъ и прожить на мѣстѣ ихъ жизнію“ въ качествѣ „простого богомольца“. Плодомъ этой командировки явились обстоятельный докладъ А. В. Елисѣева о поѣздкѣ, прочитанный въ засѣданіи Общества 18 октября 1883 г., и затѣмъ прекрасная обстоятельная книга его „Съ русскими паломниками по Св. Землѣ весною 1883 г.“, имѣвшая въ свое время выдающійся успѣхъ среди читателей и не утратившая интереса и до настоящаго времени.

Въ засѣданіи Совѣта 9 февраля 1884 года, несомнѣнно подъ вліяніемъ названнаго доклада д-ра Елисѣева, по предложенію вице-предсѣдателя Ѳ. П. Корнилова, рѣшено было въ вопросѣ о расширеніи нашихъ странноприимныхъ заведеній взять Обществу инициативу на себя. „Не имѣя въ виду, чтобы Палестинская Коммиссія приступила на собственныя средства къ устраненію невыгодныхъ условій (недостаточная ихъ помѣстительность и невыгодныя гигіеническія условія, въ силу отсутствія бань, отхожихъ мѣстъ и сточныхъ трубъ) существующихъ странноприимныхъ домовъ, писало въ Коммиссію 12 февраля 1884 г. Палестинское Общество, расширеніемъ ли оныхъ и введеніемъ въ нихъ необходимыхъ приспособленій или возведеніемъ новыхъ домовъ, Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества постановилъ: предложить Палестинской Коммиссіи *свое* содѣйствіе, ассигновавъ на этотъ предметъ денежныя средства въ размѣрѣ до 50 тысячъ рублей, на одномъ изъ слѣдующихъ двухъ, по усмотрѣнію Коммиссіи, условій:

1) „Или передать этотъ капиталъ Коммиссіи заимообразно съ платою за оный ежегодно 6% и погашеніемъ его въ теченіе десяти лѣтъ.

2) Или принять на наше Общество производство необходимыхъ построекъ и приспособленіе на принадлежащемъ русскимъ мѣстѣ, но при условіи передачи въ хозяйственное завѣдываніе Общества страннопріимныхъ домовъ, какъ тѣхъ, которые вновь возведены будутъ, такъ и иныхъ, существующихъ на этомъ мѣстѣ".

Предложеніе это, переданное на заключеніе Б. П. Мансурова, было отвергнуто Палестинской Коммиссіей по слѣдующимъ основаніямъ. „Палестинская Коммиссія, говорится въ отвѣтѣ Обществу отъ 27 мая 1884 г., имѣвъ постоянно въ виду указываемыя нынѣ Совѣтомъ Православнаго Палестинскаго Общества потребности, давно совершила бы всѣ вышеупомянутыя сооруженія, если-бы постройка ихъ стоила только 50 тысячъ рублей, что Коммиссія могла бы произвести изъ имѣющихся въ ея распоряженіи суммъ; но такъ какъ намѣченные Совѣтомъ Общества расходы должны обойтись около 200 тысячъ рублей, какъ видно изъ письма члена Палестинской Коммиссіи статсъ-секретаря Б. П. Мансурова, коему въ 1860 году Высочайше порученъ былъ главный надзоръ за всѣми тогда производившимися постройками нынѣ существующихъ страннопріимныхъ заведеній, то, при недостаточности предлагаемыхъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ на сей предметъ 50 тысячъ рублей, Палестинская Коммиссія, согласно журнальному постановленію 8 сего мая, не можетъ принять этой ссуды. Что же касается до передачи русскихъ страннопріимныхъ заведеній въ завѣдываніе Православнаго Палестинскаго Общества на какихъ бы то ни было условіяхъ, то Палестинская Коммиссія не можетъ даже входить въ обсужденіе такого предположенія Совѣта

Палестинскаго Общества. Существующія страннопріимныя заведенія уже болѣе 20 лѣтъ составляютъ учрежденіе правительственное, признанное таковымъ и со стороны турецкаго правительства. Вслѣдствіе сего, изложенное во второмъ пунктѣ отношенія отъ 22 февраля № 147 предложеніе Совѣта Православнаго Палестинскаго Общества находится *въ прямомъ противорѣчіи* съ буквою и смысломъ всѣхъ Высочайше начертанныхъ учредительныхъ актовъ, на основаніи коихъ образована состоящая при Азіатскомъ Департаментѣ Палестинская Коммиссія, именно: для завѣдыванія всѣми русскими учрежденіями въ Палестинѣ".

Потерпѣвъ полную неудачу въ этихъ своихъ благихъ намѣреніяхъ и порывахъ по улучшенію помѣщеній для нашихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ, Палестинское Общество нашло „не безполезнымъ попробовать другой, болѣе дешевый способъ ихъ помѣщенія, именно въ киргизскихъ войлочныхъ кибиткахъ". „Если мы будемъ въ состояніи, говорится въ отчетѣ Общества за 188⁵/₆ годъ, на обширномъ дворѣ русскихъ построекъ поставить до 100 такихъ палатокъ, то мы дадимъ помѣщеніе новымъ 700 богомольцамъ, въ средней сложности онѣ всѣ обойдутся намъ съ доставкою приблизительно около 20 тысячъ рублей, а ежегодный ремонтъ обойдется не болѣе 4 тысячъ руб. Содержаніе людей, умѣющихъ разставлять и снимать ихъ, а также наблюдать за ихъ исправностью, обойдется до 1200 р., наконецъ, процентъ на затраченный капиталъ 1000 р. Общій ежегодный расходъ составитъ такимъ образомъ до 6200 р.; если затѣмъ съ богомольцевъ брать по 1½ р. въ мѣсяцъ, то вы увидите, что всѣ наши ежегодные

расходы будутъ покрыты“ [1]). Въ 1885 г. зимою рѣшено было произвести опытъ съ двумя кибитками, пожертвованными Обществу (даръ князя Шаховскаго), но опытъ этотъ оказался вполнѣ неудачнымъ, такъ какъ кибитки были признаны лишь „подспорьемъ на короткое время сильнаго наплыва богомольцевъ, служа помѣщеніемъ для тѣхъ изъ нихъ, которые *по годамъ своимъ и по привычкамъ могутъ переносить болѣе суровую обстановку*“ [2]). Приходилось такимъ образомъ снова серьезно думать объ устройствѣ удобнаго помѣщенія для нашихъ паломниковъ и изыскивать средства на ихъ сооруженіе. Успѣшному выходу изъ этого затрудненія содѣйствовали разрѣшенный Святѣйшимъ Синодомъ въ 1886 г. вербный сборъ, давшій въ руки Общества значительный приливъ денежныхъ средствъ, и поѣздка въ Палестину въ началѣ 1886 года съ паломническими цѣлями Д. Д. Смышляева, пермскаго уполномоченнаго Общества [3]).

Августѣйшій предсѣдатель, великій князь Сергій Александровичъ возложилъ на Д. Д. Смышляева предъ отправленіемъ въ Іерусалимъ нѣсколько порученій, исполненіе которыхъ лежало на нравственной обязанности Общества. Въ 1885 г. членъ-сотрудникъ А. Н. Журавлевъ внесъ въ Общество 1500 р. „для устройства въ русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ чайной“ и 2000 р. на „постройку бани и прачешной“, дѣйствительный членъ священникъ С. Троицкій—на устройство той же чайной 100 р. Такъ какъ Палестинская Коммиссія, въ которую направлено было Обществомъ

---

[1]) Отчетъ Прав. Палест. Общ. за 188⁵/₆ г., стр. 16—18. Спб. 1886 г.

[2]) Тамъ же, стр. 168.

[3]) См. подробнѣе о немъ въ брошюрѣ: „Памяти Д. Д. Смышляева“. Оттискъ изъ Пермск. губерн. вѣдом. 1893 г., №№ 100 и 101.

это пожертвованіе, не нашла возможнымъ приступить немедленно къ исполненію желанія жертвователей, то Палестинское Общество приняло уже на себя иниціативу въ этомъ добромъ дѣлѣ чрезъ своего довѣреннаго. Ознакомившись съ устройствомъ чайныхъ въ Россіи, Д. Д. Смышляевъ выписалъ въ концѣ марта 1886 г. водогрѣйный аппаратъ Новикова и со второго апрѣля, къ общей радости всѣхъ паломниковъ, аппаратъ, поставленный близъ цистерны противъ мужского пріюта на русскихъ постройкахъ, сталъ давать уже отъ 300 до 400 ведеръ кипятку въ день. Аппаратъ этотъ былъ пріобрѣтенъ на средства г-жъ Балихиной, пожертвовавшей 650 р., и Соболевой—150 р., при чемъ первая пожелала даже обезпечить капиталомъ и издержки на топливо для означеннаго аппарата, котораго, къ слову сказать, „требовалось весьма мало". Еврейскія чайныя, существовавшія близъ нашихъ построекъ и служившія для людей слабой воли нерѣдко большимъ соблазномъ, оказались безъ посѣтителей и прекратили свое существованіе.

Такъ какъ, за неимѣніемъ чистой воды, стоковъ для грязной и за отсутствіемъ подходящаго мѣста для постройки бани и прачешной на казенныхъ постройкахъ, исполненіе порученія относительно русской бани было на время отложено, то Д. Д. Смышляевъ вошелъ въ соглашеніе съ содержателемъ патріаршихъ бань близъ геѳсиманскихъ воротъ, который нашелъ возможнымъ два раза въ недѣлю отдавать бани въ пользованіе русскихъ паломниковъ за 40 сантимовъ или по 10 копѣекъ съ человѣка. Время для мытья назначено было съ 5 ч. утра до 5 часовъ вечера и предположительно за это время должны были вымыться отъ 500 до 600 человѣкъ.

Высадка нашихъ паломниковъ на берегъ въ Яффѣ сопровождалась со стороны мѣстныхъ лодочниковъ-арабовъ возмутительными вымогательствами и наглыми издѣвательствами надъ наивною простотою и нѣкоторою робостію, въ силу новизны положенія въ незнакомомъ мѣстѣ, нашихъ простецовъ паломниковъ. Чтобы избавить послѣднихъ отъ этихъ тяжелыхъ сценъ наглаго обирательства, чрезъ агента русскаго общества пароходства и торговли въ Яффѣ В. Н. Тимоѳеева, Д. Д. Смышляевымъ достигнуто было соглашеніе, чтобы лодочники съ каждаго паломника взимали опредѣленную плату по 25 к., а фургонщики, перевозившіе въ прежнее время до открытія желѣзной дороги багажъ и богомольцевъ, брали за дорогу до Іерусалима 1 р. 75 к. Общество вошло потомъ въ переговоры съ г. Тимоѳеевымъ о включеніи указанныхъ платъ въ стоимость паломническихъ книжекъ, при соотвѣтствующемъ увеличеніи цѣнъ этихъ книжекъ.

Вызывавшія уже давно нареканія и сопровождавшіяся, какъ мы знаемъ, матеріальнымъ ущербомъ для нашихъ особенно бѣдныхъ паломниковъ почтовыя сообщенія съ Іерусалимомъ были въ 1885 году урегулированы значительно къ лучшему. „Положеніе почтовой части въ Іерусалимѣ, какъ сообщилъ намъ еще д-ръ Елисѣевъ, находится въ безобразномъ видѣ, и поэтому еще въ Одессѣ,—писалъ В. Н. Хитрово М. П. Степанову 21 ноября 1884 года,—пришлось обратить на нее вниманіе. Откровенно скажу, что знакомство съ нею привело меня къ грустному сознанію, что *часть эта еще хуже*, чѣмъ я воображалъ. Оказывается, что всѣ денежные пакеты (вопреки самымъ элементарнымъ понятіямъ о почтовыхъ началахъ) не прини-

маются иначе русскимъ обществомъ отъ одесской почтовой конторы, какъ по повѣркѣ (чрезъ взрѣзаніе конверта) наличности денегъ и затѣмъ открытый пакетъ съ деньгами такъ и путешествуетъ до Іерусалима. Очевидно, что это одно уже подаетъ поводъ ко всѣмъ возможнымъ злоупотребленіямъ, не говоря о томъ, что тайна почтовая, долженствующая быть неприкосновенною, нарушается самымъ оффиціальнымъ образомъ. Милѣйшій В. Ѳ. Кожевниковъ ничего не нашелъ лучше, какъ вообразить, что все дѣло заключается въ томъ, чтобъ имѣть своего чиновника въ Іерусалимѣ для раздачи денежныхъ писемъ, и затѣмъ начался торгъ (по моему неприличный) между консуломъ и русскимъ обществомъ о содержаніи этого чиновника: первый требуетъ 120 турецкихъ лиръ, а второй даетъ 40 наполеоновъ. Мнѣ кажется, дѣло вовсе не въ большемъ или меньшемъ количествѣ денегъ, а въ самомъ порядкѣ. Консулъ отвѣчаетъ за своего чиновника и поэтому, въ случаѣ жалобы на него, понятно, старается его, а тѣмъ самымъ и себя, выгородить, жалобы же на его чиновника приносятся нашими паломниками, въ большинствѣ случаевъ безграмотными,—консулу, который можетъ его немедленно выпроводить. Понятно затѣмъ, какъ такія жалобы приносятся, какъ разбираются и какой результатъ даютъ. Въ виду этого я настаивалъ на двухъ вещахъ: или чтобъ русское общество имѣло бы своего агента для раздачи денежной корреспонденціи въ Іерусалимѣ, или о необходимости имѣть тамъ особаго почтоваго чиновника, зависящаго отъ одесской почтовой конторы. На первое Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флитъ ни за что не соглашается, говоря, что Общество *не имѣетъ никакого права имѣть своихъ агентовъ внѣ портовъ* (sic),

второе же—придется затѣмъ имѣть почтоваго чиновника въ Іерусалимѣ, но это длинная исторія: во-первыхъ, переговоры съ почтовымъ вѣдомствомъ— это еще устроится, но, во-вторыхъ, переговоры съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ — это будетъ труднѣе. Во всякомъ случаѣ за это придется приняться немедленно, по возвращеніи въ Петербургъ, собравъ еще свѣдѣнія о томъ же вопросѣ въ Яффѣ и Іерусалимѣ, но устроить это нужно." Въ виду описанныхъ неудобствъ, въ Совѣтѣ Общества въ октябрѣ мѣсяцѣ 1885 г. было постановлено: рекомендовать паломникамъ свою денежную корреспонденцію и посылки адресовать исключительно въ Петербургъ на имя Общества, которое чрезъ своего уполномоченнаго въ Одессѣ о. протоіерея А. Н. Кудрявцева и будетъ направлять ихъ почтою на имя Д. Д. Смышляева въ Іерусалимъ съ точнымъ указаніемъ именъ адресатовъ. Деньги же, адресованныя на имя о. протоіерея Кудрявцева непосредственно, въ случаѣ, если адресатъ не разысканъ въ Іерусалимѣ, по постановленію Совѣта 1886 г., хранились у него въ теченіе одного года, а затѣмъ передавались уже на храненіе въ Общество.

Но самымъ важнымъ результатомъ поѣздки въ Іерусалимъ Д. Д. Смышляева слѣдуетъ признать счастливое пріобрѣтеніе имъ на свое имя въ маѣ 1886 г. смежнаго съ русскими постройками участка земли въ 100 квадратныхъ сажень (мюлькъ) у турецкаго подданнаго Мусы Солимана Таннуса. Такое цѣнное пріобрѣтеніе въ Іерусалимѣ В. Н. Хитрово съ восторгомъ привѣтствовалъ въ письмѣ отъ 15 мая 1886 г. къ арх. Леониду. „Вы можете поздравить насъ, а въ этомъ числѣ и себя, говорится

въ этомъ письмѣ, *землевладѣльцами въ Іерусалимѣ*, гдѣ на дняхъ пріобрѣтено нами мѣсто близъ нашихъ русскихъ построекъ. *Теперь намъ руки развязаны и относительно паломниковъ*. Намъ не нужно испрашивать постоянно на все разрѣшеніе и также постоянно получать отказы, что же сдѣлаемъ — рѣшится съ пріѣздомъ Смышляева, и *теперь мы полные хозяева и въ состояніи показать, что намъ желательно и на что мы способны*".

Д. Д. Смышляевъ тамъ же на мѣстѣ въ Іерусалимѣ рѣшилъ, при помощи архитектора Франгіа, составить проектъ новаго подворья для 418 „поклонниковъ" простыхъ, нѣсколькихъ состоятельныхъ, для помѣщенія служащихъ въ Обществѣ, конторы, столовой для паломниковъ 3 класса, могущей быть и заломъ для религіозныхъ чтеній, кухни на 1000 человѣкъ, бани, пекарни для выпеканія въ теченіе сезона (отъ октября до апрѣля) 10,500 пудовъ хлѣба, водогрѣйной, прачешной, подваловъ, трехъ амбаровъ и конюшни. Въ отдѣленіи для состоятельныхъ паломниковъ предположено устроить столовую, буфетъ и гостиную, соединивъ ихъ съ номерами крытою галлереею, для простонародья—9 палатъ на 38—59 человѣкъ съ деревянными диванами на два лица, и въ восточномъ корпусѣ 14 комнатъ, на два лица каждая [1]). Три цистерны и садъ съ цвѣтникомъ дополняютъ задуманный проектъ. Вся постройка, кромѣ столовой 1 класса и службъ, двухъэтажная. Стоимость постройки опредѣлена въ 100,000 фр. Съ этими проектами Д. Д. Смышляевъ отправился въ іюлѣ въ Петербургъ и

---

[1]) По отчету $188^{5}/_{6}$ г. „пріютъ соображенъ на 15 помѣщеній 1 разряда и на 450 простыхъ паломниковъ" (стр. 170).

сдѣлалъ подробный докладъ въ Совѣтѣ Общества, который „нашелъ всѣ распоряженія Д. Д. цѣлесообразными и согласными съ предположеніями Общества“, выразилъ ему „глубокую и искреннюю благодарность“ и просилъ „принять званіе уполномоченнаго Общества въ Іерусалимѣ“ съ содержаніемъ въ 600 франковъ въ мѣсяцъ и, въ виду выраженнаго согласія, „вновь отправиться въ возможно непродолжительномъ времени въ Іерусалимъ для довершенія начатаго имъ“. Что касается сооруженія подворья и службъ при немъ, то рѣшено было въ засѣданіи 11 іюня 1886 г., „приступить немедля, примѣняясь къ плану, составленному архитекторомъ Франгіа, къ возведенію предполагаемыхъ построекъ, начавъ прежде всего съ хозяйственной части оныхъ, а затѣмъ для помѣщенія благородныхъ и простыхъ паломниковъ, насколько позволятъ средства, ассигнованныя Обществомъ въ количествѣ до 60,000 руб.“.

Вернувшись въ Іерусалимъ 4 сентября, Д. Д. Смышляевъ, по полученіи разрѣшенія отъ мѣстной власти, 5 октября приступилъ къ работамъ и 29 октября устроилъ торжественную закладку новаго подворья Общества. Работы продолжались до 5 декабря безостановочно, когда наступили зимніе дожди. За это время вырыты ямы для большой цистерны и погреба, выведенъ фундаментъ для стѣнъ восточнаго корпуса, устроено временное зданіе на русскихъ постройкахъ для водогрѣйнаго аппарата, тамъ же кузница для выдѣлки желѣзныхъ скобокъ для скрѣпленія камней при кладкѣ и для другихъ потребностей на русскихъ страннопріимныхъ зданіяхъ и въ сѣверной оградной стѣнѣ русскихъ построекъ калитка для соединенія участка Общества съ на-

шими страннопріимными заведеніями. Послѣ вторичной поѣздки въ Россію въ концѣ декабря 1886 г., когда увеличена была смѣта на постройку до 278,710 франковъ, и по возвращеніи въ Іерусалимъ, съ марта 1887 по 1 января 1888 г. продолжались работы. За это время подъ южнымъ корпусомъ окончены большая цистерна и подвалъ, вчернѣ закончена цистерна для бани, прачешной и поливки сада, устроены выгребныя ямы и отхожія мѣста, подвалы для склада каменнаго угля, выстроенъ нижній этажъ восточнаго корпуса съ воротами на сѣверо-востокъ и нижній этажъ восточнаго корпуса, отдѣлана столовая 3 класса, въ помѣщеніи для службъ настланы полы, въ нижнемъ этажѣ помѣщенія, первоначально предположеннаго для поклонниковъ 1 класса, а потомъ передѣланнаго для поклонниковъ 3 класса, уложены балки для потолковъ, окончены постройкою 2 амбара съ сушильнею для бѣлья, вчернѣ окончена баня и прачешная и на восточномъ углу изъ бѣлаго и блѣдно-розоваго камня устроена башня съ лѣстницею на площадку, съ которой открывается роскошный видъ на окрестности Іерусалима. Такимъ образомъ наиболѣе трудныя и дорогія работы по сооруженію подворья были закончены. Трудность работъ заключалась въ томъ, что матеріалъ для построекъ, ради дешевизны, пріобрѣтался большею частію за границею: желѣзныя балки въ Бельгіи, кирпичъ въ Италіи, оконные и дверные приборы въ Марсели и Одессѣ. Вся обстановка подворья закупалась въ Тріестѣ, куда въ 1888 г. былъ спеціально командированъ строитель подворья Д. Д. Смышляевъ. Предположенная постановка дивановъ-кроватей въ номерахъ 3 разряда, по справкѣ съ мѣстными цѣнами, оказалась „слишкомъ дорогою“,

и диваны были замѣнены желѣзными кроватями. Измѣненія потребовались и въ самомъ планѣ построекъ. Въ 1887 году, 27 мая, Д. Д. Смышляевъ просилъ дозволенія вывести вторые этажи надъ столовой, буфетомъ и гостинной 1 разряда съ цѣлью устроить библіотеку сочиненій о Палестинѣ, причемъ Д. Д. жертвовалъ и свою библіотеку по палестиновѣдѣнію и музей палестинскихъ древностей. Разрѣшеніе послѣдовало, и на эти измѣненія ассигновано было 380,000 франковъ. Въ 1888 г. работы продолжались, но были все еще далеки отъ конца. Посѣтившій въ этомъ году Іерусалимъ В. Н. Хитрово, въ письмѣ отъ 6 іюня 1888 года, даетъ о подворьѣ весьма утѣшительные отзывы. Фотографіи, постоянно присылавшіяся въ Общество и наглядно говорившія его членамъ о ростѣ воздвигаемыхъ сооруженій, по словамъ его, „отчасти даютъ о немъ понятіе. Скажу одно, что оно далеко лучше фотографій. Сожалѣю объ одномъ, что Великій Князь не увидитъ ихъ вполнѣ оконченными. Въ день нашего отъѣзда въ Назаретъ въ нихъ помѣстилась *первая на нихъ паломница* графиня Путятина, чему я крайне былъ радъ и доволенъ“. Въ новомъ подворьѣ Д. Д. Смышляевъ устроилъ временную столовую для дѣятелей палестинскихъ школъ, съѣхавшихся на съѣздъ въ Іерусалимъ, а затѣмъ и самъ перебрался сюда же на постоянное жительство. Но въ общемъ работы на постройкахъ шли медленно, въ виду недостатка тесаннаго камня, нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ явленій (отсутствіе дождя), а главнымъ образомъ благодаря частымъ столкновеніямъ и непріятностямъ съ консуломъ Д. Н. Бухаровымъ, много мѣшавшимъ правильному ходу построекъ. Окончаніе нашихъ построекъ

предположено было завершить къ паломническому сезону 1889 года. „Получилъ ваше письмо отъ 20 іюля, писалъ Д. Д. Смышляевъ М. П. Степанову, но успокоюсь, когда Бухаровъ точно уѣдетъ отсюда въ Стокгольмъ, а пока онъ здѣсь, отъ него много еще можно ожидать дурного. Вообще я очень выбился изъ силъ, а потому только дождусь Великаго Князя, а потомъ прошу уволить меня отъ должности уполномоченнаго Общества въ Іерусалимѣ, ибо *не имѣю болѣе силъ продолжать борьбу съ врагами...* Я болѣлъ, насилу могъ написать это письмо. Моего слугу консулъ не велѣлъ пускать на казенныя постройки даже за полученіемъ съ почты моихъ писемъ. Не могу долѣе выносить такое положеніе и еще разъ прошу уволить меня, послѣ отъѣзда Великаго Князя, т. е. въ октябрѣ". И дѣйствительно, мы знаемъ, что, благодаря своему нервному и впечатлительному характеру, сдѣлавшему его пребываніе въ Палестинѣ невыносимымъ, Дмитрій Дмитріевичъ, по окончаніи построекъ, покинулъ Іерусалимъ и 7 октября 1889 г. вернулся въ родную Пермь, гдѣ и скончался 15 ноября 1893 г., оплаканный почитателями его, горячо любившими Св. Землю. Самый фактъ удаленія его изъ Іерусалима признавался однимъ изъ неизмѣнныхъ его почитателей В. Н. Хитрово за крупную потерю для Общества. „Бухаровъ здѣсь и ѣдетъ ли въ Іерусалимъ—не вѣдаю, писалъ онъ арх. Леониду еще 18 декабря 1887 г. Здѣсь же Смышляевъ, про котораго также не могу сказать—возвращается ли онъ въ Іерусалимъ. *Это для насъ крупная потеря.* Что будешь дѣлать? Ни замѣстить его не берусь, не могу и бросить начатаго въ Іерусалимѣ. Для меня совершенно безразлично—вернется ли Бухаровъ или нѣтъ. Полагаю,

что, начиная отъ Дорогобужинова и кончая Бухаро̀вымъ и чрезъ длинный рядъ ихъ наслѣдниковъ—всѣ они одного поля ягоды, и отъ всѣхъ отъ нихъ пользы не дождешься не только для насъ, но и вообще для русскаго дѣла... Иное дѣло для насъ іерусалимскіе уполномоченные: пошлешь такого, что потомъ не расхлебаешь каши. Съ помощью Божіею будемъ биться, пока силы хватитъ".

Общество, проникнутое горячимъ желаніемъ всячески урегулировать вопросъ о проводникахъ изъ духовныхъ лицъ и содѣйствовать возможно лучшей и правильной постановкѣ нравственно-религіозныхъ чтеній для народа, признало въ 1885 г. необходимымъ ходатайствовать объ усиленіи состава русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, такъ какъ никому изъ наличнаго состава миссіи нельзя было поручить указанныхъ обязанностей. Предполагалось, между прочимъ, привлечь въ Іерусалимъ окончившихъ курсъ въ Казанской духовной академіи на миссіонерскомъ отдѣленіи, чтобы послѣдніе начали свою практическую дѣятельность въ Св. Землѣ среди нашихъ соотечественниковъ. „Увеличеніе духовной миссіи пока *2-мя* сверхштатными членами, съ содержаніемъ ихъ отъ Палестинскаго Общества и находящимися въ исключительномъ вашемъ подчиненіи, писалъ М. П. Степановъ 5 февраля 1887 г. арх. Антонину, увѣнчалось успѣхомъ. Съ вашего согласія, на одно изъ этихъ мѣстъ представленъ священникъ Александръ Анисимовъ. Желательно было бы скорѣйшее замѣщеніе второго члена. Старшему сверхштатному члену назначено, согласно вашему предположенію, содержаніе въ годъ 1000 р. золотомъ, второму 750 р. золотомъ и 250 р. на ихъ разъѣзды. Считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ

высказать вамъ пожеланія Его Императорскаго Высочества, обусловливающія со стороны Общества такія жертвы. Оба сверхштатные члена должны преимущественно быть употреблены *для духовныхъ бесѣдъ и чтеній съ паломниками*; *они же должны сопровождать* по всѣмъ святынямъ или, по крайней мѣрѣ, до воротъ святынь. Имъ должно быть строго внушено, чтобы они не касались и не вмѣшивались ни до какихъ денежныхъ разсчетовъ, а тѣмъ болѣе, чтобы, подъ страхомъ немедленнаго увольненія, они не смѣли брать съ паломниковъ въ свою пользу ни денегъ, ни какихъ-либо вещей. Такъ какъ они находятся въ полномъ и непосредственномъ подчиненіи вашемъ, то отъ васъ будетъ зависѣть разрѣшеніе имъ совершать или не совершать требы, но считаю необходимымъ сообщить, что о. Александръ Анисимовъ предваренъ о томъ, что онъ требъ совершать не будетъ. Такъ какъ, повторяю, оба сверхштатные члена, служащіе къ увеличенію миссіи, подчинены вполнѣ вамъ, то отъ вашего благосклоннаго содѣйствія будетъ зависѣть и та польза отъ нихъ, которую Общество ожидаетъ. Ни переписываться непосредственно съ ними, ни передавать имъ свои пожеланія Общество не считаетъ себя въ правѣ, а потому надѣется, что вы направите ихъ къ исполненію той цѣли, для которой они присланы. Главная ихъ обязанность, чтобы въ теченіе паломническаго періода, съ 15-го сентября и по Лазареву субботу, еженедѣльно, въ теченіе 2 часовъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, они читали для народа одинъ часъ священную исторію, исторію первыхъ вѣковъ христіанства и житія святыхъ, а другой часъ описаніе Св. Земли и другихъ восточныхъ и русскихъ святынь. Во всякомъ случаѣ

не сомнѣваюсь, что вы употребите все стараніе, чтобы устроить это новое дѣло возможно лучше и не откажетесь вашимъ заступничествомъ облегчить сверхштатнымъ членамъ первое время ихъ пребыванія во Св. Градѣ".

Чтенія для паломниковъ устроены были Обществомъ въ виду того, что вечера поклонниковъ, ничѣмъ не занятые, проходятъ большею частью въ пересудахъ и пустой болтовнѣ. Дать имъ какую-либо умственную пищу на эти именно часы было болѣе, чѣмъ желательно. Кромѣ того, эти чтенія отчасти могли сообщить поклонникамъ знаніе священной и церковной исторіи, которыя рѣдкіе изъ нихъ когда-либо слышали. Чтенія иллюстрировались, при пособіи волшебнаго фонаря, туманными картинами, коллекція которыхъ, свыше 700, была пріобрѣтена Обществомъ для этой цѣли. Требованія отъ этихъ чтеній у Общества были довольно скромныя: „если даже и одинъ изъ тысячи поклонниковъ вынесетъ что-либо для себя полезное изъ услышаннаго, то и этимъ окупится трудъ и расходы по этимъ чтеніямъ".

Къ сожалѣнію, на это дѣло иначе взглянулъ покойный о. арх. Антонинъ, которому назначеніе о. Анисимова въ Іерусалимъ въ качествѣ сверхштатнаго члена миссіи не пришлось по душѣ. О. Антонинъ отказалъ ему въ помѣщеніи въ стѣнахъ миссіи, и благодаря лишь усиліямъ Д. Д. Смышляева, о. Анисимовъ нашелъ себѣ пріютъ въ новомъ подворьѣ Палестинскаго Общества. Повидимому, не вполнѣ сочувствовалъ о. архимандритъ и чтеніямъ о. Анисимова и исполненію имъ обязанностей провожатаго паломниковъ. „*Представленія* съ волшебнымъ фона-

ремъ съ объясненіями и чтеніями, выражается о дѣятельности о. Анисимова арх. Антонинъ въ письмѣ къ В. Н—чу 20 января 1888 г.: *идутъ хорошо* [1]). *О. Анисимовъ усердно водитъ поклонниковъ* (какъ и слѣдовало ожидать), но подпалъ нареканію въ томъ, что уговариваетъ ихъ въ классическомъ: „не давать грекамъ денегъ". За эти свои труды о. Анисимовъ, по ходатайству Общества, былъ награжденъ отъ Св. Синода наперснымъ крестомъ. Эта награда, не заслуженная, по мнѣнію о. архимандрита Антонина, о. Анисимовымъ, еще болѣе возбудила нерасположеніе послѣдняго къ своему сверхштатному члену, на мѣстѣ котораго о. арх. Антонинъ предпочительнѣе желалъ видѣть или поклонника о. іеродіакона Терентія, „живого, подвижнаго малаго, уже водившаго (по приглашенію Бухарова) поклонниковъ по св. мѣстамъ, обруганнаго за то патріархомъ... и даже понесшаго запрещеніе въ священослуженіи" [2]), или хотя и почтеннаго и трудолюбиваго о. іеромонаха (нынѣ игумена) Парѳенія, весьмѣ любимаго покойнымъ о. Антониномъ, но совершенно не подходящаго къ этой обязанности по своему образованію. Нерасположеніе о. начальника миссіи, непріятности съ патріархіею и греческимъ духовенствомъ, а быть можетъ и „неподготовленность" къ трудной и тяжелой обязанности духовнаго руководителя для человѣка не первой молодости, побудили этого „лучшаго" чтеца покинуть Іерусалимъ. „Къ сожалѣнію, при всемъ

[1]) Чтенія открылись 20 декабря 1887 г. въ столовой III класса на Сергіевскомъ подворьѣ и привлекли на первый разъ до 600 слушателей, число которыхъ потомъ стало сокращаться.

[2]) Письмо арх. Антонина къ В. Н. Хитрово 11 ноября 1887 г.

своемъ стараніи, говорится по поводу чтеній въ Палестинѣ и водительства паломниковъ въ отчетѣ 1888—1890 гг., Обществу до сихъ поръ не удалось привлечь къ дѣлу хорошаго чтеца изъ лицъ духовнаго званія». О. Анисимова смѣнилъ въ 1889—90 гг. монахъ Ѳеодосій, а на его мѣсто былъ посланъ іеромонахъ Алексаноро-Невской лавры о. Михаилъ съ правомъ проживать на новомъ подворьѣ и съ обязательствомъ вести религіозно-нравственныя чтенія, но съ освобожденіемъ отъ водительства паломниковъ по св. мѣстамъ. «Что касается до вожденія поклонниковъ, писалъ по этому поводу арх. Антонину М. П. Степановъ 19 іюля 1890 г., то, при нынѣ существующемъ порядкѣ онаго, *присутствіе при этомъ духовнаго лица есть не болѣе, какъ униженіе для сего послѣдняго*, поэтому мы бы полагали впредь до устройства этого дѣла вполнѣ воздержаться отъ назначенія духовнаго лица при вожденіи поклонниковъ, *довольствуясь контролемъ пока свѣтскихъ лицъ*», т. е. кавасовъ, состоящихъ на службѣ Общества. О. Михаилъ, однако же, недолго пробылъ въ Іерусалимѣ и въ январѣ 1891 года передалъ обязанности руководителя бесѣдъ тому же о. Ѳеодосію, котораго онъ вызванъ былъ смѣнить...

Не были упущены Обществомъ изъ вниманія даже и такія потребности быта паломниковъ, какъ конфискація пріобрѣтенныхъ ими въ Палестинѣ предметовъ (напр., иконъ, картинъ, рисунковъ и т. п.) одесскою таможенною администраціею. Общество ходатайствовало передъ министромъ финансовъ «о смигченіи досмотра» багажа нашихъ паломниковъ, при ихъ вазвращеніи на родину.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

